МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2018 **№ 11**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О. И., д-р юрид. наук, доц.; Воронин О.В., канд. юрид. наук, доц. (отв. секретарь); Елисеев С.А., д-р юрид. наук, проф. (председатель редколлегии); Мариничева А.Ю. (технич. секретарь); Свиридов М.К., д-р юрид. наук, проф.; Уткин В.А., д-р юрид. наук, проф. (главный редактор); Филимонов В.Д., д-р юрид. наук, проф.; Шеслер А.В., д-р юрид. наук, проф.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А., д-р юрид. наук, проф. (Омск); Ахмедшин Р.Л., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Барабаш А.С., д-р юрид. наук, проф. (Красноярск); Ведерников Н.Т., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Голик Ю.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Головко Л.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Гришко А.Я., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, проф. (Омск); Зникин В.К., д-р юрид. наук, проф. (Кемерово); Николюк В.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Прозументов Л.М., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Самович Ю.В., д-р юрид. наук, доц. (Кемерово); Селиверстов В.И., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Серкан Айян (Измир, Турция); Скаков А.Б., д-р юрид. наук, профессор (Астана, Республика Казахстан); Смолькова И.В., д-р юрид. наук, проф. (Иркутск); Стойко Н.Г., д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург); Уткин В.А., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Халиулин А.Г., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Черненко Т.Г., д-р юрид. наук, проф. (Кемерово).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие нового журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистов – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:
634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция»
E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет:
http://journals.tsu.ru/crimjust/

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите:
http://www.elibrary.ru

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета
Редактор Н.И. Шидловская; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелоюр; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 22.06.2018 г. Формат 60x80 1/8. Усл.-печ. л. 24,8. Тираж 500 экз. Заказ № 3227. Цена свободная.

Дата выхода в свет 29.06.2018 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: http://publish.tsu.ru. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции ... 7

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Андреева О.И., Григорьев В.Н., Зайцев О.А., Трубникова Т.В. Стадия возбуждения уголовного дела: созданы ли достаточные гарантии от злоупотребления правом? ... 9
Азаров В.А., Беккер Т.А. Контрольно-проверочные стадии уголовного производства как средства выявления и исправления судебных ошибок ... 15
Аширбекова М.Т. О двух истинах в уголовном процессе ... 20
Баранов А.М. О цели доказывания в современном уголовном процессе России ... 23
Брыляков С.П., Диваев А.Б. О перспективах развития досудебного производства в российском уголовном процессе ... 29
Воронин О.В. О понятии, содержании, типах, видах и сложившихся моделях экстрадиции ... 37
Желева О.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе как способ противодействия достижению объективной истины по делу ... 41
Жестовская Д.А., Тузов А.Г. От защиты публичного интереса к защите интереса потерпевшего ... 46
Зайцева Е.А., Васильева Л.Р. Роль специальных познаний в решении задач стадии исполнения приговора ... 52
Качалова О.В., Беляев М.В. К вопросу об активности суда в состязательном уголовном судопроизводстве ... 57
Кудрявцева А.В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства ... 61
Мезинов Д.А. О спорных положениях, закрепляющих полномочия прокурора – государственного обвинителя в судебном разбирательстве ... 65
Михайлов А.А. Принцип непосредственности как метод исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел ... 68
Нехороших М.Е. Направления совершенствования кассационного производства в уголовном процессе России ... 79
Николюк В.В. Возмещение осужденному вреда, причиненного незаконным содержанием под стражей при отмене условного осуждения ... 84
Печников Г.А. О диалектическом и софистическом подходах в уголовном процессе (на основе «Науки логики» Гегеля) ... 90
Попов Д.П. Теоретические и эмпирические проблемы определения процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве ... 95
Пиюк А.В. Освобождение от уголовной ответственности с уплатой судебного штрафа: проблемы и перспективы применения процессуального института ... 99
Рукавишникова А.А. Возможные перспективы развития системы обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе при реализации проекта федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» ... 103
Смирнова И.Г., Казарина М.И. Принцип независимости судей в уголовно-процессуальном праве: теоретико-методологический аспект исследования ... 108
Шагинян А.С., Мушегов Р.В. Особенности деятельности следователя (дознавателя) до возбуждения уголовного дела ... 114
Ясельская В.В., Грищенко А.В. Состязательная деятельность защитника на этапе формирования коллегии присяжных заседателей ... 119

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Валеев М.Т. Цели системы уголовных наказаний и средства их достижения ... 124
Каданева Е.А. Конкуренция уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера ... 131
Карелин Д.В. К вопросу о субъекте преступлений по делам о криминальном банкротстве ... 136
Куклин Д.С. Особенности мошенничества в сфере трудовых правоотношений ... 139
Малетина М.А. Преступная причастность к самоубийству несовершеннолетних: сравнительно-правовой анализ законодательства России, стран СНГ и Балтии ... 141
Плаксина Т.А. Практика назначения наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ) ... 145
Прозументов Л.М. Групповое преступление в науке уголовного права и действующем уголовном законодательстве России ... 152

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Михеенков Е.Г. Социальное обеспечение сотрудников пенитенциарной системы Западной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) ... 156
Новиков Е.Е. Теоретико-правовые основы классификации юридических фактов в уголовно-исполнительном праве ... 160
Обернихина О.В. Теоретико-правовые основы организации контроля за лицами, отбывающими наказания без изоляции от общества ... 167
Симоненко А.В. Задержание осужденных как правовое состояние ... 170
Уваров О.Н. Применение понятий «регистрация» и «явка» при исполнении наказаний и мер, не связанных с изоляцией осужденных от общества ... 175

Усеев Р.З. Места размещения (проживания) осужденных к лишению свободы: проблемы правового регулирования и идентификации жилых помещений 178

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Воронин О.В. О сущности современного прокурорского надзора 183
Мариничева А.Ю. О некоторых проблемах вознаграждения прокурорских работников в связи с осуществлением ими служебных полномочий 190

КРИМИНОЛОГИЯ

Ботвин И.В. Особенности криминологической характеристики корыстной преступности (по материалам Алтайского края) 194
Дроздов И.С. Рецидив как критерий эффективности наказаний, не связанных с лишением свободы 200
Писаревская Е.А. О некоторых криминологически значимых показателях преступности несовершеннолетних в Российской Федерации 206

КРИМИНАЛИСТИКА

Выстропов В.Г. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности 210

Сведения об авторах 214

CONTENTS

From the Editor 7

CRIMINAL PROCEDURE

Andreeva O.I., Grigoriev V.N., Zaytsev O.A., Trubnikova T.V. The stage of a criminal case initiation: are there sufficient guarantees from abuse of right? 9
Azarov V.A., Bekker T.A. Verification stages of criminal proceedings as means of identification and correction of judicial errors 15
Ashirbekova M.T. On the two truths in the criminal procedure 20
Baranov A.M. On the purpose of proof in the modern criminal procedure of Russia 23
Brylyakov S.P., Divaev A.B. On development perspectives of pre-trial proceedings in the Russian criminal procedure 29
Voronin O.V. On the concept, content, types, kinds and existing models of extradition 37
Zheleva O.V. Abuse of right in the criminal procedure as a way to counteract obtaining objective truth in a case 41
Zhestovskaya D.A., Tuzov A.G. From protecting public interest to protecting the victim's interest 46
Zaytseva E.A., Vasilieva L.R. The role of special knowledge in the solution of tasks of sentence execution 52
Kachalova O.V., Belyaev M.V. On the activity of the court in adversarial criminal proceedings 57
Kudryavtseva A.V. Justification of a court decision as a component of a fair trial 61
Mezinov D.A. On controversial provisions that consolidate the powers of the public prosecutor in a trial 65
Mikhaylov A.A. The principle of immediacy as a method of examination of evidence in criminal proceedings 68
Nekhoroshikh M.E. Ways to improve cassation proceedings in the criminal procedure of Russia 79
Nikolyuk V.V. Compensation to the convict for the harm caused by unlawful detention in the event of probation revocation 84
Pechnikov G.A. On dialectical and sophistic approaches in the criminal procedure (based on Hegel's *Science of Logic*) 90
Popov D.P. Theoretical and empirical problems of determining the procedural function of the investigator in criminal proceedings 95
Piyuk A.V. Exemption from criminal liability with payment of judicial penalty: problems and prospects of the procedural institution application 99
Rukavishnikova A.A. Possible prospects of the development of the system of appeal and verification of court decisions in the criminal procedure under the implementation of the draft Federal Constitutional Law "On Amendments to the Federal Constitutional Laws in Connection with the Establishment of Cassation Courts and Appellate Courts of General Jurisdiction" 103
Smirnova I.G., Kazarina M.I. Independence of judges in the criminal procedure law: theoretical and methodological aspect of study 108
Shaginyan A.S., Mushegov R.V. Features of the investigator's (inquirer's) activity before the criminal case initiation 114
Yaselskaya V.V., Grishchenko A.V. Adversarial activity of the defender at the stage of the jury formation 119

CRIMINAL LAW

Valeev M.T. Objectives of the criminal penalty system and means of their achievement 124
Kadaneva E.A. Competition of criminal penalties and other measures of penal liability 131
Karelin D.V. On the subject of criminal bankruptcy 136
Kuklin D.S. Peculiarities of fraud in labour relations 139
Maletina M.A. Criminal involvement in juvenile suicide: comparative and legal analysis of legislations of Russia, CIS and Baltic States 141
Plaksina T.A. Appointment of punishment for deliberate infliction of grievous bodily harm that negligently caused death of the victim (Part 4, Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation) 145
Prozumentov L.M. Group crime in the criminal law and Russian current criminal legislation 152

CRIMINAL AND PENAL LAW

Mikheenkov E.G. Social security of the penitentiary system employees in Western Siberia during the Civil War (1918–1919) 156
Novikov E.E. Theoretical and legal bases of classification of juridical facts in the penal law 160
Obernikhina O.V. Theoretical and legal bases of the organisation of control over people sentenced to punishment without isolation from society 167
Simonenko A.V. Detention of convicts as a legal status 170
Uvarov O.N. The application of the concepts "registration" and "appearance" in the execution of punishments and measures not related to the isolation of convicts from society 175
Useev R.Z. Places of accommodation (residence) of prisoners sentenced to deprivation of liberty: Problems of legal regulation and identification of living quarters 178

PROSECUTOR SUPERVISION

Voronin O.V. On modern prosecutor's supervision 183
Marinicheva A.Yu. On some problems of remuneration of prosecutors in connection with their official powers 190

CRIMINOLOGY

Botvin I.V. Criminological characteristics of mercenary crimes (a case study of the Altai Territory) 194
Drozdov I.S. Recidivism as a criterion for the effectiveness of penalties not related to deprivation of liberty 200
Pisarevskaya E.A. On some criminologically significant indicators of juvenile delinquency in the Russian Federation 206

FORENSIC SCIENCE

Vystropov V.G. Criminalistic analysis of the subjects of crimes connected with the organisation of extremist activity 210

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI 10.17223/23088451/11/1

Редакция журнала «Уголовная юстиция», коллектив Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета и кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности поздравляют члена редакционной коллегии журнала заслуженного профессора Томского государственного университета, заслуженного юриста РФ, члена-корреспондента СО АН ВШ, действительного члена МАН ВШ, действительного члена Академии социальных наук, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Михаила Константиновича Свиридова с 80-летним юбилеем.

10 января 2018 года Михаилу Константиновичу исполнилось 80 лет. Более 55 лет юбиляр посвятил Томскому государственному университету и уголовному процессу. Будучи заведующим кафедрой, профессором, проректором, ректором Томского государственного университета, он оставался руководителем научной школы.

М. К. Свиридов – известный ученый, признанный специалист в области уголовного процесса, один из основателей томской научной школы процессуалистов, специалистов в области уголовного процесса, которая признана и известна в России и за ее пределами. Ученики М.К. Свиридова работают во многих крупнейших университетах России, возглавляют кафедры юридических вузов, являются квалифицированными специалистами.

Еще будучи студентом, Михаил Константинович активно занимался научно-исследовательской работой. Его дипломная работа на тему «Правовое положение следователя» выполнена была под руководством А.А. Любавина.

В 1960–1970-х годах Михаил Константинович занимался исследованием проблем порядка условно-досрочного освобождения от наказания. В последующие годы в сфере его научных интересов находились уголовно-процессуальные аспекты проблем исполнения приговоров. Михаил Константинович выяснял сущность и предмет уголовно-процессуальной деятельности по исполнению приговора. В 1982 году М.К. Свиридов защитил докторскую диссертацию на тему «Сущность и предмет стадии исполнения приговора». В диссертации Михаил Константинович сформулировал совокупность признаков, характеризующих предмет уголовно-процессуальной деятельности по исполнению приговора. На

их основании к стадии исполнения приговора он предложил отнести следующие виды деятельности: обращение приговоров к исполнению; реализацию содержащихся в приговоре решений по процессуальным вопросам, завершающим судопроизводство; корректирование решений приговора о наказании. Все другие виды деятельности, например разрешение сомнений и неясностей приговора, устранение его несущественных пробелов и ошибок, определение наказания по совокупности приговоров, на взгляд М.К. Свиридова, не соответствуют сущности уголовно-процессуального опосредствования реализации наказания и не должны находиться в стадии исполнения приговора. Уголовно-процессуальная деятельность исследована им и с позиций оценки ее критериям эффективности. С начала 1990-х годов научные интересы М.К. Свиридова сместились в сторону исследования механизма уголовно-процессуального регулирования, его реформирования в условиях построения правового государства, изучения проблемных вопросов охраны прав и свобод личности в уголовном процессе. Эти проблемы входят в сформировавшееся на кафедре уголовного процесса научное направление «Обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве», которым руководит Михаил Константинович.

В настоящее время М. К. Свиридов – автор более 150 научных работ, в том числе 2 монографий.

Коллеги, ученики, редколлегия журнала «Уголовная юстиция» желают Михаилу Константиновичу здоровья, счастья, радости жизни, творческих успехов!

В данном выпуске журнала мы представляем статьи, посвященные научному вкладу и научным интересам Михаила Константиновича, чем выражаем ему наше глубокое уважение и благодарность!

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343 DOI 10.17223/23088451/11/2

О.И. Андреева, В.Н. Григорьев, О.А. Зайцев, Т.В. Трубникова

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: СОЗДАНЫ ЛИ ДОСТАТОЧНЫЕ ГАРАНТИИ ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ?

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект № 16-03-00413.

Проблема необходимости стадии возбуждения уголовного дела рассмотрена в статье с позиции вопроса о том, решает ли стадия возбуждения уголовного дела в своем нынешнем виде стоящие перед ней задачи. Сделан вывод о том, что первоначальный этап уголовного судопроизводства нуждается не в точечных изменениях, а в продуманной и системной реформе. Гражданскому обществу, законодателю должна быть предложена система сдержек и противовесов при начале уголовного преследования.

Ключевые слова: *возбуждение уголовного дела, злоупотребление дискреционными полномочиями, злоупотребление правом.*

В течение длительного времени актуальным как для теории, так и для практики является вопрос о системе уголовного процесса, его стадиях [1, с. 166–170], в том числе о стадии возбуждения уголовного дела, ее необходимости и содержании, способности обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства [2, 3].

Неоднократно в нормы, регламентирующие порядок проверки основания к возбуждению уголовного дела, вносились изменения и дополнения. Наиболее значимые изменения, касающиеся содержания этапа возбуждения уголовного дела, его субъектов, их правового положения, были внесены в 2013 г.

Эти новеллы неоднозначно были восприняты юридическим сообществом, занимающимся проблемами уголовно-процессуального права. Так, В.А. Азаров положительно воспринял изменения порядка проверки основания возбуждения уголовного дела, указав, что «сегодняшняя система процессуальных средств оптимальная» [4, с. 15]. В то же время Л.М. Володина отметила необходимость отказаться от стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 15]. Не обошел этот проблемный вопрос и М.К. Свиридов, полагающий, что порядок проверки основания к возбуждению уголовного дела нуждается в четком урегулировании [3, с. 67].

Вопрос о необходимости стадии возбуждения уголовного дела и процессуальных средствах проверки основания для начала уголовного преследования лица имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Как совершенно правильно отмечает М.К. Свиридов, определить, нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса, можно, выяснив, есть ли у данной стадии своя самостоятельная задача, каково ее содержание и возможно ли ее выполнение совокупностью средств другой стадии [3, с. 62].

Выделение самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела (УПК РСФСР 1960 г.) было вызвано необходимостью усиления правовой защищенности личности, попавшей в сферу уголовного процесса на первоначальном этапе уголовного судопроизводства, где законное и обоснованное решение о возбуждении уголовного дела не только формировало у населения представление о новых средствах борьбы с преступностью, но и служило правовым основанием для применения предусмотренных законом мер процессуального принуждения и производства следственных действий (исключение – осмотр места происшествия) [6, с. 22]. Для этого периода были характерны усиление прокурорского надзора и практическое отсутствие судебного контроля на начальном этапе реагирования государственными органами и должностными лицами на сообщение о совершенном преступлении. И в этих условиях наличие стадии возбуждения уголовного дела было обоснованным.

Выделение стадии возбуждения уголовного дела объяснялось и в настоящее время объясняется необходимостью:

– быстрого реагирования на информацию, содержащую данные о признаках преступления, максимальной фиксации этих данных, созданием условий для эффективного расследования и разрешения дела в суде;

– осуществления правозащитной функции. Как правильно отмечается в научной литературе, уголовный процесс «сильно насыщен властностью, возможностью глубокого вторжения в личную жизнь вовлекаемых в уголовный процесс людей, применением к людям насилия», как следствие еще до производства следственных действий должны быть установлены необходимость и обоснованность (правомерность) их применения [3, с. 63].

Кроме того, стадия возбуждения уголовного дела может рассматриваться в качестве гарантий от произвола со стороны уполномоченных должностных лиц, от злоупотребления ими своими дискреционными полномочиями при принятии решения, завершающего данную стадию, а также от злоупотребления своими субъективными правами со стороны частных лиц, пытающихся добиться возбуждения уголовного дела без

наличия к тому оснований (т.е. от попыток использовать уголовно-процессуальный механизм не по назначению).

Некоторые авторы полагают, что «стадия возбуждения уголовного дела никогда не была гарантией, сколько-нибудь сдерживающей беззаконие и произвол в уголовном судопроизводстве. Напротив, нередко именно возбужденное уголовное дело в силу амбициозных представлений о его перспективе с легкой руки иных должностных лиц доводилось во что бы то ни стало до «логического конца», понимаемого как непременное постановление обвинительного приговора» [5, с. 6–7]. В этой связи представляется необходимым вновь рассмотреть вопрос о том, решает ли стадия возбуждения уголовного дела в своем нынешнем виде стоящие перед ней задачи.

На основании требований УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, прокурор обязаны принять, проверить любое сообщение о совершенном или готовящемся преступлении (ст. 144 УПК РФ) и принять по нему решение (ст. 145 УПК РФ). Соответственно любой человек вправе обратиться в любой правоохранительный орган к уполномоченному должностному лицу с заявлением о совершенном или готовящемся преступлении. Причем подследственность органов, компетенция должностных лиц не должны являться основанием отказа в приеме сообщения. Должностные лица обязаны принять любое сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, зарегистрировать его и принять меры, направленные на обнаружение признаков преступления, сохранение и фиксацию следов преступления, а также доказательств, требующих закрепления, изъятия, исследования и проведение розыскных и оперативно-розыскных мероприятий по установлению и задержанию с поличным или «по горячим следам» лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление. Вместе с тем анализ статистических данных практики приема, регистрации и разрешения сообщений о совершении деяния, содержащего признаки преступления, свидетельствует о том, что уже на этом этапе происходит злоупотребление правомочиями со стороны должностных лиц, нарушаются права и законные интересы заявителей, в том числе лиц, пострадавших от совершения преступления. Отмечается ежегодное увеличение количества выявленных нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях: в 2012 г. – 3 428 095, в 2013 г. – 3 489 553, в 2014 г. – 3 605 162, в 2015 г. – 3 732 360, в 2016 г. – 3 778 533 случая[1]. На это негативное явление обратил внимание и Генеральный прокурор Российской Федерации в своем докладе на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 27 апреля 2016 г.[2], пояснив, что речь в основном идет о сокрытии преступлений, совершенных в условиях неочевидности, подчеркнув, что «их сокрытие мы не можем не связывать со стремлением некоторых руководителей искусственно повысить пресловутый показатель раскрываемости». Как следствие, задача быстрого реагирования на информацию, содержащую данные о признаках преступления, максимальной фиксации этих данных, не решается. Между тем быстрая реакция государственных органов, заключающаяся в принятии, проверке и разрешении сообщений о готовящемся или совершенном преступлении, является существенной для поддержания доверия общества к правовому государству и для предупреждения различных проявлений терпимости к неправомерным действиям должностных лиц. Как верно заметила Г.П. Химичева, «непринятие надлежащих мер по каждому сигналу о преступлении существенно нарушает права граждан, ущемляет интересы общества, подрывает авторитет государства, создает впечатление о профессиональной некомпетентности работников правоохранительных органов» [7], о злоупотреблении ими своими полномочиями.

В настоящее время расширены познавательные средства на этапе проверки оснований для возбуждения уголовного дела. При проверке сообщения о преступлении уполномоченное должностное лицо вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследования документов, предметов, трупов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ст. 144 УПК РФ). Это дало основание говорить о том, что стадия возбуждения уголовного дела потеряла свое предназначение, фактически превратившись «в квазирасследование до предварительного расследования» [8, с. 235]. В то же время законодатель на этапе доследственной проверки разрешил производство таких действий, процессуальная форма осуществления которых законом не предусмотрена, что не обеспечивает эффективную защиту прав лиц, в отношении которых они проводятся. Как следствие, материалы, полученные на стадии возбуждения уголовного дела, как правило, подлежат проверке в ходе предварительного расследования (получение объяснений – допрос, исследование – производство экспертизы, изъятие – выемка), что не только ведет к дублированию в деятельности органов, осуществляющих проверку наличия оснований для возбуждения уголовного дела и предварительное расследование, увеличивает сроки досудебного производства в целом [9, с. 133], но и снижает, зачастую, гарантии достоверности полученных таким образом доказательств. Подобное положение объясняется тем, что стадия возбуждения уголовного дела остается, с одной стороны, начальной стадией уголовного процесса, а с другой – по замыслу законодателя – находится за рамками уголовно-процессуальной формы.

УПК РФ предусматривает сроки проверки сообщения о преступлении: трое, десять и тридцать суток (ч. 1, 3 ст. 144). Между тем эти сроки сопоставимы со сроком дознания – тридцать суток (ст. 223 УПК РФ) и сроком предварительного расследования – два месяца (ст. 162 УПК РФ). На практике встречаются и более

[1] Основные результаты прокурорской деятельности.
[2] https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1078221/

длительные сроки проверки, часто превышающие установленные законом. Как следствие, предварительное расследование оказывается отдаленным от момента совершения преступления значительным временем. Анализ практики показывает, что длительность проверки заявлений и сообщений о преступлении объясняется в значительном количестве случаев тем, что правоприменители на этой стадии, исходя из необходимости установления наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела и данных, препятствующих возбуждению уголовного дела, пытаются установить как можно больше фактических данных о происшествии. Как верно отмечается в литературе, «основная часть предмета познания первой стадии – установление основания как совокупности признаков преступления – практически совпадает с предметом познания следующей стадии – расследования, которая к тому же обладает мощными средствами познания» [3, с. 62]. Под достаточными данными, указывающими на признаки преступления, должностные лица понимают такие, которые достоверно свидетельствуют обо всех элементах состава преступления. Причем речь идет не только о преступном деянии, что объясняется необходимостью квалификации деяния, но также и о лице, его совершившем, или о реальной возможности изобличения его в ходе предварительного расследования, т.е. о судебной перспективе. Между тем неясная на этом этапе перспектива в установлении лица, совершившего преступление, и привлечении его к уголовной ответственности приводит, в определенных случаях, к злоупотреблениям полномочиями со стороны должностных лиц: либо к отказу под различными предлогами в принятии заявления, либо к отказу в возбуждении уголовного дела и, как следствие, не способствует доступу граждан к правосудию, к защите их прав и законных интересов.

Отмечается увеличение удельного веса отмененных в результате осуществления прокурорского надзора и ведомственного контроля незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с последующим после проведенной дополнительной проверки возбуждением уголовного дела. Согласно данным официальной статистики, в Российской Федерации количество отмененных прокурором и по его инициативе постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела составило в 2012 г. – 2 585 732, в 2013 г. – 2 575 024, в 2014 г. – 2 518 508, в 2015 г. – 2 516 501, в 2016 г. – 2 494 172, в 2017 г. – 2 381 432 случая[3]. При этом возбуждено уголовных дел по результатам отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в 2016 г. – 183 646, в 2017 – 176 992 случая[4]. Между тем вынесение незаконных, необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела не способствует защите прав и законных интересов граждан. Отмечается ежегодный рост количества граждан, обратившихся в органы прокуратуры с жалобой на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания и следователя при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении, что составило в 2012 г. – 333 032, в 2013 г. – 352 586, в 2014 г. – 362 072, в 2015 г. – 397 616, в 2016 г. – 405 317, в 2017 г. – 415 575 случаев[5]. Между тем прокурорский надзор и судебный контроль за законностью и обоснованностью деятельности при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении, при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела не всегда оказывается эффективным. Так, например, по одному из изученных нами уголовных дел постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела по факту злоупотребления полномочиями сотрудниками УФСКН (в отношении К., получившего серьезные телесные повреждения в ходе задержания) отменялось прокурором 4 раза, однако каждый раз после отмены следователь выносил аналогичное постановление, никак не устранив указанные прокурором проблемы. В конечном итоге, жалоба К. на все то же постановление об отказе в возбуждении уголовного дела не была удовлетворена судом, несмотря на наличие установленного факта появления у заявителя после задержания отсутствовавших до этого телесных повреждений и отсутствие данных об оказании им сопротивления при задержании[6]. В настоящее время жалоба К. на нарушение в отношении него ст. 3 Конвенции находится на рассмотрении ЕСПЧ и коммуницирована властям РФ (жалоба № 63421/16).

И напротив, в литературе приводятся факты отмены руководителем следственного органа постановлений о возбуждении уголовного дела по мотиву того, что «в ходе проведения проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ следователем не получены сведения и не установлены обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, предусмотренные ст. 73 УПК РФ» [10, с. 16]. Следует отметить, что такая постановка задачи во многом предопределяется методикой оценки качества работы указанных должностных лиц. Например, как нарушения в работе органов и должностных лиц, возбудивших уголовное дело, осуществляющих предварительное расследование, расценивается прекращение впоследствии уголовного преследования, что отражено, в том числе, в упомянутом докладе Генерального прокурора Российской Федерации. Между тем еще в Концепции судебной реформы РСФСР отмечалось, что «прекращение дел органами расследования должно рассматриваться как нормальный (один из возможных) результат, соответствующий задачам установления истины по делу. Тогда исчезнут необходимость внепроцессуальными способами до возбуждения дела выяснять, имеет ли оно “судебную перспективу”, а также и стремление любой ценой добиваться передачи его в суд»[7]. Кроме того, распространены случаи отказа в возбуждении уголовного дела в связи с невозможностью, например, в «установленный законом срок истребовать справку об ущербе», «в установленный законом срок истребовать доверенности на

[3] http://genproc.gov.ru/stat/data/
[4] http://genproc.gov.ru/stat/data/
[5] http://genproc.gov.ru/stat/data/
[6] Архив Кировского районного суда г. Томска. Уголовное дело 1-17/2016.
[7] Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

представление интересов», «не готово заключение лингвистического исследования», «не опрошены очевидцы» и др.

Как уже было указано выше, напротив, заявители иногда, подавая заявление о возбуждении уголовного дела, пытаются использовать уголовно-процессуальный механизм не по назначению. Так, изучая практику Конституционного Суда РФ, мы обнаружили ситуацию, когда заявитель подал заявление о возбуждении уголовного дела в отношении себя самого по факту клеветы им на судью, для того, чтобы доставить судье и аппарату суда максимум неудобства (требуя получения объяснений от судьи и сотрудников аппарата суда в связи с подачей такого заявления)[8]. Стадия возбуждения уголовного дела не всегда срабатывает как достаточный «заслон» от такого рода злоупотреблений. Так, было возбуждено уголовное дело по факту хищения Е. у Д. автомобиля на основании поданного Д. заявления, несмотря на то, что законность и добросовестность владения Е. данным автомобилем уже была подтверждена решением суда, вступившим в законную силу[9]. И напротив, встречаются ситуации, когда добросовестный заявитель не только не смог добиться возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления (в отношении него или иных лиц, государства), но и «получил» в итоге постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении него самого по факту заведомо ложного доноса. Сведения о таких заявителях в этом случае попадают в соответствующие учеты, что имеет для этих лиц негативные социальные последствия (невозможность быть принятым на определенную работу и др.).

Все эти доводы позволяют прийти к выводу о том, что первоначальный этап реагирования уполномоченными на то должностными лицами и органами нуждается не в точечных изменениях, а в продуманной и системной реформе.

Однако в нескончаемом и, на наш взгляд, пока не очень конструктивном споре о том, нужна ли стадия возбуждения уголовного дела, или ее надо ликвидировать, мы видим методологическую ошибку в самой постановке вопроса. В этом отношении более привлекательной представляется позиция М.К. Свиридова, которая сколь мудра, столь же отличается от взглядов своих более юных оппонентов своей «научной свежестью»: надо не со стадией определяться, а с решением задач на том этапе деятельности, когда уже есть сведения об общественно неадекватном событии и надо определить, в каком режиме с ним разбираться – в уголовном, административном, оперативном или оно того вообще не заслуживает. Прав уважаемый профессор, что «основным назначением стадии возбуждения уголовного дела является пресечение возможности применения вмешательства в личную жизнь граждан при отсутствии такой необходимости и разрешение вмешательства, если без него в данной конфликтной ситуации не обойтись» [3, с. 64].

Проведенные исследования позволяют выделить для научного наблюдения два характерных варианта начала уголовного преследования: российский с его обставленностью рядом условий (наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, доказанность этих данных, достаточность их документального оформления и т.д.) и, например, хорошо уже известный российской юридической общественности украинский, не обремененный необходимостью соблюдения подобных условий. Возникает вопрос, какой из этих вариантов выбрать: какой из них хороший, а какой – плохой? Что предпочесть?

На наш взгляд, сама такая постановка вопроса о необходимости выбора «легкого» или «обставленного» варианта начала уголовного преследования не совсем корректна. Все зависит от назначения и условий его применения, адекватности его сложившейся ситуации. Если общество захлестнула волна вздорных жалоб, клеветнических анонимок, а возбуждение уголовного производства стало прибыльным бизнесом для оборотистых сотрудников правоохранительных органов и удобным рычагом воздействия на оппонентов со стороны власть предержащих, – более приемлема российская модель. Если же гражданское общество нуждается в раскрепощении, правоохранительные органы бездействуют и доступ к правосудию становится реальной потребностью как альтернатива косной, заангажированной правоохранительной системе, – выбор должен быть сделан в пользу украинской модели.

Однако следует заметить, что в условиях современной ситуации, для которой характерны процессы взаимопроникновения, всемирной глобализации, однозначные, крайние, «стерильные» варианты неуместны. В каждом обществе можно обнаружить все элементы, все проблемы, на которых основывается и одна, и другая модель. Поэтому мудрость заключается не в том, чтобы выбрать одну из этих моделей, а в оптимальном сочетании различных элементов и одной, и другой, с преобладанием каких-то из них в зависимости от конкретной ситуации и гибким, подвижным механизмом изменения их соотношения в зависимости от изменения этой ситуации. Гражданскому обществу, законодателю должна быть предложена система сдержек и противовесов при начале уголовного преследования [11, с. 392–406].

В связи со сказанным возникает необходимость в смене научной задачи: вместо традиционного подхода, в рамках которого обсуждается необходимость самой стадии возбуждения уголовного дела и вопросы о допустимости тех или иных следственных действий на этом этапе, разрабатывать следует систему сдержек и противовесов, определяющую допустимый барьер для начала уголовного преследования, факторы подвижности этой системы и организационно-правовой механизм реализации этой подвижности. Такой подход может повлечь размывание границ стадии возбуждения уголовного дела, однако он в большей мере отвечает задачам поиска адекватной современным потребностям гражданского общества модели начала уголовного преследования.

---

[8] Архив Конституционного Суда РФ, материалы по жалобе гражданина Кошевого С.Ю. (Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 257-О).

[9] Архив Конституционного Суда РФ, материалы по жалобе гражданина Елпаева Ю.С. (Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 256-О).

В свете сказанного справедливо утверждение почтенного М.К. Свиридова о том, что «законодатель должен более четко урегулировать порядок проверки основания к возбуждению уголовного дела, действуя не произвольно, в интересах того или иного ведомства, либо исходя из сложившейся в данный момент обстановки, а с учетом выработанных критериев, которые позволят определить, какие следственные действия можно включать в стадию возбуждения уголовного дела, а какие недопустимо» [3, с. 67].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якимович Ю.К.* Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства // Избранные труды. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2011. С. 143–282.
2. *Володина Л.М.* Новые проблемы возбуждения уголовного дела // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России : межвуз. сб. науч. тр. Уфа : БашГУ, 2003. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20033/11.htm (дата обращения: 13.05.2018).
3. *Свиридов М.К.* Содержание стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 61–68.
4. *Азаров В.А.* Целесообразно ли наличие в отечественном уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 13–17.
5. *Володина Л.М.* Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 5–11.
6. *Максимов П.В.* Концепция возбуждения уголовного преследования по российскому уголовно-процессуальному законодательству XI–XX вв. (историко-правовое исследование) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов, 2005. 30 с.
7. *Химичева Г.П.* Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования деятельности // Черные дыры в Российском законодательстве. 2003. № 2. URL: www.optim.su/bh/default.asp (дата обращения: 13.05.2018).
8. *Чекулаев Д.П.* Стадия возбуждения уголовного дела на постсоветском пространстве // Правовые проблемы укрепления государственности : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Ч. 63. С. 230–235.
9. *Зайцев О.А., Джагаев У.Ф.* К вопросу о свидетельствовании в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 133–136.
10. *Анисимов Г.Г.* Отмена постановления о возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа // Законность. 2012. № 1. С. 16–18.
11. *Григорьев В.Н., Зинченко И.А., Победкин А.В. и др.* Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 575 с.

THE STAGE OF A CRIMINAL CASE INITIATION: ARE THERE SUFFICIENT GUARANTEES FROM ABUSE OF RIGHT?

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 9−14. DOI 10.17223/23088451/11(1)/2

Olga I. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru
Viktor N. Grigoriev, All-Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com
Oleg A. Zaytsev, Institute of Legislation and Comparative Law under the Covernment of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: oleg010663@mail.ru
Tatyana V. Trubnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: trubn@mail.ru

Keywords: initiation of criminal case, abuse of discretion, abuse of right.

The article discusses the need for the stage of initiating a criminal case, its content, the ability to ensure the protection of the rights and legitimate interests of persons involved in criminal proceedings, to prevent abuse of the right.
The tasks of the stage of a criminal case initiation are determined. The question of whether the current legal regulation of this stage allows solving the tasks it faces is considered. It is substantiated that the task of a rapid response to information containing data on the elements of a crime and the maximum fixation of these data is not currently solved. The legal means available within this stage allow one to speak of turning it into a “quasi-investigation”, on the one hand. At the same time, the materials received at this stage are usually subject to verification during the preliminary investigation, which leads to duplication in the activities of bodies that verify the existence of grounds for initiating a criminal case and conduct preliminary investigation, increases the time for pre-trial proceedings as a whole, and reduces the guarantee of the reliability of the evidence thus obtained. At this stage, attempts to reliably establish all the elements of the offense, persons who committed it, to be certain in the real possibility of convicting them during the preliminary investigation, i.e. in the judicial perspective, lead to abuse of power by officials: either to a denial in the acceptance of a statement under various pretexts, or to a refusal to initiate a criminal case, which, as a consequence, does not contribute to the access of citizens to justice, to the protection of their rights and legitimate interests. On the contrary, the stage of initiation of a criminal case does not always work as a sufficient “screen” against abuses by the applicant party that tries to use the criminal procedure mechanism for solving some self-serving tasks rather than for its purpose. In this connection, the need to change the scientific problem is argued: instead of the traditional approach, which discusses the need for the very stage of initiating a criminal case and questions about the admissibility of certain investigative actions at this stage, it is proposed to develop a system of checks and balances that defines an acceptable barrier for the initiation of criminal persecution, the mobility factors of this system and the organisational and legal mechanism for implementing this mobility.

REFERENCES

1. Yakimovich, Yu.K. (2011) *Izbrannye trudy* [Selected works]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press. pp. 143–282.
2. Volodina, L.M. (2003) Novye problemy vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [New problems of initiating a criminal case]. In: Enikeev, Z.D. (ed.) *Aktual’nye voprosy ugolovnogo protsessa sovremennoy Rossii* [Topical issues of the criminal procedure in modern Rus-

sia]. Ufa: Bashkir State University. [Online] Available from: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20033/11.htm. (Accessed: 13.05.2018).
3. Sviridov, M.K. (2016) The content of the stage of instituting criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (20). pp. 61–68. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/20/8
4. Azarov, V.A. (2014) Is the stage of criminal case initiation necessary in the Russian criminal procedure? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (4). pp. 13–17. (In Russian).
5. Volodina, L.M. (2013) Problemy reglamentatsii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [Problems of the regulation of the criminal case initiation]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 5–11.
6. Maksimov, P.V. (2005) *Kontseptsiya vozbuzhdeniya ugolovnogo presledovaniya po rossiyskomu ugolovno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu XI–XX vv. (istoriko-pravovoe issledovanie)* [The concept of instituting criminal prosecution under the Russian criminal procedural legislation of the 11th–20th centuries. (historical and legal study)]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov.
7. Khimicheva, G.P. (2003) Vozbuzhdenie ugolovnogo dela: problemy pravovoy reglamentatsii i sovershenstvovaniya deyatel'nosti [The initiation of a criminal case: the problems of legal regulation and improvement of activities]. *Chernye dyry v Rossiyskom zakonodatel'stve*. 2. [Online] Available from: www.optim.su/bh/default.asp. (Accessed: 13.05.2018).
8. Chekulaev, D.P. (2013) Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela na postsovetskom prostranstve [Stage of the criminal case initiation in the post-Soviet space]. In: Osokina, G.L. et al. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 63. Tomsk: Tomsk State University. pp. 230–235.
9. Zaytsev, O.A. & Dzhagaev, U.F. (2013) K voprosu o svidetel'stvovanii v ugolovnom sudoproizvodstve [On the issue of witnessing in criminal proceedings]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law.* 2 (44). pp. 133–136.
10. Anisimov, G.G. (2012) Otmena postanovleniya o vozbuzhdenii ugolovnogo dela rukovoditelem sledstvennogo organa [Cancellation of the decision to initiate a criminal case by the head of the investigative body]. *Zakonnost'*. 1. pp. 16–18.
11. Tomin, V.T. & Zinchenko, I.A. (eds) (2014) *Ugolovnyy protsess sovremennoy Rossii. Problemnye lektsii* [Criminal procedure of modern Russia. Problem Lectures]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.

УДК 343.157 DOI 10.17223/23088451/11/3

В.А. Азаров, Т.А. Беккер

КОНТРОЛЬНО-ПРОВЕРОЧНЫЕ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК СРЕДСТВА ВЫЯВЛЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (проект № 16-03-00413).

Статья посвящена анализу средств исправления судебных ошибок, допущенных судами в судебных актах, вступивших в законную силу, дается анализ их эффективности и достаточности. Авторами предложены законодательные решения, позволяющие повысить качество и результативность деятельности судов кассационной и надзорной инстанций.

Ключевые слова: *судебная ошибка, установление истины, злоупотребление правом, обоснованность приговора, кассационная и надзорная инстанции.*

Наличие качественного законодательства является непременным условием создания прочного правопорядка. Особенно важно это в сфере уголовного судопроизводства, где органы власти имеют дело с самыми ценными для граждан их правами и интересами. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство должно быть эталоном качества.

М.К. Свиридов

Приговор суда, вынесенный по уголовному делу, должен быть законным, обоснованным и справедливым (ст. 297 УПК РФ). Обоснованность же есть ничто иное, как истинность в материальном смысле, иначе не было бы необходимости отделять ее от законности [1, с. 37; 2, с. 143; 3, с. 104; 4, с. 41]. Для вынесения судебного акта, отвечающего требованиям закона, как справедливо замечено М.К. Свиридовым, необходимо адекватное отражение в судебных выводах того, что произошло в действительности, то есть – материальной истины [5, с. 101]. Однако, как показывает практика, судье, как и любому человеку, свойственно ошибаться. Именно в таком случае уголовно-процессуальный закон предусматривает конкретную схему исправления судебной ошибки, восстановления нарушенных конституционных прав человека, а также гарантии для вынесения правосудного приговора и пресечения злоупотребления правом властных субъектов. Данная схема заключается в четко прописанной в УПК РФ системе обжалования судебных решений участниками уголовного процесса и возможности их пересмотра вышестоящими судебными инстанциями. Вместе с тем процедура пересмотра судебных решений характеризуется диспозитивным началом, где за участниками уголовного судопроизводства закреплено право, но не обязанность обжалования сомнительного судебного акта, что само по себе увеличивает вероятность существования латентных судебных ошибок. В данном контексте особо важно отметить, что «эффективность деятельности по установлению объективной истины напрямую зависит от используемых для этого инструментов» [6, с. 8].

Остановим свое внимание на механизме реализации права обжалования, как одной из форм осуществления конституционного права граждан на судебную защиту в целях восстановления ущемленных прав и исправления судебных ошибок, допущенных при применении закона [7; 8, с. 39]. Существует четыре формы пересмотра судебного решения, вынесенного судом первой инстанции, или «способа исправления судебных ошибок» [9, с. 157], а именно: апелляционная, кассационная, надзорная и пересмотр ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Все они характеризуются принятием, по итогам пересмотра, решений, которые либо фактически исправляют ошибку суда, либо открывают возможность для исправления судебной ошибки путем направления дела суду первой инстанции, в случае возвращения уголовного дела на повторное рассмотрение, или прокурору – при возвращении ему уголовного дела в связи с обнаружением непреодолимых для суда препятствий.

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 433-ФЗ, вступившие в законную силу судебные решения могут быть пересмотрены, исключительно на предмет законности, двумя инстанциями: *кассационной и надзорной*, при этом у последней из названных инстанций круг судебных решений, подлежащих обжалованию, согласно ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ, ограничен. На первый взгляд, как отмечает М.К. Свиридов, теперь закон создал все условия для выполнения кассацией поставленных перед ней задач, установил очень важное правило: обоснованность приговора, то есть его фактическая сторона может проверяться только один раз, в апелляционной инстанции, которая больше не подлежит повторению [10, с. 73].

В кассационном и надзорном производствах приговор, определения или постановления суда проверяются исключительно с точки зрения законности, имеется в виду, «в частности, правильность применения судами (судьями) 1-й инстанции уголовно-процессуальных норм» [11, с. 71]. Суды в названных производствах не совершают исследования фактических материалов дела, а исправляют только юридические ошибки. Однако данное утверждение является достаточно дискуссионным, что нашло свое отражение в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, который все же предусмат-

ривает право суда кассационной инстанции дать оценку фактической стороне уголовного дела, когда допущенные судом первой инстанции нарушения уголовно-процессуального закона были совершены им при исследовании или оценке доказательств, повлиявших на правильность установления фактических обстоятельств дела, если это привело к судебной ошибке [12]. При этом, по справедливому мнению В.А. Давыдова, проверка судом кассационной инстанции обоснованности выводов судов первой инстанции о фактической стороне уголовного дела значительно затруднена отсутствием в арсенале суда кассационной инстанции надлежащего процессуального инструментария (в первую очередь – судебного следствия) [13, с. 12].

С нашей точки зрения, наделение суда кассационной инстанции возможностью оценки фактических обстоятельств, исключительно в рамках разрешения вопроса правильности применения норм уголовно-процессуального закона, вполне удовлетворяет как назначению уголовного процесса, так и, что немаловажно, задачам контрольно-проверочной стадии уголовного судопроизводства, предоставляет дополнительные гарантии исправления судебной ошибки, что диктуется потребностью познания объективной истины, пресечения злоупотребления правом. В противном случае, по справедливому убеждению М.К. Свиридова, обращенное к кассационному суду требование отвлечься в ходе проверки от обоснованности приговора и ограничиться только законностью способно привести кассационный суд к тупиковой ситуации [10, с. 76]. Кроме того, обоснование судом кассационной инстанции своих выводов о правильности избранной судом квалификации и виновности осужденного в содеянном без проверки выводов суда первой инстанции о фактических обстоятельствах дела представляется практически невозможным [14, с. 65], поскольку она «во многих случаях вынуждена вторгаться и в сферу фактической обоснованности проверяемых решений, устанавливая причинно-следственную связь допущенных нарушений и ошибочности судебного решения по существу дела» [15, с. 19], а ведь «в равной мере важна и фактическая сторона, и сторона законности» [16, с. 75].

По итогам рассмотрения уголовного дела обе названные инстанции правомочны непосредственно исправить выявленную судебную ошибку: отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и прекратить производство по данному уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ); внести изменения в приговор, определение или постановление суда (п. 6 ч.1 ст. 401.14 УПК РФ, п. 7 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ).

Кроме того, поименованные судебные инстанции, вправе, в соответствии с законом, как выявить судебную ошибку, так и создать предпосылки для ее устранения, приняв следующие решения: об отмене приговора, определения или постановления суда и всех последующих судебных решений и передаче уголовного дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции либо возвращении дела прокурору (п. 3 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ, п. 3, 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ); об отмене решения суда апелляционной инстанции и передаче уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение (п. 4 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ); об отмене решения суда кассационной инстанции и передаче уголовное дела на новое кассационное рассмотрение (п. 5 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ).

При этом, согласно ч. 2 ст. 401.14 УПК РФ, ч. 2 ст. 412.11 УПК РФ, в каждом случае отмены или изменения приговора суд соответствующей инстанции должен указать основания его отмены или изменения, иначе говоря – прямо указать, в частности, на выявленную судебную ошибку, послужившую основанием для принятия упомянутого решения вышестоящим судом. Таким образом, инструментами кассации и надзора исправляется только лишь часть судебных ошибок, точнее, устраняются исключительно «существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела» [17, с. 21], однако принятое судом вышестоящей инстанции решение, предусматривающее направление уголовного дела на новое рассмотрение или его пересмотр в первой, апелляционной, либо кассационной инстанциях, не дает исчерпывающих оснований для исправления всех судебных ошибок. Не исключена в таком случае и возможность совершения очередной судебной ошибки, при новом пересмотре уголовного дела, которая также может быть констатирована в случае появления и рассмотрения очередного обоснованного акта обжалования.

Сравнивая основания отмены или изменения судебного решения в кассационном и надзорном производстве, следует заметить, что у суда кассационной инстанции несколько шире возможности исправления судебной ошибки (ч. 2, 3 ст. 401.15 УПК РФ), при том что ч. 2, 3 ст. 401.15 УПК РФ предусматривают право суда кассационной инстанции на совершение действий, создающих условия для исправления выявленной судебной ошибки, в частности – отмену приговора, определения или постановления суда с возвращением уголовного дела прокурору, либо без такового, при устранении обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

С нашей точки зрения, оценивая, в целом, положительно структуру и содержание нового кассационного производства, отметим, что в новой редакции УПК РФ с учетом ФЗ-433 от 29 декабря 2010 г. нашли отражение отдельные непоследовательные решения законодателя, которые не способствуют выявлению и исправлению ошибок суда, затрудняя, тем самым, достижение цели доказывания – объективной истины по уголовному делу. Так, несмотря на то, что суд, пересматривающий уголовное дело в кассационном порядке, не связан доводами кассационных жалобы и представления, все же на нем не лежит обязанность проверять производство по уголовному делу в полном объеме (ч. 1 ст. 401.16 УПК РФ). Иными словами, законодатель не считает обязательным, даже в случае выявления судом кассационной инстанции судебной ошибки, не охваченной содержанием поданной жалобы или представления, принимать меры по ее исправлению, поскольку закрепляет за судом лишь его право проверить производство по уголовному делу в полном объе-

ме, которым он может воспользоваться, а может нет. Вероятно, подобные действия органа правосудия могут быть оправданы, преследуя цель стабильности приговора, что означает «его неизменность с момента вступления в законную силу до окончания срока действия» [18, с. 139]. Однако такая позиция законодателя порождает сомнения в возможности достижения целей кассационного производства и явно не соответствует назначению уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ). Более того, с нашей точки зрения, такое законодательное решение умаляет потребность достижения объективной истины и легализует «право суда на ошибку».

Ввиду вышесказанного, считаем целесообразным закрепить в ч. 1, 2 ст. 401.16 УПК РФ за судом кассационной инстанции обязанность проверять производство по уголовному делу в полном объеме при наличии к тому оснований, перечисленных в ст. 401.15 УПК РФ.

Такое законодательное решение послужит укреплению позиции органа правосудия, рассматривающего уголовное дело в порядке кассационного производства, расширит его возможности по выявлению и исправлению судебной ошибки, что имеет основополагающее значение, особенно при отсутствии по обжалуемому решению апелляционного производства. Более того, учитывая ограниченные пределы проверки вступившего в силу судебного решения (исключительно на предмет его законности), а также в целях предупреждения множественности кассационных жалоб, повышения результативности кассационного производства в целом, полагаем, что закрепление такой обязанности является вполне обоснованным.

Аналогичная ситуация складывается и в надзорном производстве, в регламентации которого, как нам видится, отражена небезупречная позиция законодателя, касающаяся объема полномочий Президиума Верховного Суда Российской Федерации (ст. 412.12 УПК РФ). Так, однозначно констатируя его право на рассмотрение уголовного дела в пределах доводов надзорной жалобы, представления, законодатель вместе с тем допускает принципиальную возможность суда выйти за их пределы и рассмотреть уголовное дело в полном объеме. Полагаем, что законодатель должен придерживаться здесь более определенной позиции. С нашей точки зрения, основанной на идее обязательного стремления суда к достижению объективной истины по каждому уголовному делу, в случае обнаружения явной судебной ошибки, не охваченной доводами жалобы, представления, надлежит обязать вышестоящий судебный орган рассмотреть уголовное дело в полном объеме, в том числе за пределами жалобы, иначе теряется смысл назначения уголовного процесса в целом, сама же ситуация оказывает отрицательное влияние на степень защищенности прав участников процесса и обеспечение правосудности приговоров [19, с. 138].

Другие изъяны как кассационного, так и надзорного производства, по справедливому замечанию А.А. Рукавишниковой (Плашевской), кроются в положениях ст. ст. 401.6, 412.9 УПК РФ, которые, фактически, приведены к идентичному содержанию, предусматривая абсолютно одинаковые условия и возможности поворота к худшему [20, с. 138]. При этом лишь отчасти согласимся с мнением М.К. Свиридова о том, что подобная позиция законодателя приводит сегодня к отсутствию стабильности приговора, отрицательно влияя на состояние всего правопорядка, осложняя жизнь многих людей [18, с. 139]. Мы все же убеждены в том, что нельзя, выявив судебную ошибку, по сути способствующую ухудшению положения осужденного, сохранять ее ради стабильности приговора, абсолютизируя задачу единообразного применения законов при осуществлении правосудия [21, с. 85]. Такой подход, по нашему мнению, противоречит цели уголовного процесса, одновременно деформируя правосознание отдельных его граждан.

Также, по справедливому замечанию А.А. Рукавишниковой, отмечается неурегулированность в УПК РФ вопроса о сущности и возможности предоставления в суд кассационной и надзорной инстанций дополнительных доказательств (в порядке ч. 5 ст. 401.4 УПК РФ, п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда от 28 января 2014 г. № 2), поскольку в кассационном производстве отсутствует возможность проведения судебного следствия и их исследования [22, с. 138–139]. И все же, допуская на уровне закона представление в контрольные инстанции дополнительных доказательств, следует иметь в виду, что у суда, с одной стороны, резко расширяются возможности по выявлению и исправлению ошибки, однако, с другой стороны, суд вышестоящей инстанции ограничен в средствах исследования и возможностях оценки представленных доказательств, что нуждается в законодательном урегулировании. В противном случае, как верно отмечают М.В. Мерзлякова и А.Д. Прошляков, это приводит к принятию решения о возвращении надзорного обращения и одновременному разъяснению порядка, предусмотренного гл. 49 УПК РФ [23, с. 105], что, с нашей точки зрения, лишь чинит препятствия на пути установления объективной истины и значительно усложняет процесс исправления судебной ошибки.

Подводя итоги анализа системы полномочий судов контрольных инстанций кассационного и надзорного уголовного производства по выявлению и исправлению судебных ошибок, резюмируем следующее:

– действующий УПК РФ закрепляет конкретную схему исправления судебной ошибки, которую участники уголовного процесса способны привести в действие исключительно по своему желанию. Такое диспозитивное начало процедуры пересмотра судебных решений увеличивает вероятность существования латентных судебных ошибок;

– для кассационной и надзорной форм пересмотра судебных решений характерно принятие актов, которые фактически исправляют ошибку суда либо открывают возможность для ее исправления путем дачи указаний суду соответствующей инстанции;

– целесообразно наделить суд кассационной инстанции полномочиями по оценке фактических обстоятельств уголовного дела исключительно в рамках разрешения вопроса правильности применения норм уголовно-процессуального закона, что вполне удовлетворяет как назначению уголовного процесса, так и задачам данной контрольно-проверочной стадии уголовного судопроизводства, предоставляя дополнительные

гарантии исправления судебной ошибки, что диктуется потребностью познания объективной истины;

– отсутствие обязанности суда надзорной инстанции в определенных случаях рассмотреть уголовное дело в полном объеме, в том числе за пределами жалобы, отрицательно сказывается на правосудности приговора, нивелируя стремление суда к достижению объективной истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азаров В.А., Пелих И.А.* Взаимосвязь объективной истины и пределов доказывания по уголовному делу // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15, № 2. С. 35–40.
2. *Свиридов М.К.* Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 142–147.
3. *Свиридов М.К.* Устранение судом следственных ошибок в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 101–108.
4. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2009. 240 с.
5. *Свиридов М.К.* Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013 № 2 (8). С. 101–106.
6. *Азаров В.А.* Действительно ли объективная истина – цель доказывания в уголовном судопроизводстве? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 7–10.
7. *Баранов А.М.* Понятие и значение процессуальных способов исправления ошибок, совершаемых в уголовном процессе. URL: http://www.lawtech.ru/pub/posob5.htm (дата обращения: 21.08.2014).
8. *Шатилова Н.В.* Границы и роль судейского усмотрения при рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания // Юристъ. 2011. № 4. С. 39–42.
9. *Якимович Ю.К.* Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 168 с.
10. *Свиридов М.К.* Вопросы совершенствования кассационного производства в российском уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 73–80.
11. *Лонь С.Л.* Применение уголовно-процессуальных норм судьей (судом) // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 279. С. 69–74.
12. *Постановлени*е Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2014 № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 21.08.2014).
13. *Давыдов В.А.* Кассационное производство в уголовном процессе в разъяснениях Пленума ВС РФ // Уголовный процесс. 2014. № 5. С. 10–19.
14. *Фомин М.А.* Пределы обжалования приговора в суде кассационной инстанции // Уголовный процесс. 2016. № 2. С. 64–69.
15. *Гехова Д.Х.* Кассационное производство в российском уголовном процессе: генезис и перспективы развития : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 30 с.
16. *Рукавишникова А.А.* Производство в суде кассационной инстанции в системе проверки судебных решений в уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 70–79.
17. *Идрисов О.Р.* Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. 23 с. Томск, 2012.
18. *Свиридов М.К.* Обеспечение стабильности приговора // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 139–142.
19. *Идрисов О. Р.* Пределы рассмотрения уголовного дела в суде кассационной инстанции и их влияние на исправление судебных ошибок в приговоре // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 331. С. 116–118.
20. *Плашевская А.А.* Возможность отмены оправдательного приговора, вступившего в законную силу, при его пересмотре в кассационном и надзорном порядках в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Известия ИГЭА. 2012. № 4 (84). С. 137–140.
21. *Ишмуратов А. Р.* Социальное назначение судебных решений судов вышестоящих инстанций по уголовным делам // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 81–88.
22. *Рукавишникова А.А.* Возможность предоставления дополнительных материалов при производстве в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2015. Ч. 67. С. 137–142.
23. *Мерзлякова М.В., Прошляков А. Д.* Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. М. : Юрлитинформ, 2011. 172 с.

VERIFICATION STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS AS MEANS OF IDENTIFICATION AND CORRECTION OF JUDICIAL ERRORS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 15−19. DOI 10.17223/23088451/11(1)/3

Vladimir A. Azarov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: kafprokrim@mail.ru
Tatyana A. Bekker, Omsk Regional Arbitration Court (Omsk, Russian Federation). E-mail: tinna-115@yandex.ru

Keywords: judicial error, establishment of truth, abuse of right, validity of sentence, cassation and supervisory instances.

The sentence of the court rendered in a criminal case must be lawful, justified and fair (Article 297 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). However, as practice shows, the judge, like any other person, is prone to make mistakes. It is in this case that the criminal procedure law provides for a specific scheme for correcting a judicial error. Namely, in accordance with Federal Law No. 433-FZ of December 29, 2010, judicial decisions that have entered into legal force can be reviewed, exclusively for legality, by

two instances: cassation and supervisory. In the latter, the range of court decisions subject to appeal is limited according to Part 3 of Art. 412.1 of the RF Code of Criminal Procedure.

While, in general, positively assessing the structure and content of the new cassation proceedings, the authors note that the new version of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation reflects some inconsistent decisions of the legislator. A similar situation develops in the supervisory proceedings, whose regulation, as the authors see it, reflects the failing position of the legislator regarding the scope of the powers of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation. Proceeding from this, it is advisable to give the court of the cassation and supervisory instances more powers to assess the actual circumstances of the criminal case, solely within the framework of resolving the issue of the correct application of the norms of the criminal procedure law, which will meet the purpose of the criminal procedure.

References

1. Azarov, V.A. & Pelikh, I.A. (2015) Interconnection of objective truth and limits of proving in criminal case. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Pravo" – Bulletin of South Ural State University. Series "Law"*. 15 (2). pp. 35–40. (In Russian).
2. Sviridov, M.K. (2011) Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 142–147. (In Russian).
3. Sviridov, M.K. (2015) Elimination of investigative errors in the course of a trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2 (16). pp. 101–108. (In Russian).
4. Sheyfer, S.A. (2009) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma.
5. Sviridov, M.K. (2013) The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2 (8). pp. 101–106. (In Russian).
6. Azarov, V.A. (2012) Deystvitel'no li ob"ektivnaya istina – tsel' dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve? [Is objective truth the purpose of proof in criminal proceedings?]. *Biblioteka kriminalista*. 4(5). pp. 7–10.
7. Baranov, A.M. (2011) *Ponyatie i znachenie protsessual'nykh sposobov ispravleniya oshibok, sovershaemykh v ugolovnom protsesse* [The concept and meaning of procedural ways of correcting errors made in a criminal procedure]. [Online] Available from: http://www.lawtech.ru/pub/posob5.htm. (Accessed: 21.08.2014).
8. Shatilova, N.V. (2011) Granitsy i rol' sudeyskogo usmotreniya pri rassmotrenii zamechaniy na protokol sudebnogo zasedaniya [Borders and the role of judicial discretion in the consideration of remarks on the record of a court session]. *Yurist – Jurist*. 4. pp. 39–42.
9. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Ponyatie, naznachenie, differentsiatsiya ugolovnogo protsessa. Printsipy ugolovnogo sudoproizvodstva* [The concept, purpose, differentiation of the criminal procedure. Principles of criminal proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Sviridov, M.K. (2017) Questions of development of cassation proceedings in Russian criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 23. pp. 73–80. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/23/8
11. Lon', S.L. (2003) Theoretical problems of concept of legal regulation of criminal procedure relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 279. pp. 69–74. (In Russian).
12. Konsul'tant Plyus. (2014) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 28.01.2014 № 2 "O primenenii norm glavy 47.1 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reglamentiruyushchikh proizvodstvo v sude kassatsionnoy instantsii"* [Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.01.2014 No. 2 "On the application of the provisions of Chapter 47.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating the proceedings in a cassation court"]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
13. Davydov, V.A. (2014) Kassatsionnoe proizvodstvo v ugolovnom protsesse v raz"yasneniyakh Plenuma VS RF [Cassation proceedings in the criminal procedure in the explanations of the Plenum of the RF Armed Forces]. *Ugolovnyy protsess.* 5. pp. 10–19.
14. Fomin, M.A. (2016) Predely obzhalovaniya prigovora v sude kassatsionnoy instantsii [Limits of appeal against the verdict in the court of cassation instance]. *Ugolovnyy protsess.* 2. pp. 64–69.
15. Gekhova, D.Kh. (2016) *Kassatsionnoe proizvodstvo v rossiyskom ugolovnom protsesse: genezis i perspektivy razvitiya* [Cassation proceedings in the Russian criminal procedure: genesis and development prospects]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
16. Rukavishnikova, A.A. (2015) Procedure in cassational courts within the framework of court decisions' verification in criminal proceedings in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 4 (18). pp. 70–79. (In Russian). DOI 10.17223/22253513/18/9
17. Idrisov, O.R. (2012) *Polnomochiya kassatsionnoy instantsii po vyyavleniyu i ustraneniyu sudebnykh oshibok v ugolovnom protsesse Rossii* [The powers of the cassation instance to identify and eliminate judicial errors in the criminal procedure of Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
18. Sviridov, M.K. (2012) Maintenance of stability of a sentence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 357. pp. 139–142. (In Russian).
19. Idrisov, O.R. (2009) Cassation review limits and their influence on correction of judicial errors in sentence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 331. pp. 116–118. (In Russian).
20. Plashevskaya, A.A. (2012) Possibility to cancel an acquittal which entered into legal force in the process of its reviewing in cassational and supervisory procedures under the Federal Law of December 29, 2010 No 433-FL. *Izvestiya IGEA – Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 4(84). pp. 137–140. (In Russian).
21. Ishmuratov, A.R. (2007) Sotsial'noe naznachenie sudebnykh resheniy sudov vyshestoyashchikh instantsiy po ugolovnym delam [Social purpose of court decisions of higher courts in criminal cases]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii.* 1. pp. 81–88.
22. Rukavishnikova, A.A. (2015) Vozmozhnost' predostavleniya dopolnitel'nykh materialov pri proizvodstve v sude apellyatsionnoy, kassatsionnoy i nadzornoy instantsiy [Possibility of providing additional materials in court of appeal, cassation and supervisory instances]. In: Eliseev, S.A. et al. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 67. Tomsk: Tomsk State University. pp. 137–142.
23. Merzlyakova, M.V. & Proshlyakov, A.D. (2011) *Peresmotr vstupivshikh v zakonnuyu silu prigovorov, opredeleniy i postanovleniy v poryadke nadzora* [Revision of valid sentences, rulings and decisions in the order of supervision]. Moscow: Yurlitinform.

УДК 343.150.1 DOI 10.17223/23088451/11/4

М.Т. Аширбекова

О ДВУХ ИСТИНАХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Обосновывается, что УПК РФ явно ориентирует правоприменителя на достижение как объективной истины, так и формальной. Данное утверждение основывается на признании законодателем различия приговоров по их преюдициальной силе в зависимости от процессуальной формы судебного разбирательства: общей и сокращенной. Приговор, постановленный в сокращенном судебном разбирательстве, не наделяется преюдициальной силой и, следовательно, не может пониматься как объективно истинный.

Ключевые слова: *истина, приговор, судебное разбирательство.*

Современную науку уголовно-процессуального права трудно представить без научных трудов доктора юридических наук, профессора М.К. Свиридова. Его работы по широкому кругу теоретических и законодательных проблем уголовного процесса всегда привлекали внимание исследователей и активно использовались в диссертациях, монографиях, научных статьях. И это не случайно, поскольку в своем научном творчестве М.К. Свиридов обращается к наиболее значительным вопросам, отражающим сам смысл существования такой особой юридической деятельности, как уголовное судопроизводство, включая, конечно, и правосудие. Так, немало работ М.К. Свиридова посвящено проблемам доказывания в судебном разбирательстве, активности суда, а также приговору, его стабильности и истинности.

Безусловно, вопрос об истине в уголовном процессе – «вечно пульсирующий» вопрос, потому обратим внимание на отраженный в одной из статей М.К. Свиридова тезис о том, что современный уголовно-процессуальный закон пошел по пути закрепления в нем «двух разнонаправленных тенденций: возможность проявления в судебной деятельности как объективной (материальной), так и юридической (формальной) истины» [1, с. 142].

С данным тезисом нельзя не согласиться. Так, положения ст. 90 УПК РФ в части отказа в преюдициальной силе приговорам, постановленным в особом (сокращенном) порядке судебного разбирательства (ст. ст. 226.9, 316 и 317.7 УПК РФ), манифестируют, что истинность таких приговоров даже не предполагается. Отличая по этому критерию указанные виды приговоров от приговоров, постановленных в общем порядке судебного разбирательства, законодатель фактически признает и формальную, и объективную истину. Надо сказать, что М.К. Свиридов замечает, что и советский уголовный процесс, который часто не относят к подлинно состязательному, не избежал обращения к формальной (юридической) истине, что отразилось в установлении такого основания для оправдательного приговора, как «недоказанность обвинения при соблюдении крайне важного требования – если суд исчерпал все возможности для продолжения доказывания» [1, с. 142].

Очевидно, такой ход развития нормативной «судьбы» объективной истины и формальной истины закономерен. Особенность юрисдикционного правоприменительного процесса в том, что установление фактических обстоятельств юридического дела не происходит произвольно, а строго регламентировано законом. Регламентированный же порядок доказывания не может абсолютно обойтись без неких инструментов формальной истины, поскольку доказывание как познание происходит в сфере жизненных ситуаций людей, регулируемых нормами уголовного закона, а не в естественной среде, предметы которой познаются по естественнонаучным законам. С этой точки зрения любой правоприменительный вывод формален как продукт формализованной официальной деятельности официального субъекта-правоприменителя.

Однако именно технология доказывания и мера активности участия суда в этом доказывании, как по кругу исследуемых обстоятельств, так и по пределам их доказывания, различают объективную и формальную истины. В самом общем виде формальная истина – результат доказывания, то есть то, что удалось доказать в состязательном уголовном процессе исключительно усилиями сторон. Объективная истина – цель, к которой надо стремиться и устанавливать не только усилиями сторон, но и активными усилиями суда. Тут важно обратить внимание на трактовку активности суда в понимании М.К. Свиридова. Речь не идет о том, чтобы суд сам своими действиями восполнял доказывание и тем самым обнаруживал бы свою прикосновенность к обвинительной деятельности. «Но этого не произойдет, если суд заставит исправлять недостаток сторону обвинения. Здесь суд не будет подменять обвинителя или действовать вместе с ним. Требуя от обвинителя исправить допущенную им ошибку, суд тем самым будет побуждать сторону обвинения к доброкачественной работе. Такая деятельность будет вполне соответствовать положению суда, не исказит его сущность, она типична для суда, без нее суд обойтись не может. Суд должен вынести обоснованный и справедливый приговор» [2, с. 106].

Приговор, как и любой правоприменительный акт, является особым производным юридическим фактом, венчающим собой фактический состав из накапливаемых первоначальных юридических фактов [3, с. 179]. Формирование фактических оснований приговора как производного юридического факта отталкивается от первоначальных юридических фактов – фрагментов реальной действительности (событий, действий), имеющих уголовно-правовое значение.

Производность выводов приговора обусловлена результатом оценочной (мыслительной) деятельности суда. Она указывает, образно говоря, на «дыхание»

правоприменителя. В результате мы и имеем не истину факта (он, как известно, и не истинный, и не ложный) а истинность суждения.

Но эта истинность суждения рождена, надо признать, не без помощи процессуальной формы. Процессуальная форма, так или иначе, пробивается в юридической составляющей – в нормативно урегулированном порядке постановления приговора, собирая свою «дань» в виде преюдиций, презумпций, правовых аксиом и фикций в той мере, в какой они в целом допущены законом.

Так, закреплением в законе свидетельского иммунитета (ст. 51 Конституции Российской Федерации) был сделан шаг в направлении к формальной истине, поскольку в тех или иных случаях неполучение показаний свидетелей-очевидцев может породить неустранимые сомнения в достоверности правоприменительных выводов, основанных на других доказательствах, что, понятно, полагается истолковывать в пользу обвиняемого, исходя из требований презумпции невиновности.

Собственно, сама презумпция невиновности в части должной оценки неустранимых сомнений, но все же сомнений, – свидетельство ориентации на поиск именно юридической (формальной) истины. Именно на такую истину, по словам М.К. Свиридова, ориентированы согласительные процессуальные производства, предусмотренные нормами гл. 40 и 40.1 УПК РФ и допускающие «возможность принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при соглашении сделки о сотрудничестве без судебного разбирательства (точнее – без исследования доказательств в судебном следствии)» [1, с. 143].

Применительно к таким производствам в научной литературе высказываются суждения о том, что презумпция невиновности игнорируется [4]. Действительно, при процессуальных производствах, которые основаны на признании обвиняемым своей вины и его согласии с предъявленным обвинением, место для сомнений остается. При этом такие сомнения могут быть устранены, но потребности в этом не возникает в силу занятой обвиняемым позицией. Данная позиция может быть интерпретирована и в русле доказательственного права, и в русле теории уголовно-правового иска, когда ответчик – обвиняемый – признает исковые требования (юридическая или договорная истина) либо защищается от них [5, с. 1031].

Указанные подходы, как видится, равно востребованы законодателем, что, конечно, не снимает вопроса об их совмещении с принципом презумпции невиновности.

Презумпция невиновности действует, *пока* виновность лица в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 14 УПК РФ). Понятно, что со вступлением обвинительного приговора в законную силу презумпция невиновности опровергается: незачем лицо считать невиновным, если постановленный приговор при условии действия принципа правовой определенности должен считаться истинным, что одновременно означает обретение им преюдициальной силы.

Однако при упрощенных или согласительных производствах, базирующихся на исключительной значимости признания обвиняемым своей вины и его согласия с предъявленным обвинением, действие презумпции невиновности не опровергается даже вступившим в законную силу обвинительным приговором, постановленным в сокращенном судебном разбирательстве. Такой вывод вытекает из положений ст. 90 УПК РФ, предусматривающими, что обстоятельства, установленные приговором, постановленным судом в соответствии со ст. ст. 226.9, 316 или 317.1 УПК РФ, не могут признаваться судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Иначе говоря, такие приговоры не наделяются преюдициальной силой в отличие от приговоров, постановленных в общем порядке судебного разбирательства, а также и вступивших в законную силу судебных решений, принятых в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства. Почему? Понятно, что по причине того, что выводы об обстоятельствах уголовного дела, установленные в таких приговорах, сомнительны и соответственно не могут пониматься как истинные. Однако такие приговоры не перестают быть актами индивидуального поднормативного регулирования, фиксирующими финальный этап реализации норм уголовного закона и уголовно-процессуального закона применительно к конкретному спорному правоотношению. Словом, такие приговоры должны означать, что соответствующие нормы «сработали», завершили упорядочивание общественных отношений, что дало бы основание утверждать о правовой определенности результатов правоприменения. Тут, очевидно, возникает противоречие: с одной стороны, в части выводов об обстоятельствах уголовного дела вопрос о правовой определенности «зависает», но, с другой стороны, уголовно-правовой спор считается разрешенным.

В этой связи, думается, для преодоления такого противоречия должен быть применен некий апологический прием в виде ведения в правовую ткань уголовного судопроизводства нового вида правовой презумпции как предположения, основанного на вероятности. Такой презумпцией может быть *презумпция юридической надежности* признания обвиняемым своей вины и, как следствие, связанных с ним результатов упрощенного или сокращенного доказывания.

Иначе говоря, нужно принять, что результаты правоприменения опираются на презумпцию юридической (формальной) надежности как признательных показаний обвиняемого, так и иных доказательств, которые согласовываются с таким показанием. Ясно, что это – зыбкая конструкция, легко опровержимая. Но если не исходить из этого предположения, то все правоприменительные выводы будут выглядеть откровенно, то есть без формального покрова, сомнительными. Другой вопрос: может ли законодатель относиться к таким выводам с сомнением? Оказалось, что может, что и было отражено в последней редакции ст. 90 УПК РФ, отказавшей приговору, постановленному в сокращенном судебном разбирательстве, в преюдициальной силе и, следовательно, в истинности.

Но если так, то и презумпция невиновности таким приговором не может быть однозначно опровергнута. Как результат, приговор, постановленный в особом (сокращенном) порядке судебного разбирательства, считается формально истинным и надежным ровно настолько, насколько надежным считается признание обвиняемым своей вины. Приговор же, постановленный в общем порядке судебного разбирательства с доказыванием, нацеленным на опровержение презумпции невиновности или подтверждение невиновности, выступает как объективно истинный приговор, наделенный преюдициальной силой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свиридов М.К.* Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 353. С. 142–147.
2. *Свиридов М.К.* Устранение судом следственных ошибок в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 101–108.
3. *Алексеев С.С.* Общая теория права : в 2 т. М. : Юрид. лит., 1982. Т. 2. 359 с.
4. *Корякин В.А.* Имитация действия презумпции невиновности при производстве дознания в сокращенной форме // Российский следователь. 2015. № 9. С. 36–39.
5. *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. 1280 с.

ON THE TWO TRUTHS IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 20−22. DOI 10.17223/23088451/11/4

Madina T. Ashirbekova, Volgograd Institute of Management (Branch) of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Volgograd, Russian Federation). E-mail: madina.55@mail.ru

Keywords: truth, sentence, trial.

In simplified or conciliatory proceedings, based on the exceptional importance of the accused pleading guilty, the presumption of innocence is not refuted even by an enforceable conviction made in a simplified trial. This conclusion follows from the provisions of Article 90 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which provides that the circumstances established by the sentence the court renders in accordance with Art. 226.9, 316 or 317.1 of the Code can not be recognised by the court, the prosecutor, the investigator, the inquirer without additional verification. In other words, such sentences are not vested with a prejudicial force, unlike sentences imposed in the general procedure of the trial, as well as court decisions that have come into force as part of civil, arbitration or administrative proceedings. Why is it so? Clearly, the reason is because the conclusions about the circumstances of the criminal case established in such sentences are questionable and, accordingly, can not be understood as true. However, such sentences do not cease to be acts of individual sub-regulatory regulation that fix the final stage of the implementation of the norms of the criminal law and the criminal procedure law in relation to a specific controversial legal relationship. In a word, such sentences must mean that the relevant norms "worked", completed the ordering of social relations, which would give grounds for asserting the legal certainty of the results of law enforcement. A contradiction, obviously, arises here: on the one hand, with regard to conclusions about the circumstances of the criminal case, the question of legal certainty "freezes"; on the other hand, the criminal legal dispute is considered resolved.

References

1. Sviridov, M.K. (2011) Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 142–147. (In Russian).
2. Sviridov, M.K. (2015) Elimination of investigative errors in the course of a trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2 (16). pp. 101–108. (In Russian).
3. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava: Kurs v dvukh tomakh* [General theory of law: A course in two volumes]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. Koryakin, V.A. (2015) Imitatsiya deystviya prezumptsii nevinovnosti pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoy forme [Simulation of the presumption of innocence in the production of inquiry in a shortened form]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 9. pp. 36–39.
5. Golovko, L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugolovnogo protsessa* [The course of the criminal procedure]. 2nd ed. Moscow: Statut.

УДК 343.140.02 DOI 10.17223/23088451/11/5

А.М. Баранов

О ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Статья посвящена проблеме соотношения цели доказывания назначению уголовного процесса. Отмечается наличие противоречия в этом вопросе как в действующем законодательстве, так и в теории современного уголовно-процессуального права России. Делается вывод о том, что определение цели доказывания в науке зависит от того, какая будет выбрана методология исследования, приверженцем какого подхода борьбы с преступностью будет являться исследователь и, наконец, сторонником какого типа уголовного процесса он будет являться.

Ключевые слова: *цель доказывания, цель уголовного процесса, истина.*

Вопрос об истине как цели доказывания в уголовном судопроизводстве, казалось бы давно разрешенный в теории, вновь стал предметом острых дискуссий как среди ученых науки уголовного процесса, так и руководителей самого высокого уровня органов предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Началом дискуссии стало утверждение руководителя Следственного комитета России А.И. Бастрыкина, что «…цель уголовного судопроизводства… сформулирована в статье 6 УПК. Эта цель может быть достигнута только тогда, когда правовая оценка содеянного основывается на истинных данных о событии преступления и когда судьба человека не зависит от красноречия сторон. Это невозможно без выяснения фактических обстоятельств уголовного дела такими, какими они были в действительности, то есть установления по делу объективной истины» [1, с. 16].

По прошествии нескольких месяцев 15 февраля 2018 г. на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры Генеральный прокурор Российской Федерации Юрий Чайка выразил мнение, что в работе российских следователей за последние десятилетия произошла деградация, что до 70 % дел в суде рассматриваются в особом порядке. Суд не исследует доказательства, не вызывает и не допрашивает свидетелей [2, 3].

Что же в действительности является целью уголовного процесса? Является ли объективная (материальная) истина целью доказывания, а само доказывание – целью уголовного процесса?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, попробуем проследить историю самого вопроса.

Если обратиться к научным трудам дореволюционного периода, то обнаруживаем, что целью уголовного процесса, по мнению большинства ученых, являлось доказывание. М.В. Духовской высказывался кратко и категорично: «Вся деятельность процесса сводится, в сущности, к собиранию доказательств и пользованию ими» [4, с. 197]. «Задача уголовного суда – есть открытие в каждом деле безусловной истины», – писал В.К. Случевский [5, с. 69]. Справедливость требует отметить, что российские ученые, определяя целью уголовного процесса доказывание, повторяли идею, ранее высказанную английским ученым И. Бентамом. Его авторству приписывается фраза: «Искусство судопроизводства есть не что иное, как искусство пользоваться доказательствами».

Для дореволюционных авторов типично выдвижение концепции «уголовно-судебной вероятности» [6, с. 172–180; 7, с. 182], «судебной истины», они считали, что «...задачей суда должно быть не стремление к отысканию безусловной материальной истины, а стремление к истине юридической» [8, с. 93; 9, с. 303].

Такой подход российских, да и не только, юристов того времени был обусловлен существовавшим мировоззрением и методологией науки и познания окружающего мира. Во второй половине XIX в. произошло мощное развитие всех наук: философии, логики, математики физики, химии, – что повлекло за собой развитие транспорта, промышленности, медицины. Всего за половину столетия с середины XIX до начала XX в. философия пройдет путь от агностицизма (непознаваемость мира) Д. Юма, философии И. Канта (познания мира на уровне субъективных переживаний), диалектики Гегеля до диалектического материализма К. Маркса, Ф. Энгельса, провозгласивших взаимосвязь теории и практики и возможность достижения материальной истины [10, с. 1–4; 11, с. 269–317; 12].

Марксистское учение о материальной (объективной) истине в начале XX в. еще не стало неотъемлемой составляющей мировоззрения российских юристов, это произойдет позже. Итак, на рубеже XX в. наука уголовного процесса исходила из следующей доктрины: цель процесса – доказывание, а цель доказывания – установление юридической истины. Пометим себе, что ученые той поры никак не связывали этот вопрос с учением о типах уголовного процесса.

В советский период марксистское учение о диалектическом материализме и объективной истине станет методологической основой всей науки, и теория права не будет исключением. К 60-м годам XX в. будет разработана концепция материальной (объективной) истины в уголовном процессе. В ней обосновывалось, что только достоверное знание, имеющее характер абсолютной истины в отношении искомых фактов, может служить основой для принятия решения по делу в деятельности органов расследования и суда [13, 14].

На основе концепции объективной истины в уголовном процессе и было построено законодательство советского периода. В ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 и ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27.10.1960 задачами советского уголовного судопроизводства являлись быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут спра-

ведливому наказанию, и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

В теории советского уголовного процесса не проводилось различия между целями и задачами [15, с. 42–43]. Цель доказывания УПК РСФСР не закреплял. Большинство ученых выводило цель доказывания – установление истины – из положений ч. 1 ст. 69 УПК РСФСР. Цель – установление объективной истины – в равной мере относилась к стадиям предварительного расследования и судебного разбирательства.

Надо отдать должное ученым и законодателю того времени, с какой последовательностью и логикой были созданы теория и закон, а потом и воплощена в практическую деятельность идея истины в уголовном судопроизводстве. Последовательно, от методологии диалектического материализма к правовой теории доказывания материальной (объективной) истины как цели уголовного процесса, посредством закрепления в нормах УПК РСФСР, была установлена обязанность всестороннего, полного раскрытия преступлений как для органов расследования, так и для суда. Такой порядок производства по уголовным делам укладывался в представление юристов о смешанном типе уголовного процесса.

Вернемся к сегодняшнему дню. В результате распада Советского Союза в 1991 г. и произошедших политической, экономической и судебной реформ все смешалось в данном вопросе и в уголовной политике, и в теории, и в законодательстве.

Если не заострять внимание на различие терминов «цель», «задачи» и «назначение», то в ст. 6 УПК России закреплено, что уголовное судопроизводство предназначено для защиты прав лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Обратим внимание – ни слова о государстве. Налицо провозглашение доктрины «охранительного» типа уголовного процесса, при котором права личности и соблюдение должной правовой процедуры важнее борьбы с преступностью. Таким образом, законодатель в 2001 г. официально закрепил доктринальное изменение цели уголовного судопроизводства в Российской Федерации, которое было провозглашено с началом судебной реформы в 1991 г. Как следствие, в теории уголовного процесса были озвучены новые представления о цели уголовного процесса и цели доказывания.

Большинство авторов поддержало законодателя в том, что «цель судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов как лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и лиц, незаконно и необоснованно обвиненных или осужденных за совершение преступления, либо незаконно ограниченных в их правах и свободах» [16].

Как всегда, оригинально по стилю выражения, профессор С.А. Александров видит цель уголовного судопроизводства «…в принятии судом юридически значимого решения. Какого? А не все ли равно какого (в смысле оправдания или обвинения), важнее поставить точку в деле, разрешить дело: правосудие свершилось – да здравствует правосудие! Надо избавляться от иллюзий, что уголовная юстиция, оснащенная уголовным, уголовно-процессуальным законодательством главным образом (если не исключительно), борется, противодействует, противостоит преступности» [17]. Уголовный процесс, предназначен для регулирования общественных отношений, возникающих в связи с преступлением, между государством и личностью.

Предпринята попытка объединить рассмотренные выше два подхода. Согласно этой позиции, собственным назначением уголовного судопроизводства является защита личности, общества и государства от общественно опасных деяний, охрана прав и свобод личности; социальное назначение уголовно-процессуального права заключается в способности выступать инструментом разрешения правовых конфликтов [18, с. 16, 18].

Критически оценивая содержание ст. 6 УПК РФ, А.С. Барабаш пишет: «Пригодны ли подобным образом сформулированные цели для реализации в деятельности? Нет. Они слишком общи и неконкретны… То, что подлежит доказыванию, по крайней мере, является целью доказывания, а так как доказывание – стержень уголовно-процессуальной деятельности, то и целью уголовного процесса» [19, с. 122]. Тем самым автор призывает вернуться к доктрине соотношения цели процесса и цели доказывания, отстаиваемую российскими учеными более века тому назад. Такого же взгляда придерживается профессор Ю.В. Деришев, полагающий, что целью доказывания является юридическая (формальная) истина [20, с. 104].

Итак, в определении цели уголовного процесса у современных авторов мы обнаруживаем как минимум три подхода. Как следствие этого, нет единства и в определении цели доказывания.

В ст. 85 УПК РФ «Доказывание» законодатель закрепил, что «доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса».

Современные авторы стали рассматривать цель доказывания как двуединую – это установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, и достижение истины [21, с. 13–14]. Однако некоторые авторы продолжают придерживаться позиции, что целью доказывания должно быть именно установление объективной (материальной) истины. Наиболее последовательно эту идею в своих работах выражает М.К. Свиридов, который считает, что «истина в уголовном процессе необходима, без ее установления приговор лишается качества правосудности. И необходима только объективная (материальная) истина, как адекватно и полно отражающая имевшие в реальности действия подсудимого, за совершение которых он несет ответственность» [22, с. 102]. Об этом же М.К. Свиридов пишет и в других работах [23, с. 5–6; 24, с. 147].

Вместе с тем в последнее время в научных публикациях наблюдается попытка вопрос о том, какая истина, объективная или юридическая, является целью доказывания, вообще оставить без ответа.

Что препятствует современным ученым четко определиться в цели уголовного процесса и цели доказывания? Существенное влияние на это оказывает изменившееся мировоззрение общества, которое про-

изошло в результате развития научных взглядов на цели и назначение права в целом, в подходах государства в борьбе с преступностью, а также в методологии науки в вопросе о познаваемости мира.

В современной теории российского права общепринято, что главная цель права – упорядочение, организация общественных отношений. Право выполняет регулятивную, охранительную, гуманистическую, идеологическую, воспитательную функции [25, с. 38]. Следовательно, цель уголовно-процессуального права – регулирование отношений, возникающих в связи с уголовным преступлением.

Обращаясь к достижениям науки криминологии, обнаруживаем, что господствующими выступают две теории по борьбе государства с преступностью:

1) теория соблюдения должной правовой процедуры в целях обеспечения гарантии прав граждан, с одной стороны, и борьбы с возрастающей преступностью – с другой;

2) доктрина контроля над преступностью для обеспечения порядка в государстве, провозглашенная Г. Пэккером [26].

Сущность двух принципиально различных теорий обеспечения законности в уголовном судопроизводстве заключается в следующем. Уголовный процесс, построенный на принципе соблюдения должной правовой процедуры, должен быть подчинен такому контролю, который в максимальной степени в состоянии оградить личность от уголовного преследования со стороны государства в лице его специальных органов. Исходя из этой основной идеи, выводятся все остальные либерально-демократические требования к уголовному процессу, а сам процесс построен по состязательной модели.

Доктрина контроля над преступностью построена на примате интересов государства как единого целого, ограждения его от угрозы нарушения этих интересов со стороны граждан. Согласно указанной теории, из уголовного судопроизводства должны быть исключены все формализмы, мешающие борьбе с преступностью. В построении уголовного процесса, особенно досудебной его части, доминируют розыскные начала, сам процесс характеризуется как смешанный.

Различия между розыскным и состязательным типом процессов вытекают из неодинаковости порядка производства и организационного построения органов, осуществляющих досудебное производство, и суда. Указанные различия фундаментальны, они возникали и формировались во всех странах в разное время и под воздействием разных причин. Это очень большая самостоятельная тема, требующая специального исследования. Обозначим отличие двух типов процесса тезисно и обобщенно. Различие заключалось в четком отделении досудебного и судебного производств, постепенном исключении участия суда (судей) в предварительном сборе доказательств. Фактически история в несколько иной форме вернулась на круги своя к судебному порядку производства частно-искового (обвинительного) процесса. Суд перестал быть связанным со сбором доказательств, осуществляемым стороной обвинения. Как следствие, выводы обвинительной власти, полученные в досудебном производстве, потеряли роль обязательных для суда. Именно это позволило суду занимать нейтральное положение в споре сторон при сборе и оценке доказательств в судебном заседании.

По этой причине современное судейское сообщество категорически против восстановления доктрины объективной истины, поскольку считает (и не без оснований), что с восстановлением такой обязанности у суда судьям фактически придется устранять недостатки в доказывании органов расследования и прокурора.

В разрешении вопроса, что же является целью доказывания, нельзя игнорировать то обстоятельство, что методология диалектического материализма и марксистское учение об объективной истине в современном мире уже не являются господствующей теорией.

В середине XX в. формируется неклассическая парадигма, в рамках которой понятие «истина» определялось через важность и всеобщность знания, а не его соответствие действительности. Неклассическая парадигма формируется на базе открытий, сделанных в различных областях познания: концепции парадигм Т. Куна (теория научных революций), «анархистской теории познания» (релятивистская концепция) П. Фейерабенда, доктрине логического атомизма, представляющей собой проекцию структуры знания на структуру мира Л. Витгенштейна, философской герменевтике Х.-Г. Гадамера (гуманитарное познание), кризиса в физике и создания теории относительности А. Эйнштейна (строгого логического пути от эмпирии к теории не существует; необходимо дедуктивно вывести более частные утверждения, которые согласуются с имеющимися эмпирическими данными), социального конструкционизма, социологической теории познания П. Бергера и Т. Лукмана (социальный конструкт и лежащая в его основе идея остаются изобретением или искусственно созданным культурным артефактом, принадлежащим определённой культуре или сообществу; человек избирателен по отношению к социальным конструктам, принимая одни и отвергая другие).

Возникают теории когерентной истины: отказ от соотнесения знания с действительностью и признание в качестве определяющего для истины такого внутреннего свойства самого знания, как его непротиворечивость, самосогласованность (М. Шлик, О. Нейрат); конвенционалистской истины: истина – это результат соглашения, конвенции ученых относительно того, что считать истинным (А. Пуанкаре, Р. Карнап); прагматической истины – истина рассматривалась как знание полезное, приносящее успех на практике (Ч. Пирс, У. Джемс, Дж. Дьюи).

В результате формируется вывод, что гуманитарные знания всегда относительны, многозначны, вероятностны и непроверяемы. Категория «истина» является относительной, исторически изменчивой. Нет и не должно быть истины как строгого соответствия действительности.

Потребность современного осмысления учения об истине в уголовном процессе подтвердила состоявшаяся в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия г. Санкт-Петербург 16–17 марта 2018 г. Всероссийская научно-

практическая конференция «Юридическая истина в уголовном праве и процессе».

Выступления участников конференции еще больше обозначили актуальность вопроса, является ли истина целью уголовно-процессуального доказывания. Были высказаны совершенно различные взгляды по данной проблеме, в том числе: о необходимости разработки в уголовно-процессуальном праве самостоятельной методологии познания (Л.А. Воскобитова); об отказе от теории истины в уголовном процессе (А.С. Александров); целью доказывания является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию (А.А. Тарасов).

Если уважаемый читатель в завершении статьи ждет от автора ответа на вопрос, что является целью доказывания, то вынужден его разочаровать. В рамках настоящей публикации это невозможно. Автор и не ставил себе такую задачу. Цель была продемонстрировать, что ответ на данный вопрос в современной юридической науке неоднозначен и зависит как минимум от трех определяющих обстоятельств. Во-первых, от того, какая будет выбрана методология исследования. Во-вторых, приверженцем, какого подхода государства в борьбе с преступностью он выступает. И наконец, сторонником какого типа уголовного процесса он является.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бастрыкин А.И.* 300 лет российского следствия // Следствие в России: три века в поисках концепции : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 года) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. 311 с.
2. *Генпрокурор* Юрий Чайка констатировал деградацию российского следствия. URL: http://www.rline.tv/news/2018-02-22-genprokuror-yuriy-chayka-konstatiroval-degradatsiyu-rossiyskogo-sledstviya/ (дата обращения: 01.04.2018).
3. *Чайка* рассказал о деградации в работе российских следователей. URL: https://ria.ru/society/20180221/1515063176.html (дата обращения: 01.04.2018).
4. *Духовской М.В.* Русский уголовный процесс. М. : Тип. А.П. Поплавского, 1910. 448 с.
5. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 684 с.
6. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства / общ. ред., послесл., прим. А.В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2. 606 с.
7. *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М. : Г.А. Леман, 1913. 337 с.
8. *Михайловский И.В.* Основные принципы организации уголовного суда. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1905. 336 с.
9. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 3-е изд., пересмотр. Пг. : Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1916. 603 с.
10. *Маркс К.* Сочинения. Т. 3 (1845–1847) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. 630 с.
11. *Маркс К.* Сочинения. Т. 21 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961. 745 с.
12. *Кант И.* Критика чистого разума. М. : Лань, 2013. 452 с.
13. *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / отв. ред. Б.С. Никифоров. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 382 с.
14. *Теория* доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. М. : Юрид. лит., 1973. 734 с.
15. *Алексеев В.Б., Алексеева Л.Б., Божьев В.П. и др.* Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М. : Юрид. лит., 1989. 640 с.
16. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс. СПб. : Питер, 2005. 272 с. (Серия «Краткий курс») URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/p/krat_kurs/1-2.htm. (дата обращения: 05.03.2018).
17. *Александров А.С., Александрова И.А.* Уголовный Кодекс + Уголовный Процесс = Уголовное право // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса : сб. материалов Всерос. науч.-практич. конф. с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 31 октября 2016 г.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. 290 с. URL: http://www.iuaj.net/node/2136 (дата обращения: 05.03.2018).
18. *Смирнова И.Г.* Социальная ценность Российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2012. 50 с.
19. *Барабаш А.С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 257 с.
20. *Деришев Ю.В.* Доказательства и доказывание // Уголовный процесс : в 2 ч. Ч. 1 : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. 165 с. Серия: Бакалавр.
21. *Галоганов Е.А.* Проблемы реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.
22. *Свиридов М.К.* Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2. С. 101–106.
23. *Свиридов М.К.* Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 10: Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : сб. ст. / под ред. Ю. К. Якимовича. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 3–7.
24. *Свиридов М.К.* Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 142–147.
25. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. М. : Юриспруденция, 2000. 528 с.
26. *Packer H.* The Limits of Criminal Sanctions. N. Y., 1968. 375 p.

ON THE PURPOSE OF PROOF IN THE MODERN CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 23−28. DOI 10.17223/23088451/11/5

Aleksandr M. Baranov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation). E-mail: baranowam@list.ru

Keywords: purpose of proof, purpose of criminal procedure, truth.

What is the purpose of proof in the modern criminal procedure? In today's Russia, a dispute arose about truth as the purpose of proof, and the initiative to discuss the problem comes from the leaders of the investigative bodies and the prosecutor's office. To answer this question, it is necessary to trace how scientific views developed on the question of the purpose of the criminal procedure and the purpose of proof in the science of the criminal procedure over the last hundred years.

The works of the pre-revolutionary period show that, in the opinion of the majority of scholars, the purpose of the criminal procedure was proof. Pre-revolutionary authors typically introduced concepts of "criminal-judicial probability", "judicial truth"; they believed that the purpose of proof was the establishment of legal (and not objective) truth.

In the Soviet period, the purpose of criminal proceedings was the demand for a "quick and full disclosure of crimes", and the purpose of proof was objective truth. At the same time, it is necessary to pay tribute to the scholars and the legislator of that time for their consistency and logic in developing the theory and law, and later in putting the idea of truth in criminal proceedings in practical activity. Consistently, from the methodology of dialectical materialism to the legal theory of proof of material (objective) truth as the purpose of the criminal procedure, the obligation of a comprehensive disclosure of crimes both for investigation bodies and for the court was established and fixed in the norms of the RSFSR Code of Criminal Procedure. This order of criminal proceedings fit into the representation of lawyers on the mixed type of the criminal procedure.

Today, scholars attempt to generally leave the question of what truth, objective or legal, is the purpose of proof unanswered in their works. What prevents modern scholars from giving a clear definition of the purpose of the criminal procedure and the purpose of proof? A significant impact on it is made by the change in the world outlook of society, which occurred as a result of the development of scientific views on the aims and purpose of law, in the approaches of the state in the fight against crime, as well as in the methodology of science in the question of the world's cognisability.

Thus, resolving the issue of the purpose of the modern criminal procedure and the purpose of proof is influenced by the choice of a research methodology, by the state conception of combating crime taken as basic, and by the type of the criminal procedure.

References

1. Bastrykin, A.I. (2017) [300 years of the Russian investigation]. *Sledstvie v Rossii: tri veka v poiskakh kontseptsii* [Investigation in Russia: three centuries in search of the concept]. Proceedings of the International Conference. Moscow. October 12, 2017. Moscow: Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. (In Russian).
2. Rline.tv. (2018) *Genprokuror Yuriy Chayka konstatiroval degradatsiyu rossiyskogo sledstviya* [Prosecutor General Yuri Chaika noted the degradation of the Russian investigatio]. [Online] Available from: http://www.rline.tv/news/2018-02-22-genprokuror-yuriy-chayka-konstatiroval-degradatsiyu-rossiyskogo-sledstviya/. (Accessed: 01.04.2018).
3. Ria.ru. (2018) *Chayka rasskazal o degradatsii v rabote rossiyskikh sledovateley* [Chaika told about the degradation in the work of Russian investigators]. [Online] Available from: https://ria.ru/society/20180221/1515063176.html. (Accessed: 01.04.2018). 4. Dukhovskoy, M.V. (1910) *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian criminal procedure]. Moscow: Tip. A.P. Poplavskogo.
5. Sluchevskiy, V.K. (1913) *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa. Sudoustroystvo – sudoproizvodstvo* [Textbook of the Russian criminal procedure. Legal structure – legal proceedings]. 4th ed. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
6. Foynitskiy, I.Ya. (1996) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [A course of criminal proceedings]. Vol. 2. St. Petersburg: Al'fa.
7. Poznyshev, S.V. (1913) *Elementarnyy uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa* [Elementary textbook of the Russian criminal procedure]. Moscow: G.A. Leman.
8. Mikhaylovskiy, I.V. (1905) *Osnovnye printsipy organizatsii ugolovnogo suda* [Basic principles of the organisation of a criminal trial]. Tomsk: Parovaya tipo-lit. P. I. Makushina.
9. Rozin, N.N. (1916) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo. Posobie k lektsiyam* [Criminal proceedings. A guide to lectures]. 3rd ed. Petrograd: Izd. yurid. kn. skl. "Pravo".
10. Marx, K. (1955) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Translated from German. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat.
11. Marx, K. (1961) *Sochineniya* [Works]. Vol. 21. Translated from German. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat.
12. Kant, I. (2013) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Lan'.
13. Strogovich, M.S. (1955) *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom protsesse* [Material truth and judicial evidence in the Soviet criminal trial]. Moscow: USSR AS.
14. Zhogin, N.V. (ed.) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Theory of proof in the Soviet criminal procedure]. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
15. Boykov, A.D. & Karpets, I.I. (eds) (1989) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. Obshchaya chast'* [The course of the Soviet criminal procedure. The general part]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
16. Smirnov, A.V. & Kalinovskiy, K.B. (2005) *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. St. Petersburg: Piter. [Online] Available from: http://kalinovsky-k.narod.ru/p/krat_kurs/1-2.htm. (Accessed: 05.03.2018).
17. Aleksandrov, A.S. & Aleksandrova, I.A. (2016) [Criminal Code + Criminal procedure = Criminal law]. *Aktual'nye problemy vzaimosvyazi ugolovnogo prava i ugolovnogo protsessa* [Topical problems of interrelation of criminal law and criminal procedure]. Proceedings of the All-Russian conference with international participation. Ufa, Institute of Law, Bashkir State University. October 31, 2016. Ufa: RIC Bashkir State University. [Online] Available from: http://www.iuaj.net/node/2136. (Accessed: 05.03.2018).
18. Smirnova, I.G. (2012) *Sotsial'naya tsennost' Rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Social value of the Russian criminal proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.
19. Barabash, A.S. (2005) *Priroda rossiyskogo ugolovnogo protsessa, tseli ugolovno-protsessual'noy deyatel'nosti i ikh ustanovlenie* [The nature of the Russian criminal procedure, the objectives of criminal procedural activity and their establishment]. St. Petersburg: Izdatel'stvo R. Aslanova "Yuridicheskiy tsentr Press".
20. Derishev, Yu.V. (2017) Dokazatel'stva i dokazyvanie [Evidence and proof]. In: Bulatov, B.B. & Baranov, A. M. (eds) *Ugolovnyy protsess. V 2 ch.* [Criminal Procedure. In 2 parts]. Pt. 1. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.
21. Galoganov, E.A. (2008) *Problemy realizatsii printsipa sostyazatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Problems of the implementation of the adversarial principle in the criminal proceedings of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

22. Sviridov, M.K. (2013) The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (8). pp. 101–106. (In Russian).
23. Sviridov, M.K. (2005) Sostyazatel'nost' i ustanovlenie istiny v ugolovnom sudoproizvodstve [Adversariality and the establishment of truth in criminal proceedings]. In: Yakimovich, Yu.K. (ed.) Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 10. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–7.
24. Sviridov, M.K. (2011) Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 142–147. (In Russian).
25. Vengerov, A.B. (2000) Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov [Theory of state and law: a textbook for law schools]. 3rd ed. Moscow: Yurisprudentsiya.
26. Packer, H. (1968) *The Limits of Criminal Sanctions.* N.Y.: Stanford University Press.

УДК 343.13 DOI 10.17223/23088451/11/6

С.П. Брыляков, А.Б. Диваев

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются основные направления развития досудебного производства в современной науке уголовного процесса, дается их критический анализ, выявляются наиболее существенные проблемы современной регламентации досудебного производства, излагаются главные положения по его модернизации.

Ключевые слова: *досудебное производство, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, предварительное следствие, дознание.*

Как показало исследование, в настоящее время в науке сформировался широкий спектр мнений по вопросам совершенствования досудебного производства. Он настолько широк, что какая-то содержательная их группировка практически невозможна. Условно, в этой сфере можно выделить два основных направления развития научной мысли.

Одна, достаточно представительная группа ученых не видит никаких перспектив в дальнейшем совершенствовании современной конструкции досудебного производства. По мнению сторонников такого подхода, необходимо окончательно отказаться от нынешней формы досудебного производства и конструировать совершенно новый его порядок, построенный на иных принципах.

Другие авторы не так категоричны. В отличие от своих оппонентов, они предлагают по-прежнему опираться на имеющуюся двустадийную конструкцию досудебного производства, видя в ней потенциал для совершенствования, его гармоничного встраивания в систему современного уголовного процесса.

Прежде чем высказаться по основному вопросу, заявленному в заглавии данной работы, как представляется, необходимо кратко остановиться на основных «болевых точках» ныне действующего досудебного производства.

1. Как известно, досудебное производство в нашем уголовном процессе состоит из двух последовательно сменяющих друг друга этапов – стадий досудебного производства: стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования. Двухстадийное построение досудебного производства по уголовному делу подразумевает, что каждая из стадий должна разрешать при помощи специфического процессуального инструментария некую совокупность характерных только для нее задач, подчиненных единой цели уголовного судопроизводства. Причем эти задачи не могут совпадать друг с другом. Совпадение же процессуальных средств их разрешения, используемых в разных стадиях уголовного судопроизводства, если и возможно, то только в порядке исключения. Если эти условия не соблюдаются, тот или иной этап теряет смысл, дублируя, а поэтому создавая конкуренцию другому этапу.

К сожалению, в нынешней редакции уголовно-процессуального закона именно это и произошло со стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Не вдаваясь в подробную дискуссию, определим, что стадия возбуждения уголовного дела, представляя собой своеобразный «спусковой крючок» для реализации всего, в том числе и принудительного, потенциала уголовного процесса, призвана разрешить двуединую задачу, состоящую в начале производства по уголовному делу при наличии законных оснований для этого или отказе от такового, когда таких оснований нет. В этой стадии нет жизненно важной необходимости устанавливать всю совокупность обстоятельств преступления, виновное лицо, его виновность, характер и размер причиненного вреда и т.д. Именно этим и объяснялась существовавшая еще до недавнего времени скудость уголовно-процессуальных средств, используемых в данной стадии при проверке заявлений и сообщений о преступлениях. В первоначальной и ряде последующих редакции Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. (далее – УПК РФ) таким безусловными средствами был разве что осмотр места происшествия и освидетельствование, а также некое действие, получившее название «назначение судебной экспертизы». В остальном, следователь или дознаватель, проверяя заявление или сообщение о преступлении, могли использовать исключительно непроцессуальные средства. Это было совершенно оправданно и полностью отвечало задачам стадии возбуждения уголовного дела, так как средства, которые законодатель предназначает для того или иного вида процессуальной деятельности, должны быть соразмерны задачам этой деятельности. Одинаково недопустим как недостаток, так и переизбыток этих средств. По сути, закрепив такой скудный процессуальный инструментарий для стадии возбуждения уголовного дела, законодатель подразумевал, что в любом случае, когда с его помощью однозначного ответа на вопрос об отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела в этой стадии дать нельзя – уголовное дело должно быть возбуждено.

Такое положение четко ограничивало задачи стадии возбуждения уголовного дела, так как для решения других задач не было процессуальных средств, и отграничивало стадию возбуждения уголовного дела от стадии предварительного расследования, где, собственно, и происходило установление события преступления, всех его обстоятельств, лица, виновного в совершении преступления и пр.

Ситуация резко поменялась в 2013 г., когда законодатель расширил перечень процессуальных средств

проверки заявлений и сообщений о преступлении, включив в него такие действия, как получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, назначение судебной экспертизы, исследование документов, предметов, трупов, в том числе и с привлечением специалиста, а также допустив, наряду с осмотром места происшествия, осмотр документов, предметов, трупов, освидетельствование.

Более того, ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ установила, что все сведения, полученные в ходе проверки заявления или сообщения о преступлении, могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75 и 89 УПК РФ, т.е. формальных требований допустимости доказательств.

В такой ситуации говорить о видимых отличиях стадии возбуждения уголовного дела от стадии предварительного расследования уже не приходится. По сути, исходя из процессуального инструментария, который может быть применен в этой стадии, практически нет таких задач стадии предварительного расследования, которые не могут быть решены в стадии возбуждения уголовного дела.

Тем самым приходится констатировать, что в том виде, в котором стадия возбуждения уголовного дела сейчас закреплена в законе, она действительно теряет всякий смысл, ее задачи практически совпали с задачами предварительного расследования. По большому счету, законодатель негласно создал еще одну форму предварительного производства, которая создает конкуренцию предварительному следствию и дознанию, а конкуренция процессуальных форм ничего, кроме беспорядка, в уголовно-процессуальное «хозяйство» не привносит.

2. Вызывает ряд вопросов и современное состояние такой формы предварительного расследования, как дознание. Для начала нужно сказать, что законодатель совершенно запутал ситуацию с соотношением общей и сокращенной форм дознания. Вроде бы закон считает эти формы дознания его видами, однако порядок производства сокращенного дознания настолько отличается от порядка производства в его общей форме, что впору говорить о них как о самостоятельных формах предварительного расследования, а не о видах одной из его форм – дознания.

Но это не главное. В конце концов, проблема не в терминах, хотя использование качественного непротиворечивого и однозначного в смысловом отношении терминологического аппарата – это одно из важнейших условий нормального правоприменения.

Гораздо более важной проблемой, как представляется, является то, что дознание, производимое в общей форме, в настоящее время практически ничем не отличается от предварительного следствия. Различия носят, скажем так, внешний, «косметический» характер. Да, в дознании иначе названы процессуальные документы, при том что их содержание практически идентично аналогичным процессуальным актам предварительного следствия, отличен статус лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, сокращены сроки. Но это только формальные отличия, которые не позволяют в настоящее время говорить о том, что дознание в общей форме чем-то принципиально отличается от предварительного следствия. По сути, дознание, производимое в общей форме, перестало быть тем, чем первоначально задумывалось – сейчас по отношению к предварительному следствию оно не является упрощенной формой, а, следовательно, его существование как минимум не бесспорно.

Вышеозначенная проблема влечет серьезные негативные последствия и в чисто организационном плане. Если ориентироваться на официально опубликованные статистические данные, отражающие структуру преступности в России, до 3/4 всех уголовных дел расследуется в форме дознания. Даже если из их числа исключить те уголовные дела, которые расследуются в форме сокращенного дознания, все равно удельный вес уголовных дел, расследуемых в общей форме дознания, по-прежнему будет очень велик. А это означает, что по подавляющему большинству уголовных дел дознаватель должен выполнить все те процессуальные мероприятия, которые выполняет следователь, однако в два раза меньшие сроки. Как тут не вспомнить о том негативном отношении большинства авторов научных трудов к качеству работы дознавателей. Но, осмелимся предположить, что львиная доля ответственности за это лежит не на дознавателе. Конечно, в среде дознавателей встречаются сотрудники со слабой квалификацией, низкой мотивацией к качественной работе и т.д., однако главная причина низкого качества материалов, направляемых в суд органами дознания, как раз объективна – имеющийся порядок производства дознания в общей форме, помноженный на среднюю нагрузку дознавателя, не позволяет по-другому расследовать уголовные дела.

3. Серьезной проблемой современного досудебного производства является и неопределенное положение прокурора, который имеет два отличных друг от друга «комплекта» полномочий в отношении процессуальной деятельности следователя и дознавателя, что выглядит нонсенсом, учитывая, что статусы следователя и дознавателя как лиц, производящих предварительное расследование, одинаковы. И следователь, и дознаватель призваны осуществлять идентичные задачи, для чего располагают одинаковым набором процессуальных средств их разрешения. Однако в отношении одного – дознавателя – прокурор обладает всей полнотой власти, руководя его процессуальной деятельностью и надзирая за ней, а в отношении другого – следователя – закон ограничивает прокурора исключительно надзорными полномочиями, и то специфически реализуемыми. Следователь является, наверное, единственным в своем роде субъектом, которому позволено не согласиться с надзорными указаниями прокурора об устранении нарушений федерального закона, допущенных следователем (ч. 6 ст. 37 УПК РФ). В предложенной законодателем системе отношений между прокурором и следователем второй, по сути, предоставлен сам себе, а то, что законодатель считает надзором, таковым не является. Не может считаться полноценным надзором, который всегда характеризовался как власт-

ная деятельность субъекта, обладающего специальными полномочиями, некая деятельность, состоящая в даче необязательных для исполнения поднадзорным субъектом указаний. И такое положение вещей, по нашему убеждению, ненормально.

4. Современная конструкция досудебного производства заставляет усомниться и в смысле существования в числе участников уголовного судопроизводства таких субъектов, как начальник органа и начальник подразделения дознания. В целом, идея законодателя относительно их введения в уголовно-процессуальный закон понятна. Учитывая, что законодатель с некоторых пор активно «взялся» за статус прокурора, вполне справедливо, решив, что его полномочия по руководству процессуальной деятельностью органов предварительного расследования плохо сочетаются с надзорными полномочиями, думается, что введение фигуры начальника подразделения дознания, а позднее и начальника органа дознания было вызвано необходимостью появления в числе участников уголовного судопроизводства лица, который был бы уполномочен руководить деятельностью дознавателя. Фигуры начальника органа и подразделения дознания, таким образом, задумывались как некий аналог руководителя следственного органа и, в перспективе, должны были принять на себя нагрузку по руководству процессуальной деятельностью дознавателя от прокурора. Однако эта «перспектива» так и не наступила, что автоматически процессуально «обесценило» их статусы, так как их содержание, фактически, дублирует полномочия прокурора по руководству дознанием. При этом речь здесь идет именно об их процессуальных полномочиях, так как административная роль начальника подразделения, а тем более органа дознания неоспорима.

Естественно, это не все, а самые существенные недостатки современного досудебного производства, и, как представляется, они убедительно показывают, что совершенствование досудебного производства – это не прихоть, а насущная необходимость.

Как уже было сказано выше, в настоящее время в науке большое распространение получило мнение о необходимости кардинального реформирования досудебного производства в виде полного отказа от нынешней его конструкции, как исчерпавшей потенциал для развития.

В частности, высказано мнение о необходимости исключения из уголовного судопроизводства стадии возбуждения уголовного дела. Причем это мнение появилось не сегодня. Еще в конце 90-х годов прошлого века такое предложение было высказано С.П. Серебровой [1, с. 50–52], А.В. Ленским [2, с. 8–14], Ю.В. Деришевым [3, с. 118] и др. В последние годы оно было поддержано А.С. Александровым [4, с. 18], Ю.П. Боруленковым [5, с. 4–8], Л.М. Володиной [6, с. 10–11], Б.Я. Гавриловым [7, с. 236–239] и многими другими учеными.

«Досталось» и предварительному расследованию. Наиболее революционной в отношении реформирования этой стадии производства по уголовному делу выглядит точка зрения, высказанная А.В. Смирновым, которым была разработана «концепция возрождения института следственных судей». Следственным судьей в его понимании должен быть «судья первой инстанции, действующий в пределах полномочий, предусмотренных УПК на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, и не участвующий в рассмотрении уголовных дел по существу, пересмотре судебных решений в апелляционном, кассационном, надзорном порядке или ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств». По делам, отнесенным к его подсудности, он «осуществляет правосудие в форме судебного контроля за соблюдением конституционных прав личности, наличием законных оснований для передачи уголовного дела в суд, а также оказывает сторонам содействие в собирании судебных доказательств путем проведения судейских следственных действий» [8].

По задумке автора, введение этой фигуры позволит решить сразу несколько задач. Следственный судья как должностное лицо, представляющее судебную, а не обвинительную власть, станет, как считает автор, своеобразным «фильтром» для незаконных и необоснованных обвинений, воспрепятствует их поступлению в суд. Кроме того, он должен усилить состязательные начала на предварительном следствии, а также стать дополнительным гарантом конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве [8].

Между тем позволим себе не согласиться с мнением А.В. Смирнова, так как само по себе введение какого бы то ни было процессуального статуса не гарантирует от незаконного или необоснованного обвинения – следственный судья человек, а тому свойственно ошибаться. Минимизация следственных ошибок – это проблема системная, решение которой лежит в плоскости повышения профессионализма сотрудников правоохранительных органов. Более того, в представленной концепции следственный судья не заменяет, а дополняет следователя, что неминуемо приведет к дубляжу полномочий, а следовательно, к усложнению и так излишне заформализованного досудебного производства.

Что касается состязательности на стадии предварительного расследования, известно, что в условиях процессуально регламентированного предварительного производства, предшествующего судебным стадиям рассмотрения уголовного дела, ее полноценной реализации в досудебной части уголовного процесса быть не может. Это обстоятельство следует из того, что процессуальный порядок предварительного расследования сам по себе не подразумевает равенства прав сторон. Можно тем или иным способом усиливать состязательные начала, например закрепляя обязанность следователя или дознавателя удовлетворять каждое ходатайство подозреваемого, обвиняемого или его защитника о приобщении к материалам дела каких-либо предметов или документов, либо производстве следственных действий. Однако даже в этом случае о равенстве прав сторон в стадии предварительного расследования говорить нельзя. Никогда участник уголовного судопроизводства, наделенный властными полномочиями, не станет процессуально равным участнику, у которого такие полномочия отсутствуют.

Одинаково бесперспективны, как представляется, и прямые заимствования из дореволюционного порядка

досудебного производства, которые некоторыми рассматриваются как единственно возможный способ его реформирования, и идеи по введению института «параллельного» адвокатского расследования [9, с. 22–23].

Как известно, в основе досудебного производства в дореволюционном уголовном процессе лежало четкое деление на внесудебную деятельность по раскрытию преступления (дознание) и дальнейшее предварительное следствие, которое осуществлялось сотрудником суда – судебным следователем. В таком построении досудебного производства многие видят сейчас универсальное средство, которое одновременно поможет и усилить состязательное начало, так как судебный следователь – это судебный чиновник, и устранит обвинительный уклон предварительного следствия, и поможет лицу, ведущему его более объективно относиться обстоятельствам уголовного дела. Но это в идеале. А что будет в реальности? В реальности, этими «судебными следователями» будут те же сотрудники нынешних органов предварительного расследования (того же Следственного комитета РФ), так как других брать просто неоткуда. И вместе с ними в суды, которые и так не «страдают» от недостатка проблем, придут все проблемы современного предварительного следствия, включая пресловутый «обвинительный уклон», о наличии которого в деятельности суда не говорит разве что только ленивый. Конечно, со временем, когда произойдет обновление кадрового состава этих «следственных судей», от таких недостатков можно будет избавиться, однако сколько на это потребуется времени, никто не знает. Вполне вероятно, что десятилетия.

Не выдерживает критики и на первый взгляд очень привлекательная идея «параллельного» адвокатского расследования, когда стороне защиты будет предоставлена возможность на паритетных началах со следователем производить следственные действия и формировать свою доказательственную основу для отстаивания позиции по делу. При всей своей привлекательности такое построение предварительного расследования, с одной стороны, практически не реализуемо на практике, а, с другой – в случае реализации может иметь определенно вредные последствия. Представим себе: защитнику позволили производить следственные действия. Однако тут же возникает вопрос, а каким образом ему обеспечить выполнение этих полномочий, так как любое уголовно-процессуальное мероприятие идет «рука об руку» с принуждением? Но государственное принуждение – это прерогатива властного субъекта, а защитник властью не обладает. При этом нужно понимать, что возможность применения принуждения в отношении участника уголовного судопроизводства, вовлеченного в собирание доказательств, – это еще и одно из самых эффективных средств обеспечения их достоверности. Сами посудите, какова доказательственная ценность показаний, данных в условиях, когда к свидетелю нельзя применить мер уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний? А каким образом защитник будет производить осмотры, освидетельствования, обыски, выемки, получать образцы для сравнительного исследования и т.д.? Выходит, защитнику по-прежнему придется обращаться за содействием к следователю или дознавателю. О каком полноценном «параллельном» расследовании тогда может идти речь?

Одним словом, несмотря на разнообразие предлагаемых моделей кардинального реформирования досудебного производства, по нашему мнению, ни одна из них не выдерживает критики и не может быть воплощена в реальности. А поэтому более жизнеспособна идея модернизации уже существующей модели досудебного производства, в фундаменте которой находится его двухстадийное построение и предварительное следствие как основная, развернутая форма предварительного расследования.

Для реализации данной цели, по нашему мнению, предлагаемая модель досудебного производства должна решить ряд взаимосвязанных проблем. Во-первых, она должна наполнить новым содержанием стадию возбуждения уголовного дела, возложив на нее ряд задач, которые будут гармонично встроены в систему задач уголовного судопроизводства в целом, не перекрывая задач, присущих предварительному расследованию. Во-вторых, данная модель, наконец-то, должна разрешить вечную проблему соотношения предварительного следствия и дознания, предусматривая действительно упрощенную (сокращенную, суммарную), но при этом эффективную форму предварительного расследования. В-третьих, фигура следователя в этой модели должна приобрести значение самостоятельного и, что самое главное, ответственного участника уголовного судопроизводства, решения которого прямо влияли бы на дальнейшую перспективу производства по уголовному делу. И наконец, эта модель должна возродить полноценный механизм прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органа предварительного расследования.

Решение всех указанных проблем возможно только в комплексе, а поэтому модернизации должна подвергнуться не какая-то отдельная стадия, а досудебное производство в целом. Если тезисно изложить наши предложения, то они могут быть сформулированы в виде следующих положений.

1. Мы глубоко убеждены в том, что отказ от стадии возбуждения уголовного дела, по крайней мере в ближайшей перспективе, преждевременен. Для отказа от нее должны сложиться объективные предпосылки, которых пока нет. Отказ же от нее только по мотиву того, что эта стадия – «пережиток советского прошлого» или по причине того, что от нее отказались все «цивилизованные страны мира», не серьезен и ничего, кроме вреда, не принесет. Исключение стадии возбуждения уголовного дела, по нашему мнению, приведет только к одному: сотрудники органов предварительного расследования, получив сообщение о возможном преступлении, прежде чем приступить к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности по нему, по-прежнему предварительно будут проверять это сообщение на предмет наличия признаков преступления, но уже вне процессуальной регламентации, создав тем самым подобие стадии возбуждения уголовного дела, ее «суррогат». Это неминуемо породит еще большую

волокиту, сокрытие сообщений о преступлениях, лишит объективно уголовно-процессуальную деятельность соответствующей законодательной регламентации. Если это и есть «оптимизация» досудебного производства, то мы решительно против нее.

Между тем, чтобы вдохнуть жизнь в стадию возбуждения уголовного дела, достаточно пересмотреть ее сущность и избавиться от присущего в настоящее время формального отношения к ней. По сути, она должна приобрести определяющее значение для всего дальнейшего производства по уголовному делу. Сделать это не так сложно. Для этого нужно, во-первых, жестко ограничить сроки проверки сообщения преступления, допустим, 15 сутками без права продления этих сроков, а во-вторых, исключить из возможных средств проверки сообщения о преступлении процессуальные средства, имеющие безусловный принудительный потенциал. В стадии возбуждения уголовного дела нельзя производить обыски, выемки, получать образцы для сравнительного исследования и производить иные тому подобные действия. При этом здесь, наряду с непроцессуальными средствами проверки, вполне возможно допустить производство осмотров, допросов и судебной экспертизы, если она не требует получения образцов для сравнительного исследования и ее производство возможно в установленный законом срок.

Предложенные ограничения существенно сузят круг потенциально решаемых в этой стадии задач и тем самым отграничат стадию возбуждения уголовного дела от стадии предварительного расследования.

2. Итоговое решение, принимаемое в результате проверки сообщения о преступлении, должно не просто констатировать акт возбуждения уголовного дела, но и определять форму дальнейшего расследования. Это видится следующим образом. В настоящее время большая доля сведений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, в дальнейшем при расследовании и рассмотрении уголовного дела не используется. Следователям и дознавателям после возбуждения уголовного дела приходится проводить следственные действия и повторно получать сведения, дублирующие информацию, полученную в ходе проверки сообщения о преступлении. Такая двойная работа, естественно, приводит следователей и дознавателей к мнению о бесполезности их усилий в стадии возбуждения уголовного дела, а следовательно, и к ненужности самой стадии.

Чтобы преодолеть такое отношение, достаточно вовлечь материал, полученный в стадии возбуждения уголовного дела, в доказывание по уголовному делу. При этом количество и качество этих сведений должно стать основой для принятия решения не только о возбуждении уголовного дела, но и об осуществлении предварительного расследования в общей или упрощенной форме. Если следователь в ходе проверки сообщения о преступлении, допустим, получил достаточное количество сведений, и это позволило ему установить уже на этом этапе обстоятельства события преступления лицо, совершившее преступление, и его виновность, правильно квалифицировать содеянное, что, в свою очередь, дает ему возможность сократить основной этап досудебного производства – предварительное расследование, он должен принять такое решение, вынеся постановление о возбуждении уголовного дела и расследовании преступления в форме сокращенного предварительного расследования.

Если же, наоборот, сроки и процессуальные средства проверки сообщения о преступлении, допущенные в стадии возбуждения уголовного дела, позволили следователю констатировать только наличие признаков преступления, или он с их помощью не установил наличие оснований для отказа в возбуждении дела, он должен, возбудив дело, одновременно инициировать предварительное расследование общей формы и приступить к его осуществлению. При этом все материалы, полученные им в ходе проверки сообщения преступления, без какого-либо дополнительного оформления должны признаваться доказательствами и использоваться в дальнейшем как в ходе расследования, так и в ходе судебного разбирательства без каких бы то ни было ограничений.

Возражения относительно возможных ограничений прав и законных интересов граждан, которые могут сопровождать процесс собирания сведений о преступлении и которые, по общему правилу, недопустимы до возбуждения уголовного дела, здесь легко опровергнуть. Во-первых, ничто не мешает законодателю предусмотреть достаточную систему гарантий от возможных нарушений прав и законных интересов граждан уже в стадии возбуждения уголовного дела. Это можно сделать тем же образом, как это предусматривает ч. 1.2 ст. 144 ныне действующей редакции УПК РФ, где сказано, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения правил их допустимости, предусмотренных законом.

Во-вторых, эти сведения, в любом случае должны стать предметом проверки в судебном заседании, а поэтому окончательное решение о возможности их использования при постановлении приговора будет за судом, что само по себе является самой существенной гарантией от нарушения прав и законных интересов личности в досудебном производстве.

3. Несмотря на все попытки законодателя, приходится констатировать, что ему не удалось найти сбалансированное соотношение между предварительным следствием и дознанием, а поэтому единственно правильным решением этой «вечной» проблемы было бы упразднение деления форм расследования на предварительное следствие и дознание. Исходя из нашей процессуальной традиции, целесообразно для обозначения этого вида деятельности использовать единый термин – «предварительное следствие», осуществление которого допустить в полной и сокращенной форме.

Соответственно этому должна подвергнуться реорганизации система органов предварительного расследования и состав участников уголовного судопроизводства. Что это означает? Необходимо прекратить деление сотрудников правоохранительных органов, фактически осуществляющих один и тот же вид деятельности, на следователей и дознавателей, сведя их в

единый корпус следователей. При этом с уголовно-процессуальной точки зрения несущественно, будут они объединены в единый следственный аппарат или «разбросаны» по ряду ведомств. Может быть, с точки зрения повышения эффективности прокурорского надзора, избавления от межведомственного противостояния и проблем с определением подследственности наличие единого органа предварительного следствия является более предпочтительным, но, повторимся, особого уголовно-процессуального значения эта проблема не имеет. Самое главное здесь заключается в том, что из уголовно-процессуального закона должны исчезнуть процессуальные фигуры органа дознания, начальника органа или подразделения дознания, дознавателя. Любое должностное лицо, уполномоченное законом осуществлять предварительное расследование, должно именоваться следователем, а его непосредственный руководитель – руководителем следственного органа.

Следователь при этом должен стать участником уголовного судопроизводства, который определяет перспективы производства по уголовному делу, его траекторию и, самое главное, несет ответственность за принятое решение. Принятие такого судьбоносного для производства по уголовному делу решения должно происходить, как уже было сказано, при возбуждении уголовного дела, где следователь, исходя из имеющихся сведений, степени установления обстоятельств преступления, должен решить, по какому пути пойдет дело – по общему или сокращенному. Учитывая важность данного решения и перспективу поддержания обвинения по нему в суде, необходимо также предусмотреть обязанность его согласования с прокурором.

Здесь важно подчеркнуть и то, что решение о сокращении предварительного следствия не должно находиться в зависимости от мнения подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего. Это решение должно исходить именно от следователя, который принимает его исходя из сложившейся следственной ситуации и собственной убежденности в доказанности обстоятельств преступления.

Мы также убеждены и в том, что это решение не должно зависеть от каких-либо формальных критериев, тяжести преступления. Как показывает практика, зачастую, с фактической стороны расследование преступления небольшой или средней тяжести представляется гораздо более сложной задачей, нежели чем расследование тяжкого или особо тяжкого преступления. А поэтому ставить форму следствия в зависимость от тяжести преступления – значит сознательно провоцировать волокиту и нарушение прав участников уголовного судопроизводства.

4. В данном исследовании, учитывая его границы, мы не будем останавливаться на процедурных тонкостях предполагаемого сокращенного предварительного следствия. Отметим лишь, что за его основу можно принять вполне удачную, по нашему мнению, конструкцию современного дознания в сокращенной форме, естественно, с той оговоркой, что она должна быть в части используемой терминологии унифицирована с предварительным следствием.

5. Говоря о досудебном производстве, нельзя не сказать о прокурорском надзоре, так как это неотъемлемый от досудебного производства вид деятельности. Любые попытки высвобождения следователя или дознавателя от этого «бремени» приводят только к одному – понижению качества расследования и снижению стандартов обеспечения прав и свобод личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство.

Вместе с тем и в этой части досудебное производство нуждается в преобразовании. Правда, это скорее модернизация через возврат к прошлому, нежели чем «изобретение велосипеда». Ликвидация деления предварительного расследования на предварительное следствие и дознание сама по себе приведет к возврату унифицированного порядка прокурорского надзора, без разделения полномочий прокурора на полномочия «в отношении деятельности следователя» и полномочия «в отношении дознавателя». Прокурор должен обладать единым объемом полномочий, которые позволяли бы ему обеспечивать исполнение закона и соблюдение прав и свобод человека в ходе досудебного производства.

Говоря о самих полномочиях, необходимо отметить насущную необходимость отделения процессуальной функции надзора, характерной для прокурора, от функции процессуального руководства деятельностью следователя, которая полностью должна быть сосредоточена в руках руководителя следственного органа. Произойти это может только в случае перераспределения полномочий прокурора и исключения дублирующих друг друга форм деятельности прокурора и руководителя следственного органа. Если говорить, максимально обобщая, за прокурором должны быть закреплены надзорные полномочия в отношении деятельности следователя по приему, регистрации и рассмотрению сообщения о преступлении, законности его решений о возбуждении уголовного дела и определении формы предварительного следствия по нему, а также решений, отражающих движение уголовного дела (приостановление и прекращение уголовного дела, продление сроков его производства и т.д.). Руководитель же следственного органа должен осуществлять такие «технические» полномочия, как дача указаний о направлении расследования, передача уголовного дела от одного следователя другому, отвод следователя, образование следственной группы и др.

6. И наконец, последнее. Несмотря на то, что данное исследование посвящено досудебному производству, нельзя не сказать несколько слов о суде, точнее о «следственных судьях». Введение такого уголовно-процессуального института возможно, и даже необходимо, однако с единственной целью – следственные судьи должны стать теми судьями, которые будут рассматривать жалобы на действия и решения органов предварительного расследования и прокурора, а также ходатайства следователя о применении мер принуждения и производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан в ходе досудебного производства, перечень которых дан в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, тем самым осуществляя судебный контроль в ходе досудебного производства.

При этом они, безусловно, должны быть лишены возможности рассмотрения уголовных дел в какой бы то ни было инстанции. Более того, наиболее целесообразно выделить этих судебных должностных лиц – следственных судей – в отдельную подсистему судебных органов, а не учреждение этих должностей в судах общей юрисдикции. Это еще больше подчеркнет специализированный характер их деятельности, максимально отдалит следственного судью от рассмотрения уголовного дела по существу. Тем самым проблема вовлечения суда в деятельность органов предварительного расследования, подвергающаяся справедливой критике, будет устранена само по себе.

Все высказанные предложения – это всего лишь некий каркас той модели досудебного производства, который представляется нам наиболее рациональным в современных условиях. Однако их реализация, как мы надеемся, может привести к существенному улучшению того незавидного положения, в котором оказалось современное досудебное производство сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сереброва С.П.* Проблемы рационализации досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1997. 291 с.
2. *Ленский А.В.* Досудебное (предварительное) производство в современном уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. 28 с.
3. *Дершев Ю.В.* Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. 213 с.
4. *Александров А.С., Грачев С.А.* Проект нового порядка открытия нового расследования уголовного расследования по сообщению о преступлении // Уголовный процесс. 2015. № 7. С. 14–21.
5. *Боруленков Ю.П.* Доследственная проверка: за и против // Российский следователь. 2013. № 19. С. 4–8.
6. *Володина Л.М.* Проблема регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 5–11.
7. *Гаврилов Б.Я.* Уголовная политика России: научные и законодательные мифы и реалии правоприменения // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 233–251.
8. *Смирнов А.В.* Возрождение следственных судей в российском уголовном процессе. URL: http://www.iuaj.net/node/1723 (дата обращения: 05.03.2018).
9. *Горя Н.* Принцип состязательности и функции защиты в уголовном процессе // Советская юстиция. 1990. № 7. С. 22–23.

ON DEVELOPMENT PERSPECTIVES OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 29−36. DOI 10.17223/23088451/11/6

Sergey P. Brylyakov, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sergeybr1981@mail.ru

Aleksandr B. Divaev, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: divalex09@mail.ru

Keywords: pre-trial proceedings, initiation of criminal case, preliminary investigation, preliminary examination, inquiry.

Pre-trial proceedings are currently the most discussed part of criminal proceedings. In the science of the criminal procedure in this regard, two main directions have been formed. One group of authors argue for the need to completely abandon the current pre-trial proceedings design. In their opinion, it is necessary to completely abandon the procedural regulation of activities to verify the statement or report of the crime, and to more actively include the adversariality principle in the preliminary investigation. Others, on the contrary, believe that the current model of pre-trial proceedings, based on a two-stage pre-trial proceedings design, the procedural regulation of the criminal case initiation and the fundamental importance of the preliminary investigation, has not yet exhausted the potential for its modernisation, and may well be included in the needs of the modern criminal procedure.

The authors of the article proceed from the second position, and propose a model of pre-trial proceedings in a criminal case which solves a number of problems that the law enforcer currently has. Firstly, the model fills the stage of initiating a criminal case with a new content by giving it a number of tasks that are harmoniously integrated into the tasks of criminal proceedings in general, without overlapping the tasks of the preliminary investigation. Secondly, the model resolves the eternal problem of the correlation between the preliminary investigation and inquiry by abolishing inquiry and providing for a really simplified (shortened, summary), but effective form of preliminary investigation. Thirdly, the figure of the investigator in this model acquires the value of an independent and, most importantly, responsible participant in criminal proceedings, whose decisions would directly influence the further development of criminal proceedings. Finally, the model is based on the revival of a full-fledged mechanism for prosecutor's supervision over the procedural activity of the preliminary investigation body.

References

1. Serebrova, S.P. (1997) *Problemy ratsionalizatsii dosudebnogo proizvodstva* [Problems of rationalisation of pre-trial proceedings]. Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
2. Lenskiy, A.V. (1998) *Dosudebnoe (predvaritel'noe) proizvodstvo v sovremennom ugolovnom protsesse Rossii* [Pre-trial (preliminary) proceedings in the modern criminal procedure in Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
3. Derishev, Yu.V. (1998) *Optimizatsiya dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii* [Optimisation of pre-trial proceedings in the criminal procedure of Russia]. Law Cand. Diss. Omsk.
4. Aleksandrov, A.S. & Grachev, S.A. (2015) Proekt novogo poryadka otkrytiya novogo rassledovaniya ugolovnogo rassledovaniya po soobshcheniyu o prestuplenii [Draft new procedure for the opening of a new criminal investigation based on the crime report]. *Ugolovnyy protsess*. 7. pp. 14–21.
5. Borulenkov, Yu.P. (2013) Dosledstvennaya proverka: za i protiv [Pre-investigation check: pro and contra]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 19. pp. 4–8.

6. Volodina, L.M. (2013) Problema reglamentatsii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [The problem of the regulation of the criminal case initiation]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 5–11.
7. Gavrilov, B.Ya. (2014) Ugolovnaya politika Rossii: nauchnye i zakonodatel'nye mify i realii pravoprimeneniya [The criminal policy of Russia: Scientific and legislative myths and realities of law enforcement]. *Biblioteka kriminalista*. 3. pp. 233–251.
8. Smirnov, A.V. (2015) *Vozrozhdenie sledstvennykh sudey v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Revival of investigative judges in the Russian criminal procedure]. [Online] Available from: http://www.iuaj.net/node/1723. (Accessed: 05.03.2018).
9. Gorya, N. (1990) Printsip sostyazatel'nosti i funktsii zashchity v ugolovnom protsesse [The adversarial principle and functions of the defence in the criminal procedure]. *Sovetskaya yustitsiya*. 7. pp. 22–23.

УДК 341.343 DOI 10.17223/23088451/11/7

О.В. Воронин

О ПОНЯТИИ, СОДЕРЖАНИИ, ТИПАХ, ВИДАХ И СЛОЖИВШИХСЯ МОДЕЛЯХ ЭКСТРАДИЦИИ

Экстрадиция представляет собой правовой институт и разновидность правоприменительной деятельности. С точки зрения права – это межотраслевой институт, включающий в себя нормы международного, конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. При этом, с учетом положений ст. ст. 460–473 УПК РФ, нормы уголовного процесса являются определяющими. В настоящий момент сложились три основные системы экстрадиции: европейско-континентальная, англо-американская система стран общего права и смешанная.

Ключевые слова: *экстрадиция, выдача, передача, этапирование, Международный уголовный суд, Европейский ордер на арест, прокуратура, международное правовое сотрудничество, уголовный процесс.*

Современное отечественное законодательство не дает легального определения понятию экстрадиции.

В литературе под экстрадицией понимается комплекс уголовно-процессуальных действий, направленных на розыск, задержание, заключение под стражу и передачу лица иностранному государству или в органы и учреждения международной юстиции (международному трибуналу, Международному уголовному суду) на основании и в порядке, установленном международными договорами Российской Федерации и национальным законодательством, либо на основе принципа взаимности с целью осуществления уголовного преследования, отправления правосудия или приведения в исполнение вступившего в силу приговора суда [1, с. 18; 2, с. 5]. При этом полемика ведется по всем вопросам, начиная от целей, правового содержания и заканчивая субъектами и участниками экстрадиционного процесса.

Этимологически термин «экстрадиция» происходит от лат. extraditio: *ex* – из, вне + *traditio* – передача.

История данного правового института восходит к древности. Первые упоминания об экстрадиции можно встретить уже в «Договоре о мире», подписанном фараоном Рамзесом II и хеттским царем Хеттушилом III в 1268 г. до н. э. В литературе также приводится много примеров из древней истории Китая, Греции, Рима, ассирийско-вавилонской цивилизации [3, с. 30–34]. Применительно к нашей стране аналоги экстрадиции можно встретить уже в соглашениях киевских князей с Византией. Так, договоры князя Олега (911 г.), Игоря (944 г.) и Святослава (971 г.) предусматривали процедуры обмена и выдачи виновных лиц, решение вопросов возмещения имущественного ущерба и конфискации имущества высылаемых преступников. К примеру, согласно договорам 911 и 944 гг., «русские, совершившие преступление в Византии, должны выдаваться для наказания отечеству. И наоборот, греки должны отсылаться в Византию» [4, с. 16].

Экстрадицию можно рассматривать и как правовой институт, и как разновидность правоприменительной деятельности. С точки зрения права она представляет собой межотраслевой институт, включающий в себя нормы международного, конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. При этом, с учетом положений ст. ст. 460-473 УПК РФ, нормы уголовного процесса можно считать определяющими. Кроме того, представляется правильным рассматривать экстрадицию как самостоятельный правовой институт, отдельный от правовой помощи по уголовным делам и международно-правового сотрудничества в ходе уголовного судопроизводства.

Как самостоятельный вид деятельности экстрадиция представляет собой правовой процесс, осуществляемый двумя или несколькими государствами в соответствии с международным и национальным законодательством, «с помощью которого одна страна передает в другую лицо, обвиненное (или осужденное) в совершении уголовного преступления против законов запрашивающего государства или в нарушении международного уголовного права – в целях уголовного преследования или наказания его в запрашиваемом государстве в соответствии с преступлением, указанным в требовании» [5, с. 8].

Термины «экстрадиция» (*extradition*), «выдача» (*delivery*), «передача» (*surrender*) и «доставка» часто рассматриваются как синонимичные. Между тем буквальное толкование международно-правовых норм позволяет сделать вывод об их различном содержании.

Под выдачей, как правило, понимается лишь доставка одним государством находящегося на его территории лица другому государству для привлечения к уголовной ответственности или для исполнения приговора. В свою очередь, под передачей понимается доставка государством лица в международный орган или учреждение юстиции, как правило, Международный уголовный суд или международный трибунал для уголовного преследования или осуществления правосудия. В этом случае имеет место передача национальными органами и учреждениями юстиции (судами) Международному уголовному суду или международным трибуналам права осуществить правосудие в отношении гражданина своей страны, что, по мнению некоторых ученых, вообще не может являться экстрадицией, поскольку последняя предполагает только передачу лица другому государству [6, с. 24]. Так, согласно ст. 102 Римского статута Международного уголовного суда (далее – Статут), под термином «экстрадиция» (*extradition*) понимается доставка лица одним государством другому на основании договора, конвенции или национального законодательства. Под термином «передача» (*surrender*) понимается доставка лица

государством Международному уголовному суду в соответствии со Статутом. В любом случае термин «экстрадиция» значительно шире, так как помимо самой доставки и передачи охватывает целый комплекс уголовно-процессуальных и иных мер, направленных на инициирование производства, установление местонахождения лица, проведение проверки, избрания мер процессуального принуждения и решения ряда иных процедурных вопросов, связанных с проверкой и оценкой всех обстоятельств дела.

Что же касается отличия «экстрадиции» от «доставки», то, по справедливому мнению Ю.В. Минковой, последнее понятие не имеет самостоятельного юридического смысла и служит лишь термином, имеющим описательное значение для одного из вспомогательных действий, проводимых при экстрадиции лица [7, с. 12].

Экстрадицию также необходимо отличать от таких мер, как депортация, высылка и выдворение. Принципиальное отличие заключается в том, что все указанные меры носят административную природу и предусматривают упрощенный порядок (процедуру) осуществления. Реализация указанных мер регулируется национальным административным законодательством (в России – в основном Кодексом об административных правонарушениях РФ и ФЗ РФ № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации») и происходит по инициативе государства пребывания лица без согласия и участия других стран, в том числе стран, гражданами которых являются выдворяемые (депортируемые или высылаемые) лица.

Этапирование (*convoy*), так же как и выдача, не имеет самостоятельного юридического значения и отличается от экстрадиции тем, что включает в себя только перевозку лица по территории Российской Федерации в место, установленное для передачи, и осуществляется после принятия уполномоченными органами России решения о возможности осуществления передачи требуемого лица иностранному государству.

В настоящий момент сложились три основные системы экстрадиции: европейско-континентальная, англо-американская система стран общего права и смешанная. В рамках этих систем принято выделять отдельные модели экстрадиции. К примеру, ранее в европейско-континентальной системе отдельно выделяли модели, характерные для Бенилюкса, Скандинавии и стран Восточной Европы. Сейчас для этой системы характерны в основном две модели – экстрадиция по единым правилам Евросоюза (для стран-участниц Евросоюза) и экстрадиция, осуществляемая на основании традиционных процедур с учетом особенностей национального законодательства отдельных стран (некоторые страны Скандинавии, Россия). В странах общего права выделяют модели, характерные для стран Британского содружества (Великобритании, Австралии и некоторых стран бывших британских колоний) и для стран северо-американского континента (США и Канады). Смешанная система (или «французская») применяется в таких странах, как Франция, Италия и Турция.

Принципиальное отличие европейско-континентальной системы заключается в том, что процедура выдачи носит административный характер: поступивший запрос рассматривается министерством иностранных дел с точки зрения его соответствия заключенным международным соглашениям, а затем поступает в Министерство юстиции (прокуратуру)[1] для юридического заключения относительно своего соответствия заключенным международным договорам и национальному законодательству [5, с. 10]. Окончательное решение о выдаче принимает либо само Министерство юстиции (прокуратура), либо правительство (компетентный орган). В суд дело поступает лишь в случая возникновения сомнения у компетентного органа в обоснованности обвинения, выдвигаемого против выдаваемого лица. Однако заключение суда носит лишь консультативный характер: запрашиваемое лицо может быть выдано и при отрицательном решении суда, поскольку, согласно сложившейся практике, проверка виновности не является задачей страны, в которую поступил зарос о выдаче [5, с. 11]. Другими словами, для этой системы не требуется проверка обоснованности предъявленного обвинения выдаваемому лицу, принятие окончательного решения принадлежит компетентному органу – правительству или Минюсту (прокуратуре). По сути, для положительного решения вопроса в этом случае требуется лишь правильно составленный запрос и доказательства того, что обвиняемый и запрашиваемое лицо – один и тот же субъект. Причины такого порядка заключаются в том, что европейские страны не выдают своих граждан, а выдают лишь иностранцев, что также служит еще одной сущностной чертой континентально-европейской системы экстрадиции.

Англо-американская система, напротив, предусматривает обязательное судебное участие в разрешении вопроса об экстрадиции запрашиваемого лица. При этом выдача возможна лишь на основании исследования судом достаточности оснований и неопровержимости доказательств, изобличающих лицо в совершении преступления. Под достаточностью оснований понимается «достаточность доказательств для того, чтобы любой здравомыслящий человек приобрел уверенность в том, что представший перед судом человек действительно совершил преступление». Таково традиционное англо-американское правило в отношении представления доказательств, и именно оно является причиной многих недоразумений в отношениях со странами континентального права [5, с. 11]. Причина же столь сложной процедуры кроется в том, что англо-американская система экстрадиции, в отличие от континентально-европейской, придерживается неизменного правила: выдавать скрывающихся преступников независимо от их гражданства. Именно такой политики придерживаются США [5, с. 12].

Смешанная система экстрадиции впервые была введена во Франции и потому получила название «французской». Согласно правилам, характерным для этой системы, поступивший запрос изначально рассматривается в судебных инстанциях. Отрицательное

[1] Следует иметь в виду, что в большинстве европейских стран прокуратура не является отдельным ведомством и функционирует либо в составе министерства юстиции, либо в структуре судебной системы.

решение судебных органов является обязательным для компетентного органа (Министерства юстиции): оно обязано отклонить запрос. Вместе с тем положительное решение суда не является обязательным для исполнительной власти: оно носит рекомендательный характер. Любопытной чертой смешанной системы является то, что она не требует представления доказательств вины преступника, но в то же время запрашиваемому лицу разрешается приводить доказательства в пользу своей невиновности. Другими словами, несмотря на то, что вопрос о виновности обвиняемого разрешается в стране совершения преступления, запрашиваемое лицо может приводить убедительные доказательства своей невиновности в суде страны пребывания, которые должны быть учтены судебными инстанциями [5, с. 12].

Следует отметить, что глобализационные процессы приводят к конвергенции сложившихся моделей экстрадиции: страны с традиционной административной процедурой экстрадиции постепенно расширяют сферу судебного контроля за деятельностью компетентных органов, принимающих по существу решение о выдаче. В свою очередь, страны, где решение вопроса о выдаче относится к исключительной прерогативе судебной власти, расширяют административные процедуры в разрешении данных дел.

В научной литературе выделяют несколько видов экстрадиции.

В зависимости от цели, в связи с которой запрашивается выдача, выделяют экстрадицию: с целью осуществления уголовного преследования; с целью производства отдельных следственных и процессуальных действий (выдача на время); с целью осуществления правосудия; с целью исполнения приговора, в этом случае отдельно принято выделять передачу для отбывания наказания и передачу для применения принудительных мер медицинского характера.

В зависимости от нормативно-правовых оснований, используемых при разрешении вопроса о выдаче, выделяют три вида экстрадиции: осуществляемую на основании нормативно-правовых актов международного и национального характера (договорная, конвенциальная); осуществляемую на основании принадлежности и сотрудничества в международных органах, учреждениях и организациях регионального, межрегионального, международного и глобального характера (институциональная); осуществляемую на основании принципа взаимности.

По субъектному основанию, в зависимости от гражданской принадлежности выдаваемого лица, выделяется экстрадиция граждан (США, Япония), иностранных граждан, лиц без гражданства (большинство стран), лиц с двойным гражданством.

Исходя из содержания правовых отношений при осуществлении выдачи (регулятивного основания), выделяют: экстрадицию лиц по запросу Российской Федерации из иностранного государства в Россию; экстрадицию лиц по запросу иностранного государства из России; экстрадицию (передачу) лица в органы или учреждения международной юстиции – Международный уголовный суд или международный трибунал.

В зависимости от содержания правоприменительной деятельности и экстрадиционных процедур выделяют выдачу, осуществляемую в традиционном («общем»), усложненном и упрощенном порядке. Как правило, усложненный порядок применяется при передаче лица в органы и учреждения международной юстиции (Международный уголовный суд и международные трибуналы). Примером упрощенного порядка экстрадиции может служит выдача между странами – членами Евросоюза на основании Европейского ордера на арест (*European Arrest Warrant, EAW*) [8].

Принципы экстрадиции представляют собой наиболее общие начала, которыми руководствуются страны при заключении двухсторонних договоров или при изменении национального законодательства. К ним относятся:

Экстрадиционность преступления – преступление должно входить в список преступлений, за совершение которого возможно потребовать выдачи. В международной практике сложились два основных способа определения экстрадиционности. Перечневым методом, путем перечисления в договорах и конвенциях конкретных составов преступлений, за которые возможно выдача. И с помощью так называемой «системы минимального срока наказания», когда основным критерием служит мера наказания, предусмотренная за конкретное преступление. При этом обычно минимальным сроком наказания считается один год тюремного заключения.

Двустороннее определение состава преступления (принцип «двойной преступности», «двойной криминальности») – когда то или иное правонарушение считается преступным в соответствии с законодательством обеих договаривающихся стран. При этом в зависимости от жесткости конструкции диспозиции выделяют несколько форм реализации данного принципа. Либеральная форма – рассматриваемое преступление должно быть просто уголовно наказуемым в обоих государствах. Традиционная – одно из договаривающихся государств требует, чтобы в законодательстве другой договаривающейся страны имелось точно такое же преступление и чтобы все элементы состава преступления были одинаковыми. Жесткая форма – когда помимо совпадения элементов состава должны быть предусмотрены также одинаковые санкции.

Принцип «или выдай, или суди» (*aut dedere, aut judicare*) означает, что любое преступление, совершенное лицом, подлежащим выдаче, должно получить соответствующую оценку в установленном законом, конвенцией или международным договором порядке в юрисдикции либо страны совершения преступления (пребывания преступника), либо страны принадлежности (гражданства или подданства) лица, совершившего преступление.

Принцип ограничения в преследовании выданного лица означает, что лицо не может быть преследуемое в уголовном порядке за какие-либо другие преступления, кроме тех, которые обусловили выдачу. К примеру, ст. 14 Европейской конвенции о выдаче формулирует его следующим образом: «Выданное лицо не будет подвергаться судебному преследованию или тюремному заключению с целью осуществления наказания или меры безопасности, а также подвергаться ка-

кому-либо другому ограничению его личной свободы в связи с каким-либо деянием, предшествовавшим его передаче и не являющимся тем деянием, которое мотивировало его выдачу».

В странах европейско-континентальной системы экстрадиции действует принцип невыдачи собственных граждан. Кроме названных принципов, в научной литературе также называют такие общие основания, учитываемые при решение вопроса о выдаче, как политический характер преступления, отдельные категории преступлений (как правило, военные и финансовые), наличие дискриминации по какому-либо признаку, давность привлечения к ответственности, гуманизм (например, учет возможности назначения смертной казни или более сурового наказания), риск оказаться дважды наказанным за одно и то же преступление [5, с. 17–18].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Строганова А.К.* Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации. М. : Щит-М, 2005. 141 с.
2. *Бессарабов В.Г., Волобуев В.П.* Процесс экстрадиции в Соединенном Королевстве и Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2006. 157 с.
3. *Вениаминов А.Г.* Институт экстрадиции как форма международно-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства : дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 233 с.
4. *Шурухнова Д.Н.* Выдача, передача и выдворение лиц в отношениях государств: права, законные интересы и их гарантии: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 178 с.
5. *Выдача* лиц для привлечения к уголовной ответственности или приведения приговора в исполнение : методическое пособие. М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 1998. 248 с.
6. *Сафаров Н.А.* Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М. : Волтер-Клуверс, 2005. 416 с.
7. *Минкова Ю.В.* Институт выдачи преступников в международном праве. М. : Изд-во РУДН, 2002. 86 с.
8. *Европейский* ордер на арест (пособие на английском языке): Ассоциации европейских адвокатов по уголовным делам. URL: http://handbook.ecba-eaw.org/pdf-version/ (дата обращения: 09.05.2018).

ON THE CONCEPT, CONTENT, TYPES, KINDS AND EXISTING MODELS OF EXTRADITION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 37–40. DOI 10.17223/23088451/11/7

Oleg V. Voronin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: extradition, rendition, prisoner transfer,; International Criminal Court, European arrest warrant, prosecutor's office, international legal cooperation, criminal procedure.

Extradition is understood as a complex of criminal procedural actions aimed at tracing, detaining, taking into custody and transferring a person to a foreign state or to bodies and institutions of international justice (the international tribunal, the International Criminal Court) on the basis of and in accordance with the procedure established by the international treaties of the Russian Federation and the national law, or on the basis of the principle of reciprocity for the purpose of criminal prosecution, administration of justice or enforcement of the court sentence in force.

Extradition can be considered as a legal institution and as a kind of law enforcement activity. From the point of view of law, it is an interdisciplinary institution, which includes the norms of international, constitutional, criminal, criminal-executive and criminal procedural law. In this case, subject to the provisions of Art. 460–473 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the norms of the criminal procedure can be considered determinative. In addition, it seems appropriate to consider extradition as an independent legal institution separate from legal assistance in criminal cases and international legal cooperation in criminal proceedings.

As an independent activity, extradition is a legal process carried out by two or more states in accordance with international and national legislation by which one country transfers to another country a person accused (or convicted) of having committed a criminal offence against the laws of the requesting state or of having violated international criminal law in order to prosecute or punish them in the requesting state in accordance with the crime indicated in the request.

At the moment, there are three main extradition systems: the European-continental, the Anglo-American system of common law countries and the mixed one.

References

1. Stroganova, A.K. (2005) *Ekstraditsiya v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [Extradition in the criminal procedure of the Russian Federation]. Moscow: Shchit-M.
2. Bessarabov, V.G., & Volobuev, V.P. (2006) *Protsess ekstraditsii v Soedinennom Korolevstve i Rossiyskoy Federatsii* [The extradition process in the United Kingdom and the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform.
3. Veniaminov, A.G. (2010) *Institut ekstraditsii kak forma mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva Rossiyskoy Federatsii v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva* [Extradition as a form of international legal cooperation of the Russian Federation in the field of criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
4. Shurukhnova, D.N. (2001) *Vydacha, peredacha i vydvorenie lits v otnosheniyakh gosudarstv: prava, zakonnye interesy i ikh garantii* [Extradition, transfer and expulsion of persons in the relations of states: rights, legitimate interests and their guarantees]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Institute of Problems of Strengthening Law and Order in the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (1998) Vydacha lits dlya privlecheniya k ugolovnoy otvetstvennosti ili privedeniya prigovora v ispolnenie [Extradition of persons for criminal prosecution or execution]. Moscow: NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka pri General'noy prokurature RF.
6. Safarov, N.A. (2005) *Ekstraditsiya v mezhdunarodnom ugolovnom prave: problemy teorii i praktiki* [Extradition in international criminal law: problems of theory and practice]. Moscow: Volter-Kluvers.
7. Minkova, Yu.V. (2002) *Institut vydachi prestupnikov v mezhdunarodnom prave* [Extradition of criminals in international law]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia.
8. ECBA. (2017) *How to Defend a European Arrest Warrant Case.* [Online] Available from: http://handbook.ecba-eaw.org/pdf-version/. (Accessed: 09.05.2018).

УДК 343.13 DOI 10.17223/23088451/11/8

О.В. Желева

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОСТИЖЕНИЮ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ ПО ДЕЛУ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ (проект № 16-03-00413).

Дается характеристика признаков злоупотребления правом в уголовном процессе: противоречие назначению субъективного права, наличие вины, недобросовестность поведения, причинение вреда правам и законным интересам иных участников судопроизводства, интересам общества и государства. Обосновывается, что в результате злоупотребительного поведения создаются препятствия для достижения объективной истины по делу.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, злоупотребление правом, добросовестность, вина, объективная истина.*

Конституцией РФ установлено, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а их охрана и защита – одной из приоритетных задач государства. В целях реализации данного правового предписания законодатель предусмотрел возможность личности отстаивать свои интересы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45 Конституции РФ). Закрепление в Конституции РФ такого положения расширяет юридически признанные пределы свободы индивида, включающую в себя не только возможность распоряжаться предоставленными правами по своей воле и в своем интересе, но и свободно выбирать способ их осуществления. Тенденцией развития уголовно-процессуального законодательства является последовательное увеличение числа процессуальных возможностей участников уголовного судопроизводства, наделение их свободой правореализации.

Уголовный процесс носит отчетливо выраженный конфликтный характер. В условиях правового спора личность действует исходя из собственных интересов, которые не соответствуют, противоречат интересам других участников уголовного судопроизводства и интересам правосудия в целом. Отсюда возможно противодействие субъектов уголовного процесса осуществлению предварительного расследования и судебного разбирательства.

Под противодействием предварительному расследованию понимаются умышленные действия, направленные на воспрепятствование выполнению специально уполномоченными лицами действий, проводимых на основе уголовно-процессуального закона, задач предварительного расследования и установлению объективной истины [1, с. 16; 2, с. 129]. В научной литературе выделяют следующие способы противодействия расследованию: 1) оказание противоправного давления на лиц, осуществляющих уголовное преследование; 2) оказание противоправного воздействия на участников процесса (свидетелей, потерпевших и др.); 3) воздействие на материальные следы преступления с целью их уничтожения, маскировки, фальсификации [3, с. 27]. Указанные способы противодействия расследованию имеют явно незаконный характер, что свидетельствует о совершении участниками процесса уголовно-процессуального правонарушения или о наличии в поведении лиц оснований для применения мер пресечения в соответствии со ст. 97 УПК РФ.

Между тем воспрепятствование ходу уголовного судопроизводства возможно не только посредством нарушения установленных законом запретов, но и путем использования участниками процесса принадлежащих им субъективных прав в противоречии с их назначением, при этом не нарушая рамок дозволенного законом общего типа поведения. В результате причиняется вред правам, законным интересам иных субъектов уголовного судопроизводства, интересам общества и государства. Такое поведение именуется «злоупотребление правом» [4].

Злоупотребление связано не с содержанием права, а с механизмом его реализации. Руководствуясь своими интересами, в том числе незаконными, лицо использует нормы уголовно-процессуального законодательства, искажая цель осуществления права. Назначение субъективного права заключается в предоставлении индивиду юридически гарантированной возможности удовлетворить свой конкретный интерес (потребность) указанным в законе способом. При этом назначение определенных прав и свобод предопределяется общими принципами права, принципами той отрасли права, в рамках которой они предоставлены, обязанностями, которые были возложены на управомоченного субъекта [5, с. 81]. В связи с этим следует согласиться с позицией О.И. Андреевой, О.А. Зайцева и Д.В. Емельянова, согласно которой: «право осуществляется в соответствии с его назначением тогда, когда соответствующее поведение совпадает с целью правовой нормы» [6, с. 20].

Необходимо отметить, что при осуществлении права в противоречии с его назначением можно наблюдать противоречие не только между интересами общества и личности, но и между объективным и субъективным правом. При злоупотреблении объективное право становится неспособным выполнять регулятивные и охранительные функции применительно к общественным отношениям, формально равные управомоченные субъекты становятся фактически неравными, поскольку произвольно изменяется объем их правомочий. Так, одна сторона для удовлетворения собственных интересов использует все средства и способы реализации субъективных прав, тем самым создавая пре-

пятствия в осуществлении правовых возможностей другой стороной и причиняя ей вред различного характера. То есть гарантированная государством мера свободы лица, совершающего всевозможные по своей целевой направленности действия, в том числе противоречащие общеправовым и отраслевым принципам, неоправданно расширяется, что свидетельствует о том, что «дух права приходит в противоречие с его буквой» [5, с. 88], а следовательно, и о совершении участником правоотношений социально вредного деяния.

Любая деятельность, в том числе осуществляемая в рамках уголовно-процессуальных отношений, направлена на достижение определенного результата, т.е. является целенаправленной. Для злоупотребления правом характерно, что цель, преследуемая субъектами уголовного процесса, противоречит цели уголовного судопроизводства, которая определяет направление уголовно-процессуальной деятельности и служит средством оценки поведения ее участников с точки зрения законности, эффективности, добросовестности. Помимо этого, цель, преследуемая законодателем, должна быть осознана лицами, участвующими в правоотношении. В ст. 6 УПК РФ определено, что назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Достижение указанного назначения и составляет общественный, публичный интерес, поскольку тем самым в обществе поддерживается необходимый для развития правопорядок. В целях удовлетворения данного интереса участники уголовного судопроизводства наделены рядом прав и обязанностей. Вместе с тем в зависимости от выполняемой субъектом уголовно-процессуальной функции, наличия / отсутствия у него властных полномочий их назначение и средства достижения могут быть различными. Так, участники, обладающие субъективными правами, используют их с целью защиты от уголовного преследования, предъявленного обвинения (участники со стороны защиты) или с целью защиты от совершенных преступных посягательств и их последствий (участники со стороны обвинения). При этом следует согласиться с утверждением И.В. Смольковой и Р.В. Мазюк о том, что указанные цели являются общими, но в зависимости от стадии уголовного процесса, личных представлений его участников, собранных доказательств и иных факторов, влияющих на целеполагание субъекта, они приобретают более конкретный, специальный характер [7, с. 163]. Так, на стадии предварительного расследования интерес обвиняемого может заключаться в полном или частичном прекращении уголовного дела (уголовного преследования), если для принятия такого решения есть законные основания. В то же время преследование субъектами интересов, на удовлетворение которых они не вправе рассчитывать, будет свидетельствовать о злоупотреблении субъективным правом с их стороны.

В юридической доктрине отмечается, что одним из наиболее часто встречающихся в практической деятельности способов противодействия предварительному расследованию становится злоупотребление правом обвиняемым и (или) его защитником при ознакомлении их с материалами уголовного дела [8, с. 52]. Так, гражданин М., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, и его защитник по соглашению, учитывая объем материалов уголовного дела (87 томов), знакомились с ними с 13.04.2015 по 27.06.2015 г. После процедуры ознакомления обвиняемый М. заявил ходатайство о замене своего защитника и приглашении нового. Вследствие этого вступившему в дело адвокату было необходимо значительное время на ознакомление с материалами уголовного дела. Такой способ обвиняемый М. использовал несколько раз. При этом при ограничении судом сроков ознакомления защитников с материалами уголовного дела обвиняемый М. вновь приглашал для своей защиты нового защитника, в связи с чем сроки предварительного следствия затягивались. После заявления очередного такого ходатайства со стороны обвиняемого следователь отказал в его удовлетворении, обосновывая свое решение злоупотреблением обвиняемым своими правами. В дальнейшем обвиняемому М. был предоставлен защитник в соответствии со ст. 50 УПК РФ и уголовное дело направлено прокурору с обвинительным заключением [9].

Представляется, что описанное выше поведение обвиняемого является не столько способом защиты своих прав, сколько средством достижения незаконных интересов, связанных с затягиванием предварительного следствия, прекращением уголовного дела, созданием препятствий для доступа к правосудию другим участникам процесса, а значит, и для реализации назначения уголовного судопроизводства.

Следует обратить внимание, что для определения субъективной стороны при злоупотреблении правом необходимо оценить поведение управомоченного по осуществлению права с интеллектуальной и волевой точек зрения.

С интеллектуальной точки зрения деяние правообладателя характеризуется тем, что он осознает, во-первых, что его личный интерес противоречит интересу, признаваемому законодателем, во-вторых, что его действиями нарушаются интересы других лиц, общества и государства. Это обстоятельство обусловлено целевой направленностью действий субъекта, который удовлетворяет собственные потребности за счет наступления определенных последствий в публично-правовой сфере или создании препятствий для реализации прав иными лицами. При этом правообладатель намеренно выбирает такой способ достижения цели (при наличии иных правомерных, добросовестных вариантов поведения), который формально соответствует требованиям закона и является осуществлением права. Предпосылкой выбора субъектом этого варианта поведения является, в частности, и его осведомленность о субъективных правах, обязанностях, способах их осуществления, неблагоприятных последствиях, наступающих при нарушении правовых требований. В такой ситуации участник правоотношений должен осознавать и то, каковы законные интересы других участников правоотношения, какова признаваемая законодате-

лем модель поведения, отсюда лицо не может не осознавать последствий совершаемых им действий.

Волевая сторона поведения при злоупотреблении субъективным правом характеризуется тем, что управомоченный желает наступления благоприятных для себя последствий, получения определенных преимуществ, но при этом необязательно преследует цель причинения вреда другим субъектам, достаточно, что он допускает и относится безразлично к последствиям своего поведения для других лиц, общества, государства.

В связи с этим более убедительной представляется не позиция, в соответствии с которой субъективная сторона злоупотребления может заключаться не только в форме умысла, но и в форме неосторожности [10, с. 93], а точка зрения ученых, которые указывают, что злоупотребление субъективным правом всегда умышленное, осознанное поведение [11, с. 79]. Так, А.Б. Диваев пишет, что «если носитель права действует “невиновно”, то есть не осознает характера своих действий и их последствий либо неосторожно, заблуждаясь в их характере, неверно оценивает ситуацию и тем самым использует право вопреки назначению, – очевидно, что имеет место ошибка, заблуждение, но не злоупотребление правом» [12, с. 38].

Например, многократное обжалование участником уголовного процесса действия (бездействия) или решения должностного лица, осуществляющего уголовное преследование, при отсутствии фактического повода и основания, не всегда совершается умышленно и направлено на причинение вреда интересам других участников, а может являться следствием неверного понимания лицом назначения, предоставленного ему права на защиту или недостаточного разъяснения должностными лицами его прав и обязанностей. В этом случае поведение лица не стоит расценивать как злоупотребительное и применять к нему какие-либо меры воздействия, поскольку это может привести к необоснованному ограничению прав участника уголовного судопроизводства.

Помимо этого, субъективная сторона злоупотребления правом характеризуется противоречием данного вида поведения принципу добросовестности.

В юридической науке понятие добросовестности принято рассматривать в двух значениях: объективном и субъективном [13, с. 14]. В объективном смысле добросовестность представляет собой точное соблюдение лицом правовых предписаний, непричинение вреда в процессе осуществления субъективных прав правам и законным интересам других участников правоотношений. В субъективном смысле добросовестность выступает как невиновное заблуждение субъекта относительно правомерности своего поведения. В таком случае заблуждением является не только неосведомленность лица о каких-либо обстоятельствах, но и их неправильная оценка, которая приводит к нарушению прав иных субъектов. При таком понимании отсутствие знания о наличии юридических пороков в поступках индивида не тождественно его убежденности в том, что он не нарушает чужие права. В связи с этим следует согласиться с позицией В.С. Вепрева, согласно которой в любом случае, вступая в правоотношения, субъект изначально должен учитывать права и законные интересы других субъектов, избегать создания препятствий для реализации их прав, только тогда поведение лица можно будет признать добросовестным [14, с. 20].

Между тем для того, чтобы определить соответствие действий (бездействия) участника уголовного судопроизводства принципу добросовестности, необходимо установить наличие у него возможности реализовать принадлежащие ему субъективные права альтернативным способом, который не привел бы к нарушению прав и законных интересов других субъектов, интересов общества и государства [15, с. 71]. Если такой способ отсутствовал, то такое осуществление прав недопустимо расценивать как недобросовестное.

Кроме того, думается, что не может считаться недобросовестным поведение участника уголовного судопроизводства, вызванное наличием пробелов в законодательстве или правовой неопределенностью. К примеру, подача беспредметной жалобы, в которой не указаны субъект, предмет обжалования или обстоятельства, на которые ссылается заявитель, недопустимо расценивать как недоборосовестное и злоупотребительное действие, поскольку законодатель не устанавливает требования к форме и содержанию жалобы. Это позволяет лицу реализовывать свое право на обращение с жалобой любым способом.

Необходимо указать, что обязательным признаком злоупотребления правом становится причинение участником процесса вреда правам, интересам других лиц, общества, государства, создание им трудностей для беспрепятственного осуществления прав иными субъектами уголовного процесса.

Под вредом следует понимать любые негативные последствия, которые стали прямым или косвенным результатом реализации субъективного права в противоречии с его назначением. То есть лицо в процессе злоупотребления правом умаляет какое-либо благо. Причем последствия, которые будут претерпевать одни субъекты в результате осуществления прав другими субъектами, не обязательно должны быть четко предусмотрены в законе. Ввиду отсутствия необходимого правового регулирования института злоупотребления субъективным правом, все виды нарушений и последствий данного поведения нормативно указать невозможно.

Одним из таких последствий становится невозможность достижения объективной истины в условиях совершения злоупотребительного поведения. М.К. Свиридов указывает, что под истиной следует понимать «адекватное отражение в выводах суда того, что произошло в действительности, при этом выводы суда должны быть основаны на реально существующих доказательствах» [16, с. 142]. Ученый отмечает, что ценность таких доказательств начинает формироваться на стадии предварительного расследования и приобретает завершенный вид в судебном заседании «посредством исследования представленных следователем доказательств на новой, более качественной основе» [17, с. 8].

К примеру, в ходе предварительного расследования обвиняемый и (или) его защитник в целях восполнения

пробелов в доказательственной деятельности следователя, установления объективной истины по делу вправе обратиться с ходатайствами о проведении ряда следственных действий. Между тем не всегда заявление подобных ходатайств является правомерным и добросовестным. Так, при производстве по уголовному делу [18] обвиняемый Л. заявил ходатайство о допросе Р., который мог бы подтвердить его алиби. В целях выяснения всех обстоятельств дела следователем было удовлетворено данное ходатайство, однако впоследствии выяснилось, что Р. не только не обладает необходимой информацией, но и в момент совершения расследуемого преступления отбывал наказание в колонии общего режима в другом городе. Данное поведение обвиняемого содержит определенные признаки злоупотребления правом: 1) представляет собой реализацию права, направленную не на установление обстоятельств, имеющих значение для дела, защиту нарушенных законных интересов, а на затягивание предварительного расследования, введение следствия в заблуждение, а значит, неустановление объективной истины по делу; 2) осознание лицом, заявившим данное ходатайство, своих действий и его последствий; 3) причинение вреда правам и интересам других участников уголовного судопроизводства, временные затраты органов, осуществляющих уголовное преследование.

Таким образом, злоупотребление правом, будучи формально правомерным поведением, является способом противодействия предварительному расследованию, создающим препятствия для реализации субъективных прав иными участниками судопроизводства, выполнения уголовно-процессуальных задач, а также достижения объективной истины по делу. Целевая направленность злоупотребительного поведения обуславливает его недобросовестность. В связи с этим, видится необходимость в закреплении в нормах УПК РФ механизмов и правовых средств, во-первых, гарантирующих осуществление участниками уголовного судопроизводства принадлежащих им прав без злоупотреблений с их стороны, во-вторых, предусматривающих контроль со стороны органов государственной власти и должностных лиц за соблюдением субъектами условий и порядка правореализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карагодин В.Н.* Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 46 с.
2. *Белкин Р.С.* Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997. 398 с.
3. *Зотов Р.Г.* Пути преодоления противодействия расследованию преступлений // Сборник материалов Межведомственного научно-практического семинара «Проблемы противодействия расследованию преступлений и пути их преодоления» (25 мая 2017 года). Хабаровск, 2017. 95 с.
4. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 411 с.
5. *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М. : Юрлитинформ, 2007. 352 с.
6. *Андреева О.И., Зайцев О.А., Емельянов Д.В.* О злоупотреблении правом на защиту и способах реагирования должностных лиц на недобросовестное поведение // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 19–25.
7. *Смолькова И.В., Мазюк Р.В.* Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 156–169.
8. *Костенко К.А.* Теоретические и практические аспекты противодействия затягиванию ознакомления с материалами уголовного дела путем приглашения обвиняемым нового защитника // Сборник материалов Межведомственного научно-практического семинара «Проблемы противодействия расследованию преступлений и пути их преодоления» (25 мая 2017 года). Хабаровск, 2017. 95 с.
9. *Архив* Томского областного суда. Уголовное дело № 2015/547.
10. *Одегнал Е.А.* Злоупотребление правом как явление правовой действительности : дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. 189 с.
11. *Баев О.Я., Баев М.О.* Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М. : Проспект, 2014. С. 79.
12. *Диваев А.Б.* Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 35–43.
13. *Дроздова Т.Ю.* Добросовестность в российском гражданском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. 25 с.
14. *Вепрев В.С.* Основания уголовно-процессуальной ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 22 с.
15. *Трубникова Т.В.* Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 65–78.
16. *Свиридов М.К.* Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 142–147.
17. *Свиридов М.К.* Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2011. Ч. 51. С. 3–8.
18. *Архив* Железнодорожного районного суда г. Красноярска. Уголовное дело № 23061949.

ABUSE OF RIGHT IN THE CRIMINAL PROCEDURE AS A WAY TO COUNTERACT OBTAINING OBJECTIVE TRUTH IN A CASE

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 41−45. DOI 10.17223/23088451/11/8
Olga V. Zheleva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

Keywords: criminal proceedings, abuse of right, good faith, guilt, objective truth.

The article deals with ways of counteracting preliminary investigation and judicial proceedings which may be illegal in content, but lawful formally. The latter include various types of abusive behaviour in criminal proceedings. The author characterises the following qualifying elements of abuse of right: exercise of subjective right in contradiction with its purpose and the purpose of criminal proceedings; guilt of an authorised person in abusive behaviour; possibility of exercising legal capacity in another way; contradiction of actions (inaction) of a person and good faith; harm to the rights and legitimate interests of other participants in the procedure, the interests of society and the state; creation by the right holder of obstacles to the implementation of criminal procedure tasks, as well as to the achievement of objective truth in the case.

References

1. Karagodin, V.N. (1992) *Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o preodolenii protivodeystviya rassledovaniyu* [The basis of the criminalistic doctrine on overcoming the counteraction to the investigation]. Abstract of Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
2. Belkin, R.S. (1997) Protivodeystvie rassledovaniyu i puti ego preodoleniya kriminalisticheskimi i operativno-rozysknymi sredstvami i metodami [Counteraction to the investigation and ways of its overcoming by criminalistic and operational-search means and methods]. In: Aver'yanova, T.V. & Belkin, R.S. (eds) *Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti kriminal'noy militsii organov predvaritel'nogo rassledovaniya* [Criminalistic support of the criminal militia of the bodies of preliminary investigation]. Moscow: Novyy yurist.
3. Zotov, R.G. (2017) [Ways to overcome the counteraction to the investigation of crimes]. In: *Sbornik materialov Mezhvedomstvennogo nauchno-prakticheskogo seminara "Problemy protivodeystviya rassledovaniyu prestupleniy i puti ikh preodoleniya"* [Collection of materials of the Interdepartmental seminar "Problems of counteraction to the investigation of crimes and ways to overcome them"]. May 25, 2017. Khabarovsk: [s.n.].
4. Gribanov, V.P. (2000) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Implementation and protection of civil rights]. Moscow: Statut.
5. Malinovskiy, A.A. (2007) *Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Abuse of subjective right (theoretical and legal research)]. Moscow: Yurlitinform.
6. Andreeva, O.I., Zaytsev, O.A. & Emel'yanov, D.V. (2017) On the defender's abuse of right to protect and the methods of the officer's reacting to their inequitable conduct. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 19–25. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/4
7. Smol'kova, I.V. & Mazyuk, R.V. (2016) Legal, illegal and procedural interests of the accused person in Russian criminal procedure. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava.* 10 (1). pp. 156–169. (In Russian).
8. Kostenko, K.A. (2017) [Theoretical and practical aspects of counteraction to delaying familiarisation with criminal case materials by inviting a new defender by the defendant]. In: *Sbornik materialov Mezhvedomstvennogo nauchno-prakticheskogo seminara "Problemy protivodeystviya rassledovaniyu prestupleniy i puti ikh preodoleniya"* [Collection of materials of the Interdepartmental seminar "Problems of counteraction to the investigation of crimes and ways to overcome them"]. May 25, 2017. Khabarovsk: [s.n.].
9. Archive of the Tomsk Regional Court. Criminal case No. 2015/547. (In Russian).
10. Odegnal, E.A. (2009) *Zloupotreblenie pravom kak yavlenie pravovoy deystvitel'nosti* [Abuse of law as a phenomenon of legal reality]. Law Cand. Diss. Stavropol.
11. Baev, O.Ya. & Baev, M.O. (2014) *Zloupotreblenie pravom v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam* [Abuse of the right in pre-trial proceedings in criminal cases]. Moscow: Prospekt.
12. Divaev, A.B. (2017) Abuse of rights of parties to a criminal trial under adversariality. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 10. pp. 35–43. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/7
13. Drozdova, T.Yu. (2004) *Dobrosovestnost' v rossiyskom grazhdanskom prave* [Good faith in Russian civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Irkutsk.
14. Veprev, V.S. (2006) *Osnovaniya ugolovno-protsessual'noy otvetstvennosti* [Grounds for criminal procedural liability]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
15. Trubnikova, T.V. (2015) Abuse of right in criminal proceeding: criteria and state interference limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" – Tomsk State University Journal of Law*. 3 (17). pp. 65–78. (In Russian).
16. Sviridov, M.K. (2011) Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 142–147. (In Russian).
17. Sviridov, M.K. (2011) Ustanovlenie istiny na predvaritel'nom rassledovanii i v sudebnom razbiratel'stve [Establishment of truth in preliminary investigation and in a trial]. In: Sviridov, M.K. & Yakimovich, Yu.K. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 51. Tomsk: Tomsk State University.
18. Archive of the Zheleznodorozhny District Court of Krasnoyarsk. Criminal Case No. 23061949. (In Russian).

УДК 343.122 DOI 10.17223/23088451/11/9

Д.А. Жестовская, А.Г. Тузов

ОТ ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА К ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСА ПОТЕРПЕВШЕГО

Рассматриваются вопросы возможности перехода от защиты публичного интереса к защите частного интереса потерпевшего в сложившейся публичной модели российского уголовного процесса. Исследуя связь модели уголовного процесса, интересов жертвы, процессуальной фигуры потерпевшего в процессе, авторы приходят к выводу о возможности и научной обоснованности широкого применения инструментов восстановительного правосудия в уголовном процессе с целью повышения эффективности защиты интересов потерпевших.

Ключевые слова: *уголовный процесс, потерпевший, восстановительное правосудие, публичный интерес, частный интерес.*

С точки зрения действующего УПК РФ мы можем сделать вывод, что уголовно-процессуальное право признает интерес потерпевшего в реализации желания возместить вред, причиненный ему в результате преступления. Такая интерпретация невольно возникает при анализе ст.ст. 6 и 42 УПК РФ. Но если фигура потерпевшего в системе уголовно-процессуальных отношений является отражением жертвы преступления, то при определении интереса потерпевшего необходимо учитывать разработки криминологов об интересе жертвы преступления, которые утверждают, что лицо, пострадавшее от преступления, испытывает в связи с данным обстоятельством определенный психологический дискомфорт. Вследствие совершения преступления жертва вступает с преступником в межличностный конфликт. Человек часто может не понимать, почему именно он стал жертвой преступления, почему именно он пострадал от чьего-то произвольного вмешательства в его частную жизнь.

Таким образом, жертва преступления имеет и иной интерес, не связанный просто с возмещением вреда и карательным возмездием, а комплексный, психологический [1, с. 10–17]. Но если правовое опосредование возмещения вреда находит свое бесспорное место в гражданско-правовых институтах, интегрированных в уголовное судопроизводство через институт гражданского иска, то выбор правовых форм удовлетворения психологического интереса жертвы преступления, интереса разрешения межличностного конфликта с преступником уже не является таким очевидным.

Историческое развитие уголовного процесса характеризуется его огосударствлением [2, с. 12–13; 3, с. 14–15]. Отношения по определению последствий преступления по модели «преступник – жертва» уступили место модели «преступник – государство». Жертва из главного героя посткриминальных отношений превратилась во второстепенного персонажа, роль которого сводится лишь к содействию установления полной картины преступления. Известный криминолог Н. Кристи констатирует, что современная уголовно-процессуальная модель лишила жертву собственности на свой конфликт: «…в современном уголовном суде произошли две важные вещи. Первая – стороны имеют своих представителей в суде. Второе – одна сторона, которую представляет государство, а именно жертва, так хорошо представлена, что она или он в большей части процесса совершенно вытеснена с арены действий и ее роль во всем этом деле сведена до роли спускового крючка… Жертва проиграла свой процесс государству» [4, с. 4].

Публичная модель уголовного процесса характеризуется монополией государства на осуществление уголовного преследования: его инициирование, расследование преступления, поддержание обвинения в суде [5, с. 63–67; 6, с. 6]. Как отмечает классик российского уголовного процесса М.К. Свиридов, главной движущей силой публичной модели уголовного процесса являются «действия должностных лиц, не имеющих своих личных интересов и действующих от имени государства и в его интересах» [7, с. 103]. То есть публичная модель не может быть в полной мере направлена на эффективную защиту не связанных с поддержанием правопорядка интересов, например на разрешение психологического конфликта между жертвой и преступником. Формированию публичной модели уголовного процесса, по мнению Х. Зера, способствовало усложнение структуры общества и его обезличивание, рост численности населения, урбанизация, индустриализация; потребность государства в контроле над беспорядками; потребность общества в ограничении кровной мести; потребность государства в полной монополии на власть [1, с. 60].

Анализ данных причин показывает, что идеологической основой процесса огосударствления уголовного правосудия является защита публичного интереса. Этот интерес состоит в обеспечении общественной безопасности посредством государственного контроля над последствиями любого преступления и в защите жертв преступления, которые не могут защитить себя самостоятельно. Основным же инструментом такого контроля является институционализация государством механизма привлечения преступника к уголовной ответственности [5, с. 59–60].

Несмотря на то, что огосударствление уголовного процесса в современных государствах имеет общие исторические предпосылки, каждое государство имеет особенности в понимании роли государства в уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим анализ места жертвы в правоотношениях, связанных с преступлением, необходимо осуществлять с опорой на национальное законодательство: как уголовное, так и уголовно-процессуальное.

Уголовное право, определяя преступление как общественно-опасное деяние, запрещенное законом, посягательство на общественный порядок (ст. 14 УК РФ), указывает на приоритеты в восприятии государством системы социальных отношений, порождаемых таким деянием. Лицо, совершившее преступление, не просто нарушает личную свободу конкретного лица, причиняет ему вред, а посягает на публичный порядок, на закон, на интересы всего общества. Само публично-правовое понимание преступления предопределило «опубличивание» и категории жертвы, в качестве которой теперь воспринимается не конкретный индивид, а все общество, представляемое государством. Х. Зер отмечает, что «в ходе огосударствления правосудия понятие жертвы преступления было переопределено, реальная жертва была замещена жертвой юридической – государством. Жертва стала абстракцией…» [1, с. 58]. Система правоотношений «преступник–государство» становится базисной уже на момент совершения преступления, обеспечивая плавный переход этой системы в плоскость уголовно-процессуальных отношений. В этих условиях очевидно, что в уголовном процессе государство не является представителем жертвы, оно представляет свой собственный интерес – публичный, а конкретное же лицо, пострадавшее вследствие совершения преступления, находится далеко на периферии интересов уголовного права – наверное, единственной правовой отрасли, которую реальный участник межличностных отношений интересует не как субъект права, а как объект посягательства, как элемент правовой конструкции состава преступления.

Несмотря на то, что уголовный процесс признается средством реализации норм уголовного права [8, с. 54], полного игнорирования роли жертвы в процессуальных отношениях не происходит. Процессуальная проекция уголовно-правовых отношений в России трансформирует модель «преступник – государство», в которой потерпевшему не было места, в модель «сторона защиты – сторона обвинения» с полноправным отнесением к последней не только представителей власти, но и потерпевшего.

Рассмотрение потерпевшего как полноценного участника уголовно-процессуального противоборства со стороны обвинения говорит о том, что процессуальная модель отношений опосредует не только уголовно-правовой конфликт, субъектами которого являются преступник и государство, но и межличностный конфликт между жертвой и преступником [9, с. 103–104]. Изменение правового статуса жертвы при переходе из уголовно-правовых отношений в уголовно-процессуальные, наделение потерпевшего процессуальными правами и обязанностями позволяет предположить, что государство признает за потерпевшим юридически значимый интерес в результатах уголовно-процессуальной деятельности [10, с. 178]. Но способна ли существующая уголовно-процессуальная модель реально удовлетворить интерес потерпевшего? Как соотносится частный интерес потерпевшего с публичным интересом привлечения преступника к уголовной ответственности в контексте обеспечения общественной безопасности?

Конституционный Суд РФ высказывает следующую позицию, посвященную правовому статусу потерпевшего в уголовном процессе: «жертвам преступления должна… обеспечиваться возможность собственными действиями добиваться в рамках производства по уголовному делу восстановления своих прав и законных интересов, которые не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного вреда, – эти интересы в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, от решения которых, в свою очередь, во многих случаях зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда» [11]. Как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения потерпевший наделен арсеналом процессуальных инструментов реализации своей обвинительной функции. Одним из наиболее серьезных средств является право потерпевшего обжаловать приговор в сторону ухудшения положения осужденного (оправданного), предусмотренное ст. 389.24 УПК РФ. Также у потерпевшего есть право ходатайствовать о возвращении дела прокурору для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления, предусмотренное п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в контексте Постановления Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П.

Но можно предположить, что в основе наделения потерпевшего таким правовым статусом лежит представление о потерпевшем как о лице, руководствующимся жаждой возмездия за совершенное преступником деяние.

Постановка потерпевшего в модели «сторона защиты – сторона обвинения» в один ряд с представителями публичной власти на сторону обвинения неизбежно приводит к восприятию того, что интерес потерпевшего как бы инкорпорирован в публичный интерес привлечения лица к уголовной ответственности. Согласно предусмотренному УПК РФ функциональному разделению участников уголовного судопроизводства, потерпевший и представители государства несут единую процессуальную функцию – функцию обвинения, задача которой, в призме состязательного противоборства со стороной защиты, состоит в доказывании виновности лица в преступлении. Потерпевший оказывается заложником той процессуальной функции, которую ему присвоил законодатель. Процессуальное положение потерпевшего позволяет ему иметь только юридически значимый интерес – привлечь преступника к уголовной ответственности, возместить материальный вред, причиненный преступлением. Весь арсенал прав, который дан потерпевшему, направлен на удовлетворение именно этого, узко понимаемого законодателем навязанного карательного интереса [12, с. 75].

Но только ли карательный интерес может иметь потерпевший в уголовном процессе? Верно ли представление законодателя о том, что частный интерес потерпевшего состоит в назначении наиболее сурового наказания для обвиняемого?

В многочисленных исследованиях, основанных на опросах потерпевших, отмечается, что интерес потерпевшего далеко не всегда состоит в назначении обви-

няемому максимально возможного наказания. Потерпевшие часто не заинтересованы в привлечении обвиняемого к уголовной ответственности. Материальную компенсацию вреда и примирение с обвиняемым сами потерпевшие часто считают достаточными для удовлетворения своих потребностей. А в случае доведения вопроса до размера наказания потерпевшие, которые за время длительного предварительного расследования уже восстановили свой быт и практически забыли о произошедшем, выступают за то, чтобы обвиняемому назначили не слишком строгое наказание [12, с. 45–57].

Однако встраивание частного интереса в публичную модель процесса может работать исключительно по принципу «все или ничего». Совпадение частного и публичного интереса в цели привлечения преступника к ответственности дает возможность потерпевшему эффективно реализовывать весь набор процессуальных прав, направленных на осуществление его обвинительной функции. Но как только частный интерес войдет в противоречие с публичным, никаких инструментов реализации такого частного интереса потерпевший не получает, в приоритете остается публичный интерес. Нежелание потерпевшего участвовать в уголовном преследовании в связи с прощением обвиняемого или иными обстоятельствами будет совершенно безынтересно публичной модели уголовного процесса. Уголовно-процессуальная деятельность будет продолжена и без участия потерпевшего в связи с обязанностью уполномоченных лиц осуществлять уголовное преследование.

Защита прав потерпевшего, объявленная в ст. 6 УПК РФ, возможна только в той мере, в которой частный интерес потерпевшего встраивается в публичный интерес привлечения преступника к уголовной ответственности. Парадоксально, но акцент уголовно-процессуальной политики на защиту прав потерпевших приводит к укоренению карательно-ориентированного понимания интереса потерпевшего, «консервации карательной модели правосудия» [13, с. 161]. Показателем неестественности этой ситуации является специфичность выбранного законодателем способа стимулирования потерпевшего к более активному участию в уголовно-процессуальной деятельности. Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» введена уголовная ответственность потерпевших за уклонение от прохождения освидетельствования и от участия в иных следственных действиях. Из данной новеллы следует, что потерпевший должен реализовывать свой «процессуальный интерес» по содействию поиску доказательств виновности лица под угрозой уголовной ответственности.

Несмотря на указанную в названии закона цель совершенствования защиты прав потерпевших, конкретные его нормы только укрепляют представление о потерпевшем как об объекте уголовно-процессуальной деятельности, как источнике получения информации о преступлении [14, с. 18]. В подкрепляемой данным законом карательной модели российского уголовного правосудия наделение потерпевшего правами осуществляется лишь постольку, поскольку возможная реализация этих прав будет сочетаться с публичной целью привлечения виновного к уголовной ответственности [13, с. 160].

Попытка встроить частный интерес в публичный ведет скорее к тому, что последствием совпадения этих интересов является привнесение в процесс личной неквалифицированной пристрастности карательного характера. Последствием же их расхождения становится игнорирование частного интереса, который может пойти вразрез с публичным интересом. Оба этих результата не несут положительного эффекта ни в межличностной, ни в правовой сфере. Избежать указанных крайностей может позволить либо отказ от правового опосредования межличностного конфликта и формирование сугубо публичной профессиональной и индивидуально беспристрастной модели уголовного правосудия без выделенной фигуры потерпевшего, либо разработка институтов, позволяющих одинаково эффективно обеспечивать защиту и публичного интереса и частного. Таким институтом может служить модель восстановительного правосудия.

Восстановительное правосудие предлагает иной взгляд на место психологического конфликта в уголовно-процессуальной деятельности. Модель восстановительного правосудия исходит из того, что право должно содействовать разрешению межличностного конфликта между жертвой и преступником, а не психологическому облегчению пострадавшей стороны путем предоставления ей средств карательного воздействия на своего обидчика, предлагая потерпевшему и обвиняемому сесть за стол переговоров, задать друг другу интересующие вопросы, понять, что стало причиной конфликта и к каким последствиям это привело [15, с. 78–79]. Такая процедура применяется во многих правопорядках, в том числе в Германии, иных европейских странах, а также в США [16, с. 455–462; 12, с. 82]. Механизм обращения к данным процедурам и порядок их применения четко регламентирован, любое взаимодействие потерпевшего и обвиняемого происходит при содействии и под контролем компетентных лиц [16, с. 457, 461]. Функция данной процедуры состоит именно в разрешении психологического конфликта. Обвиняемому общение с жертвой преступления дает возможность понять последствия своего поступка, извиниться перед потерпевшим, что снимает психологический груз у обеих сторон межличностного конфликта [15, с. 80]. Выявление причин совершения преступления позволяет и самому потерпевшему понять свою роль в формировании преступного поведения обвиняемого. В результате такой процедуры стороны могут прийти к взаимопониманию и примирению. Разрешение межличностного конфликта снимает необходимость применения карательных мер к правонарушителю, вследствие чего обвиняемый по решению суда может быть освобожден от ответственности.

Психологический стресс потерпевшего в модели восстановительного правосудия воспринимается как проблема, которую необходимо решить, а не как данность, под которую нужно подстраивать правовые механизмы. В отличие от интуитивного восприятия со-

стояния озлобленности потерпевшего и наделения этого состояния процессуальным инструментарием, восстановительное правосудие пытается установить причину этого психологического состояния, используя для этого психологический инструментарий. Смена парадигмы способов решения психологического конфликта – отличительная черта психолого-ориентированной модели восстановительного правосудия. Подключение к праву функционала психологической науки позволяет бороться с проблемой комплексно, искоренять источник межличностного конфликта между жертвой и преступником, а не оставлять уголовно-процессуальную систему наедине с его последствиями.

Тот факт, что кульминацию межличностного конфликта составило деяние, образующее состав преступления, не означает, что уголовно-процессуальное опосредование конфликта может заменить собой необходимость психологической работы с его участниками. Психологический конфликт должен решаться инструментарием той науки, которая на таких конфликтах специализируется. Личный контакт потерпевшего и обвиняемого, откровенный разговор между ними при содействии компетентных психологов дает людям больше возможностей понять и услышать друг друга, чем допросы, прения и иные формы безжизненной, сугубо процедурной процессуальной коммуникации. Модель восстановительного правосудия, в которой психологическая работа с обвиняемым и потерпевшим осуществляется в рамках процессуальной деятельности, показывает, что право и психология могут работать согласованно и, что более важно, эффективно с точки зрения удовлетворения интересов участников уголовно-правового конфликта.

Однако несмотря на отмеченные достоинства модели восстановительного правосудия, она неизбежно осложняет уголовный процесс задачей разрешения межличностного конфликта. Модель восстановительного правосудия размывает публично-правовую природу уголовного правоотношения [12, с. 82–83]. Совершив уголовно-наказуемое деяние, правонарушитель вступает в правоотношение именно с государством, которое, осуществляя деятельность по привлечению лица к ответственности, обеспечивает защиту публичного интереса. Исторически закономерное становление публичной модели уголовного процесса стало свидетельством понимания того, что лицо, совершающее деяние, запрещенное уголовным законом, посягает не просто на личный интерес потерпевшего, но на общественный порядок, на интерес всего общества. Публичная модель уголовного процесса также гарантирует, что именно государство даст объективную, беспристрастную правовую оценку совершенному деянию и назначит виновному справедливое наказание. Концептуальную основу публичного уголовного процесса, по мнению М.К. Свиридова, составляет то, что весь ход и судьба процесса должны находиться в руках органов власти [8, с. 53].

Однако восстановительное правосудие все же имеет основания для признания его моделью, которая способна обеспечить защиту не только частного интереса, но и публичного. Как было отмечено выше, публичный интерес, защищаемый государством, состоит в обеспечении общественной безопасности посредством государственного контроля за последствиями преступления через механизм привлечения к уголовной ответственности. Модель восстановительного правосудия позволяет обеспечивать защиту указанного публичного интереса. Отличительной особенностью правового опосредования межличностного конфликта в рамках восстановительной модели является то, что вся психологическая работа с обвиняемым и потерпевшим происходит под контролем государства в рамках уголовно-процессуальной деятельности [17, с. 35]. Любые последствия уголовно-правового характера наступают только после обоснованного заключения уполномоченного лица о результатах примирительных мероприятий. Государство продолжает институционализацию последствий преступлений, но теперь таким институтом будет не только уголовная ответственность, но и организованные государством примирительные процедуры.

Более того, достижение цели исправления преступника как элемента публичного интереса в рамках модели восстановительного правосудия достигается даже более эффективно, чем в рамках стандартной публичной модели уголовного процесса [18, с. 103–105]. Психологический контакт с жертвой и работа с квалифицированными специалистами в области межличностных отношений позволяют преступнику лучше осознать последствия своего деяния, оценить психологический и материальный вред, который он причинил жертве. Достижение цели исправления преступника здесь происходит без подключения уголовно-исполнительной системы, функционирующей за счет государства [19, с. 200]. Это позволяет говорить об эффективности модели восстановительного правосудия, которое в ряде случаев обеспечивает наилучший результат и ресоциализации преступника с наименьшими затратами.

Совместить публичную модель уголовного процесса и модель восстановительного правосудия можно путем четкой дифференциации последствий примирения потерпевшего и обвиняемого в зависимости от тяжести и общественной опасности совершенного деяния [19, с. 202]. Если деяние не обладает большой общественной опасностью, то примирение потерпевшего и обвиняемого может являться основанием для освобождения лица от уголовной ответственности. Для реализации данного механизма в российском уголовном процессе необходимо развитие и реформирование института дел частного и частно-публичного обвинения, развития института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) [17, с. 37], его институализации и профессионализации с тем, чтобы восстановительные процедуры имели реальные психологические последствия: у преступника – действительное понимание своего деяния, реальное чувство вины и необходимости своего исправления, у жертвы – снятие психологического напряжения и переживания. В более тяжких деяниях примирение обвиняемого и потерпевшего может учитываться при определении размера и вида наказания, но не приводить к освобождению лица

от уголовной ответственности. В российском уголовном праве и процессе данная идея может реализовываться через расширение правовой регламентации учета смягчающих наказание обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ. ; общ. ред. Л.М. Карнозовой ; ком. Л.М. Карнозовой, С.А. Пашина. М., 2002. С. 10–17.
2. *Линовский В.* Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса : Тип. Л. Нитче, 1849. С. 12–13.
3. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. СПб. : Типография и-ва «Общественная Польза», 1902. Т. I. С. 14–15.
4. *Кристи Н.* Конфликты как собственность / пер. с англ. Н. Воробьева ; ред. Фляммер. М., 1999. С. 4.
5. *Барабаш А.С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 63–67.
6. *Андреева О.И., Лонь С.Л., Рукавишникова А.А. и др.* Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 6–9.
7. *Свиридов М.К.* Задача установления истины и средства её достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 101–106.
8. *Свиридов М.К.* Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 52–56.
9. *Кириллова Н.П.* Уголовно-процессуальный конфликт и реализация уголовно-процессуальных функций в суде // Правоведение. 2007. № 5. С. 103–104.
10. *Сидорова Н.А.* Некоторые аспекты защиты прав потерпевших в российском уголовном процессе // Обвинение и защита по уголовным делам : исторический опыт и современность : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н.С. Алексеева. СПб., 2015. 178 с.
11. *По делу* о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда / Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 05.03.2018).
12. *Танцерев М.В., Стойко Н.Г.* Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации. Красноярск : Поликом, 2003. 100 с.
13. *Зайцева Е.А.* Публичный и частный интересы участников со стороны обвинения : обеспечение разумного баланса? // Обвинение и защита по уголовным делам : исторический опыт и современность : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н.С. Алексеева. СПб. : ООО «ЦСПТ», 2015. С. 188–195.
14. *Якимович Ю.К.* Участие потерпевшего в уголовном преследовании // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 17–20.
15. *Чуприков Р.А.* Необходимость развития стратегии восстановительного правосудия в российском уголовном процессе // Петербургский юрист. 2016. № 2. С. 78–79.
16. *Матвеева Я.М.* Восстановительное правосудие по законодательству некоторых зарубежных стран и России // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 455–462.
17. *Карнозова Л.М.* Восстановительное правосудие в российской правовой системе. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. № 12. С. 12–22.
18. *Смирнова И.Г.* Выбор как достаточное основание обеспечения социальной ценности уголовного судопроизводства // Бизнес в законе. 2011. № 2. С. 103–105.
19. *Карнозова Л.М.* Восстановительное правосудие // Судебная реформа. 2001. 200 с.

FROM PROTECTING PUBLIC INTEREST TO PROTECTING THE VICTIM'S INTEREST

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 46−51. DOI 10.17223/23088451/11/9
Dariya A. Zhestovskaya, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dzhestovskaya@mail.ru
Andrey G. Tuzov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.tuzov@spbu.ru

Keywords: criminal procedure, victim, restorative justice, public interest, private interest.

The historical development of the criminal procedure is characterised by its nationalisation. Relations to determine the consequences of the crime by the model "criminal – victim" gave way to the model "criminal – state". The victim of a crime with their psychological problems and internal conflict is perceived in the criminal procedure mechanically; their role is reduced to the assistance in establishing the full picture of the crime. When setting up a public model of the criminal procedure, a state monopoly on criminal prosecution is established, which in the criminal procedure legislation leads to a "narrow" understanding of the interest of the victim and its reduction to a punitive model (the victim facilitates the conviction and punishment of the offender), to the settlement of civil claims (compensation of damage). This is facilitated by the formation of public interest in a broad sense, as compensation for harm caused by the crime to society, the state, law and order, but not to a specific person who also has their own internal conflicts and feelings about the crime. The Russian criminal procedure law exacerbates this narrow understanding by placing the victim on the prosecution side.

Studies show that victims are often not interested in bringing the accused to criminal liability. Victims themselves often consider financial compensation for harm and reconciliation with the accused sufficient to satisfy their needs. This proves that there is an interest in resolving a psychological conflict. The model of restorative justice provides for this opportunity as it proposes to first resolve the psychological conflict by forming in the perpetrator an understanding of the consequences of the committed crime and experiences of the victim, a sense of guilt for what was done, thus removing the psychological strain of the victim.

The authors come to a conclusion that it is possible to incorporate elements of restorative justice into the public model of the criminal procedure, since their values are similar as a whole. In particular, the authors propose to expand the application of reconciliation, to

ensure its institutionalisation and professionalisation, as well as to assess the results of reconciliation for a number of crimes as grounds for stopping criminal prosecution, or as circumstances that actually affect the degree of punishment.

References

1. Zehr, H. (2002) *Vosstanovitel'noe pravosudie: novyy vzglyad na prestuplenie i nakazanie* [Restorative justice: a new view on crime and punishment]. Translated from English. Moscow: Tsentr Sudebno-pravovaya reforma. pp. 10–17.
2. Linovskiy, V. (1849) *Opyt istoricheskikh rozyskaniy o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii* [Experience of historical research about investigative criminal proceedings in Russia]. Odessa: Tip. L. Nitche. pp. 12–13.
3. Foynitskiy, I.Ya. (1902) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [A course of criminal proceedings]. Vol. I. 4th ed. St. Petersburg: Tipografiya i-va "Obshchestvennaya Pol'za". pp. 14–15.
4. Christie, N. (1999) *Konflikty kak sobstvennost'* [Conflicts as property]. Translated from English by N. Vorob'eva Moscow: Penal Reform International.
5. Barabash, A.S. (2005) *Priroda rossiyskogo ugolovnogo protsessa, tseli ugolovno-protsessual'noy deyatel'nosti i ikh ustanovlenie* [The nature of the Russian criminal procedure, the purposes of criminal procedural activity and their establishment]. St. Petersburg: Izdatel'stvo R.Aslanova "Yuridicheskiy tsentr Press". pp. 63–67.
6. Andreeva, O.I., Lon', S.L. Rukavishnikova, A.A. & Trubnikova, T.V. (2017) Vector of the direction of further development of criminal legal proceedings. *Ugolovnoe pravo.* 4. pp. 6–9. (In Russian).
7. Sviridov, M.K. (2013) The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2 (8). pp. 101–106. (In Russian).
8. Sviridov, M.K. (2012) Tendencies of development of Russian criminal procedure legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 358. pp. 52–56. (In Russian).
9. Kirillova, N.P. (2007) Ugolovno-protsessual'nyy konflikt i realizatsiya ugolovno-protsessual'nykh funktsiy v sude [Criminal procedural conflict and the implementation of criminal procedural functions in the court]. *Pravovedenie.* 5. pp. 103–104.
10. Sidorova, N.A. (2015) [Some aspects of the protection of the rights of victims in the Russian criminal procedure]. *Obvinenie i zashchita po ugolovnym delam: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Prosecution and defence in criminal cases: historical experience and modernity]. Proceedings of the international conference dedicated to the centenary of the birth of Prof. N.S. Alekseev. St. Petersburg: TsSPT. (In Russian).
11. Konsul'tant Plyus. (2013) *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chasti pervoy stat'i 237 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina Respubliki Uzbekistan B.T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.07.2013 N 16-P* [On the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Part one of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Uzbekistan, B.T. Gadaev, and the request of the Kurgan regional court. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of 02.07.2013]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
12. Tantserev, M.V. & Stoyko, N.G. (2003) *Poterpevshiy i ego funktsiya v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The victim and their function in the criminal procedure of the Russian Federation]. Krasnoyarsk: izdatel'stvo "Polikom".
13. Zaytseva, E.A. (2015) Publichnyy i chastnyy interesy uchastnikov so storony obvineniya: obespechenie razumnogo balansa? [Public and private interests of the participants on the part of the prosecution: ensuring a reasonable balance?]. *Obvinenie i zashchita po ugolovnym delam: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Prosecution and defence in criminal cases: historical experience and modernity]. Proceedings of the international conference dedicated to the centenary of the birth of Prof. N.S. Alekseev. St. Petersburg: TsSPT. pp.188–195. (In Russian).
14. Yakimovich, Yu.K. (2014) Uchastie poterpevshego v ugolovnom presledovanii [Participation of the victim in criminal prosecution]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding.* 4. pp. 17–20.
15. Chuprikov, R.A. (2016) Applying the strategy of restorative justice in the Russian criminal procedure. *Peterburgskiy yurist.* 2. pp. 78–79.
16. Matveeva, Ya.M. (2013) Vosstanovitel'noe pravosudie po zakonodatel'stvu nekotorykh zarubezhnykh stran i Rossii [Restorative justice in the legislation of some foreign countries and Russia]. *Rossiyskiy ezhegodnik ugolovnogo prava*. 7. pp. 455–462.
17. Karnozova, L.M. (2012) Vosstanovitel'noe pravosudie v rossiyskoy pravovoy sisteme [Restorative justice in the Russian legal system]. *Advokat*. 12. pp. 34–46.
18. Smirnova, I.G. (2011) Vybor kak dostatochnoe osnovanie obespecheniya sotsial'noy tsennosti ugolovnogo sudoproizvodstva [Choice as a sufficient basis for ensuring the social value of criminal proceedings]. *Biznes v zakone.* 2. pp. 103–105.
19. Karnozova, L.M. (2001) *Vosstanovitel'noe pravosudie. Sudebnaya reforma* [Restorative justice. A judicial reform]. Moscow: MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma".

УДК 343.152 DOI 10.17223/23088451/11/10

Е.А. Зайцева, Л.Р. Васильева

РОЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Анализируется статус лиц, обладающих специальными познаниями, которые вовлекаются в познавательную деятельность суда на стадии исполнения приговора при решении ряда процессуальных вопросов, связанных с реализацией обвинительного приговора или постановления суда о применении принудительных мер медицинского характера. Рассматриваются вопросы назначения судебных экспертиз на стадии исполнения приговора, участия специалиста в судебных процедурах на данном этапе уголовного судопроизводства. Делается вывод, что реализующие свои специальные медицинские знания лечащие врачи, члены медицинских комиссий, врачи-эксперты МСЭК могут вовлекаться в уголовно-процессуальное доказывание на стадии исполнения приговора в качестве сведущих свидетелей.

Ключевые слова: *специальные познания, сведущие лица, эксперт, специалист, сведущий свидетель, исполнение приговора.*

«Стадия исполнения приговора – необычная часть уголовного процесса», – весьма тонко подметил в своем фундаментальном труде Михаил Константинович Свиридов, подчеркнув, что специфика этого значимого участка уголовно-процессуальной деятельности обусловлена включенностью его в процедуры фактической реализации наказания, которая требует для воплощения в жизнь вступившего в силу судебного решения задействования различных механизмов регулирования общественных отношений [1, с. 5]. При этом уголовно-процессуальные отношения возникают в рамках данной стадии не постоянно, они носят дискретный характер в силу того, что уголовно-процессуальный метод правового регулирования становится востребованным для решения спонтанно возникающих на этой стадии процедурных вопросов, связанных с обращением к исполнению и дальнейшей реализацией судебного решения, вступившего в законную силу.

М.К. Свиридов верно акцентирует внимание на одной особенности судебного решения о наказании, имеющей принципиальное значение для определения сущности стадии исполнения приговора. Речь идет о прогностическом характере исполняемого судебного решения, что обусловливает необходимость существования стадии исполнения приговора, предназначенной для урегулирования возникающих в ходе реализации наказания процессуальных вопросов о корректировке приговора в части наказания. Именно эта особенность стадии исполнения приговора отграничивает ее по содержанию предмета деятельности от иных судебных стадий, устанавливая ее предназначение в системе уголовного судопроизводства как специфического этапа, нацеленного на исполнение некоторых приговоров, обращение вступивших в силу решений, «на исполнение и корректирование наказания в связи и на основе появления в ходе реализации приговора новых обстоятельств, возникновение которых делает исполнение наказания в прежнем виде невозможным или нецелесообразным» [1, с. 17–18].

Предмет стадии исполнения приговора отличается от стадии судебного разбирательства, где выносится приговор, содержательно: он не может охватывать вопросы, которые должны решаться только в рамках судебного разбирательства при постановлении приговора, так как приговор уже состоялся, чем констатировано конкретное уголовно-правовое отношение, которое в стадии исполнения приговора не должно меняться вновь устанавливаемым материальным отношением [1, с. 12–13].

По сути, этот вывод М.К. Свиридова, изложенный еще в 1978 г., нашел свое подтверждение в правовых позициях Конституционного Суда РФ при осуществлении конституционного нормоконтроля при обращении в этот орган Останкинского районного суда Северо-Восточного административного округа города Москвы по поводу неконституционности установлений ст. 78 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. В определении от 7 февраля 2003 г. № 106-О Конституционный Суд РФ подчеркнул, что положения ст.ст. 58, 97 и 99 УК РФ применяются судом при разрешении уголовного дела по существу и вынесении приговора, в котором должно найти отражение мнение суда по избранию соответствующего вида исправительного учреждения и применению принудительных мер медицинского характера при необходимости. А сфера действия ст. 78 УИК РФ распространяется на случаи изменения уже назначенного судом вида исправительного учреждения, в связи с чем в судебном разбирательстве суд не вправе применять ее при назначении осужденному к лишению свободы вида исправительного учреждения [2].

Также одной из особенностей стадии исполнения приговора М.К. Свиридов вполне справедливо считает специфические методы опосредования уголовно-правового отношения на данном этапе, которое не исчерпывается исключительно методом уголовно-процессуального регулирования, что приводит к ситуации, когда нормы уголовного права применяются при исполнении наказания в различных процессуальных формах – уголовно-процессуальной и административно-процессуальной [1, с. 52].

Данное теоретическое положение по особому высвечивает статус лиц, обладающих специальными познаниями, которые вовлекаются в процедуры реализации наказания: в зависимости от того, методом адми-

нистративно-процессуального регулирования опосредуется уголовно-правовое отношение по исполнению наказания или уголовно-процессуальным методом, – определяется и «отраслевая принадлежность» статуса вовлеченного в соответствующие процессуальные отношения лица, обладающего специальными познаниями. Дело в том, что в уголовно-процессуальном, уголовном, уголовно-исполнительном законах, ряде нормативных установлений административного права в связи с регламентацией порядка реализации наказания упоминаются следующие лица, обладающие специальными знаниями.

Так как предметом исследования в настоящей статье являются вопросы участия сведущих лиц в стадии исполнения приговора, попробуем проанализировать, в какой форме применяются специальные познания на этой стадии с целью решения ее задач и в каком статусе вовлекаются в уголовно-процессуальные отношения лица, обладающие специальными познаниями.

– **Судебные эксперты.** Согласно ч. 5 ст. 445 УПК РФ, при решении в стадии исполнения приговора вопросов, связанных с реализацией, продлением или отменой принудительной меры медицинского характера, суд вправе назначить судебно-психиатрическую экспертизу лицу, подвергнутому этим мерам, если медицинское заключение, положенное в основу ходатайства об отмене, изменении принудительной меры медицинского характера или продлении ее применения, вызывает сомнения у суда или участвующих в судебном заседании лиц. В таком судебном заседании, проводимом в порядке ст. 399 УПК РФ, предпосланной суду для разрешения возникающих на стадии исполнения приговора вопросов, осуществляется и иная исследовательская деятельность суда и сторон, направленная на уяснение фактических оснований для принятия решения по этим вопросам: суд вправе истребовать дополнительные документы, с учетом психического состояния допросить лицо, в отношении которого решается вопрос о прекращении, изменении или продлении применения принудительной меры медицинского характера. Такие процедуры исследования доказательств в суде в стадии исполнения приговора – аналог судебного следствия с присущими ему атрибутами.

Случай, предусмотренный ч. 5 ст. 445 УПК РФ, не единичный, когда законом в рамках разрешения вопросов, обусловленных реализацией приговора или вступившего в силу судебного решения о применении принудительных мер медицинского характера, востребованы специальные познания в форме судебной экспертизы. Дело в том, что для ситуации, предусмотренной п. 4.2 ст. 397 УПК РФ, в силу прямого указания закона также необходимы специальные познания, применяемые в форме судебной экспертизы.

Согласно ч. 2.1 ст. 102 УК РФ, если решается вопрос о необходимости применения к осужденному принудительных мер медицинского характера при его условно-досрочном освобождении или применении к нему более мягкого наказания (например, перевода в колонию-поселение) или о его принудительном лечении после отбытия наказания, суд, независимо от времени последнего медицинского освидетельствования этого лица или от принятого в его отношении судебного решения о прекращении применения принудительных мер медицинского характера, должен назначить судебно-психиатрическую экспертизу данному лицу – не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока исполнения наказания. Экспертизы в таком порядке назначаются в отношении вменяемых лиц, страдающих педофилией и совершивших в возрасте старше 18 лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста 14 лет. Суду заключение судебно-психиатрической экспертизы необходимо для назначения или прекращения применения принудительной меры медицинского характера в виде принудительного амбулаторного наблюдения и лечения у врача-психиатра (п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ). При этом необходимо подчеркнуть, что законодатель описываемую ситуацию относит к случаям обязательного назначения судебной экспертизы (п. 3.1 ст. 196 УПК РФ).

Также следует упомянуть то обстоятельство, что решение судьи об освобождении осужденного от наказания в связи с его болезнью в соответствии со ст. 81 УК РФ для своего обоснования требует доказательств – медицинской документации. Заключения врачебных комиссий (для случая, предусмотренного п. 6 ст. 397 УПК РФ) должны подтверждать либо тяжкое физическое заболевание, либо психическое заболевание, которые препятствуют дальнейшему отбыванию наказания осужденных. При сомнениях у суда в правильности их выводов, судья может, руководствуясь общими правилами судебного разбирательства в порядке ст. 399 УПК РФ, назначить для решения этих вопросов судебно-медицинскую или судебно-психиатрическую экспертизы [3, с. 569][1].

– **Специалисты.** Согласно ст. 58 УПК РФ, судом по собственной инициативе или инициативе сторон[2] может быть приглашен специалист для оказания помощи в формулировании вопросов для эксперта (экспертов), для разъяснения суду и сторонам специальных вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста – в том числе возникающих в связи с трудностями в оценке заключения судебной экспертизы, на что обоснованно указал Пленум Верховного Суда РФ в абзаце втором п. 19 Постановления № 28 от 21.12.2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» [5].

Специалист может быть приглашен для дачи устной (в форме показаний – п. 4 ст. 80 УПК РФ) и письменной (в форме заключения – п. 3 ст. 80 УПК РФ) консультации[3].

Специалисты приглашались судами для консультаций на стадии исполнения приговора еще в период действия УПК РСФСР. Доцент кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России

[1] Следует полагать, что эти рекомендации не утратили своей актуальности для современной правоприменительной практики.

[2] Имеются в виду и изменения, внесенные Федеральным законом № 73-ФЗ от 17.04.2017 г. [4] в ст. 58 УПК РФ в виде новой части 2.1, гарантирующей реализацию права защитника на приглашение специалиста.

[3] О сущности консультационной деятельности специалиста в уголовном процессе см. [6, 7].

Ю.В. Манаев, который имел большой стаж судебной деятельности, на лекционных занятиях по уголовному процессу приводил слушателям пример из своей практики, когда еще в конце 60-х годов прошлого века он при решении вопроса об освобождении лица от отбывания наказания по болезни (осужденный повредил роговицу обоих глаз) обратился за консультационной помощью к специалисту-офтальмологу, известному в г. Таганроге врачу. Специалист, изучив медицинскую документацию и осмотрев поврежденные глаза осужденного, сообщил суду в судебном заседании, проведенном с учетом положений ч. 3 ст. 369 УПК РСФСР, что помутнение роговицы связано с воздействием измельченного в порошок сердечника химического карандаша, что, в принципе, поддается медикаментозному лечению и не требует применения в отношении осужденного положений ст. 362 УПК РСФСР (освобождения от наказания в связи с болезнью). В данной ситуации приглашенный врач-офтальмолог обладал всеми необходимыми качествами для привлечения к производству по уголовному делу в статусе специалиста – он был компетентен (его специальные медицинские познания оказались более основательными, чем у членов врачебной комиссии, которые дали заключение о целесообразности освобождения осужденного от дальнейшего отбывания наказания) и не заинтересован в деле.

– **Сведущие свидетели.** В качестве таковых могут выступать лечащие врачи, о которых упоминает Пленум Верховного Суда РФ в абзаце третьем п. 22 Постановления № 9 от 29.05.2014 г. «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений», когда речь идет об изменении вида исправительного учреждения лицам, проходящим лечение и признанным страдающими педофилией [8]. В уголовно-процессуальном законе de jure фигура сведущего свидетеля отсутствует, однако de facto правоприменители допрашивают в качестве свидетелей лиц, обладающих специальными познаниями, на которые эти компетентные лица опираются при даче своих показаний и с помощью которых они интерпретируют те или иные сведения, сообщаемые ими на допросе. Ценность информации, исходящей от сведущих свидетелей, обусловлена, прежде всего, именно этим их качеством – обладанием специальными познаниями в предмете допроса. Почему мы считаем, что лечащих врачей следует допрашивать именно в качестве сведущих свидетелей, а не специалистов? К такому выводу приводит буквальное толкование требований закона, устанавливающих основания для отвода специалиста, в качестве которых указывается общее основание для исключения участия в деле – его личная, прямая или косвенная, заинтересованность в исходе данного уголовного дела (ч. 2 ст. 61 УПК РФ, применяющаяся и к эксперту, и к специалисту). Представляется, что лечащий врач в силу особых отношений с пациентом a priory не может быть беспристрастным и объективным. Именно по этой причине лечащий врач осужденного, проходящего лечение в ходе отбывания наказания, не может привлекаться к участию в уголовно-процессуальных процедурах в ходе стадии исполнения приговора в статусе специалиста согласно ст. 58 УПК РФ.

В теории уголовно-процессуального права фигура «сведущего свидетеля» вызывала и вызывает неоднозначную оценку. Нам в решении судьбы этого участника уголовно-процессуальных отношений импонирует подход Ю.К. Орлова, который справедливо выделял сущностные черты сведущего свидетеля: в отличие от «обычного» свидетеля, он обладает специальными знаниями, помогающими ему лучше понять происходящее, в связи с чем у него есть существенная процессуальная особенность – в его показаниях доказательственное значение имеют не только сведения об обстоятельствах, но и его мнение, основанное на специальных познаниях (что касается «обычного» свидетеля, как известно, никакие его умозаключения доказательственного значения иметь не могут). Возможно, не обязательно закреплять такую фигуру в законе, но в теории выделять ее нужно, так как это влияет не только на предмет показаний данного лица, но и определение допустимых пределов формулирования им своих показаний на основе специальных познаний. Данное обстоятельство предопределяет и тактику подготовки и проведения допроса такого свидетеля, так как суду может оказаться необходимой для оценки показаний этого лица посторонняя помощь специалиста в соответствующей области знаний [9, с. 52–53].

Полагаем, что именно в таком качестве (свидетеля) должны выступать в уголовно-процессуальных отношениях, возникающих на стадии исполнения приговора, различные медицинские работники – члены медицинских комиссий, о которых упоминает законодатель в УПК РФ в контексте составления медицинских заключений (ч. 5 ст. 445 УПК РФ), статус и компетенция которых определены Постановлением Правительства РФ от 06.02.2004 г. № 54 [10], члены экспертной комиссии, которые проводят медико-социальную экспертизу по установлению инвалидности осужденных [11, 12]. Дополнительным доводом в пользу такого определения их статуса в уголовно-процессуальных процедурах на стадии исполнения приговора выступают, как представляется, и суждения М.К. Свиридова, что на этапе оценки доказательств при принятии решений в стадии исполнения приговора предпочтительным является именно уголовно-процессуальный метод регулирования общественных отношений [1, с. 75].

Этот метод требует «идентификации» статуса сведущих лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения. С учетом того, что УПК РФ предусматривает только две[4] основные процессуальные формы применения специальных познаний (судебная экспертиза и участие специалиста), принимая во внимание то обстоятельство, что полномочия лечащих врачей, членов медицинских комиссий, в том числе осуществляющих клинико-экспертную работу, регламентируются не уголовно-процессуальными

[4] Мы не рассматриваем в контексте проблематики настоящей статьи такую процессуальную форму применения специальных познаний, как участие переводчика в производстве процессуальных действий на стадии исполнения приговора, так как в рамках данной стадии не проявляется какая-либо специфика реализации его статуса.

нормами, а по большей части нормами административного права, – указанных компетентных лиц нельзя признавать экспертами и специалистами в смысле ст.ст. 57 и 58 УПК РФ. Единственный способ для них «легализоваться» в уголовно-процессуальных отношениях в рамках действующего нормативного регулирования – выступить в уголовном судопроизводстве в качестве свидетеля по специальному вопросу или, как было сказано выше, – **в качестве сведущего свидетеля.**

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свиридов М.К.* Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 199 с.
2. *По запросу* Останкинского районного суда Северо-восточного административного округа города Москвы о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: определение от 7 февраля 2003 г. № 106-О //СПС Консультант Плюс (дата обращения: 12.02.2018).
3. *Научно-практический* комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 1997. 1056 с.
4. *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 17.04.2017 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.
5. *О судебной* экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.
6. *Зайцева Е.А.* О результатах консультационной деятельности специалиста сквозь призму правовых позиций высших судебных инстанций // Судебная экспертиза. 2017. № 4. С. 9–18.
7. *Зайцева Е.А.* Непроцессуальная форма экспертных исследований // Судебная экспертиза. 2011. № 4. С. 16–24.
8. *О практике* назначения и изменения судами видов исправительных учреждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 7.
9. *Орлов Ю.К.* Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. 264 с.
10. *О медицинском* освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью: Постановление Правительства РФ от 06.02.2004 г. № 54 (ред. от 19.05.2017) // СЗ РФ. 2004. № 7. Ст. 524; СЗ РФ. 2017. № 22. Ст. 3155.
11. *О социальной* защите инвалидов в Российской Федерации: Федер. закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563; СЗ РФ. 2018. № 11. Ст. 1582.
12. *О порядке* и условиях признания лица инвалидом: Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 г. № 95 (ред. от 24.01.2018) // СЗ РФ. 2006. № 9. Ст. 1018; СЗ РФ. 2018. № 6. Ст. 878.

THE ROLE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE SOLUTION OF TASKS OF SENTENCE EXECUTION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 52−56. DOI 10.17223/23088451/11/10

Elena A. Zaytseva, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Volgograd, Russian Federation). E-mail: zaitceva-expert@rambler.ru
Liana R. Vasilieva, Russian Ministry of Internal Affairs Administration for Astrakhan (Volgograd, Russian Federation). E-mail: liana_vasilyeva@mail.ru

Keywords: special knowledge, competent persons, expert, specialist, skilled witness, execution of sentence.

The problem of the status of persons with special knowledge who are involved in the examining activity of the court at the stage of execution of the sentence while solving a number of procedural issues connected with the implementation of a conviction or a court decision on the application of compulsory measures of a medical nature has been assessed ambiguously. The authors note that when deciding the fate of persons with special knowledge as participants in criminal procedure relations, the approach of allocating the essential features of skilled witnesses is most relevant. Unlike “ordinary” witnesses, they have special knowledge that helps them to better understand what is happening; therefore, they have a significant procedural feature: in their testimony, not only information about circumstances is of crucial importance, but also their opinion, based on special knowledge. It may not be necessary to fix such a category in law, but in theory it is necessary to allocate it, as it affects not only the subject of the testimony of these persons, but also the determination of the permissible limits of formulation of their testimony on the basis of special knowledge. This circumstance predetermines the tactics of preparing and conducting an interrogation of such a witness, since the court may require outside assistance of an expert in the relevant field of knowledge to assess the testimony of skilled witnesses.

The authors believe that it is the status of a skilled witness that various medical workers should have in the criminal procedure relations at the sentence execution stage. Medical workers here are members of medical committees, who are mentioned by the legislator in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in the context of making medical reports (Part 5, Article 445 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), their status and competence are determined by Ruling of the Government of the Russian Federation No. 54 of February 06, 2004, as well as members of expert committees who conduct medical and social examination to determine the disability of convicts.

References

1. Sviridov, M.K. (1978) *Sushchnost’ i predmet stadii ispolneniya prigovora* [Essence and subject of the execution stage of the sentence]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Konsul’tant Plyus. (2003) *Po zaprosu Ostankinskogo rayonnogo suda Severo-vostochnogo administrativnogo okruga goroda Moskvy o proverke konstitutsionnosti punkta “g” chasti tret’ey stat’i 78 Ugolovno-ispolnitel’nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie ot 7 fevralya 2003 g. № 106-O* [At the request of the Ostankino District Court of the North-Eastern Administrative District of Moscow to verify the constitutionality of Clause “d” of Part 3 of Article 78 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation: Ruling No. 106-O of February 7, 2003]. Moscow: Konsul’tant Plyus.

3. Lebedev, V.M. (ed.) (1997) *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu RSFSR* [Scientific and practical commentary to the Criminal Procedure Code of the RSFSR]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo "Norma".
4. Russian Federation. (2017) O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 17.04.2017 № 73-FZ [On Amending the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 73-FZ of 17.04.2017]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii.* 17. Art. 2455.
5. Supreme Court of the Russian Federation. (2011) O sudebnoy ekspertize po ugolovnym delam: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 21.12.2010 № 28 [On forensic examination in criminal cases: Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 28 of December 21, 2010]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF.* 2.
6. Zaytseva, E.A. (2017) O rezul'tatakh konsul'tatsionnoy deyatel'nosti spetsialista skvoz' prizmu pravovykh pozitsiy vysshikh sudebnykh instantsiy [On the results of consulting activities of a specialist through the prism of the legal positions of the highest judicial instances]. *Sudebnaya ekspertiza – Forensic Examination.* 4. pp. 9–18.
7. Zaytseva, E.A. (2011) Neprotsessual'naya forma ekspertnykh issledovaniy [Non-procedural form of expert examination]. *Sudebnaya ekspertiza – Forensic Examination.* 4. pp. 16–24.
8. Supreme Court of the Russian Federation. (2014) O praktike naznacheniya i izmeneniya sudami vidov ispravitel'nykh uchrezhdeniy: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.05.2014 № 9 [On the practice of appointing and changing the types of correctional facilities by courts: Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 9 of May 29, 2014]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF.* 7.
9. Orlov, Yu.K. (2005) *Sudebnaya ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Forensic examination as a means of proof in criminal proceedings]. Moscow: IPK RFTsSE.
10. Russian Federation. (2017) O meditsinskom osvidetel'stvovanii osuzhdennykh, predstavlyaemykh k osvobozhdeniyu ot otbyvaniya nakazaniya v svyazi s bolezn'yu: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 06.02.2004 № 54 (red. ot 19.05.2017) [On medical examination of convicts submitted for release from serving their sentence in connection with the disease: Ruling of the Government of the Russian Federation No. 54 of 06.02.2004 (as amended on May 19, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii.* 22. Art. 3155.
11. Russian Federation. (2018) O sotsial'noy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ (red. ot 07.03.2018) [On the social protection of disabled people in the Russian Federation: Federal Law No. 181-FZ of 24.11.1995 (as amended on 07.03.2018)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii.* 11. Art. 1582.
12. Russian Federation. (2018) O poryadke i usloviyakh priznaniya litsa invalidom: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20.02.2006 № 95 (red. ot 24.01.2018) [On the procedure and conditions for the recognition of a person as disabled: Ruling of the Government of the Russian Federation No. 95 of February 20, 2006 (as amended on January 24, 2013)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii.* 6. Art. 878.

УДК 343.13 DOI 10.17223/23088451/11/11

О.В. Качалова, М.В. Беляев

К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНОСТИ СУДА В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рассматривается вопрос о мере допустимой активности суда в состязательном уголовном судопроизводстве. Делается вывод о необходимости отказа от понимания роли суда как исключительно пассивной и признания за судом права осуществлять активные действия, в том числе сопряженные с собиранием доказательств, подтверждающих либо опровергающих доказательства, представленные сторонами, если этого требуют интересы правосудия.

Ключевые слова: *суд, состязательность, активность, собирание доказательств.*

Одной из наиболее дискуссионных проблем последних десятилетий, активно обсуждаемых в уголовно-процессуальной науке, является проблема соотношения состязательности уголовного процесса и пределов допустимой активности суда при рассмотрении и разрешении уголовных дел. Провозглашение состязательности уголовного судопроизводства в качестве одной из основополагающих его идей (ст. 15 УПК РФ) с принятием в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации привело к исключению суда из числа органов противодействия преступности и поставило на повестку дня вопрос о том, должен ли быть суд пассивным независимым арбитром при производстве по уголовным делам, разрешающим спор сторон обвинения и защиты, либо активным участником процесса.

Была высказана точка зрения о том, что состязательный тип процесса предполагает пассивную роль суда, а активная роль суда – решающий признак розыска [1]. Целый ряд исследователей поддержали позицию о необходимости сохранения за судом пассивной роли при рассмотрении и разрешении уголовного дела [2, с. 102–104; 3, с. 24–26]. В научной литературе была предложена модель «субсидиарной активности» суда: если стороны были поставлены ходом судопроизводства в неравные или несправедливые условия, грозящие одной из них неблагоприятным исходом дела, а усилий стороны явно недостаточно, чтобы самостоятельно исправить положение, суд обязан восстановить равноправие сторон, чтобы дело было доведено до логического конца. Согласно данной позиции, инициатива суда уместна и тогда, когда обнаруживается очевидная некомпетентность или недобросовестность сторон [4, с. 169–170].

Большой вклад в теоретическое осмысление проблемы допустимой активности суда в уголовном судопроизводстве внесли труды М.К. Свиридова. Последовательно отстаивая позицию о решающей роли суда в уголовном судопроизводстве и пагубных последствиях его возможной связанности мнением сторон, ученый совершенно обоснованно пишет о том, что «суд как разрешающий уголовное дело орган должен иметь все возможности для исправления любых ошибок следователя, которые осложняют вынесение приговора» [5, с. 107], «недопустимость активности суда по восполнению недостающих доказательств не обеспечивает в полном объеме требования УПК РФ о том, чтобы приговоры были обоснованными и справедливыми» [5, с. 104]. Вместе с тем М.К. Свиридов весьма взвешенно подошел к разрешению вопроса об активности суда в ходе судебного разбирательства. «В решении вопроса о положении суда в познавательном процессе о мере его активности, – пишет ученый, – нельзя допускать крайностей. Суд должен проявлять активность, но она должна быть ограниченной. Пассивный суд потеряет независимость и будет излишне связан деятельностью сторон. Усилия суда должны быть направлены не на самостоятельное собирание недостающих доказательств, а на воздействие на стороны с тем, чтобы они в полном объеме выполнили требуемое от них – предоставить суду все необходимые доказательства. При этом нет угрозы потери судом объективности» [6, с. 106].

Разделяя позицию ученого, отметим, что в ходе рассмотрения уголовного дела по существу могут возникать ситуации, когда для вынесения обоснованного и справедливого приговора усилий сторон может быть недостаточно, и суд должен предпринимать определенные действия познавательного характера, в том числе и сопряженные с собиранием доказательств. В свете этого М.К. Свиридов пишет о возможности самостоятельно судом собирать доказательства с целью проверки тех доказательств, которые суду предоставлены сторонами [7, с. 147].

Одной из ситуаций, в которой суду может быть недостаточно усилий сторон, являются сделанные в ходе судебного заседания подсудимым заявления об оказании на него давления, применении незаконных методов расследования и, как следствие этого, – отказ от данных в ходе досудебного производства показаний, в том числе и данных в присутствии защитника. Недостаточность усилий сторон по представлению доказательств в данной ситуации может быть обусловлена, в том числе, и отсутствием эффективного механизма расследования заявлений обвиняемого о применении незаконных методов ведения следствия[1].

[1] ЕСПЧ неоднократно в своих решениях указывал на отсутствие эффективного механизма расследования применения пыток и других незаконных методов ведения следствия. См., например: Постановления ЕСПЧ от 02.10.2008 «Акулинин и Бабич против Российской Федерации» № 5742/02; от 22.09 2015 по жалобе № 28438/07 «Антипенков против Российской Федерации»; от 29.01.2009 по жалобе № 22107/03 «Антропов против Российской Федерации»; от 05.02.2015 по жалобе № 46404/13 «Раззаков против Российской Фе-

Эффективным может считаться расследование, которое способно привести к установлению и наказанию виновных, является оперативным и тщательным (должны быть предприняты все разумные меры для того, чтобы обеспечить сохранность доказательств в отношении произошедшего, включая, в том числе, свидетельские показания и данные судебной экспертизы), проведено независимо и беспристрастно (выводы проверки не могут основываться лишь на показаниях предполагаемых нарушителей, которые отрицают утверждения о ненадлежащем обращении, результаты проверки должны подтверждаться совокупностью непротиворечивых доказательств, опровергающих доводы жалобы; если при задержании и оказании сопротивления заявитель сопротивлялся задержанию, должны быть представлены конкретные факты, полно и достаточно объясняющие причиненные травмы) [8, с. 70–78].

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»: «Суд должен принять достаточные и эффективные меры по проверке заявления подсудимого о применении недозволенных методов ведения расследования, имея при этом ввиду, что бремя опровержения доводов стороны защиты о том, что показания подсудимого были получены с нарушением требований закона, лежит на прокуроре (государственном обвинителе), по ходатайству которого судом могут быть проведены необходимые судебные действия. В случае, если заявление обвиняемого содержит указание на признаки преступления, суд должен направить его руководителю соответствующего органа для доследственной проверки, но это не освобождает суд от обязанности дать оценку материалам, представленным по ее результатам, и отразить свои выводы в приговоре».

В случае, если подсудимый заявляет в суде о применении незаконных методов расследования, для оценки его заявления применяется разработанный ЕСПЧ стандарт «вне разумного сомнения», предполагающий, что заявление может вытекать из сосуществования достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных нерушимых презумпций фактов. Так, например, в одном деле заявительница представила подробное описание жестокого обращения, которому она подверглась, и указала место и время. Ее версия событий не противоречила заключениям медицинского освидетельствования [9]. После того, как подсудимый заявляет и представляет некие убедительные данные, бремя опровержения факта пытки переходит к государству. Возникает вопрос: как должен поступить суд в ситуации, когда сторона обвинения не смогла представить данных, которые могли бы с высокой степенью вероятности опровергнуть заявление обвиняемого об оказании на него давления и применении незаконных методов расследования, в результате чего им впоследствии при участии защитника были даны признательные показания? Могут ли в данной ситуации признательные показания подсудимого, данные в ходе предварительного расследования, оцениваться как достоверные? Как надлежит суду оценить противоречия между показаниями, данными в ходе досудебного производства, и показаниями, данными в суде? Полагаем, что в данной ситуации суд должен проявить необходимую активность, в том числе и по собиранию доказательств с тем, чтобы проверить показания обвиняемого и дать им надлежащую оценку. По этому же пути нередко идет и судебная практика.

Так, подсудимый В., в ходе предварительного расследования давший признательные показания в убийстве четырех человек, включая малолетнего ребенка, в ходе судебного заседания заявил, что признательные показания на предварительном следствии были даны им после давления со стороны полиции. Суд, проверив данное заявление, установил, что доводы В. несостоятельны и опровергаются исследованными материалами дела.

Для проверки данного заявления суд сопоставил объяснения подсудимого о получении ссадин и кровоизлияний на руках с выводами соответствующего эксперта и пришел к выводу о том, что хронологически ссадины и кровоизлияния были получены раньше убийства, что не могло повлиять на дачу В. признаний на предварительном следствии. Суд учел, что подсудимый на протяжении всего предварительного следствия, а также в судах ни разу не заявил об оказании физического насилия сотрудниками правоохранительных органов. По появившемуся лишь в суде заявлению В. об оказании психического давления была проведена проверка и вынесено процессуальное решение, не обжалованное стороной защиты. Изучив материалы проверки и сопоставив их с материалами дела, суд пришел к выводу, что признательные показания В. давались добровольно и после разъяснения ст. 51 Конституции Российской Федерации, неоднократно и на протяжении длительного периода в течение 4 месяцев: на допросах – в присутствии адвокатов, в ходе проверки показаний на месте – с участием понятых и адвоката, а при решении вопросов по мере пресечения – трижды в присутствии адвокатов, прокуроров и судей, то есть в обстановке, исключающей какое-либо незаконное воздействие. Для проверки заявления подсудимого об оказании на него давления в суде были допрошены понятые С. и В., а также эксперт И., фельдшер Е. и конвоир Г., которые показали, что присутствовали при медосмотре и проверке показаний В. на месте, где он добровольно описал обстоятельства убийства им четырех лиц и поджога. Суд пришел к выводу о том, что основания не доверять показаниям гражданских лиц, не имеющих повода для оговора подсудимого, отсутствуют [10].

Таким образом, для оценки имеющихся доказательств суд осуществил активные действия, в том числе направленные на собирание доказательств, что позволило обеспечить вынесение обоснованного и справедливого приговора.

В одном из решений Конституционный Суд Российской Федерации указал, что правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах [11].

дерации»; от 09.10.2008 по жалобе № 36410/02 «Олег Никитин против Российской Федерации» и мн. др.

Изложенное подтверждает необходимость отказа от понимания роли суда в состязательном процессе как исключительно пассивной и признания не только на уровне правоприменительной практики, но и на доктринальном уровне за судом права осуществлять активные действия, в том числе сопряженные с собиранием доказательств, подтверждающих либо опровергающих доказательства, представленные сторонами, если этого требуют интересы правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петрухин И.Л.* Теоретические основы реформы уголовного судопроизводства в России. М. : ТК Велби, 2005. 192 с.
2. *Ежова Е.В.* Роль суда в становлении истины по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 99–104.
3. *Баев О.Я.* Законопроект «Об объективной истине в уголовном судопроизводстве» и возможные последствия его принятия // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 19–32.
4. *Смирнов А.В.* Цивилизационный подход к развитию уголовного судопроизводства // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения профессора И.Я. Фойницкого. М. : РАП, 2008. С. 162–173.
5. *Свиридов М.К.* Устранение судом следственных ошибок в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 101–108.
6. *Свиридов М.К.* Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 101–106.
7. *Свиридов М.К.* Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 142–147.
8. *Качалова О.В.* Как суду рассматривать жалобу на жестокое обращение в ходе уголовного преследования: позиции ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2017. № 3. С. 70–78.
9. *Решение* Европейского суда по правам человека по жалобе № 12042/09 «Мостипан против России» от 16 октября 2014 г. // URL:http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=10080#03595611155773457 (дата обращения: 17.04.2018).
10. *Дело* № 2-56/2016 // Архив Верховного Суда Республики Татарстан.
11. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений ст.ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45528 (дата обращения: 17.04.2018).

ON THE ACTIVITY OF THE COURT IN ADVERSARIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 57−60. DOI 10.17223/23088451/11/11

Oksana V. Kachalova, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: Oksana_kachalova@mail.ru
Maksim V. Belyaev, Supreme Court of the Republic of Tatarstan, Kazan Branch of Russian State University of Justice (Kazan. Russian Federation). E-mail: 2216406@mail.ru

Keywords: court, adversariality, collecting evidence.

One of the most debatable problems is the problem of the correlation between the adversarial nature of the criminal procedure and the limits of the permissible activity of the court in the examination and resolution of criminal cases. A great contribution to the comprehension of this issue was made by M.K. Sviridov. Consistently defending the position on the decisive role of the court in criminal proceedings and the detrimental consequences of its connection with the opinions of the parties, the scholar determines the limits of the permissible activity of the court and notes that the efforts of the court should not be aimed at collecting the missing evidence alone, but at influencing the parties so that they in full provide the court with all the necessary evidence. The ability to collect evidence independently by the court is primarily connected with the need to verify the evidence provided by the parties.

During the consideration of the criminal case on the merits, there may be situations where, in order to make a reasonable and just sentence, the efforts of the parties may not be enough, and the court must take certain cognising actions, including collection of evidence. One of such situations is claims made by the defendant during the court session on exerting pressure on them, on using unlawful methods of investigation. As a consequence, the defendant refuses from their testimony given during the pre-trial proceedings, including in the presence of the defender. The lack of efforts by the parties to present evidence in this situation may be due, inter alia, to the lack of an effective mechanism for investigating claims of the accused about unlawful methods of investigation.

The authors come to a conclusion that it is necessary to refrain from understanding the role of the court in the adversarial procedure as being exclusively passive. The right of the court to carry out active actions, including collection of evidence that either confirms or refutes the evidence submitted by the parties, if the interests of justice so require, must be recognised not only at the level of law enforcement practice but also at the doctrinal level.

References

1. Petrukhin, I.L. (2005) *Teoreticheskie osnovy reformy ugolovnogo sudoproizvodstva v Rossii* [The theoretical basis of the reform of criminal proceedings in Russia]. Moscow: TK Velbi.
2. Ezhova, E.V. (2012) Rol' suda v stanovlenii istiny po ugolovnomu delu [The role of the court in the development of truth in the criminal case]. *Biblioteka kriminalista*. 4(5). pp. 99–104.
3. Baev, O.Ya. (2012) Zakonoproekt "Ob ob"ektivnoy istine v ugolovnom sudoproizvodstve" i vozmozhnye posledstviya ego prinyatiya [The bill "On objective truth in criminal proceedings" and possible consequences of its adoption]. *Biblioteka kriminalista*. 4(5). pp. 19–32.

4. Smirnov, A.V. (2008) [Civilisational approach to the development of criminal proceedings]. *Strategii ugolovnogo sudoproizvodstva* [Strategies of criminal proceedings]. Proceedings of the conference to the 160th anniversary of the birth of Professor I.Ya. Foynitsky. Moscow: RAP. pp. 162–173. (In Russian).
5. Sviridov, M.K. (2015) Elimination of investigative errors in the course of a trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2 (16). pp. 101–108. (In Russian).
6. Sviridov, M.K. (2013) The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (8). pp. 101–106. (In Russian).
7. Sviridov, M.K. (2011) Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 142–147. (In Russian).
8. Kachalova, O.V. (2017) Kak sudu rassmatrivat' zhalobu na zhestokoe obrashchenie v khode ugolovnogo presledovaniya: pozitsii YESPCH [How the court considers a complaint of ill-treatment in the course of criminal prosecution: the position of the EctHR]. *Ugolovnyy protsess*. 3. pp. 70 – 78.
9. Konsul'tant Plyus. (2014) *Reshenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka po zhalobe № 12042/09 "Mostipan protiv Rossii" ot 16 oktyabrya 2014 g.* [The decision of the European Court of Human Rights on complaint No. 12042/09 Mostipan vs Russia of October 16, 2014]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=10080#03595611155773457. (Accessed: 17.04.2018).
10. Archive of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan. Case No. 2-56/2016. (In Russian).
11. Konsul'tant Plyus. (2003) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 8 dekabrya 2003 g. № 18-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy st. st. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 i 408, a takzhe glav 35 i 39 UPK RF v svyazi s zaprosami sudov obshchey yurisdiktsii i zhalobami grazhdan"* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of December 8, 2003 "On the case of the verification of the constitutionality of the provisions of Art. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as Chapters 35 and 39 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with requests of courts of general jurisdiction and complaints of citizens".]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45528. (Accessed: 17.04.2018).

УДК 343.15 DOI 10.17223/23088451/11/12

А.В. Кудрявцева

МОТИВИРОВАННОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Рассматриваются понятие и значение мотивированности судебных решений в уголовном процессе, ее отграничение от требования обоснованности. Анализируются правовые позиции Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и формулируется вывод, что в настоящее время требование мотивированности должно считаться составляющим справедливости судебного разбирательства.

Ключевые слова: *обоснованность судебных решений, мотивированность судебных решений, справедливое судебное разбирательство.*

Требованию мотивированности судебных решений в последнее время, в том числе и благодаря решениям Европейского суда по правам человека, уделяется особое внимание.

Так, по делу «Красуля (Krasulya) против Российской Федерации» (жалоба № 12365/03) от 22 февраля 2007 г. Европейский суд напоминает, что в то время как ст. 6 Конвенции гарантирует право на справедливое разбирательство, она не закрепляет каких-либо правил допустимости доказательств или правил их оценки, поэтому эти вопросы регулируются, прежде всего, внутригосударственным правом и внутригосударственными судами [1]. Тем не менее для того, чтобы разбирательство было справедливым, как того требует п. 1 ст. 6 Конвенции, «суд должен надлежащим образом изучить замечания, доводы и доказательства, представленные сторонами, без предвзятости при оценке их применимости к его решению» [2]. В другом постановлении Европейский суд по правам человека отмечает, что п. 1 ст. 6 Конвенции требует, чтобы суды приводили мотивацию своих решений. Вопрос о соблюдении судом вытекающей из п. 1 ст. 6 Конвенции обязанности указывать мотивы своего решения может быть решен только в свете обстоятельств конкретного дела [3].

Однако требование мотивированности в УПК РФ закреплено только в ч. 4 ст. 7 УПК РФ применительно ко всем решениям, которые принимаются на стадиях досудебного и судебного производства. Такого требования не содержится ни в ч. 1 ст. 297 УПК РФ, ни в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 г. № 55: «Обратить внимание судов на то, что в силу положений ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процес-суального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона. С учетом положений ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт о гражданских и политических правах) и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция о защите прав человека и основных свобод) приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства» [4].

Понятие справедливости судебного разбирательства в самом Постановлении Пленума не раскрывается. Европейским судом по правам человека справедливость понимается как справедливость самого судебного процесса в рамках равных прав и возможностей сторон по представлению доказательств и отстаиванию собственной позиции, возможности оспорить доказательства другой стороны. Частным случаем справедливости судебного разбирательства является возможность оспаривания стороной защиты доказательств, представленных стороной обвинения. Иными словами, справедливость судебного разбирательств в смысле ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод представляет собой не что иное, как содержание принципа состязательности сторон.

В национальном уголовном судопроизводстве под справедливостью традиционно понимается справедливость назначенного наказания, как адекватная оценка содеянного и оценка неопределенным кругом лиц приговора как справедливого, который восстанавливает, компенсирует потери потерпевшего или нарушенных преступлением ценностей и благ.

Представляется, что одной из составляющих справедливости судебного решения является свойство мотивированности. В судебной практике и в юридической литературе нет четких критериев различий и границ обоснованности и мотивированности судебных решений.

Исходя из позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в силу положений ст. 240 УПК РФ выводы суда, изложенные в описательно-мотивировочной части приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, должны быть основаны на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании. Ссылка в приговоре на показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, данные ими в ходе предварительного расследования или в ином судебном заседании, допустима только при условии оглашения этих показаний с соблюдением требований, установленных ст.ст. 276 и 281 УПК РФ [4]. Это положение постановления относится к требованию обоснованности.

Обоснованность приговора относится, прежде всего, к приведению в обоснование установления фактических обстоятельств дела, как первому акту квалифи-

кации деяния, доказательств. Требование же мотивированности традиционно относилось к приведению мотивов, по которым принимаются одни доказательства и отвергаются другие, к мотивам назначения вида и размера наказания, причин, по которым суд квалифицирует деяния по той или иной статье при наличии смежных составов.

Требование обоснованности означает приведение оснований к принятию тех или иных решений, а требование мотивированности, исходя из психологического смысла категории «мотив» как внутреннего побуждения действовать и решать определенным образом, означает приведение объяснения механизма принятия решения. Это означает, что, по сути, в судебном решении должен быть изложен мыслительно-эмоциональный мотивационный процесс принятия того или иного решения. Мотивированность означает, что судом приведены мотивы формирования у него внутреннего убеждения, когда закон требует его как основание принятия решения при оценке доказательств. Мотивированность решения относится также к тем случаям, когда закон допускает судейское усмотрение, например, при выборе уголовно-правовой нормы, квалификации деяния, вида и размера наказания.

Когда в законе четко изложены основания принятия тех или иных решений, то приведение нормы, на которой данное решение основывается, является достаточным для того, чтобы решение было обоснованным.

Для принятия решения по уголовным делам в виде приговоров требуется оценка доказательств на основе внутреннего убеждения с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и, самое сложное, достаточности доказательств для установления тех или иных фактических обстоятельств дела и виновности лица. Так вот, объяснение механизма принятия решений об оценке доказательств, о том, почему одни доказательства принимаются, а другие отвергаются, почему, например, степень провокации со стороны правоохранительных органов в получении взятки, сбыте наркотиков оценивается отрицательно, почему при наличии нескольких альтернативных санкций избирается определенный вид и размер наказания – и означает мотивированность принятия решений.

В п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре» содержится положение, в соответствии с которым: «В описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений п. 3, 4 ч. 1 ст. 305, п. 2 ст. 307 УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся **мотивы,** по которым те или иные доказательства отвергнуты судом. Если какие-либо из исследованных доказательств суд признает не имеющими отношения к делу, то указание об этом должно содержаться в приговоре. В силу требований ст. 75 УПК РФ о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона, суд, установив такое нарушение, должен **мотивировать** свое решение о признании доказательства недопустимым и о его исключении из числа доказательств, указав, в чем именно выразилось нарушение закона» [4].

В контексте приведенного положения, мотивировать означает привести объяснения механизма принятия решения об оценке каждого доказательства и всех их в совокупности, не ограничиваясь указанием на критическое отношение, например, к показаниям, необходимо объяснить, чем вызвано данное критическое отношение. Обычно суды, оценивая показания близких родственников подсудимого как свидетелей защиты, как правило, ссылаются на родственные и дружеские связи, при этом показания родственников и друзей потерпевшего принимают как доказательства. Представляется, что указание на родственные и дружеские связи недостаточно в приговоре. Необходимо на основе анализа совокупности доказательств указывать на информационную составляющую данных показаний, как соответствующих и не соответствующих действительности. Также недостаточно ссылок на принятие тех или иных доказательств, подвергнутых опровержению стороной защиты, только на основании их согласованности с другими доказательствами по делу. Необходимо информационно, содержательно привести те сведения, с которыми согласуются те или иные доказательства, и привести внутренние мотивы их оценки как достоверных и относимых к устанавливаемым юридически значимым обстоятельствам.

Мотивированность судебных решений является, кроме того, препятствием для принятия ошибочных решений.

Достаточно трудно мотивировать неверное разрешение уголовного дела по существу. Как бы судья не пытался мотивировать неверное установление фактических обстоятельств дела, именно неверная мотивировка или ее отсутствие заставляет суд вышестоящей инстанции усомниться в правильности принятого решения. Кроме того, следует отметить тенденцию, в соответствии с которой вышестоящие судебные инстанции все чаще отменяют или пересматривают те судебные решения в сфере уголовного судопроизводства, в которых решение по существу дела принято верное, однако оно немотивированно. В связи с этим необходимо отметить позицию М.К. Свиридова, который пишет, что именно суд первой инстанции отвечает за правосудность приговора, а правосудность, в свою очередь, складывается из соблюдения требований законности, обоснованности, справедливости и мотивировнности приговора [5, с. 90].

В прошлое уходит позиция, в соответствии с которой, чем меньше написано, тем больше гарантий, что решение устоит. Однако, к сожалению, и в настоящее время высказывается позиция, в соответствии с которой «решение, в котором обойдены острые углы, имеет гораздо больший шанс устоять в вышестоящих судах, нежели решение, в котором подробно описаны позиции сторон и в котором сделана попытка мотивировать неправосудное решение. Данное наблюдение выявляет также еще одну чашу весов, которую применяет судья при вынесении судебного постановления: на этой чаше весов на одной стороне – собственное суждение судьи

по рассматриваемому делу, а на другой стороне этих весов – риск отмены судебного постановления вышестоящим судом» [6, с. 12].

В то же время следует предостеречь от замотивированности судебных решений, когда при наличии четко установленных оснований для принятия тех или иных решений в приговорах приводятся бесконечные суждения суда о мотивах принятия того или иного решения.

Мотивированность судебных решений, как объяснение механизма принятия решений, является также реализацией принципа гласности, доступности правосудия, способствует принятию справедливых судебных решений, а также является составляющей права на защиту.

Именно объяснимость суждений суда об оценке доказательств, квалификации деяния, назначения вида и размера наказания, мотивы опровержения доводов сторон являются необходимым условием для доступности и ясности правосудия, способствуют росту доверия к судебной системе и создают возможности обжалования судебных решений с указанием несогласия с мотивацией суда. Мотивация принятия судебных решений при этом повышает устойчивость приговоров и судебных решений, поскольку, когда приведены основания и побуждения, которые привели суд или судью к конкретным выводам, вышестоящей инстанции достаточно сложно их опровергнуть.

Требование мотивированности также относится к постановлениям и определениям, которые суд выносит по результатам разрешения ходатайств как в ходе судебного разбирательства, так и после постановления приговора между стадиями судебного разбирательства и апелляционного производства при подготовке дела для направления в суд апелляционной инстанции.

Так, в соответствии со ст. 256 УПК РФ по вопросам, разрешаемым судом во время судебного заседания, суд выносит определения или постановления, причем ч. 2 четко закрепляет виды решений, которые выносятся только в совещательной комнате и с вынесением отдельных постановлений или определений, но этот перечень является открытым, и суд может вынести любое решение, удалившись в совещательную комнату. При этом должен действовать порядок, что если решение выносится с удалением в совещательную комнату, то оно должно оформляться отдельным постановлением, а не только протокольно. Однако следует отметить, что такой порядок на практике соблюдается не всегда.

В соответствии с правовыми позициями, высказанными Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 25.09.2014 г. № 1906-О, необходимость удаления судьи в совещательную комнату для вынесения, в частности, постановления о назначении экспертизы обусловливается требованиями ст. 195 УПК РФ, устанавливающей порядок назначения судебной экспертизы. Он предполагает указание в постановлении оснований назначения судебной экспертизы, сведений об эксперте или наименовании экспертного учреждения, в котором должна быть произведена экспертиза, вопросов, поставленных перед экспертом, а также материалов, предоставляемых в распоряжение эксперта. При отсутствии же таких оснований решение об отказе в удовлетворении подобного ходатайства не требует вынесения судом отдельного процессуального документа с удалением в совещательную комнату [7].

В последнее время возрастает перечень решений суда, принимаемых в ходе судебного разбирательства, которые подлежат самостоятельному обжалованию отдельно от итоговых решений. Так, например, решение об отказе в изменении меры пресечения на более мягкую в том случае, если стороной защиты приведены новые обстоятельства, которые изменяют основания для избрания или продления меры пресечения в виде заключения под стражу.

Так, Верховный Суд Российской Федерации в своем конкретном решении по делу указал, что согласно ч. 2 ст. 256 УПК РФ постановление о возвращении уголовного дела прокурору, о прекращении уголовного дела, об избрании, изменении или отмене меры пресечения в отношении подсудимого, о судебном разбирательстве в отсутствие подсудимого, о продлении срока содержания его под стражей, об отводах, о назначении судебной экспертизы выносится в совещательной комнате и излагается в виде отдельного процессуального документа. Все иные определения или постановления по усмотрению суда выносятся в зале судебного заседания и подлежат занесению в протокол. По таким же причинам не требовалось по данному делу вынесения судом отдельного процессуального документа для оформления решения об отказе в возвращении дела прокурору или об отказе в изменении меры пресечения [8].

Такая позиция Верховного Суда Российской Федерации свидетельствует о расширительном толковании ч. 2 ст. 256 УПК РФ и создании фактически новой нормы, которой не содержится в УПК РФ. Учитывая, что отказ в изменении меры пресечения на более мягкую подлежит самостоятельному обжалованию, неясно, каким образом стороны могут это осуществить без вынесения отдельного процессуального решения.

Изучение практики также показывает, что разрешение ходатайств в ходе судебного разбирательства судом в достаточной степени не мотивируется, в протоколах судебного разбирательства не раскрывается механизм принятия решений на основе внутреннего убеждения судьи. Следует провести прямую зависимость между квалификацией и профессионализмом судьи и умением мотивировать свои решения.

Таким образом, мотивированность судебного решения означает приведение в судебном решении механизма принятия решения на основе формирования внутреннего убеждения и судейского усмотрения, с обязательной информационной составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Постановление* Европейского суда по правам человека от 22.02.2007 «Дело «Красуля (Krasulya) против Российской Федерации» (жалоба № 12365/03). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=37911#07203886583999783 (дата обращения: 22.04.2018).

2. *Постановление* Европейского суда по правам человека от 12.06.2003 «Дело «Ван Кюк (Van Kuck) против Германии» (жалоба № 35968/97). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=19290#04147621731733122 (дата обращения: 22.04.2018).
3. *Постановление* Европейского суда по правам человека от 19.04.1993 «Дело «Краска (Kraska) против Швейцарии» (жалоба № 13942/88). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=61528#030060002851860546 (дата обращения: 22.04.2018).
4. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре». URL: http://www.consultant.ru/document/cons doc LAW 207874 (дата обращения: 22.04.2018).
5. *Свиридов М.К.* Самостоятельность суда при постановлении приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 88–95.
6. *Султанов А.Р.* О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений Европейского суда по правам человека // Международное публичное и частное право. 2008. № 2 (41). С. 11–13.
7. *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 25.09.2014 г. № 1906-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Будыкина Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 256 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=409758#04761365390419885 (дата обращения 22.04.2018).
8. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 15.09.2016 г. № 33-АПУ16-10. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=476548#0009647821674558577 (дата обращения: 22.04.2018).

JUSTIFICATION OF A COURT DECISION AS A COMPONENT OF A FAIR TRIAL

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 61−64. DOI 10.17223/23088451/11/12
Anna V. Kudryavtseva, Stavropol Regional Court (Stavropol, Russian Federation). E-mail: kulturaprava@mail.ru

Keywords: validity of court decisions, justification of court decisions, fair trial.

The requirement of justification is traditionally understood as the explanation of motives for accepting some evidence and rejecting other, for assigning the type and amount of punishment, the reasons for which the court qualifies crimes under this or that article in the presence of related elements.

The author shows that justification of court decisions is an obstacle to making erroneous decisions. Justification of court decisions as an explanation of the decision-making mechanism is also the implementation of the principle of transparency, the accessibility of justice; it facilitates the adoption of fair court decisions, and is also a component of the right to defence. The author comes to a conclusion that justification of a court decision means the court decision contains the decision-making mechanism based on the formation of internal conviction and judicial discretion, with an obligatory information component.

References

1. Konsul'tant Plyus. (2007) *Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 22.02.2007 "Delo "Krasulya (Krasulya) protiv Rossiyskoy Federatsii" (zhaloba № 12365/03)* [Judgement of the European Court of Human Rights of 22.02.2007 "Krasulya v. Russian Federation" (complaint No. 12365/03)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=37911#07203886583999783. (Accessed: 22.04.2018).
2. Konsul'tant Plyus. (2003) *Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 12.06.2003 "Delo "Van Kyuk (Van Kuck) protiv Germanii" (zhaloba No. 35968/97)* [Judgement of the European Court of Human Rights of 12.06.2003 "Van Kuck v. Germany" (complaint No. 35968/97)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=19290#04147621731733122. (Accessed: 22.04.2018).
3. Konsul'tant Plyus. (1993) *Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 19.04.1993 "Delo "Kraska (Kraska) protiv Shveytsarii" (zhaloba No. 13942/88)* [Judgement of the European Court of Human Rights of 19.04.1993 "Kraska v. Switzerland" (complaint No. 13942/88)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=61528#030060002851860546. (Accessed: 22.04.2018).
4. Konsul'tant Plyus. (2016) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 29.11.2016 No. 55 "O sudebnom prigovore"* [Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 55 of 29.11.2016 "On the court sentence"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874. (Accessed: 22.04.2018).
5. Sviridov, M.K. (2014) Autonomy of courts in sentencing. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2(12). pp. 88–95. (In Russian).
6. Sultanov, A.R. (2008) O probleme motivirovannosti sudebnykh aktov cherez prizmu postanovleniy evropeyskogo suda po pravam cheloveka [On the problem of motivation of judicial acts through the prism of judgements of the European Court of Human Rights]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2 (41). pp. 11–13.
7. Konsul'tant Plyus. (2014) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 25.09.2014 No. 1906-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Budykina Vladimira Borisovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chast'yu vtoroy stat'i 256 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1906-O of September 25, 2014 "On the refusal to accept the complaint of citizen Vladimir Budykin for violation of his constitutional rights by Part two of Article 256 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=409758#04761365390419885. (Accessed: 22.04.2018).
8. Konsul'tant Plyus. (2016) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 15.09.2016 No. 33-APU16-10* [The appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33-APU16-10 of September 15, 2016]. [Online] Available from:http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=476548#0009647821674558577. (Accessed: 22.04.2018).

УДК 343.131.3 DOI 10.17223/23088451/11/13

Д.А. Мезинов

О СПОРНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ, ЗАКРЕПЛЯЮЩИХ ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА – ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Автор критически оценивает закрепляющие полномочия прокурора как государственного обвинителя в суде, положения ч. 7, 8 и 6 ст. 246 действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Обосновывает необходимость уточнения положений о внутренних основаниях отказа государственного обвинителя от обвинения, о процессуальных последствиях изменения им обвинения, о предъявлении и поддержании прокурором гражданского иска.

Ключевые слова*: общие условия судебного разбирательства, отказ от обвинения, изменение обвинения, гражданский иск прокурора в уголовном деле.*

Ещё в период вступления в силу (с 01.07.2002 г.) современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] теоретиками и практиками уголовного процесса отмечалась спорность части положений ст. 246 этого Кодекса, закрепляющих полномочия прокурора как государственного обвинителя в судебном разбирательстве по уголовным делам. Многие спорные (а иногда, явно неудачные) положения большого количества других статей указанного Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ) с того времени были исправлены законодателем. Между тем ст. 246 УПК РФ была почти обойдена его вниманием. Исключение составила только ч. 9 данной статьи, утратившая силу, согласно Федеральному закону от 30.10.2009 г. № 244-ФЗ [2], что было следствием значительно более раннего признания её не соответствующей Конституции РФ известным Постановлением Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П [3].

Итак, обратимся к имеющимся ещё с периода вступления в силу УПК РФ посвященным полномочиям прокурора как государственного обвинителя в судебном разбирательстве, спорным положениям ст. 246 УПК РФ, а именно её ч. 7, 8 и 6, поскольку это актуально и для настоящего времени.

Прежде всего, ч. 7 ст. 246 УПК РФ регламентирует важное полномочие прокурора, выступающего государственным обвинителем, отказаться от обвинения. Как закреплено в её первом предложении: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа». Под убеждением здесь следует понимать лежащее в основе принимаемого по результатам оценки доказательств решения властного субъекта доказывания внутреннее убеждение, т.е. «разумная, осознанная и обоснованная уверенность в правильности определенного вывода» [4, с. 345]. Как видно, законодатель для принятия решения об отказе от обвинения требует от прокурора наличия у него внутреннего убеждения в недоказанности обвинения. Данное положение противоречит общеизвестным теоретическим представлениям о внутренних (субъективных) основаниях (предпосылках, условиях) обвинительной деятельности.

Так, предъявление обвинения в досудебных стадиях, по мнению большинства авторов [5, с. 158–159; 6, с. 37–38; 7, с. 246], должно основываться на достоверном выводе о виновности обвиняемого в совершении преступления, чему соответствует внутреннее убеждение субъекта расследования (следователя, дознавателя) в доказанности такой виновности. Такого же внутреннего убеждения у субъекта принятия решения требует составление обвинительного заключения следователем, как и его утверждение прокурором по окончании досудебного производства [4, с. 343–344]. В свою очередь, поддержание государственного обвинения в суде, как разновидность обвинительной деятельности, также должно иметь внутреннее основание (предпосылку, условие) в виде внутреннего убеждения прокурора в виновности подсудимого, т.е., пользуясь терминологией ч. 7 ст. 246 УПК РФ, убеждение в том, что представленные доказательства подтверждают предъявленное подсудимому обвинение. При отсутствии же такого внутреннего убеждения ни одно должностное лицо стороны обвинения не вправе ни начинать, ни продолжать осуществлять уже начатую обвинительную деятельность.

Распространяя последний вывод на прокурора, выступающего в суде государственным обвинителем, следует констатировать, что отсутствие у него внутреннего убеждения в доказанности виновности подсудимого (т.е. доказанности обвинения) также должно влечь отказ от обвинения, как разновидность отказа от продолжения обвинительной деятельности. Между тем ч. 7 ст. 246 УПК РФ обязанности прокурора отказаться от обвинения для такого случая не закрепляет и внутренним основанием (предпосылкой, условием) возникновения такой обязанности указывает не отсутствие убеждения в доказанности обвинения (невозможность достоверного вывода), а наличие убеждения в недоказанности обвинения.

Получается, что в случаях отсутствия убеждения в доказанности обвинения и в то же время отсутствия (или ещё не сформировавшегося) убеждения в недоказанности обвинения прокурор – государственный обвинитель вправе (и обязан) продолжать свою обвинительную деятельность в форме поддержания государственного обвинения. Дозволяющий такие возможности прокурору подход законодателя принципиально неверен.

Следует добавить также, что подобный подход законодателя не вполне соответствует одному из составных положений принципа презумпции невиновности, согласно которому недоказанная виновность приравнивается к доказанной невиновности, поскольку законодатель по смыслу ч. 7 ст. 246 УПК РФ недоказанность виновности считает недостаточной для отказа прокурора от обвинения и, по сути, требует доказанности невиновности с соответствующим убеждением в этом.

Исходя из изложенного, полагаю, что более соответствующей общеизвестным теоретическим представлениям о внутренних (субъективных) основаниях (предпосылках, условиях) обвинительной деятельности, а также требованиям принципа презумпции невиновности была бы следующая формулировка первого предложения ч. 7 ст. 246 УПК РФ: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель не придёт к убеждению, что представленные доказательства подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа».

Обратимся теперь к полномочию прокурора изменить обвинение в сторону смягчения, закрепленному в ч. 8 ст. 246 УПК РФ. В данной части ст. 246 УПК РФ процессуальные последствия такого изменения обвинения прокурором никак не оговариваются, в отличие от затронутой выше ч. 7 этой же статьи, предусматривающей процессуальное последствие отказа прокурора от обвинения в виде обязанности суда прекратить уголовное дело. Учитывая требования принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), соответствующую позицию Конституционного Суда РФ, выраженную, в частности, в вышеупомянутом Постановлении Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П, таким последствием изменения прокурором обвинения является обязанность суда выносить приговор (иное решение), не ухудшающий положение обвиняемого, по сравнению с уже измененным («оставленным») прокурором обвинением.

Думается, для четкости законодательной регламентации и совершенствования правоприменительной практики (в частности, избегания возможных недоразумений) все же следует изложить указанные последствия изменения прокурором обвинения в сторону смягчения непосредственно в ч. 8 ст. 246 УПК РФ. Это позволит правоприменителю воспринимать их при буквальном толковании данного положения уголовно-процессуального закона, а не обращаясь за дополнительным его толкованием к правоприменительной практике и решениям высших судов (Конституционного Суда и Верховного Суда РФ).

Наконец, критическое замечание напрашивается в отношении ч. 6 ст. 246 УПК РФ, предусматривающей право прокурора предъявлять или поддерживать предъявленный по уголовному делу гражданский иск. В закрепленной Федеральным законом от 19.12.2016 г. № 457-ФЗ [8] современной редакции этой части анализируемой статьи, по сравнению с предыдущей её редакцией, такой случай использования прокурором этого права, как необходимость охраны государственных интересов, был конкретизирован указанием на необходимость охраны интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий. Данной детализацией законодатель расширил возможности использования прокурором исковой защиты публичных (государственных, общественных) интересов по фактам, устанавливаемым в уголовных делах, по сравнению с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [9], которым исковая защита публичных интересов прокурором понимается только как защита интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, без указания на возможность защиты государственных и муниципальных унитарных предприятий – ч. 1 ст. 45 данного Кодекса (далее – ГПК РФ). Думается, такое внимание законодателя к обеспечению исковой защиты государственных и муниципальных унитарных предприятий в уголовном процессе избыточно, учитывая достаточные возможности таких предприятий, как юридических лиц, быть признанными потерпевшими по уголовным делам и собственными силами, используя имеющиеся у них юридические службы, предъявлять и поддерживать свои гражданские иски в порядке и уголовного, и гражданского судопроизводства. В то же время, если все же согласиться с законодателем в необходимости усиления защиты этих предприятий ещё и через возможность прокурора подавать и поддерживать соответствующие иски, то необходимо ч. 1 ст. 45 ГПК РФ привести в соответствие с современной редакцией ч. 6 ст. 246 УПК РФ. Иначе следует констатировать ограничение начала диспозитивности при использовании государственными и муниципальными унитарными предприятиями права на обращение к прокурору с просьбой о подаче или поддержании иска в их интересах, в связи с причинением им вреда совершенным преступлением. Поскольку они, при существующей нестыковке между ч. 6 ст. 246 УПК РФ и ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, имеют возможность использовать право на обращение к прокурору с просьбой о подаче или поддержании иска в их интересах в рамках уголовного дела только до вступления приговора в законную силу, но лишены такой возможности после вступления приговора по уголовному делу в законную силу, когда исковая защита их интересов возможна только в порядке гражданского судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уголовно-процессуальный* кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. *Федеральный* закон от 30.10.2009 г. № 244-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.11.2009. № 44. Ст. 5173.
3. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодек-

са Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства РФ. 22.12.2003. № 51. Ст. 5026.
4. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
5. *Зинатуллин З.З.* Уголовно-процессуальное доказывание : учеб. пособие. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1993. 180 с.
6. *Ефремова Н.П., Кальницкий В.В.* Привлечение в качестве обвиняемого : учебно-практич. пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2007. 107 с.
7. *Уголовный* процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко, А.Г. Тузова. Ростов н/Д : Феникс, 2015. 445 с.
8. *Федеральный* закон от 19.12.2016 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в статьи 44 и 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 26.12.2016. № 52 (Часть V). Ст. 7506.
9. *Гражданский* процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

ON CONTROVERSIAL PROVISIONS THAT CONSOLIDATE THE POWERS OF THE PUBLIC PROSECUTOR IN A TRIAL

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 65–67. DOI 10.17223/23088451/11/13
Dmitriy A. Mezinov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

Keywords: general conditions of trial, waiver of prosecution, change of accusation, civil suit of prosecutor in criminal case.

The article critically assesses the provisions of Parts 7, 8 and 6 of Article 246 of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (RF CCP) that assign powers of the prosecutor as a public prosecutor in court. Guided by well-known theoretical ideas about the internal (subjective) grounds of the accusatory activities, as well as by the requirements of the presumption of innocence, the author justifies the need to clarify the provisions of Part 7 of Article 246 of the RF CCP on the internal grounds for the public prosecutor's waiver of prosecution. As a result, the author proposes the following wording of the first sentence of Part 7 of Article 246 of the RF CCP: "If during the trial the public prosecutor does not come to believe that the evidence presented confirms the charge against the defendant, they waive prosecution and explain their motives for the waiver to the court." When referring to the analysis of Part 8 of Article 246 of the Code of Criminal Procedure, which fixes the power of the public prosecutor to soften the accusation, the author focuses on the absence of an indication in it of the procedural consequences of using this power. On the basis of the adversariality principle and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author notes that the procedural consequence of the prosecutor's softening the accusation is the court's obligation to render a sentence (other decision) that does not worsen the situation of the accused, in comparison with the already changed accusation, and it is proposed to clearly fix this procedural consequence directly in Part 8 of Article 246 of the RF CCP. Analysing the provision of Part 6 of Article 246 of the RF CCP, which provides for the right of the prosecutor to file or support a civil claim in the criminal case, the author discovers its inconsistency with the provision of Part 1 of Article 45 of the RF CCP and makes proposals for the elimination of the revealed inconsistency.

References

1. Russian Federation. (2001) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001g. No. 174-FZ [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, No. 174-FZ of 18.12.2001]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 24 December. 52 (I). Art. 4921.
2. Russian Federation. (2009) Federal'nyy zakon ot 30.10.2009g. № 244-FZ "O vnesenii izmeneniy v stat'i 236 i 246 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 244-FZ of 30.10.2009 "On Amending Articles 236 and 246 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 02 November. 44. Art. 5173.
3. Russian Federation. (2003) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 08.12.2003 g. No. 18-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy statey 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 i 408, a takzhe glav 35 i 39 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosami sudov obshchey yurisdiktsii i zhalobami grazhdan" [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of 08.12.2003. "On the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as Chapters 35 and 39 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the requests of courts of general jurisdiction and complaints of citizens"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 22 December. 51. Art. 5026.
4. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [A course of the Soviet criminal procedure]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
5. Zinatullin, Z.Z. (1993) *Ugolovno-protsessual'noe dokazyvanie* [Criminal procedure proof]. Izhevsk: Udmurt State University.
6. Efremova, N.P. & Kal'nitskiy, V.V. (2007) *Privlechenie v kachestve obvinyaemogo* [Bringing to court as an accused]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
7. Andreeva, O.I., Nazarov, A.D., Stoyko, N.G. & Tuzov, A.G. (eds) (2015) *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. Rostov-on-Don: Feniks.
8. Russian Federation. (2001) Federal'nyy zakon ot 19.12.2016g. No. 457-FZ "O vnesenii izmeneniy v stat'i 44 i 246 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 457-FZ of December 19, 2016. "On Amendments to Articles 44 and 246 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 26 December. 52 (V). Art. 7506.
9. Russian Federation. (2002) Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002g. No. 138-FZ [Civil Procedure Code of the Russian Federation, No. 138-FZ of 14.11.2002]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 18 November. 46. Art. 4532.

УДК 343.1 DOI 10.17223/23088451/11/14

А.А. Михайлов

ПРИНЦИП НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Отмечается методологическое значение принципа непосредственности для установления действительных фактических обстоятельств уголовного дела в судебном разбирательстве. Рассмотрение принципа непосредственности под обозначенным углом зрения осуществляется, в частности, в соотнесении с принципом состязательности. В рамках обоснования понимания принципа непосредственности как метода исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел производится разграничение понятий «исследование фактических обстоятельств уголовного дела» и «исследование доказательств». Содержание принципа непосредственности с учетом его методологического значения раскрывается через субъектно-целевую, технологическую и предметную стороны непосредственности.

Ключевые слова: *принцип непосредственности, принцип состязательности, истина, исследование доказательств, судебное разбирательство.*

В современной теории уголовного процесса России применительно к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела обоснованно подчеркивается методологическое значение принципа состязательности. Так, профессор М.К. Свиридов предлагает рассматривать состязательность как «способ (наилучший) установления истины» [1, с. 146]. Л.А. Воскобитова и В.И. Пржиленский, определяя принцип состязательности и равноправия сторон как правовой метод познания, пишут, что он позволяет преодолеть сложность ретроспективного характера познания за счет того, что функционально направленная деятельность сторон предполагает разностороннее выявление юридически значимых и необходимых следов преступления, способных дать доказательства по делу [2, с. 176].

При этом в плане обеспечения достижения истины по уголовному делу методологический характер присущ не только принципу состязательности, но и принципу непосредственности. Еще В.К. Случевский, один из теоретиков отечественного дореволюционного уголовного процесса, отмечал, что началом непосредственности устанавливается «господствующий в процессе метод исследования собранного по делу фактического материала, благодаря которому открывается для судьи возможность проверить своими чувствами достоинства и недостатки выяснившихся по делу доказательств» [3, с. 53]. В советский период развития уголовного процесса об обозначенной сущностной стороне непосредственности писали, в частности, Н.А. Дудко [4, с. 74], Н.Н. Полянский [5, с. 108] и И.В. Тыричев [6, с. 63]. Н.А. Дудко в своей диссертационной работе одновременно акцентирует внимание на том, что непосредственность судебного разбирательства, являясь методом исследования доказательств, выступает в качестве связующего звена в системе общих условий судебного разбирательстве [4, с. 74].

В современной теории уголовного процесса положения о методологическом значении непосредственности развиваются Л.А. Зашляпиным, который увязывает с принципом непосредственности содержание судебных действий следственного характера. По этому поводу он, в частности, пишет: «Понимание непосредственности как метода позволяет рассматривать судебные действия следственного характера не только как проявление компетенциальной активности суда, но и как проявление судебных технологий (их оснований). Как минимум толкование принципа непосредственности указывает на целевую ориентацию активности суда, что предопределяет юрисдикционные технологии его деятельности» [7, с. 41–42]. При этом, как отмечает указанный ученый-процессуалист: «Через применение принципиального положения о непосредственности исследования доказательств, что детерминирует содержание судебных действий следственного характера, проявляется особая компетенция суда, ее воплощение в уголовно-процессуальной форме» [7, с. 43–44]. Одновременно Л.А. Зашляпиным подчеркивается, что «при теоретическом рассмотрении функции разрешения дела она видится более близкой к принципу непосредственности исследования доказательств, чем к принципу состязательности. Непосредственность, выступая методом (способом) реализации судебной компетенции, позволяет добиться результата – разрешить дело» [7, с. 46].

Л.А. Зашляпиным правильно отмечается наличие взаимосвязи между непосредственным исследованием доказательств и выполняемой судом функцией разрешения дела по существу. Данную взаимосвязь можно определить следующим образом: непосредственное исследование судом доказательств обеспечивает правильное разрешение дела по существу, тогда как последнее является целью непосредственного исследования доказательств. При этом выполняемая судом функция разрешения дела, несомненно, обусловливает наличие у него качественно иной активности в судебном разбирательстве, чем у сторон.

В то же время, как представляется, нельзя говорить о том, что функция разрешения дела является более близкой принципу непосредственности, чем принципу состязательности. И принцип непосредственности, и принцип состязательности организуют исследование доказательств в судебном разбирательстве, обеспечивая разрешение уголовного дела по существу, однако их функциональная роль в данном процессе является различной. Соответственно нельзя и, наоборот, сво-

дить принцип непосредственности лишь к одному из проявлений состязательности. Подобный подход прослеживается, к примеру, во взглядах А.В. Смирнова. Данный ученый-процессуалист пишет, что очность уголовной процедуры «предполагает, во-первых, необходимость личного присутствия сторон в судебном заседании», и, во-вторых, означает, что «одни лишь «немые свидетели» (протоколы, документы, вещественные доказательства), в отличие от свидетелей «говорящих», недостаточны для того, чтобы обеспечить состязательность судопроизводства. Здесь находятся корни принципа непосредственности исследования доказательств, понимаемого как требование обязательного представления и исследования в суде доступных первоисточников доказательственной информации» [8, с. 43]. Несмотря на то, что А.В. Смирнов включает непосредственность исследования доказательств в число инструментальных принципов судопроизводства, характеризующих состязательную форму уголовного процесса [8, с. 4–5], подчинение непосредственности состязательному началу, думается, в конечном итоге приводит к снижению его значения в теории и на практике. Данную проблему одним из первых в современной уголовно-процессуальной теории поднял М.К. Свиридов [9, с. 175].

Позиция Верховного Суда РФ по вопросу о непосредственности исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел, как представляется, является отражением отсутствия четкого понимания содержания начала непосредственности в теории уголовного процесса России. Хотя в отдельных своих решениях по уголовным делам Верховный Суд РФ определяет, что непосредственность исследования доказательств в суде является основополагающим принципом уголовного процесса [10], нарушение которого противоречит фундаментальным основам уголовного судопроизводства [11, 12], в то же время Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 19 декабря 2017 г. № 51, посвященном практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции [13], называя принципы презумпции невиновности, обеспечения обвиняемому права на защиту, состязательности и равноправия сторон в числе принципов уголовного судопроизводства, обеспечивающих реализацию права на справедливое судебное разбирательство, прямо не обозначает в данном ряду принцип непосредственности, хотя, безусловно, имеет в виду непосредственное исследование доказательств в судебном разбирательстве в числе иных принципов уголовного судопроизводства и норм уголовно-процессуального законодательства, которые также должны соблюдаться в ходе рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции, посвящая ему, в частности, п. 8 указанного постановления.

В то же время Верховный Суд РФ более конкретен в определении понятия непосредственности применительно к гражданскому судопроизводству. В целом ряде своих решений по гражданским делам, например в определении от 5 октября 2010 г. № 5-В10-67 [14], он устанавливает, что непосредственность судебного разбирательства – это принцип гражданского процесса, определяющий метод исследования доказательств судом и являющийся правовой гарантией их надлежащей оценки, установления действительных обстоятельств дела, формулирования правильных выводов и вынесения правосудного решения. Он заключается в том, что суд, рассматривающий дело, обязан лично воспринимать доказательства по делу, а судебное постановление должно быть основано лишь на исследованных в судебном заседании доказательствах.

Удивляет, что подобное определение принципа непосредственности до сих пор не дано Верховным Судом РФ применительно к уголовному судопроизводству, хотя значение данного начала в уголовном процессе по сравнению с гражданским судопроизводством еще более велико с учетом суровых последствий положительного ответа на основной вопрос уголовного дела об уголовной ответственности лица за вменяемое ему деяние.

Для того чтобы в теоретическом плане определить, в чем заключается содержание принципа непосредственности как метода исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел, прежде необходимо определиться с содержанием понятия «исследование доказательств».

Действующий УПК РФ широко использует вышеуказанное понятие (в частности, в ч. 2 ст. 226.9, ч. 5 ст. 235, ч. 4 ст. 236, ч. ч. 1, 3 ст. 240, ч. 4 ст. 241, ст. 244, ч. 5 ст. 246, ч. 1 ст. 248, ч. 3 ст. 259, ст. 274, ч. 1 ст. 291, ст. 294, ч. 4 ст. 302, ч. 5 ст. 316, ч. 5 ст. 321, ч.ч. 2, 3 ст. 335, ч. 3 ст. 336, ч. 3 ст. 340, ч. 2 ст. 389.2, ч. 1.1 ст. 389.6, ч.ч. 6, 6.1, 7, 8 ст. 389.13, ч. 2 ст. 441 УПК РФ), причем первоначально применительно не к судебному разбирательству или другим судебным стадиям, а в закрепленном в ст. 5 УПК РФ понятии неотложных следственных действий, проводимых после возбуждения уголовного дела, в том числе в целях обнаружения и фиксации доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Другими словами, с точки зрения законодателя, исследование доказательств осуществляется уже на стадии предварительного расследования.

При этом наряду с исследованием доказательств УПК РФ использует и такие понятия, как «рассмотрение доказательств» (ч. 4 ст. 292, ч. 1 ст. 332, ст. 389.16 УПК РФ) и «исследование фактических обстоятельств уголовного дела» (ч. 5 ст. 316, ч. 4 ст. 317.7, ч. 1 ст. 333, ч. 7, 8 ст. 335 ч. 5 ст. 344, ч. 1 ст. 429 УПК РФ). Анализ норм УПК РФ, в которых используется понятие «рассмотрение доказательств», позволяет заключить, что последнее является синонимом исследования доказательств, осуществляемого в судебном разбирательстве, поскольку употребляется в аналогичных ситуациях, в которых в УПК РФ идет речь об исследовании доказательств на данной стадии уголовного судопроизводства. Однако об идентичности понятий «исследование доказательств» и «исследование фактических обстоятельств уголовного дела», думается, вести речь нельзя.

М.С. Строгович так высказывался относительно последнего из обозначенных понятий: «Весь процесс исследования обстоятельств дела представляет собой

движение следствия от известных фактов к фактам неизвестным, пока все существенные обстоятельства дела не будут выяснены» [15, с. 304]. Кроме того, им обоснованно отмечалось, что «исследование, установление фактов, обстоятельств происходит при помощи доказательств, и только доказательств», а доказывание – «это установление при помощи доказательств всех фактов, обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела», отождествляемое данным ученым-процессуалистом с познанием истины по уголовным делам [15, с. 295–296]. Таким образом, М.С. Строгович также отождествлял исследование фактических обстоятельств уголовного дела и их установление, с чем необходимо согласиться, с одним лишь уточнением: установление фактических обстоятельств уголовного дела, рассматриваемое как процесс познания, действительно, идентично по своему содержанию исследованию указанных обстоятельств и соответственно доказыванию в уголовном процессе, в то время как установление фактических обстоятельств уголовного дела как результат познания истины в уголовном судопроизводстве есть цель исследования фактических обстоятельств уголовного дела.

Одновременно важно отметить, что не следует отождествлять факты и фактические обстоятельства. Л.Т. Ульянова совершенно правильно пишет: «Предметом доказывания не могут быть «факты», под которыми понимаются действительные, вполне реальные события, явления. Реальное событие преступления к моменту расследования и рассмотрения уголовного дела относится к прошлому. Факты объективной реальности могут существовать или не существовать. Поэтому они не подлежат доказыванию» [16, с. 40]. В силу того, что преступное деяние как явление объективной реальности осталось в прошлом, его познание осуществляется ретроспективно, путем реконструкции произошедшего с помощью выявленных следов преступления. При этом преступное поведение выступает явлением не только физической, но и социальной реальности [2, с. 136], тем самым обусловливая двойственную природу объекта процессуального познания, включающую, как справедливо указывают Л.А. Воскобитова и В.И. Пржиленский, область физических действий и реальных событий, а также область их юридической значимости (сущности). Внешняя, явленная сторона объекта процессуального познания, отмечают указанные авторы, обусловлена и выражена фактическими обстоятельствами и имеет собственное объективное содержание, возникающее и развивающееся независимо от сознания познающего субъекта. В то же время внутренняя (сущностная) сторона объекта процессуального познания обусловлена юридическим значением данного события или его отдельных проявлений. В результате процессуальная задача субъекта познания состоит в выявлении лишь юридически значимых обстоятельств, хотя внешние проявления преступного события многогранны и разнообразны [2, с. 127–128]. Преступное деяние уже в момент совершения характеризуется признаками, которые включены законодателем в состав преступления, однако соответствие фактических обстоятельств, в которых проявляется указанное деяние как факт объективной реальности, правовым признакам, присущим тому или иному составу преступления, познается только в ходе уголовного судопроизводства.

Таким образом, процесс принятия решения по уголовному делу, первым этапом которого выступает исследование (установление) фактических обстоятельств, можно рассматривать как переход от преступного деяния, являющегося фактом объективной реальности, оставшимся в прошлом, к преступному деянию – юридическому факту, формируемому в ходе правоприменительной деятельности субъекта познания посредством реконструкции произошедшего. В философском понимании это означает переход от явления (фактических обстоятельств, в которых проявляется преступное деяние как факт объективной реальности) к сущности (преступному деянию, содержащему все признаки состава преступления, – юридическому факту). В этом плане предмет доказывания по уголовному делу как совокупность фактических обстоятельств, подлежащих установлению, выступает «промежуточным», но одновременно объективно необходимым понятием, с помощью которого снимается диалектическое противоречие между преступным деянием – фактом объективной реальности, оставшимся в прошлом, и преступным деянием – юридическим фактом, который становится явлением объективной реальности только в результате установления всех юридически значимых для разрешения уголовного дела фактических обстоятельств и их правовой оценки. Ведь если по уголовному делу не удалось установить в полном объеме фактические обстоятельства, входящие в предмет доказывания, и, к примеру, лицо, в действительности совершившее преступление, оправдано в соответствии со вступившим в законную силу приговором суда в связи с неустановленной причастностью к совершению преступления, преступное деяние как факт объективной реальности, будучи элементом прошлого, все равно остается таковым, однако говорить о преступлении как о юридическом факте в данном случае нельзя.

Некоторые фактические обстоятельства в отличие от факта преступного деяния, оставшегося в прошлом, могут непосредственно восприниматься субъектом познания (например, материальные последствия преступления, орудия преступления, предметы преступного посягательства, некоторые обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, и др.), однако, несмотря на такую возможность, они во всех случаях исследуются с помощью доказательств. Это обеспечивает объективность исследования фактических обстоятельств и достоверность его результатов.

В современной российской теории уголовного процесса в структуре доказывания традиционно выделяются три элемента: собирание, проверка и оценка доказательств. Данный подход к структуре доказывания отражен и в УПК РФ, в том числе в ст. 85, определяющей понятие доказывания. Исследование доказательств в обозначенной статье, а также в целом в гл. 11 УПК РФ, посвященной доказыванию, не упоминается. Однако авторские определения понятия «исследование доказательств» содержатся в работах ряда отечественных ученых-процессуалистов.

Например, Ц.М. Каз изначально полагала, что под исследованием доказательств следует понимать ознакомление с доказательственными фактами и анализ этих фактов [17, с. 47]. При этом в качестве доказательственных фактов ею рассматривались фактические данные [17, с. 25]. Позднее она писала, что исследование доказательств состоит в их изучении, анализе, сопоставлении с другими материалами дела [18, с. 8].

Одним из наиболее известных в отечественной уголовно-процессуальной науке является определение исследования доказательств, даваемое Р.С. Белкиным, который отмечал, что «исследование доказательств – это познание следователем или судом их содержания, проверка достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказательства, установление согласуемости данного доказательства со всеми остальными доказательствами по делу» [19, с. 48]. Исследование доказательств «как дознание его содержания, его сущности» рассматривалось Р.С. Белкиным в качестве элемента процесса доказывания [19, с. 54].

В современной теории уголовного процесса России вопросы исследования доказательств достаточно глубоко прорабатывает А.А. Васяев. По его мнению, «под исследованием доказательств понимается их анализ судом и участниками уголовного судопроизводства в ходе судебного следствия для уяснения их сути, определения ценностных свойств через призму законодательно установленных требований к их уголовно-процессуальной форме и содержанию, в порядке, предусмотренном УПК РФ, с целью установления на их основе всего круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу» [20, с. 31]. Содержание процесса исследования доказательств, отмечает данный автор, составляют проверка и оценка доказательств [20, с. 31].

Л.А. Зашляпин по вопросу об исследовании доказательств судом пишет: «Понимание судебной деятельности как познания доказательств, представленных суду, необходимо всецело поддержать. В этом случае суд не собирает доказательства и не оценивает их при этом с позиции стороны, собравшей доказательства, а исследует их, что нужно понимать и как познание, поскольку использованный законодателем термин «исследование» вполне может расцениваться как «познание»» [7, с. 67]. В соответствии с его позицией, суд является субъектом проверки доказательств, представленных сторонами, и для него доказывание есть познание уже имеющихся доказательств, соответственно, несвязанность суда представленными сторонами доказательствами объективно надо понимать как возможность собирания новых доказательств, направленных на проверку представленных, но не более [7, с. 67–69]. Ранее об ограничении, в силу действия принципа состязательности, права суда по своей инициативе осуществлять производство судебных действий случаями необходимости проверки доказательств, уже имеющихся в деле, также писала А.А. Рукавишникова (Плашевская) [21, с. 115–116].

С.Б. Россинский указывает, что исследование доказательств «заключается в познании дознавателем, следователем, судом и другими участниками уголовного судопроизводства формы и содержания полученных доказательств в целях извлечения полезной информации, необходимой для их дальнейшей проверки, оценки и использования в процессе доказывания» [22, с. 26]. При этом ценной представляется мысль указанного ученого-процессуалиста рассматривать исследование доказательств как одну из процессуально-гносеологических технологий [22, с. 24, 27], хотя его указание на то, что исследование доказательств – это такой же необходимый атрибут доказывания, как их собирание (формирование), проверка или оценка [22, с. 26], думается, сводит исследование доказательств к одному из элементов процесса доказывания, но не характеризует данное понятие как технологию.

Категория «технология» в последние годы все больше проникает в правовые науки. И хотя отношение к ней в правовой теории не однозначное, что можно увидеть на примере криминалистики [23], тем не менее существуют объективные предпосылки для более широкого использования указанной категории в общественных, в том числе правовых, науках в целях исследования тех или иных проблем теории и практики, поскольку технология имеет не только преобразовательную, но и познавательную сущность. В.И. Кудашов, акцентируя внимание на последней черте сущности технологии, отмечает, что «объектом технологизации становятся не только инструменты и средства, но и сам человек как субъект деятельности. Технология сама становится неотъемлемым элементом культуры и мерой развития человека, поскольку она выступает в виде стандартов, правил и норм, а также средств и способов целесообразной деятельности. В ходе развертывания научно-технического и информационного прогресса усилилось внимание к социальным аспектам технологий, следовательно, появилась возможность расширить технологический взгляд на многие стороны жизни общества: управление, экономику, науку, образование и др.» [24, с. 58]. И если в общем смысле слова, как также отмечает В.И. Кудашов, «технология представляет собой не просто совокупность инструментов и даже не только комплекс знаний о способах и средствах, но упорядоченную в определенной целенаправленной методологии систему знаний и действий», то социальную технологию, с его точки зрения, «можно определить как процесс социального взаимодействия, в котором каждый реализует свою стратегию и формирует социальную реальность» [24, с. 58–59].

В связи с указанным Л.А. Воскобитова и В.И. Пржиленский правомерно рассматривают уголовный процесс как социальную технологию: «Уголовный процесс, задачей которого является разыскание истины и принятие судом по результатам поиска справедливого решения, может рассматриваться и как социальная, и как эпистемологическая технология. Эпистемологической эту технологию делает разыскание истины, а социальной – тематизация справедливости. Но не только это позволяет называть уголовный процесс социальной технологией: сам процесс разыскания истины выступает как предельно социальное явление. Его содержанием всегда становится конкуренция разнооб-

разных интересов, намерений, мотивов, что в действительности есть конкуренция акторов, социальных сил и институций» [2, с. 39]. Технологию в уголовном процессе указанные ученые определяют следующим образом: «Под технологией в уголовном судопроизводстве, очевидно, следует понимать определенную и последовательную совокупность не только процессуальных действий и решений, прямо предписанных законом, но и совокупность множества иных приемов, способов, методов и форм осуществления уголовного судопроизводства в реальной практике» [2, с. 92].

Технологичность уголовного процесса означает, что его можно рассматривать не просто в качестве единой технологии, но и как систему взаимосвязанных между собой технологий, обеспечивающих достижение целей и задач, стоящих перед уголовным судопроизводством в целом. При этом технологии познания в уголовном процессе должны быть направлены на достижение истины, причем истины материальной (объективной). М.К. Свиридов следующим образом, причем очень точно, обозначает необходимость установления в уголовном процессе истины такого характера: «Главным в сфере уголовного судопроизводства, где решается вопрос о наиболее значимых для людей ценностях, должно быть достижение объективной истины во всех случаях вынесения судом итоговых решений. Без адекватного отражения в выводах суда того, что произошло, невозможно правильно применить норму уголовного права и тем самым выполнить основное назначение уголовного судопроизводства» [25, с. 143].

Исследование доказательств в уголовном процессе следует рассматривать не как один из элементов доказывания, а как технологию познания, работы с доказательствами, предназначенную обеспечивать достижение истины.

Характеризуя исследование доказательств в таком качестве, необходимо отметить, что оно, прежде всего, представляет собой определенное сочетание элементов доказывания. Большинство авторов, рассматривая исследование доказательств, включают в его содержание проверку доказательств. Соглашаясь с таким подходом, в то же время нельзя не обратить внимание на то, что, как указывают Л.В. Головко и Л.Т. Ульянова, «проверку доказательств (в отличие от их собирания и оценки) нельзя считать в теоретическом смысле общепринятым (универсальным со сравнительно-правовой точки зрения) элементом доказывания» и что «этот элемент доказывания действительно очень трудно отделить в юридико-технической плоскости от собирания и оценки доказательств» [26, с. 467]. Поэтому проверка доказательств – это также особое сочетание собирания и оценки доказательств, практической и мыслительной деятельности субъекта познания, однако объединенных в качественно иной элемент доказывания в силу специфики объекта указанной деятельности и общей цели, стоящей в данном случае перед ними. Объектом данной деятельности выступают уже полученные и облеченные в процессуальную форму доказательства [27, с. 85], а целью – выяснение доброкачественности собранного по делу материала [28, с. 302]. Обозначенные объект и цель, придающие сочетанию собирания и оценки доказательств особую направленность, присущи указанному элементу доказывания на протяжении всех стадий уголовного процесса, в которых осуществляется познание фактических обстоятельств уголовного дела.

Более сложным следует признать вопрос о включении в содержание исследования доказательств наряду с проверкой такого элемента процесса доказывания, как оценка доказательств, которая представляет собой «мыслительную деятельность следователя, прокурора, судей, осуществляемую в логических формах при соблюдении научной методологии познания, обеспечивающей достижение истины» [28, с. 427]. Во-первых, как известно, оценка доказательств пронизывает весь процесс познания по уголовному делу и имеет место уже в ходе собирания доказательств. Во-вторых, как отмечено выше, оценка доказательств является частью проверки доказательств. Такие способы проверки доказательства, как анализ его содержания и формы, сопоставление с другими имеющимися в деле доказательствами, есть не что иное, как мыслительная (логическая) деятельность субъекта познания, составляющая сущность оценки доказательств. В-третьих, УПК РФ в некоторых своих положениях (например, в ч. 2 ст. 226.9, ч. 5 ст. 316) говорит об исследовании и оценке доказательств, то есть выводит последнюю за пределы исследования доказательств.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, во-первых, следует оттолкнуться от выработанных в уголовно-процессуальной теории положений о предварительной и окончательной оценке доказательств [29, с. 96–105]. Одним из таких теоретических положений является справедливое утверждение П.А. Лупинской о том, что «на протяжении одной стадии процесса может иметь место предварительная и окончательная оценка доказательств; каждая приводит к убеждению о возможности и необходимости принять решение по определенному вопросу» [29, с. 99].

Во-вторых, для решения обозначенной проблемы в теоретическом плане, думается, необходимо воспользоваться принципом матрешки, в соответствии с которым можно выделить четыре уровня (вида) оценки доказательств, последовательно сменяющих друг друга. Критерием выделения в соответствии с указанным принципом уровней (видов) оценки доказательств являются выводы, для обоснования которых осуществляется оценка доказательств.

Первым уровнем (видом) оценки доказательств выступает первоначальная оценка доказательств, производимая в ходе их собирания в целях обоснования вывода о возможности приобщения соответствующих сведений в качестве доказательств. Вторым уровнем (видом) оценки доказательств является предварительная оценка доказательств, осуществляемая в ходе их проверки в целях обоснования вывода об их доброкачественности и возможности использования для принятия итогового решения на той или иной стадии уголовного процесса. На третьем уровне осуществляется предварительная оценка доказательств, по результатам которой делается вывод о возможности завершения практической деятельности по доказыванию на соот-

ветствующей стадии уголовного процесса. Такая оценка доказательств осуществляется, например, перед окончанием предварительного (ст. 215 УПК РФ) и судебного (ст. 291 УПК РФ) следствия. Характерный пример такого вида оценки приводит П.А. Лупинская: «К моменту окончания судебного следствия у каждого из судей должны сформироваться оценка доказательств и суждение о доказанности фактов. Эта оценка, данная каждым судьей, может быть охарактеризована как предварительная по отношению к тому убеждению, которое сложится у каждого судьи в результате коллегиального обсуждения результатов судебного следствия в совещательной комнате» [29, с. 99]. Четвертым (высшим) уровнем (видом) оценки доказательств является окончательная оценка доказательств, непосредственно предшествующая или сопутствующая формированию итоговых выводов в рамках той или иной стадии уголовного процесса. На стадии судебного разбирательства данная оценка доказательств производится судом в совещательной комнате. При этом на каждом новом уровне качество оценки доказательств повышается, в том числе в связи с расширением пределов оценки. На четвертом уровне расширение пределов оценки доказательств на стадии судебного разбирательства происходит, в частности, в связи с тем, что такая оценка осуществляется с учетом прений сторон и последнего слова подсудимого, а также обсуждения судьями результатов судебного следствия в совещательной комнате при коллегиальном рассмотрении уголовного дела.

Таким образом, в исследование доказательств входит предварительная оценка доказательств, осуществляемая на втором (в рамках проверки доказательств) и третьем (перед завершением практической деятельности по доказыванию на той или иной стадии уголовного процесса) уровнях.

Сочетание проверки и оценки доказательств в указанном выше объеме составляет основное содержание исследования доказательств как технологии работы с доказательствами. При обозначенном подходе к пониманию исследования доказательств, как представляется, в значительной степени снимаются вопросы разграничения проверки доказательств и их исследования, которые подняты в уголовно-процессуальной литературе [26, с. 468; 27, с. 83–85].

Кроме того, рассмотрение исследования доказательств в качестве технологии, а не элемента доказывания, позволяет объяснить включение в его содержание применительно к стадии судебного разбирательства оглашения протоколов и иных документов, показаний, данных при производстве предварительного расследования (ст. 240 УПК РФ), которое не является частью классической триады элементов, составляющих процесс доказывания в уголовном процессе (собирания, проверки и оценки доказательств), в отличие от заслушивания показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключения эксперта, осмотра вещественных доказательств, также указанных в ч. 1 ст. 240 УПК РФ.

Соответственно содержание исследования доказательств не является единым на всех стадиях уголовного процесса. Помимо этого, на разных стадиях уголовного процесса различными являются цель, объем и характер исследования доказательств, что в своих работах убедительно показывает М.К. Свиридов. Он отмечает, что каждая стадия вносит в работу с доказательствами специфику, которую определяют, прежде всего, особенности задач и условий той или иной стадии [30, с. 112–113]. Так, задача предварительного расследования, пишет он, – «собрать все доказательства, необходимые для всестороннего установления всех обстоятельств уголовного дела (предмета доказывания)», а основное место в расследовании занимают собирание и проверка доказательств, их исследование [31, с. 151]. И хотя на стадии расследования имеются два разнонаправленных субъекта – стороны, однако последние «здесь в возможности действовать активно далеко не равны» [31, с. 151].

Задача стадии подготовки к судебному разбирательству, согласно М.К. Свиридову, состоит в том, что «судья должен убедиться в наличии оснований и всех необходимых условий для успешности будущего судебного разбирательства». Такая «задача исключает возможность установления в указанной стадии новых касающихся существа дела фактов, ранее не установленных следователем», а «основное содержание работы с доказательствами в анализируемой стадии составляет их исследование (проверка и оценка)» [30, с. 113]. В итоге им делается следующий вывод о цели и пределах (объеме) исследования доказательств в стадии подготовки дела: «исследование доказательств должно быть подчинено лишь цели обнаружения и устранения препятствий для рассмотрения дела в будущем судебном разбирательстве (именно такие слова – устранение препятствий – применены в ст. 237 УПК РФ); проводить исследование необходимо в таких границах, чтобы оно не побуждало судью формировать предварительный вывод по существу дела». Соответственно судья при подготовке дела «проверяет наличие или отсутствие допустимости доказательств и – частично – относимости (когда судье приходится разрешать ходатайства сторон об истребовании дополнительных доказательств») [30, с. 117].

Относительно характера исследования доказательств на стадии судебного разбирательства М.К. Свиридов высказывается следующим образом: «Собранные и проверенные следователем, с участием защиты, доказательства затем в судебном разбирательстве должны быть исследованы с разных позиций сторонами обвинения и защиты. Лишь такое перекрестное исследование доказательств, чего не может быть в расследовании, создает основу для приговора» [31, с. 151]. Не менее важная особенность исследования доказательств подчеркивается им, когда он пишет, что «в силу специфики расследования формирование ценности доказательств (главным образом, их достоверности) до конца не доводится. Завершение формирования ценности доказательств происходит в судебном заседании – посредством исследования представленных следователем доказательств на новой, более качественной основе. Участником исследования, наряду со сторонами, является суд». Далее М.К. Свиридов делает

еще одно обоснованное заключение: «Окончательные выводы органа расследования по уголовному делу можно считать только вероятными, для признания их достоверными основания отсутствуют. Достоверные выводы по делу могут быть достигнуты только в судебном разбирательстве» [32, с. 8]. Соответственно, заключает он: «Лишь в судебном разбирательстве доказательства приобретают доброкачественность в полном объеме, преобразуясь из следственных доказательств в судебные, обладающие высшей юридической силой» [9, с. 176].

Аналогичная позиция в уголовно-процессуальной литературе высказана также И.Б. Михайловской, которая пишет: «Исследование доказательств в ходе судебного разбирательства как бы “надстраивает” их процессуальную форму (вполне адекватную в условиях предварительного расследования), придает им более высокий юридический статус, наделяет способностью служить основанием обвинительного приговора» [33, с. 120].

При этом объем и характер исследования доказательств помимо задач той или иной стадии уголовного процесса определяется также тем, в рамках какого из уголовно-процессуальных производств оно осуществляется. Например, общий порядок судебного разбирательства, особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный гл. 40 УПК РФ, и порядок рассмотрения дела в суде с участием присяжных заседателей функционируют на стадии судебного разбирательства, однако все они имеют серьезные особенности в регламентации порядка исследования доказательств. Так, к примеру, в соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ судья в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Соответственно исследование доказательств носит здесь непосредственно-опосредованный характер, в отличие от общего порядка судебного разбирательства, в котором в максимальной степени реализуется принцип непосредственности.

Таким образом, цель, объем, характер и содержание исследования доказательств различаются на разных стадиях уголовного процесса и в разных уголовно-процессуальных производствах.

На основании вышеизложенного, исследование доказательств в общем виде можно определить как обусловленную задачами и условиями стадии уголовного процесса технологию работы с доказательствами, основное содержание которой составляет сочетание проверки и предварительной оценки доказательств, реализуемую в рамках конкретного уголовно-процессуального производства с учетом его особенностей.

Наибольшее влияние на организацию исследования доказательств оказывают принципы уголовного процесса, носящие методологический характер. Методы организации деятельности наряду с другими элементами также составляют содержание технологии. При этом в философии науки подчеркивается, что, являясь составной частью системы средств познавательной деятельности, метод, в свою очередь, представляет собой определенную систему взаимосвязанных элементов – логических операций, процедур, нормативных положений, правил познавательной деятельности [34, с. 17]. Данные признаки в полной мере присущи принципам уголовного процесса, организующим исследование доказательств в судебном разбирательстве.

Целевая направленность (достижение материальной истины) континентального уголовного процесса, в русле которого исторически развивался отечественный уголовный процесс, обусловливает системообразующее значение в нем принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, который в уголовном процессе стран континентальной Европы также именуется принципом материальной истины, инквизиционным (инструктивным) принципом или принципом расследования (следствия). Функциональная роль данного принципа состоит в выстраивании стратегии познания фактических обстоятельств уголовного дела в рамках всего уголовного процесса, в том числе при исследовании доказательств в судебном разбирательстве, что отражает его общий методологический характер. Необходимо согласиться с А.С. Барабашем и А.А. Брестером, когда они пишут, что «в качестве метода публичного уголовного процесса выступает именно единое требование объективности, всесторонности и полноты исследования. Там, где необходимо реализовать общественный интерес, нет иного пути для предварительного и судебного расследования. Метод этот сформировался за многие века, когда в результате многократных повторений актов деятельности достигалась ее цель» [35, с. 135–136].

Исключение принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела из российского уголовного процесса в ходе реформирования последнего в начале 2000-х годов во многом способствовало разбалансированию системы уголовного судопроизводства России. В то же время принцип расследования или инструктивный принцип, к примеру, остается закрепленным в §244 (2) УПК ФРГ, в соответствии с которым для выяснения истины суд должен по официальной инициативе распространить исследование доказательств на все факты и средства доказывания, имеющие значение для принятия решения [36, с. 266]. Немецкими процессуалистами он возводится в число принципов, на которых основывается исследование доказательств, являющееся «наиболее важной частью, ядром основного судебного разбирательства в германском уголовном процессе», а такой его элемент, как то, что осуждение может опираться только на доказанное в судебном разбирательстве, одновременно рассматривается как составная часть принципа непосредственности разбирательства [37, с. 175].

Если стратегия познания в уголовном процессе континентального типа, в том числе в судебном разбирательстве, должна выстраиваться с помощью принципа материальной истины (всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела), то тактику исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел определяют такие значимые

в методологическом плане принципы уголовного процесса, как состязательность, непосредственность и свободная оценка доказательств. С определенной долей условности можно сказать, что зоны ответственности в исследовании доказательств в судебном разбирательстве распределены между указанными принципами следующим образом: принцип состязательности в наибольшей степени отвечает за методологию собирания доказательств в целях их проверки, организуя этот процесс на основе равноправия сторон и исключая возложение на суд каких-либо иных функций помимо разрешения уголовного дела, принцип непосредственности – за методологию проверки доказательств в аспекте выстраивания непосредственных связей между судьей, разрешающим дело по существу, и источниками доказательств, а принцип свободной оценки доказательств – соответственно за методологию оценки доказательств по внутреннему убеждению, раскрываемую в правилах, содержащихся в ст.ст. 17, 88 УПК РФ.

Правила, образующие принцип состязательности, обеспечивают процессу исследования доказательств в судебном разбирательстве диалектическую структуру, которая, в свою очередь, способствует генерированию гипотез, относящихся к различным вопросам факта и права и, тем самым, всестороннему и полному исследованию фактических обстоятельств уголовного дела. У М.К. Свиридова данная сторона состязательности описывается следующим образом: «Обязательным средством для качественной проверки доказательств является состязательность, в условиях которой каждое доказательство проверяется перекрестно, с позиций разных сторон» [32, с. 6]. Итальянский процессуалист М. Таруффо по этому поводу также отмечает, что суждение судьи имеет диалектическую (диалогическую) структуру. Она заключается в том, что между сторонами выстраивается диалог по вопросам права и факта. Такое взаимодействие сторон является основным источником различных гипотез для принятия судьей окончательного решения. Кроме того, диалектичность проявляется в том, что обоснование принимаемого решения может быть рассмотрено как диалог судьи с самим собой. Судья выводит из аргументов сторон или формулирует сам гипотезу, проверяет ее и решает, является она правильной или нет [38, с. 313–314].

Вопрос о содержании принципа непосредственности – это вопрос о правилах, которые его образуют. Методологический характер принципа непосредственности позволяет выразить его содержание через формулу в виде вопросного ряда: кто и для чего, где и как, что исследует и как результаты такого исследования должны быть учтены.

Первое правило, образующее содержание принципа непосредственности, заключается в том, что исследование доказательств в целях разрешения уголовного дела по существу производится судом. Данное правило отражает главное предназначение суда в уголовном процессе – рассмотреть дело по существу. Уже статус судьи как должностного лица, призванного осуществлять именем государства правосудие, в значительной мере обеспечивает легитимность результатов исследования доказательств. Ведь каким бы ни был в той или иной стране измеряемый уровень доверия населения к судам, только судебная власть в лице своих носителей – судей в глазах населения обладает легитимностью, чтобы принимать решения по правовым спорам, затрагивающим наиболее важные права человека и гражданина.

С помощью этого правила решается и такая характерная для континентального уголовного процесса в связи с существованием предварительного расследования проблема, как обеспечение нахождения центра тяжести доказывания в судебном разбирательстве, а не в досудебном производстве.

Таким образом, рассмотренное правило отражает субъектно-целевую сторону принципа непосредственности, обеспечивающую ответы на вопросы, кто и для чего исследует доказательства в судебном разбирательстве.

Вторая сторона принципа непосредственности отвечает на вопросы, где и как исследуются доказательства, и с учетом этого ее можно определить как технологическую. Исследование доказательств в судебном разбирательстве производится в качественно иных по сравнению с предварительным расследованием условиях, создаваемых действующими наряду с непосредственностью началами состязательности, устности и гласности. Правилами, образующими технологическую сторону принципа непосредственности, являются, во-первых, личное восприятие доказательств судьями, разрешающими дело по существу, и, во-вторых, привлечение к участию в судебном разбирательстве всех участников процесса, могущих поставить под сомнение относящиеся к делу доказательства.

Третья, предметная, сторона принципа непосредственности отвечает на вопросы, что исследуется и как результаты исследования должны быть учтены. Предметная сторона принципа непосредственности обусловливает обязанности суда, во-первых, исследовать доказательства, непосредственно относящиеся к подлежащим доказыванию фактическим обстоятельствам, то есть доказательства из первоисточников, и, во-вторых, основывать приговор лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном разбирательстве. Поэтому, как правильно отмечает М.К. Свиридов: «Перевод доказательств из следственных в судебные осуществляет действие принципа непосредственности» [9, с. 176].

Рассмотренные правила, образующие содержание принципа непосредственности, направлены на обеспечение достоверности знания, полученного в ходе исследования доказательств в судебном разбирательстве, и целостного восприятия судьей доказательств в целях воссоздания действительной картины произошедшего. Методологический характер принципа непосредственности проявляется также в том, что данные функции выполняются им в тесном взаимодействии с другими началами уголовного процесса, в том числе неизменностью состава суда и устностью, которым, однако, обозначенный характер не присущ.

В заключение автор настоящей статьи выражает надежду, что ему наряду с попыткой раскрыть обозначенную в наименовании статьи тему удалось подчерк-

нуть значительную вклад, который внес в разработку в науке уголовного процесса вопросов истины, исследования доказательств, состязательности и непосредственности профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета М.К. Свиридов. Как мой учитель и ученый, Михаил Константинович оказал серьезное влияние на формирование моих научных взглядов, в связи с чем выражаю ему самую искреннюю и глубокую признательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свиридов М.К.* О состязательности российского уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 41 / ред. С.А. Елисеев, М.К. Свиридов, Р.Л. Ахмедшин. Томск, 2008. С. 145–146.
2. *Воскобитова Л.А., Пржиленский В.И.* Социальные технологии и юридическое познание. М. : Норма, 2017. 192 с.
3. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб., Тип-я М.М. Стасюлевича, 1913. 670 с.
4. *Дудко Н.А.* Общие условия судебного разбирательства в системе гарантий социалистического правосудия : дис. … канд. юрид. наук. М., 1984. 216 с.
5. *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М. : Изд-во МГУ, 1956. 271 с.
6. *Тыричев И.В.* Принципы советского уголовного процесса : учеб. пособие. М. : ВЮЗИ, 1983. 80 с.
7. *Зашляпин Л.А.* Судебные действия следственного характера как научная метафора. М. : Юрлитинформ, 2011. 320 с.
8. *Смирнов А.В.* Принципы уголовного судопроизводства : учеб. пособие. СПб. : СПБГИЭУ, 2002. 66 с.
9. *Свиридов М.К.* Непосредственность исследования доказательств в судебном разбирательстве// Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Ч. 47 / под ред. С.А. Елисеева, В.А. Уткина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 175–176.
10. *Кассационное* определение Верховного Суда РФ от 25.10.2006 г. № 81-О06-61 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 30.03.2018).
11. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 11.03.2014 г. № 47-АПУ14-6 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 30.03.2018).
12. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 24.04.2014 г. № 205-АПУ14-2 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 30.03.2018).
13. *Постановление* Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 30.03.2018).
14. *Определение* Верховного Суда РФ от 5 октября 2010 г. № 5-В10-67 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 30.03.2018).
15. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. I: Основные положения науки советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. 470 с.
16. *Ульянова Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учеб. пособие. М. : Городец, 2008. 176 с.
17. *Каз Ц.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1960. 106 с.
18. *Каз Ц.М.* Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1968. 68 с.
19. *Белкин Р.С.* Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М. : Наука, 1966. 295 с.
20. *Васяев А.А.* Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе. М., 2016. 472 с.
21. *Плашевская А.А.* Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России : дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2006. 204 с.
22. *Россинский С.Б.* Собирание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 24–27.
23. *Князьков А.С.* Криминалистическая технология и криминалистическая тактика: проблемы соотношения понятий // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 123–127.
24. *Кудашов В.И.* Социальные технологии в обществе знания: когнитивные аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). Вып. 1. С. 58–64.
25. *Свиридов М.К.* Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 142–147.
26. *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. 1280 с.
27. *Шейфер С.А., Николаева К.А.* К вопросу о структуре доказывания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 82–87.
28. *Теория* доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973. 735 с.
29. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М. : Юрид. лит., 1976. 168 с.
30. *Свиридов М.К.* Исследование доказательств в стадии подготовки к судебному разбирательству // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 30 / под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2006. С. 112–117.
31. *Свиридов М.К.* Предварительное расследование и состязательность // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 44 / под ред. С.А. Елисеева, М.К. Свиридова, Р.Л. Ахмедшина. Томск, 2009. С. 150–151.
32. *Свиридов М.К.* Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 51 / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович ; ред. О.И. Андреева, И.В. Чаднова. Томск, 2011. С. 3–8.
33. *Михайловская И.Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М. : Проспект, 2006. 192 с.
34. *Подкорытов Г.А.* О природе научного метода. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1998. 224 с.
35. *Барабаш А.С., Брестер А.А.* Метод российского уголовного процесса. СПб. : Юридический центр Пресс, 2013. 218 с.

36. *Головненков П., Спица Н.* Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьёй профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Universitätsverlag Potsdam, 2012. 404 с.
37. *Шредер Ф.-К., Ферелл Т.* Уголовно-процессуальное право Германии = Strafprozessrecht : пер. с нем. 5-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2016. 304 с.
38. *Taruffo M.* Judicial Decisions and Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and Law. June 1998. Vol. 6, is. 2–4. P. 311–324.

THE PRINCIPLE OF IMMEDIACY AS A METHOD OF EXAMINATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 68−78. DOI 10.17223/23088451/11/14

Aleksandr A. Mikhaylov, state civil servant of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maa1505@sibmail.com

Keywords: principle of immediacy, principle of adversariality, truth, examination of evidence, trial.

The article notes the methodological importance of the principle of immediacy for establishing the actual factual circumstances of a criminal case in a court proceeding. The principle of immediacy from the indicated point of view is considered, in particular, in relation to the principle of adversariality. These two principles organise examination of evidence in a court proceeding and ensure the resolution of the criminal case on the merits, but their functional role in this process is different. Accordingly, one can not reduce the principle of immediacy to one of the manifestations of adversariality.

Examination of evidence is defined as a technology of working with evidence set by the tasks and conditions of the criminal trial stage. Its main content is the combination of verification and preliminary assessment of evidence implemented within a specific criminal procedure, taking into account its characteristics. The purpose, scope, nature and content of examination of evidence differ at different stages of the criminal procedure and in different criminal proceedings.

The methodological nature of the principle of immediacy makes it possible to express its content through a formula in the form of a question series: who examines, why, where and how one examines, what is examined, and how the results of examination should be taken into account. The content of the principle of immediacy, with all its methodological significance, is revealed through the subject-target, technology and subject-matter aspects of immediacy.

The subject-target aspect of the principle of immediacy gives answers to questions about who and why examines the evidence in the trial. It is expressed in the fact that examination of evidence for the purpose of resolving a criminal case on the merits is made by the court.

The second aspect of the principle of immediacy answers the questions of where and how evidence is examined, and thus it can be defined as a technology aspect. The rules that form this aspect of the principle of immediacy are, firstly, the personal perception of evidence by the judges resolving the case on the merits, and, secondly, the involvement in the court proceeding of all participants who may challenge the evidence relevant to the case.

The third, subject-matter, side of the principle of immediacy answers the questions of what is examined and how the results of examination should be taken into account. The subject matter of the principle of immediacy determines the duties of the court, firstly, to investigate the evidence directly related to the facts to be proved, that is, the evidence from the original sources, and, secondly, to base the sentence on the evidence that was examined in the court proceeding only.

References

1. Sviridov, M.K. (2008) O sostyazatel'nosti rossiyskogo ugolovnogo protsessa [On the adversarial nature of the Russian criminal procedure]. In: Eliseev, S.A., Sviridov, M.K. & Akhmedshin, R.L. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 41. Tomsk: Tomsk State University. pp. 145–146.
2. Voskobitova, L.A. & Przhilenskiy, V.I. (2017) *Sotsial'nye tekhnologii i yuridicheskoe poznanie* [Social technologies and legal knowledge]. Moscow: Izdatel'stvo "Norma".
3. Sluchevskiy, V.K. (1913) *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa. Sudoustroystvo – sudoproizvodstvo* [Textbook of the Russian criminal procedure. Legal structure – legal proceedings]. 4th ed. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
4. Dudko, N.A. (1984) *Obshchie usloviya sudebnogo razbiratel'stva v sisteme garantiy sotsialisticheskogo pravosudiya* [General conditions of the trial in the system of guarantees of socialist justice]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Polyanskiy, N.N. (1956) *Voprosy teorii sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Issues of the theory of the Soviet criminal procedure]. Moscow: Moscow State University.
6. Tyrichev, I.V. (1983) *Printsipy sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Issues of the theory of the Soviet criminal procedure]. Moscow: VYuZI.
7. Zashlyapin, L.A. (2011) *Sudebnye deystviya sledstvennogo kharaktera kak nauchnaya metafora* [Judicial actions of an investigative nature as a scientific metaphor]. Moscow: Yurlitinform.
8. Smirnov, A.V. (2002) *Printsipy ugolovnogo sudoproizvodstva* [Principles of criminal proceedings]. St. Petersburg: SPBGIEU
9. Sviridov, M.K. (2010) Neposredstvennost' issledovaniya dokazatel'stv v sudebnom razbiratel'stve [Immediate investigation of evidence in the trial]. In: Eliseev, S.A. & Utkin, V.A. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 47. Tomsk: Tomsk State University.
10. Konsul'tant Plyus. (2006) *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 25.10.2006 No. 81-O06-61* [Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 81-O06-61 of October 25, 2006]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
11. Konsul'tant Plyus. (2006) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 11.03.2014 No. 47-APU14-6* [Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 47-APU14-6 of March 11, 2014]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
12. Konsul'tant Plyus. (2006) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 24.04.2014 No. 205-APU14-2* [Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 205-APU14-2 of April 24, 2014]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
13. Konsul'tant Plyus. (2006) *Postanovlenie Verkhovnogo Suda RF ot 19 dekabrya 2017 g. No. 51 "O praktike primeneniya zakonodatel'stva pri rassmotrenii ugolovnykh del v sude pervoy instantsii (obshchiy poryadok sudoproizvodstva)"* [Decision of the Su-

preme Court of the Russian Federation No. 51 of December 19, 2017 “On the practice of applying legislation in the consideration of criminal cases in the court of first instance (general procedure of proceedings)”]. Moscow: Konsul’tant Plyus.
14. Konsul’tant Plyus. (2006) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 5 oktyabrya 2010 g. No. 5-V10-67* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-B10-67 of October 5, 2010]. Moscow: Konsul’tant Plyus.
15. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [A course of the Soviet criminal procedure]. Vol. I. Moscow: Nauka.
16. Ul’yanova, L.T. (2008) *Predmet dokazyvaniya i dokazatel’stva v ugolovnom protsesse Rossii* [The subject of proof and evidence in the criminal procedure of Russia]. Moscow: Izd-vo Gorodets.
17. Kaz, Ts.M. (1960) *Dokazatel’stva v sovetskom ugolovnom protsesse* [Evidence in the Soviet criminal procedure]. Saratov: Saratov State University.
18. Kaz, Ts.M. (1968) *Sub”ekty dokazyvaniya v sovetskom ugolovnom protsesse* [Subjects of proof in the Soviet criminal procedure]. Saratov: Saratov State University.
19. Belkin, R.S. (1966) *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel’stv. Sushchnost’ i metody* [Collection, examination and assessment of evidence. Essence and methods]. Moscow: Nauka.
20. Vasyaev, A.A. (2016) *Teoriya issledovaniya dokazatel’stv v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Theory of evidence research in the Russian criminal procedure]. Moscow: Yurlitinform.
21. Plashevskaya, A.A. (2006) *Sobiranie sudom dokazatel’stv pri rassmotrenii dela po pervoy instantsii v ugolovnom protsesse Rossii* [Collection of evidence by the court in the consideration of the case at a first instance in the criminal proceedings of Russia]. Tomsk: NTL.
22. Rossinskiy, S.B. (2017) Sobiranie, formirovanie i issledovanie dokazatel’stv v ugolovnom sudoproizvodstve: problemy razgranicheniya [Collection, formation and investigation of evidence in criminal proceedings: the problem of separation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 5. pp. 24–27.
23. Knyaz’kov, A.S. (2010) Criminalistics technology and criminalistics tactics: problems of notions correlation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 338. pp. 123–127. (In Russian)..
24. Kudashov, V.I. (2012) Social technologies in the knowledge society: Cognitive aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4 (20):1. pp. 58–64. (In Russian).
25. Sviridov, M.K. (2011) Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 142–147. (In Russian).
26. Golovko, L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugolovnogo protsessa* [A course of the criminal procedure]. 2nd ed. Moscow: Statut.
27. Sheyfer, S.A. & Nikolaeva, K.A. (2016) K voprosu o strukture dokazyvaniya/On the structure of the burden of proof. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (20). pp. 82–87. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/20/10
28. Zhogin, N.V. (ed.) (1973) *Teoriya dokazatel’stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Theory of proof in the Soviet criminal procedure]. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
29. Lupinskaya, P.A. (1976) *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve. Ikh vidy, soderzhanie i formy* [Decisions in criminal proceedings. Their types, content and forms]. Moscow: Yurid. Lit-ra.
30. Sviridov, M.K. (2006) Issledovanie dokazatel’stv v stadii podgotovki k sudebnomu razbiratel’stvu [The study of evidence in preparation for the trial]. In: Sviridov, M.K. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 30. Tomsk: Tomsk State University.
31. Sviridov, M.K. (2009) Predvaritel’noe rassledovanie i sostyazatel’nost’ [Preliminary investigation and adversariality]. In: Eliseev, S.A., Sviridov, M.K. & Akhmedshin, R.L. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 44. Tomsk: Tomsk State University.
32. Sviridov, M.K. (2011) Ustanovlenie istiny na predvaritel’nom rassledovanii i v sudebnom razbiratel’stve [Establishment of truth in preliminary investigation and in a trial]. In: Sviridov, M.K. & Yakimovich, Yu.K. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 51. Tomsk: Tomsk State University.
33. Mikhaylovskaya, I.B. (2006) *Nastol’naya kniga sud’i po dokazyvaniyu v ugolovnom protsesse* [The judge’s bench book for proving in criminal procedure]. Moscow: Prospekt.
34. Podkorytov, G.A. (1998) *O prirode nauchnogo metoda* [On the nature of the scientific method]. Leningrad: Leningrad State University.
35. Barabash, A.S. & Brester, A.A. (2013) *Metod rossiyskogo ugolovnogo protsessa* [The method of the Russian criminal procedure]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
36. Golovnenkov, P. & Spitsa, N. (2012) *Ugolovno-protsessual’nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya – Strafprozessordnung (StPO) – Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona so vstupitel’noy stat’yoy professora Uve Khell’manna “Vvedenie v ugolovno-protsessual’noe pravo FRG”* [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung (StPO) – Commentary and translation of the text of the law with an introductory article by Professor Uwe Hellmann “Introduction to the criminal procedure law of the Federal Republic of Germany”]. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam.
37. Schroder, F.-K. & Ferrell, T. (2016) *Ugolovno-protsessual’noe pravo Germanii = Strafprozessrecht* [Criminal Procedure Law of Germany = Strafprozessrecht]. Translated from German. 5th ed. Moscow: Infotropik Media.
38. Taruffo, M. (1998) Judicial Decisions and Artificial Intelligence. *Artificial Intelligence and Law*. 6 (2–4). June. pp. 311–324.

УДК 343.157 DOI 10.17223/23088451/11/15

М.Е. Нехороших

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ (проект № 16-03-00413).

Рассматриваются направления совершенствования кассационного производства в современном уголовном процессе России исходя из стоящих перед таким производством задач. Формулируются предложения по изменению предмета проверки, уточнению пределов проверки в кассационном производстве и изменению существующих кассационных оснований отмены или изменения приговора.

Ключевые слова: *кассационное производство, стабильность приговора, злоупотребление правом.*

Вопросы совершенствования кассационного производства представляются наиболее актуальными в настоящее время. Это связано, прежде всего, с тем, что с 01 января 2013 г. в российском уголовном процессе начала действовать модель кассационного производства, которая соединила в себе не только признаки «классического» кассационного производства (проверка исключительно законности постановленного приговора), но и признаки советского надзорного производства (проверка приговоров, вступивших в законную силу, в ревизионном порядке). Вместе с тем нельзя признать, что после указанных изменений действующий порядок кассационного производства не нуждается в дальнейшем совершенствовании, о чем свидетельствует судебная практика судов кассационной инстанции и научные работы ученых-процессуалистов.

Как представляется, формулирование направлений дальнейшего совершенствования кассационного производства не должно быть произвольным, а должно связываться с задачами, которые стоят перед кассационным производством. Именно задачи определяют тот конечный результат, который должен быть достигнут в результате деятельности судов кассационной инстанции по проверке обжалованного приговора.

Большинство современных ученых соглашаются с тем, что в настоящее время кассационное производство в уголовном процессе России должно решать следующие задачи: 1) выявление и исправление допущенных по уголовному делу нарушений закона; 2) обеспечение стабильности приговора [1; 2, с. 73; 3, с. 88–89]. Именно с позиций необходимости создания надлежащих условий для реализации этих задач и следует формулировать дальнейшие пути совершенствования кассационного производства.

Для обеспечения решения задачи по выявлению и исправлению допущенных по уголовному делу нарушений закона, как представляется, необходимо решить вопрос о возможности расширения предмета проверки в кассационном производстве. В настоящее время, в соответствии с положениями ст. 401.1 УПК РФ, суды кассационной инстанции должны проверять лишь законность приговора.

В научной литературе позиции о возможности включения обоснованности и справедливости приговора в предмет проверки в кассационном производстве оказались диаметрально противоположными. В частности, Н.А. Колоколов на основании исследования пределов проверки судов кассационной инстанции и его полномочий сделал вывод, что суд кассационной инстанции должен проверять и обоснованность и справедливость приговора [4, с. 24]. Н.Н. Ковтун обосновывает необходимость проверки не только законности приговора, но и его обоснованности, и справедливости необходимостью «обеспечения единства и эффективности судебной защиты, состояния законности и правопорядка в стране» [5, с. 129]. Вместе с тем В.Д. Потапов высказался резко против расширения предмета проверки в кассационном производстве, поскольку, по его мнению, это противоречит стабильности приговора, вступившего в законную силу [6, с. 20–21].

Думается, что полное отрицание проверки обоснованности приговора в кассационном производстве не может быть принято. Действительно, суд кассационной инстанции не может проверять обоснованность приговора в том же объеме, что и суд апелляционной инстанции, так как это не соответствует задачам кассационного производства и противоречит предмету и методам проверки. Однако не стоит забывать, что самим уголовно-процессуальным законом установлены определенные требования к обоснованности приговора, и проверка соблюдения этих требований должна осуществляться с тем, чтобы установить, было ли допущено нарушение норм уголовно-процессуального закона (а значит, и требования законности приговора).

Иными словами, в данном случае проверка обоснованности приговора выступает лишь необходимым этапом для принятия решения о законности или незаконности приговора, то есть для вывода о наличии нарушений уголовно-процессуального или уголовного закона. Без цели проверить наличие или отсутствие нарушений законности приговора проверка обоснованности не может осуществляться, поскольку будет выходить за пределы задач кассационного производства. Следовательно, проверка обоснованности приговора в части соответствия выводов суда первой инстанции исследованным им доказательствам может входить в предмет проверки в той мере, в которой такая проверка служит средством решения вопроса о законности или незаконности приговора, и насколько

метод проверки (исследование письменных материалов уголовного дела) позволяет ее осуществить.

Кроме того, достаточно весомый аргумент против полного исключения обоснованности из предмета проверки в кассационном производстве приводит М.К. Свиридов: «Однако, будучи ограниченным обнаружением и исправлением ошибок только в сфере законности, кассационный суд должен игнорировать обнаруженные им ошибки в обоснованности приговора и не принимать мер к их исправлению, даже если такие ошибки существенные и их наличие делает приговор неправосудным. Иначе говоря, кассационный суд, обнаружив в приговоре ошибку фактического характера, должен её не замечать, “пройти мимо”. Но это противоречит положению кассационного суда. Хотя это и кассационный, но всё же суд, входящий в нашу судебную систему и участвующий в осуществлении правосудия. Как всякий такой суд, он должен реагировать на любые ошибки приговора, не допуская его исполнения, если он является неправосудным. Отстранённость кассационного суда от исправления обнаруженных ошибок в фактической стороне приговора является противоестественной. Суд, лишённый возможности исправить обнаруженную фактическую ошибку приговора, перестаёт быть полноценным органом правосудия. Нельзя ставить кассационный суд в положение, когда он осуществляет правосудие лишь частично» [2, с. 77].

Кроме того, как представляется, проверка справедливости приговора (то есть соразмерности назначенного наказания) также должна осуществляться в кассационном производстве, что обосновывается следующими обстоятельствами. Во-первых, при назначении соразмерного наказания суд кассационной инстанции не выходит за пределы своей компетенции, то есть не устанавливает никаких новых фактов, а исходит лишь из тех фактов и данных о личности, которые были установлены судами первой и апелляционной инстанции. Во-вторых, если признавать, что суды кассационной инстанции не могут проверять соразмерность назначенного наказания, то нелогичным представляется полномочие по смягчению осужденному назначенного наказания (ч. 3 ст. 401.16 УПК РФ). Наконец, возможность проверки соразмерности назначенного наказания соответствует и задаче кассационного производства по выявлению и устранению нарушений закона, поскольку определение соразмерного наказания за совершенное преступление относится к основным вопросам уголовного дела.

Следующим направлением совершенствования кассационного производства для обеспечения эффективной реализации задачи по выявлению и исправлению допущенных по уголовному делу нарушений закона следует признать расширение действия ревизионного начала в кассационном производстве.

О значении ревизионного начала при определении пределов проверки уголовного дела в проверочных производствах многократно писали отечественные ученые. Так, В. Божьев писал, что лишенная полномочий проверить уголовное дело в полном объеме кассация не способна выполнить поставленные перед ней задачи по проверке законности, обоснованности и справедливости приговоров [7, с. 2]. А.А. Рукавишникова обосновывает ревизионное начало тем, что стороны уже определили пределы уголовного правоотношения в суде первой инстанции, а значит, пересмотр судом кассационной инстанции приговора в этих пределах не нарушает их права и законные интересы [8, с. 194]. О.Р. Идрисов связывает, что установление диспозитивных пределов проверки обжалованного приговора создает угрозу частого кассационного обжалования приговора каждый раз по новым основаниям [9, с. 87]. Е.В. Рябцева обращает внимание, что именно ревизионное начало позволяет выполнять судам функции контроля и правосудия [10, с. 174]. Т.С. Османов указывает, что именно ревизионное начало позволяет выявить все недостатки и нарушения по уголовному делу, определить, какие решения подлежат отмене, подтвердить правильность судебных решений, опровергнув доводы кассационных жалоб [11, с. 37–38].

Учитывая все отмеченные преимущества ревизионного начала, остается неясным, почему в действующей редакции УПК РФ в ст. 401.16 закреплена не обязанность судов кассационной инстанции проверить уголовное дело в полном объеме, а лишь их право. Как представляется, такое положение закона способно лишь ограничить действие ревизионного начала в кассационном производстве, что, в свою очередь, может сказаться отрицательным образом и на состоянии защищенности прав и законных интересов сторон, поскольку не каждый участник уголовного процесса обладает необходимыми юридическими знаниями или может позволить себе заключить соглашение с представителем для обоснования своей позиции об отмене или изменении приговора. В свою очередь, зависимость восстановления нарушенных прав и свобод участников уголовного процесса от наличия у них юридического образования или их материального обеспечения будет противоречить положениям ст. 2 Конституции Российской Федерации о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а также нормативно определенному назначению уголовного процесса, как «защита личности от незаконного ограничения ее прав и свобод». В связи с этим, необходимо согласиться с предложением М.К. Свиридова и закрепить в ст. 401.16 УПК РФ не право, а обязанность судов кассационной инстанции по проверке материалов уголовного дела в ревизионном порядке [12, с. 141].

Прежде чем переходить к формулированию следующего направления совершенствования кассационного производства, следует отметить, что вообще выделение задачи по обеспечению стабильности приговора в настоящее время связано с тем, что объект кассационной проверки – приговор, вступивший в законную силу, – должен признаваться res judicata и не может быть произвольно пересмотрен в связи с простым несогласием с ним одной из сторон уголовного судопроизводства. Кроме того, обеспечение авторитета судебной власти также требует, чтобы вступившее в законную силу судебное решение принималось за истинное и не подвергалось более сомнению, то есть обладало свой-

ством стабильности. О значении стабильности приговора убедительно пишет М.К. Свиридов: «Нет необходимости доказывать, насколько вредны для жизни людей и всего государства неопределенность правопорядка, его частые изменения; это всегда дестабилизирует нормальное функционирование государства. Правопорядок должен быть стабильным. Для этого должны быть стабильными его регуляторы. Отсюда вытекает необходимость стабильности приговора как одного из регуляторов» [12, с. 139].

Как представляется, поиск направлений совершенствования кассационного производства для обеспечения стабильности приговора следует осуществлять с учетом Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В частности, в соответствии со ст. 4 Протокола № 7: «Никто не должен быть повторно судимым или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства. Положения предыдущего пункта не препятствуют повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела» [13]. Данная позиция обосновывается тем, что лишь фундаментальные нарушения закона, ввиду их особого характера, могут преодолеть свойство стабильности приговора, вступившего в законную силу, и повлечь его отмену или изменение. В отечественной науке уголовного процесса подобная позиция была высказана М.К. Свиридовым: «После вступления приговора в законную силу нельзя стремиться к обнаружению любых ошибок. Поскольку приговор уже приобрёл силу закона, исправлять в нём допустимо только чрезвычайные ошибки, которые искажают суть правосудия. С возможностью наличия в приговоре «рядовых» ошибок приходится мириться для достижения большей ценности – стабильности приговора как необходимого условия его определённости. Основным средством для исправления «рядовых» ошибок должна быть апелляционная инстанция, когда приговор ещё не вступил в законную силу» [2, с. 75].

В связи со всем вышеизложенным, в настоящее время необходимо изменить перечень кассационных оснований отмены или изменения приговора. В частности, необходимо изменить наименования нарушений уголовно-процессуального закона с «существенных» на «фундаментальные», что позволит более четко отграничить их от апелляционных оснований, а также обеспечит решение судом кассационной задачи по обеспечению стабильности приговора, вступившего в законную силу. К фундаментальным следует относить нарушения следующих уголовно-процессуальных норм: а) норм, закрепляющих статус обвиняемого и обеспечивающих его право на защиту в уголовном процессе; б) норм, устанавливающих статус иных участников уголовного судопроизводства и обеспечивающих им право на защиту своих законных интересов в уголовном процессе; в) норм, определяющих статус суда как органа, рассматривающего и разрешающего уголовное дело; г) норм, определяющих порядок постановления приговора, при несоблюдении которых нельзя вести речь о законности самого акта постановления приговора; д) норм, определяющих существо принятого решения, несоблюдение которых не влияет на обоснованность приговора, но свидетельствует о его незаконности.

Вместе с тем, как представляется, использование термина «существенные» или «фундаментальные» применительно к нарушениям уголовного закона в ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ является излишним и способствует неправомерному отказу в исправлении ошибок, связанных с применением норм УК РФ. Однако неправильное применение любой нормы уголовного закона так или иначе сказывается на законной квалификации преступления, правильном определении пределов назначаемого наказания, порядка его отбывания. Даже неверная квалификация отдельных обстоятельств как смягчающих или отягчающих наказание, неверное определение погашена судимость или нет, вида рецидива преступления влияет на окончательное определение вида и размера наказания. А значит, подобное нарушение должно быть устранено судом кассационной инстанции, что соответствует его задаче по выявлению и устранению нарушений закона. Соответственно вместо формулировки «существенное нарушение уголовного закона» в ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ следует использовать формулировку «неправильное нарушение уголовного закона», что позволит ориентировать суды кассационной инстанции на выявление и исправление всех нарушений уголовного закона ввиду их фундаментальности, что не будет противоречить задаче кассационного производства по обеспечению стабильности приговора.

Таким образом, основными направлениями совершенствования кассационного производства в настоящее время следует признать следующие: 1) включить в предмет проверки в кассационном производстве обоснованность приговора (в той мере, в которой проверка обоснованности приговора служит средством решения вопроса о законности или незаконности приговора) и его справедливость (соразмерность назначенного наказания); 2) признать не правом, а обязанностью судов кассационной инстанции по проверке материалов уголовного дела в ревизионном порядке; 3) изменить перечень кассационных оснований отмены или изменения приговора: вместо «существенные нарушения уголовно-процессуального закона» использовать формулировку «фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона»; вместо «существенные нарушения уголовного закона» закрепить наименование данного основания как «неправильное применение уголовного закона». Данные направления соответствуют задачам кассационного производства, а значит, их реализация в уголовно-процессуальном законодательстве будет способствовать повышению эффективности деятельности судов кассационной инстанции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Желонкин В.С.* О задачах кассационного производства в российском уголовном процессе на современном этапе // Право и политика. 2014. № 7 (175). С. 1017–1023.
2. *Свиридов М.К.* Вопросы совершенствования кассационного производства в российском уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 73–80.
3. *Гехова Д.Х.* Кассационное производство в российском уголовном процессе: генезис и перспективы развития : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 219 с.
4. *Колоколов Н.А.* Новые элементы в структуре судов общей юрисдикции: подсудность, порядок производства, обжалование // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 18–29.
5. *Ковтун Н.Н.* Res judicata реформированной российской кассации // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4. С. 121–130.
6. *Потапов В.Д.* О коллизиях в предмете кассационной и надзорной проверки окончательных актов суда // Российский следователь. 2012. № 18. С. 19–21.
7. *Божьев В.* Пределы прав суда кассационной инстанции // Законность. 2003. № 11. С. 2–4.
8. *Рукавишникова А.А.* Действие ревизионного начала при обнаружении ошибки в приговоре при апелляционном и кассационном пересмотрах в соответствии с ФЗ от 29 декабря 2010 г. // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 59 : сб. ст. Томск, 2013. Ч. 59. С. 189–196.
9. *Идрисов О.Р.* Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России : дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2012. 232 с.
10. *Рябцева Е.В.* Деятельность суда в апелляционной и кассационной инстанциях в состязательном уголовном процессе // Проблемы состязательного правосудия : сб. науч. тр. / под ред. В.Л. Будникова ; редкол.: В.Г. Глебов, С.А. Колосович, В.Н. Косарев, Е.В. Пантелеев. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. С. 166–178.
11. *Османов Т.С.* Производство по уголовным делам в суде кассационной инстанции в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.14 г. № 2 // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 33–38.
12. *Свиридов М.К.* Обеспечение стабильности приговора // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 139–142.
13. *Конвенция* о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 17.04.2018).

WAYS TO IMPROVE CASSATION PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 79−83. DOI 10.17223/23088451/11/15
Mikhail E. Nekhoroshikh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihaneh_92@mail.ru

Keywords: cassation proceedings, stability of sentence, abuse of right.

The author justifies the position that the formulation of directions for further improvement of cassation proceedings should not be arbitrary, but should be connected with their tasks. Currently, cassation proceedings in the criminal procedure of Russia must solve the following tasks: 1) identify and correct violations of law made in the criminal case; 2) ensure stability of the sentence.

To solve the task of identifying and correcting violations of law made in the criminal case, it seems necessary to resolve the issue of the possibility of broadening the object of verification in cassation proceedings. The author argues that today the validity of the sentence (while verification of the validity of the sentence is a means of resolving the question of the legality or illegality of the sentence) and its fairness (proportionality of the punishment imposed) should be included in the subject matter of verification in cassation proceedings.

The next direction for improvement of cassation proceedings to ensure effective implementation of the task of identifying and correcting violations of law made in the criminal case is broader action of the audit principle in cassation proceedings. The author analyses the advantages of the audit principle and notes that the current version of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in Art. 401.16 fixes the right of cassation courts to check the criminal case in full, but not their obligation. The author justifies that this provision of law may negatively affect the protection of the rights and legitimate interests of the parties. In this regard, he proposes to fix the obligation, not the right, of cassation courts to check the materials of the criminal case in the audit procedure in Art. 401.16 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

To solve the task of ensuring stability of the sentence, the author proposes to change the list of cassation grounds for cancellation or change of the sentence: 1) instead of “substantial violations of the criminal procedure law” to use the wording “fundamental violations of the criminal procedure law”; 2) instead of “significant violations of the criminal law” to refer to this foundation as “improper application of the criminal law”. This proposal is justified in terms of its compliance with the provisions of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

References

1. Zhelonkin, V.S. (2014) On the goals of cassation proceedings in the Russian criminal process at its current stage of development. *Pravo i politika – Law and Politics*. 7 (175). pp. 1017–1023. (In Russian).
2. Sviridov, M.K. (2017) Questions of development of cassation proceedings in Russian criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 23. pp. 73–80. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/23/8
3. Gekhova, D.Kh. (2015) *Kassatsionnoe proizvodstvo v rossiyskom ugolovnom protsesse: genezis i perspektivy razvitiya* [Cassation proceedings in the Russian criminal procedure: genesis and development prospects]. Law Cand. Diss. Moscow.
4. Kolokolov, N.A. (2011) Novye elementy v strukture sudov obshchey yurisdiktsii: podsudnost’, poryadok proizvodstva, obzhalovanie [New elements in the structure of courts of general jurisdiction: jurisdiction, proceedings procedure, appeal]. *Ugolovnyy protsess*. 3. pp. 18–29.

5. Kovtun, N.N. (2015) Res Judicata of the Reformed Russian Cassation. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*. 4. pp. 121–130. (In Russian).
6. Potapov, V.D. (2012) O kolliziyakh v predmete kassatsionnoy i nadzornoy proverki okonchatel'nykh aktov suda [On the collisions in the subject of the cassation and supervisory check of the final acts of the court]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 18. pp. 19–21.
7. Bozh'ev, V. (2003) Predely prav suda kassatsionnoy instantsii [Limits of the rights of the court of cassation instance]. *Zakonnost'*. 11. pp. 2–4.
8. Rukavishnikova, A.A. (2013) Deystvie revizionnogo nachala pri obnaruzhenii oshibki v prigovore pri apellyatsionnom i kassatsionnom peresmotrakh v sootvetstvii s FZ ot 29 dekabrya 2010 g. [The effect of the audit principle when an error is found in the sentence during appellate and cassation checks in accordance with the Federal Law of December 29, 2010]. In: Sviridov, M.K. & Yakimovich, Yu.K. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 59. Tomsk: Tomsk State University.
9. Idrisov, O.R. (2012) *Polnomochiya kassatsionnoy instantsii po vyyavleniyu i ustraneniyu sudebnykh oshibok v ugolovnom protsesse Rossii* [Powers of the cassation instance for the identification and elimination of judicial errors in the criminal procedure of Russia]. Law Cand. Diss. Tomsk.
10. Ryabtseva, E.V. (2005) Deyatel'nost' suda v apellyatsionnoy i kassatsionnoy instantsiyakh v sostyazatel'nom ugolovnom protsesse [Court activities in the appellate and cassation instances in the adversarial criminal trial]. In: Budnikov, V.L. (ed.) *Problemy sostyazatel'nogo pravosudiya* [Problems of adversarial justice]. Volgograd: Volgograd State University.
11. Osmanov, T.S. (2014) Proizvodstvo po ugolovnym delam v sude kassatsionnoy instantsii v svete Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28.01.14 No. 2 [Criminal proceedings in the court of cassation in the light of the Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 of 28.01.14]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7. pp. 33–38.
12. Sviridov, M.K. (2012) Maintenance of stability of a sentence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 357. pp. 139–142. (In Russian).
13. Konsul'tant Plyus. (2004) *Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) (s izm. ot 13.05.2004) (vmeste s Protokolom No. 1 (Podpisan v g. Parizhe 20.03.1952), Protokolom No. 4 ob obespechenii nekotorykh prav i svobod pomimo tekh, kotorye uzhe vklyucheny v Konventsiyu i pervyy Protokol k ney (Podpisan v g. Strasburge 16.09.1963), Protokolom No. 7 (Podpisan v g. Strasburge 22.11.1984))* [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on 04.11.1950) (as amended on May 13, 2004) (together with Protocol No. 1 (signed in Paris on 20.03.1952), Protocol No. 4 on securing some rights and freedoms other than those already included in the Convention and the first Protocol thereto (Signed in Strasbourg on 16.09.1963), Protocol No. 7 (signed in Strasbourg on 22.11.1984))]. Moscow: Konsul'tant Plyus.

УДК 343.15 DOI 10.17223/23088451/11/16

В.В. Николюк

ВОЗМЕЩЕНИЕ ОСУЖДЕННОМУ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМ СОДЕРЖАНИЕМ ПОД СТРАЖЕЙ ПРИ ОТМЕНЕ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Ставится вопрос о возможности возмещения условно осужденному вреда, причиненного в результате незаконной отмены условного осуждения с помещением лица в СИЗО, направлением в исправительное учреждение. Показывается неприспособленность для этих целей норм главы 18 УПК РФ. Формулируются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части регламентации оснований и порядка возмещения указанного вреда условно осужденным.

Ключевые слова: *осужденный, возмещение вреда, незаконный, суд, замена наказания, отмена условного осуждения.*

В современной карательной практике России одной из самых распространенных мер уголовно-правового воздействия на лиц, признанных судом виновными в совершении преступлений, является условное осуждение к лишению свободы (ст. 73 УК РФ). В 2015 г., например, к лишению свободы условно осуждено 172 942 лица, в 2016 г. – 188 603, 2017 г. – 180 343. К реальным срокам лишения свободы в 2015 г. приговорено 220 571 лицо, в 2016 г. – 214 900, 2017 г. – 208 234. Таким образом, примерно половина взрослых осужденных от общего числа лиц, которым назначается наказание в виде лишения свободы, оставляется на свободе «под испытанием».

По основаниям, указанным в ч. 2.1, 3 и 4 ст. 74 УК РФ, предусмотрена возможность принятия судом решения об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором. В 2015 г. условное осуждение к лишению свободы было отменено почти 10 % осужденным, которым наказание назначалось с применением ст. 73 УК РФ. В 2016 г. условное осуждение к лишению свободы было отменено по «отрицательным» основаниям в отношении 16,9 тыс. осужденных (9 %), в 2017 г. – в отношении 17,6 тыс. осужденных (9,7 %) [1].

Как показывает изучение рассматриваемых судами в порядке ст. 399 УПК РФ дел об отмене условного осуждения, при удовлетворении представления уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ) осужденный фактически всегда заключается под стражу на период апелляционной проверки, а по вступлении постановления суда в силу направляется в места лишения свободы. Соответствующие судебные решения нередко признаются вышестоящим судом незаконными и отменяются с прекращением производства, осуществлявшегося в порядке гл. 47 УПК РФ. По таким делам осужденный незаконно содержится под стражей, иногда длительное время, в связи с чем резонно возникает вопрос: есть ли у него право на реабилитацию или хотя бы на возмещение вреда, связанного с помещением осужденного в СИЗО, исправительную колонию, колонию-поселение. Суть обозначенной проблемы с очевидностью проявляется на примере следующих судебных дел.

Постановлением Муромского городского суда от 18 апреля 2016 г. Б. отменено условное осуждение, назначенное приговором Муромского городского суда Владимирской области от 16 апреля 2013 г., осужденная направлена для отбывания наказания в виде лишения свободы на срок 3 года в исправительную колонию общего режима.

Апелляционным постановлением Владимирского областного суда от 15 июня 2016 г. постановление Муромского городского суда от апреля 2016 г. оставлено без изменения.

Постановлением президиума Владимирского областного суда от 21 августа 2017 г. судебные решения об отмене условного осуждения Б. отменены в связи с неправильным применением судом первой инстанции уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части трактовки понятия уклонения условно осужденного от выполнения возложенных на него судом обязанностей. Представление УИС об отмене условного осуждения Б. направлено на новое рассмотрение в Муромский городской суд Владимирской области. Осужденная Б. освобождена из-под стражи. На момент освобождения из колонии Б. находилась в местах лишения свободы (СИЗО, исправительная колония общего режима) 1 год и 4 месяца.

Постановлением Муромского городского суда Владимирской области от 21 сентября 2017 г. производство по представлению УИС об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором, прекращено в связи с истечением испытательного срока 16 июня 2016 г [2].

Другой пример. *Приговором Пушкинского городского суда Московской области от 29 января 2014 г. Г. осужден по ч. 2 ст. 228 УК к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года с возложением обязанностей не менять постоянное место жительства без уведомления УИС, один раз в месяц являться в инспекцию для регистрации, пройти курс лечения от наркотической зависимости. Постановлением этого же суда от 6 июля 2015 г. условное осуждение Г. отменено в связи с невыполнением возложенных на него обязанностей. В судебном заседании Г. не участвовал, о дате и месте его проведения судом он не уведомлялся, так как УИС не установила место фактического проживания Г., объявила последнего в розыск.*

Рассмотрев 15 июня 2016 г. кассационную жалобу Г., несогласного с решением суда об отмене условного осуждения и направлении его в исправительную коло-

нию для отбывания назначенного приговором лишения свободы, президиум Московского областного суда пришел к выводу, что оценка судом первой инстанции поведению Г. дана без достаточной проверки проведенных УИИ мероприятий по установлению места нахождения условно осужденного, не исследованы обстоятельства, имеющие важное значение для дела (данные о фактическом проживании, сообщенные осужденным еще в период расследования уголовного дела). Суд кассационной инстанции отменил постановление Пушкинского городского суда от 6 июля 2015 г., освободил Г. из-под стражи и дело направил на новое судебное рассмотрение. При повторном рассмотрении 8 августа 2016 г. представления УИИ об отмене условного осуждения в отношении Г. суд отказал в его удовлетворении, обойдя в постановлении вниманием тот факт, что осужденный Г. около года незаконно содержался под стражей [3].

Могут ли в данных случаях осужденные претендовать на признание за ними права на реабилитацию? Подлежит ли возмещению вред, причиненный осужденным, незаконной отменой условного осуждения, что и признал суд кассационной инстанции? Если да, то какие виды вреда (имущественный вред, выражающийся в расходах, понесенных на оплату юридической помощи, транспортных услуг; восстановление трудовых прав; моральный вред) подлежат возмещению и в каком порядке? Вот приблизительный перечень вопросов, которые возникают при вполне обоснованном стремлении условно осужденного возместить расходы, понесенные им в целях устранения последствий незаконной отмены условного осуждения.

Подобные дела, как показывает проведенное автором обобщение судебной практики, ежегодно исчисляются сотнями. Будучи актуальным, вопрос о признании за осужденным права на реабилитацию в порядке главы 18 УПК РФ в указанных случаях все же становится второстепенным (если осужденному будет возмещен вред). Придание ему статуса «жертвы», «реабилитированного» символично, но в анализируемой ситуации, где уже нет уголовного преследования, это лишено процессуального смысла и не «вписывается» в понимание реабилитации как признания государством незаконности или необоснованности уголовного преследования лица [4].

В соответствии со ст. 53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Глава 18 УПК РФ предусматривает возмещение вреда данного вида посредством особой процедуры – реабилитации, под которой понимается порядок восстановления прав и свобод лиц и возмещения вреда, причиненного в связи с уголовным преследованием, при безусловном признании права реабилитированных на его возмещение, включая возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. При этом вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда (ч. 1 ст. 133 УПК РФ).

Кроме того, ч. 3 ст. 133 УПК РФ дополнительно предусмотрено возмещение в порядке, прописанном в главе 18 УПК РФ, т.е. по упрощенным, по сравнению с общими гражданскими процессуальными, правилам, вреда любому лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Таким образом, под влиянием ст. 53 Конституции РФ в уголовно-процессуальном законе гарантировано возмещение вреда, связанного с ведением уголовного судопроизводства, как реабилитированному лицу с указанием о реабилитации в резолютивной части соответствующего процессуального решения, так и лицу, который не относится к субъектам права на реабилитацию в контексте главы 18 УПК РФ.

С позиций возможности применения положений главы 18 УПК РФ и других норм Кодекса, гарантирующих участникам уголовного судопроизводства возмещение вреда, к осужденным, чьи права и свободы были нарушены в результате незаконной отмены условного осуждения с помещением лица в СИЗО, направлением в исправительное учреждение, нас могут интересовать ситуации, когда:

а) суд апелляционной инстанции удовлетворяет апелляционную жалобу осужденного и отменяет незаконное и необоснованное судебное решение суда первой инстанции об отмене условного осуждения, направляя дело на новое судебное рассмотрение, освобождая осужденного из-под стражи, а суд первой инстанции при новом рассмотрении представления УИС отказывает в его удовлетворении;

б) осужденный в связи с отменой условного осуждения содержится длительное время под стражей или направлен в исправительную колонию, но впоследствии суд в кассационном порядке отменяет состоявшиеся решения суда первой и апелляционной инстанций, прекращает производство по представлению УИС либо направляет его на новое рассмотрение в суд первой инстанции, освобождая осужденного из-под стражи, а суд первой инстанции при новом рассмотрении представления УИС отказывает в его удовлетворении.

Анализ содержания ст. 133 УПК РФ показывает, что у осужденного право на реабилитацию возникает в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренными п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Кроме того, уголовно-процессуальный институт реабилитации призван компенсировать лицу вред от незаконного уголовного преследования, которое, как это следует из п. 55 ст. 5 УПК РФ, может осуществляться исключительно по уголовному делу.

При узком, формально-догматическом подходе к трактовке пределов действия правил главы 18 УПК РФ следует прийти к однозначному выводу: они не распространяются на производство, ведущееся в порядке главы 47 УПК РФ.

Если уголовно-процессуальный институт реабилитации понимать в более широком, конституционном

смысле, в контексте назначения уголовного судопроизводства, а именно как право на возмещение вреда лица, пострадавшего в результате ведения уголовного процесса на всех его этапах, в том числе при исполнении приговора, то его следует применять и в случаях незаконного содержания под стражей осужденных по делам, указанным в п.п. 2, 4^1, 7, 17, 17^2, 18, 18^1 УПК РФ. Именно такой подход нам представляется конструктивным и соответствующим конституционным гарантиям возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст.ст. 45, 49, 52 и 53 Конституции РФ).

Следует обратить внимание и на то, что в развитие данных конституционных норм законодатель в ч. 4 ст. 11 УПК РФ применительно к сфере уголовного судопроизводства предусмотрел правило, согласно которому вред, нанесенный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, установленном Кодексом. Как видно из формулировки указанного правила, входящего в содержание одного из принципов уголовного процесса («Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» – ст. 11 УПК РФ), возмещение вреда должно происходить не только при его причинении уголовным преследованием (безусловно, важной, центральной, однако не исчерпывающей все уголовное судопроизводство деятельностью), но и в результате нарушения прав и свобод лица судом, который, в силу положений ст. 15 УПК РФ, не выполняет функцию уголовного преследования. Иными словами, правовая конструкция уголовно-процессуального института реабилитации должна проецироваться на весь уголовный процесс, будь это основное производство по уголовному делу или особое производство, имеющее место при исполнении приговора.

На практике отдельные судьи исходят из универсальности для уголовного судопроизводства института реабилитации и предусмотренного им упрощенного порядка возмещения вреда реабилитированному, распространяя его и на уголовно-исполнительное судопроизводство.

Приговором Кромского районного суда Орловской области от 19 апреля 2012 г. С. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 112, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК, с применением ст. 70, 71 УК РФ осужден к 7 месяцам лишения свободы, 1 году ограничения свободы с отбыванием основного наказания в исправительной колонии общего режима. 16 ноября 2012 г. С. был освобожден от отбывания основного наказания в виде лишения свободы по данному приговору по отбытии срока наказания, от отбывания дополнительного наказания в виде ограничения свободы стал злостно уклоняться. Постановлением Кромского районного суда Орловской области от 5 февраля 2013 г. удовлетворено представление уголовно-исполнительной инспекции о замене С. неотбытой части наказания в виде ограничения свободы, назначенного по приговору Кромского районного суда Орловской области от 19 апреля 2012 г., на лишение свободы сроком на 140 (сто сорок) дней с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. С. взят под стражу в зале суда.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Орловского областного суда от 5 марта 2013 г. постановление Кромского районного суда Орловской области от 5 февраля 2013 г. в отношении осужденного С. отменено, производство по материалу прекращено. Коллегия указала, что, удовлетворяя представление уголовно-исполнительной инспекции, суд первой инстанции в нарушение ч. 5 ст. 53 УК РФ, предусматривающей возможность замены лишением свободы неотбытой части наказания в виде ограничения свободы, назначенного только в качестве основного вида наказания, принял решение о замене С. лишением свободы дополнительного вида наказания в виде ограничения свободы. Осужденный С. из-под стражи освобожден. За ним признано право на реабилитацию [5].

В фабуле данного дела принципиально важно, что суд апелляционной инстанции, принимая во внимание незаконное в течение месяца содержание под стражей осужденного к наказанию в виде ограничения свободы, признал за ним право на реабилитацию. При этом в анализируемом апелляционном определении ссылок на нормы главы 18 УПК РФ нет и, вероятно, быть не могло, поскольку соответствующие конкретные предписания в ней отсутствуют.

В этой связи вряд ли есть основания переоценивать то, что в судебной практике встречаются единичные случаи признания права на реабилитацию за осужденным, незаконно содержавшимся под стражей при производстве по делам, предусмотренным п.п. 2, 7 ст. 397 УПК РФ. О действительно широком понимании среди правоприменителей института реабилитации, когда он ассоциируется с ведением уголовного судопроизводства на всех его этапах, в том числе при исполнении приговора, не может быть и речи.

Интересно заметить, что в научных публикациях, увидевших свет буквально в последние годы, также не обсуждается вопрос о расширении перечня субъектов права на реабилитацию, в том числе права на возмещение вреда, установленного ч. 2 ст. 133 УПК РФ, за счет включения в него такой категории участников уголовного процесса, как осужденный – в случаях отмены постановления суда, вынесенного в соответствии с п.п. 2, 4^1, 7, 17, 17^2, 18, 18^1 ст. 397 УПК РФ, отказа в удовлетворении представления учреждения или органа, исполняющего наказание, и прекращения по нему производства. Причем уголовно-процессуальная доктрина в этой части остается «застывшей» уже сравнительно длительный период [6–10]. И это несмотря на распространенность случаев незаконной отмены условного осуждения осужденным с направлением осужденных в места лишения свободы.

В плане возмещения осужденному вреда, состоящего в расходах, понесенных в целях устранения последствий отмены условного осуждения, весьма ограничен и потенциал ч. 3 ст. 133 УПК РФ. В ней закреплено правило, в соответствии с которым право на возмеще-

ние вреда имеет любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. Введение в уголовно-процессуальное законодательство данной нормы объективно обусловлено, поскольку ограничение прав и свобод личности в сфере уголовного процесса, в первую очередь, связано с применением мер процессуального принуждения.

В качестве сдерживающих факторов для привлечения ч. 3 ст. 133 УПК РФ к разрешению ситуации, возникающей при причинении осужденному вреда расходами на устранение последствий незаконной отмены условного осуждения, выступают следующие обстоятельства.

Анализируемое правило о возмещении вреда участникам уголовного судопроизводства ограничено временными процессуальными рамками: оно действует лишь в рамках производства по уголовному делу, на что прямо указывается в ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Уголовное судопроизводство значительно шире, нежели производство по уголовному делу. Наряду с последним оно охватывает и деятельность при исполнении приговора. А именно здесь и возникают проблемы возмещения осужденным вреда, причиняемого незаконной отменой условного осуждения.

Как с формально-юридических позиций, так и по своему содержанию правило, включенное в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, не охватывается институтом реабилитации. Оно не связано напрямую с уголовным преследованием граждан, с приятием по уголовному делу итогового реабилитирующего решения, предполагает дополнительные процессуальные процедуры для того, чтобы причиненный незаконным процессуальным принуждением вред был реально возмещен. По большому счету помещение в главу 18 УПК РФ нормы, зафиксированной в ч. 3 ст. 133 этой главы, искусственно. Данная норма в главе 18 УПК РФ – своеобразное «инородное тело». В силу «неразвитости» в УПК РФ правового регулирования возмещения гражданам вреда, причиненного им незаконным применением мер процессуального принуждения при производстве по уголовному делу (механизм реализации ч. 3 ст. 133 УПК РФ отсутствует), указанная норма фактически не востребована на практике [11, 12]. Соответственно она не пригодна и для разрешения ситуаций, связанных с причинением вреда осужденному, образовавшегося в результате расходов на устранение последствий незаконной отмены условного осуждения.

С учетом изложенного следует прийти к выводу, что в условиях действующего уголовно-процессуального регулирования в законе не предусмотрен механизм возмещения вреда, причиненного осужденному в связи с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности по отмене условного осуждения. Признание за осужденным такого права и использование процедуры возмещения вреда, установленной главой 18 УПК РФ, допустимо только по отраслевой аналогии закона. Однако следует согласиться с позицией М.К. Свиридова, что любая несправедливость, допущенная по отношению к осужденному, должна устраняться беспрепятственно и в любое время [13, с. 142], а значит, УПК РФ должен предусматривать процедуры по возмещению вреда осужденному в связи с отменой условного осуждения.

Отсутствие у осужденного в рассматриваемых нами случаях права на реабилитацию в порядке главы 18 УПК РФ и соответственно права на возмещение вреда по правилам этой главы (в упрощенном уголовно-процессуальном порядке), а также непригодность в современном виде для этих целей ч. 3 ст. 133 УПК РФ, само по себе не означает невозможности для него возмещения вреда, причиненного судом в рамках производства по отмене условного осуждения. Такой вред подлежит возмещению в порядке гражданского судопроизводства на основании положений ст. 1070 ГК РФ.

В перспективе, если принимать во внимание тот факт, что вред, причиняемый осужденному в результате незаконного содержания под стражей при незаконной отмене условного осуждения, имеет уголовно-процессуальное происхождение, целесообразно на базе главы 18 УПК РФ дополнительно сформулировать положения, призванные регламентировать основания и порядок возмещения указанного вреда осужденным. Им можно придать универсальный характер и распространить на дела о замене штрафа, обязательных, исправительных работ, ограничения свободы лишением свободы, по которым осужденным также причиняется вред незаконным содержанием под стражей (количество осужденных, направленных судом в исправительные колонии в соответствии с п. 2 ст. 397, ст. 399 УПК РФ, составило в 2015 г. 24,9 тыс., в 2016 г. – 35,2 тыс. [14]). При этом надлежит иметь в виду, что возмещаться должен вред, непосредственно причиненный осужденному заключением его под стражу (например, суммы, выплаченные в связи с оказанием юридической помощи, транспортных услуг, восстановление трудовых прав). Как представляется, введение в УПК РФ соответствующих положений позволит повысить качество уголовно-процессуального законодательства, а значит, будет способствовать созданию прочного правопорядка и гарантировать права осужденных лиц, в отношении которых было принято решение об отмене условного осуждения [15, с. 3].

Необходимо обратить внимание и на то, что, когда осужденный освобождается из-под стражи в связи с признанием судом незаконными отмены условного осуждения, время содержания под стражей в указанных случаях не представляется возможным зачесть в срок наказания, определенного приговором.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Отчеты* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в первой инстанции за 2015–2016 гг. Форма № 1, разделы 3, 4. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 02.04.2016).
2. *Дело* № 4/8–19/2017.
3. *Дело* № 4/8–15/2016.

4. *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2008 г. № 777-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рамазанова Курбанисмаила Рамазановича на нарушение его конституционных прав положениями части второй статьи 27, пункта 4 части второй и части четвертой статьи 133, частей шестой и седьмой статьи 410 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84605 (дата обращения: 02.04.2016).
5. *Дело* № 22и-408/2013.
6. *Михеенкова М.А.* Вопросы реабилитации в разъяснениях высших судов России и ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 22–27.
7. *Корчагина Л.И.* К вопросу о понятии и сущности реабилитационных правоотношений в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 143–149.
8. *Макарова О.В.* Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 30–36.
9. *Смирнов А.В.* Возмещение вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования // Уголовный процесс. 2016. № 2. С. 70–76.
10. *Кузнецова А.Д.* Проблемы возмещения реабилитированному лицу имущественного вреда в виде сумм, выплаченных за оказание юридической помощи // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 42–45.
11. *Гуляев А.П., Николюк В.В.* Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения // Государство и право. 2007. № 6. С. 59–67.
12. *Николюк В.В.* Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 32 с.
13. *Свиридов М.К.* Обеспечение стабильности приговора // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 139–142.
14. *Отчеты* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в первой инстанции за 2015–2016 гг. Форма № 1, разд. 4. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 02.04.2016).
15. *Свиридов М.К.* О качестве уголовно-процессуального законодательства // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович ; под ред. О.И. Андреевой, И.В. Чадновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Ч. 67. С. 3–7.

COMPENSATION TO THE CONVICT FOR THE HARM CAUSED BY UNLAWFUL DETENTION IN THE EVENT OF PROBATION REVOCATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 84−89. DOI 10.17223/23088451/11/16
Vyacheslav V. Nikolyuk, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: convicted, compensation for harm, illegal, trial, substitution of punishment, probation revocation.

The article raises the question of the possibility of the compensation to the probationer of the harm caused by an unlawful probation revocation, by putting them in a detention or correctional facility. The inappropriateness of the norms of Chapter 18 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation for these purposes is shown. Proposals are made on the basis of Chapter 18 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to further formulate the provisions designed to regulate the grounds and procedure for compensation for the above-mentioned harm to the convicts. It should be borne in mind that the harm caused to the convicted directly by their imprisonment (for example, money paid for legal assistance, transport services, restoration of labour rights) should be compensated for.

References

1. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Otchety o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugolovnykh del v pervoy instantsii za 2015–2016 gg. Forma No. 1, razd. 3, 4* [Reports on the work of courts of general jurisdiction to review criminal cases in the first instance for 2015–2016. Form No. 1, Sections 3, 4]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79. (Accessed: 02.04.2016).
2. Case No. 4/8–19/2017. (In Russian).
3. Case No. 4/8–15/2016. (In Russian).
4. Konsul'tant Plyus. (2008) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 20 noyabrya 2008 g. No. 777-O-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Ramazanova Kurbanismaila Ramazanovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami chasti vtoroy stat'i 27, punkta 4 chasti vtoroy i chasti chetvertoy stat'i 133, chastey shestoy i sed'moy stat'i 410 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 777-O-O of November 20, 2008 "On refusal to accept for consideration the complaint of Kurbanismail Ramazanov, a citizen of the Russian Federation, for violation of his constitutional rights by the provisions of Part Two of Article 27, Paragraph 4 of Part Two and Part Four of Article 133, Parts Six and Seven of Article 410 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84605. (Accessed: 02.04.2016).
5. Case No. 22i-408/2013. (In Russian).
6. Mikheenkova, M.A. (2014) Voprosy reabilitatsii v raz"yasneniyakh vysshikh sudov Rossii i YESPCH [Issues of rehabilitation in the explanations of the higher courts of Russia and the ECtHR]. *Ugolovnyy protsess.* 4. pp. 22–27.
7. Korchagina, L.I. (2015) K voprosu o ponyatii i sushchnosti reabilitatsionnykh pravootnosheniy v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii [On the concept and essence of rehabilitation legal relations in the criminal proceedings of Russia]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 7. pp. 143–149.
8. Makarova, O.V. (2015) Legal regulation of the institute of rehabilitation in the Russian criminal procedure. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law.* 5 pp. 30–36. (In Russian).

9. Smirnov, A.V (2016). Vozmeshchenie vreda, prichinennogo v rezul'tate nezakonnogo ugolovnogo presledovaniya [Compensation for harm caused as a result of illegal criminal prosecution]. *Ugolovnyy protsess.* 2. pp. 70–76.
10. Kuznetsova, A.D. (2016) Problemy vozmeshcheniya reabilitirovannomu litsu imushchestvennogo vreda v vide summ, vyplachennykh za okazanie yuridicheskoy pomoshchi [Problems of compensation for property damage to a rehabilitated person in the form of amounts paid for legal assistance]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia.* 2. pp. 42–45.
11. Gulyaev, A.P. & Nikolyuk, V.V. (2007) Vozmeshchenie vreda, prichinennogo grazhdanam i yuridicheskim litsam nezakonnym primeneniem mer ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya [Compensation for harm caused to citizens and legal entities by illegal application of measures of criminal procedural coercion]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law.* 6. pp. 59–67.
12. Nikolyuk, V.V. (2011) *Vozmeshchenie vreda litsu, nezakonno podvergnutomu meram ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya* [Compensation for harm to a person illegally subjected to measures of criminal procedural coercion]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
13. Sviridov, M.K. (2012) Maintenance of stability of a sentence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 357. pp. 139–142. (In Russian).
14. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Otchety o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugolovnykh del v pervoy instantsii za 2015–2016 gg. Forma No. 1, razdel 4* [Reports on the work of courts of general jurisdiction to review criminal cases in the first instance for 2015–2016. Form No. 1, Section 4]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79. (Accessed: 02.04.2016).
15. Sviridov, M.K. (2015) O kachestve ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [On the quality of the criminal procedure legislation]. In: Sviridov, M.K. & Yakimovich, Yu.K. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 67. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 343.119 DOI 10.17223/23088451/11/17

Г.А. Печников

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ И СОФИСТИЧЕСКОМ ПОДХОДАХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (НА ОСНОВЕ «НАУКИ ЛОГИКИ» ГЕГЕЛЯ)

Автор исходит из необходимости четко различать два типа уголовного процесса: объективно-истинный (исследовательский), учитывающий объективные диалектические закономерности, и состязательный (выигрышно-проигрышный) процесс, не учитывающий диалектики и склонный к софистике. При этом подчеркивается, что объективно-истинный тип уголовного процесса – более совершенный и справедливый, чем состязательный, в котором состязательность самодостаточна и отрицает объективную истину.

Ключевые слова: *объективно-истинный тип уголовного процесса, состязательный (выигрышно-проигрышный) тип уголовного процесса, диалектика, софистика, объективная истина, релятивизм.*

Известный софист Протагор выдвинул исходный теоретический тезис: «Человек – мера всех вещей» [1, с. 121, 125].

Это означает, что не существует вне и независимо от человека и человечества каких-либо объективных закономерностей (диалектических), не существует и объективной истины; никаких объективных знаний нет, а есть только «мнения». У каждого своё мнение, «сколько голов, столько и умов»; всё относительно, релятивно, ничего абсолютного нет. Поэтому, например, в судебных спорах важна эристика (искусство спора), риторическое искусство убеждать, используя технику словесной эквилибристики, искусство аргументации, направленное лишь на победу в споре и ни на что иное. При этом можно доказывать белое как черное, и наоборот, черное как белое – главное выиграть дело у своего процессуального противника. Для древнегреческих софистов вообще свойственна идея о договорном, искусственном (и потому относительном и условном) характере правовых и нравственных норм и политических систем [1, с. 112–113].

В соответствии с диалектикой мир развивался в единстве и борьбе противоположностей. Диалектические закономерности объективны (т.е. существуют независимо от сознания и воли человека и человечества), они всеобщи и универсальны. Важно не отрываться от материалистической диалектики, не пренебрегать ею, а сознательно применять и в теории, и на практике – в этом верный залог подлинно научного подхода вообще. То есть не следует идеализировать софистический подход: «Человек – мера всех вещей», поскольку существуют объективные диалектические силы вне человека. Учет их объективно необходим и в политике, экономике, культуре и в праве. Так, например, если в уголовном процессе нет диалектики, то превалирует софистика – альтернатива здесь жесткая: или-или, третьего не дано.

Диалектика и объективная истина неотделимы, в том числе и в уголовном процессе. Отсюда следует четко различать объективно-истинный (исследовательский) тип уголовного процесса, который в своей основе диалектичен, и неисследовательский – состязательный (выигрышно-проигрышный) тип уголовного процесса, который софистичен, основан на софистическом подходе: сильный – выигрывает, слабый – проигрывает; кто сильнее – тот и прав.

Самодостаточная состязательность в состязательном процессе исключает объективную истину. Правовой спор ведется по искусственным состязательным правилам игры, таким, как: уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон; функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга; стороны обвинения и защиты равноправны перед судом; в споре (поединке) сторон побеждает сильнейший.

С нашей точки зрения, современный либеральный УПК РФ являет собой состязательный тип уголовного процесса.

По сути, против софистического подхода и всех тех, кто игнорирует *метафизику*, т.е. не признает действия объективных, не зависящих от человека и человечества диалектических закономерностей, направлено следующее образное сравнение гениального диалектика Гегеля: «Экзотерическое учение кантовской философии, гласящее, что *рассудок не в праве перешагивать область опыта*, и что иначе познавательная способность становится *теоретическим разумом*, который сам по себе порождает только *химеры*, – это учение оправдывало с научной стороны отказ от спекулятивного мышления. Содействовали этому популярному учению и вопли новейшей педагогики (требование времени, направляющее взор людей на непосредственные нужды) о том, что подобно тому, как главное для познания – опыт, так и для преуспеяния в общественной и частной жизни теоретическое понимание даже вредно, а существенно, единственно полезно – упражнение и вообще практическое образование. Таким образом, поскольку наука и здравый человеческий смысл способствовали крушению метафизики, казалось, что в результате их общих усилий возникало странное зрелище – *образованный народ без метафизики*, нечто вроде храма, в общем-то, разнообразно украшенного, но без святыни» [2, с. 3–4]. То есть без диалектической идеи, без объективной истины. Диалектика как теория познания и диалектическая логика раскрывают пути и способы достижения объективной истины, т.е. таких результатов познания, которые в полной мере соответствовали бы принципам материального единства мира и правильно отражали существующую реальность [3, с. 184].

Чтобы быть действительно объективным, следователю в своей процессуальной деятельности нужно неуклонно придерживаться правил диалектической

логики о всесторонности, полноте и объективности исследования объекта (фактических обстоятельств уголовного дела), о конкретности истины, о практике как критерии истины; необходимо помнить, что не только результат, но и ведущий к нему путь должны быть истинны, что объективная истина не может состязательно выигрываться, не может презюмироваться, не может возникнуть мгновенно в «готовом виде», но всегда полновесно доказывается, истина – это процесс постепенного постижения…

Далее. Диалектика запрещает стирать различия между противоположностями, например между черным и белым, объектом и субъектом, формой и содержанием, правдой и ложью, истиной и заблуждением, вероятностью и достоверностью, презумпцией невиновности и презумпцией виновности, субъективным и объективным, неотвратимостью ответственности и безнаказанностью, между софистикой и диалектикой.

С нашей точки зрения, состязательный тип уголовного процесса различия между названными диалектическими противоположностями по существу стирает (в отличие от объективно-истинного типа уголовного процесса).

Чем меньше диалектики, тем больше софистики. Именно состязательный уголовный процесс основан на софистическом умении, искусстве стороны выдвигать убедительные доводы, чтобы одержать победу в правовом поединке сторон. При этом важно не достоверное отличие истины от лжи, а важен выигрыш дела сам по себе.

Все относительно, релятивно – вот суть состязательного уголовного процесса (из этого исходили и древнегреческие софисты). Такому уголовному процессу все равно, безразлично, какая из сторон победит, а важно только одно – кто из спорящих убедил суд в своей правоте, кто был сильнее, хотя позиция победителя может и не соответствовать реальной действительности. Состязательный (выигрышно-проигрышный) тип уголовного процесса не предназначен для достоверного отличия истины от лжи, заблуждения (ведь всё относительно!).

Однако уголовный процесс по своей исконно природной сути не должен опираться на принципы релятивизма – все относительно, а должен руководствоваться принципом объективно-истинного, достоверного отличия правды от лжи, истины от заблуждения, действительно виновного от действительно невиновного, вероятности от достоверности, презумпции невиновности от презумпции виновности и т.д. Права личности в уголовном процессе не должны становиться заложниками софистического релятивизма.

Но в состязательном уголовном процессе все отдано на откуп сторонам обвинения и защиты: только от них самих зависит победа или поражение в их поединке. Состязание сторон выявляет (и призвано выявлять) силу сторон, а не истину случившегося.

В состязательном уголовном процессе имеются одни своекорыстные, выигрышные *цели и интерес сторон*, но нет *общей* объективно-истинной цели (достоверное, объективно-истинное установление фактических обстоятельств дела, достоверное раскрытие преступлений). Хотя *общая цель* в уголовном процессе объективно необходима. Без нее уголовный процесс несовершенен – он не диалектичен, а софистичен.

Именно в уголовном процессе с состязательной концепцией происходит подмена диалектики софистикой. Софист выхватывает один из «доводов». А еще Гегель говорил справедливо, что «доводы» («аргументы», «основания») можно подыскать решительно для всего на свете. «Для всего, – пишет Гегель, – можно найти и указать основание, и *хорошее основание* (например, хороший мотив действия) может вызвать какое-нибудь действие или *не вызвать* его, может иметь следствие или *не иметь* его» [4, с. 286].

И далее. Для софистики «характерно не содержание, которое может быть и истинным, а форма оснований, благодаря которой можно как все защищать, так и нападать на все. В наше богатое рефлексией и резонирующее время человек, который не умеет указать хорошего основания для всего, что угодно, даже для самого дурного и превратного, должен быть уже очень недалеким. Все, что есть в мире испорченного, испорчено на хороших основаниях. Апелляция к основаниям, доводам сначала заставляет нас отказаться от того, чего мы придерживались; но когда мы знакомимся на опыте, как обстоит дело с основаниями, то мы становимся глухими к ним, и они перестают нам импонировать [4, с. 185–186]. В отличие от софистики, диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии.

В уголовном процессе, усвоившем диалектику, это естественно-познавательное движение от неизвестного к известному, от тайного к явному, от неустановленного к установленного, от недоказанного к доказанному.

В состязательном же уголовном процессе коренной движущей силой выступает само противоборство сторон за выигрыш дела в свою пользу. Для победы можно использовать и различные софизмы. Ведь разрешено все, что не запрещено законом. Важно «искусство побеждать в спорах». Именно так называется книга Артура Шопенгауэра, выдающегося немецкого философа-иррационалиста [5]. Это руководство по ведению диспутов, написанное в XIX в. и не утратившее своей актуальности в веке XXI, особенно для современного состязательного уголовного процесса (УПК РФ). В этом произведении Шопенгауэр ставит целью победу в споре и дает конкретные рекомендации. По его мнению, для того чтобы одержать победу в споре, необязательно быть фактически правым – нужно лишь использовать правильные приемы. Он приводит более 30 так называемых «уловок», среди которых подмена тезиса, уход от предмета обсуждения в другие сферы, выведение противника из себя, недопущение верных аргументов, если они могут привести к неблагополучным выводам, «пустая игра словами» и так далее.

Вот, например, *уловка* 33. «Эту уловку, – пишет А. Шопенгауэер, – надо употреблять одной из первых. Когда противник на самом деле прав, но на наше счастье приводит плохие доказательства, то легко бывает опровергнуть эти доказательства и объявить эти опровержения опровержением всего тезиса. Суть заключается в том, что мы выдаем аргумент *оппонента* за ар-

гумент по *существу*. И если противнику… случайно не придет на ум хорошее доказательство, тогда мы победили… Вот путь, благодаря которому плохие адвокаты проигрывают хорошие дела, стремясь оправдать их законом, который неприменим в данном случае, и не находя в нем соответствующей статьи» [5, с. 7, 46].

В таких спорах «вся суть, – по словам А. Шопенгауэра, – не в правде, а единственно в одной только победе» [5, с. 34].

С нашей точки зрения, носителем «правды», «объективной истины» может быть только объективно-истинный тип уголовного процесса, а носителем «единственно одной только победы» выступает состязательный тип уголовного судопроизводства.

Справедливо утверждение М.К. Свиридова: «Объективная истина своим характером и методами установления не соответствует состязательному процессу» [6, с. 103]. Михаил Константинович очень тонко подметил, что «выводы, соответствующие признакам формальной и конвенциальной истин, могут использоваться только для принятия промежуточных судебных решений, где не требуется достижение достоверности. Для принятия итоговых судебных решений необходимо устанавливать только объективную (материальную) истину» [6, с. 102].

Как представляется, основополагающая «подмена тезиса», «подмена понятия», характерная для софистики, произошла уже в самом действующем состязательном УПК РФ. Вместо достоверного, объективно-истинного раскрытия преступлений – победа в правовом споре (конфликте) сторон.

Нельзя отождествлять диалектику с софистикой.

В этом плане важны суждения Гегеля: «Не следует… смешивать диалектику с *софистикой*, сущность которой как раз и состоит в том, что она пользуется односторонними и абстрактными определениями в их изолированности, в зависимости от того, какого из этих определений требуют в данный момент интересы индивидуума и то положение, в котором он сейчас находится. Так, например, в практической сфере важно, чтобы я существовал и обладал средствами к существованию. Но если я выдвигаю эту сторону дела, этот принцип моего блага как таковой, и делаю из него вывод, что я имею право красть или изменять отечеству, то это софизм. Точно так же моя субъективная свобода представляет собой существенный принцип моих действий в том смысле, что я должен поступать согласно своему разумению и убеждению. Но если я руководствуюсь *только* этим принципом, то это также софистика, и этим я выбрасываю за борт все принципы нравственности. Диалектика существенно отлична от такого образа действия, ибо она ставит себе целью рассматривать вещи в себе и для себя, т.е. согласно их собственной природе, обнаруживая при этом конечность односторонних определений рассудка» [4, с. 206–207].

Интересны мысли Гегеля о недостаточности одних лишь оснований (доводов, аргументов) для установления истины, поскольку «основание еще не имеет в себе и для себя определенного содержания» [4, с. 284–285]. Основания (доводы, аргументы) можно использовать, как отмечалось, для обоснования чего угодно.

Так, Гегель отмечает, что если мы рассматриваем, например, какой-нибудь поступок, скажем воровство, то оно есть содержание, в котором можно различать несколько сторон. Этот поступок есть нарушение права собственности; однако вор, который нуждался, благодаря этому поступку получил средства для удовлетворения своих потребностей, и может случиться, что тот, которого обокрали, не делал хорошего употребления из своей собственности. Верно, правда, что имевшее здесь место нарушение собственности представляет собой решающую точку зрения, перед которой должны отступить все другие [4, с. 283].

Словом, различных доводов применительно к одному поступку можно выдвигать большое множество, и в каждом из доводов есть свой интерес, своя «правда». Это называется эклектизмом, а не диалектикой. Правильным же, истинным доводом (основанием) для воровства будет лишь один – нарушение права собственности.

Но при софистическом подходе эта главная, решающая сторона воровства с целью выигрыша дела адвокатом вышеупомянутого вора может намеренно не оттеняться или будет выдвигаться любой другой довод в интересах защищаемого им вора, который бы мог смягчить вину вора или привел бы к его оправданию. Так, один адвокат у Достоевского, защищая от обвинения в убийстве с целью грабежа, договорился до того, что грабежа не было и убийства не было.

Другой пример Гегеля, которым он критикует и находит недостаточным формальный закон основания (достаточного основания). «Если солдат бежит с поля сражений, чтобы сохранить свою жизнь он, правда, поступает противно закону, однако нельзя сказать, что основание, побудившее его так поступить, не было достаточным, так как в ином случае он остался бы на своем посту» [4, с. 284].

«Здесь можно ещё заметить, – пишет Гегель, – что останавливаться на одних только основаниях (главным образом в области права и нравственности) свойственно вообще точке зрения и принципу софистов… Софисты выступали в Греции в ту эпоху, когда греков в религиозной и нравственной области перестали удовлетворять одни лишь авторитет и традиции и когда они почувствовали потребность осознать как опосредованное мышление то, что они должны были признавать для себя значимым. Этому требованию софисты пошли навстречу, обучая отыскивать различные точки зрения, с которых можно рассматривать вещи, а эти различные точки зрения суть, прежде всего, не что иное, как основания. Но, как мы заметили раньше, поскольку основание еще не имеет в себе и для себя определенного содержания и можно так же легко находить основания для безнравственных и противоправных действий, как для нравственных и правовых, постольку решение того, какие основания должны быть признанными имеющими значение, оказывается предоставленным субъекту. От его индивидуального умонастроения и индивидуальных намерений зависит, какому основанию он отдаст предпочтение. Этим подрывается объективная почва того, что имеет значимость в себе, того, что всеми признано, и благодаря этой отрицательной стороне

софистики софисты заслуженно получили дурную репутацию… Сократ, как известно, вел борьбу с софистами, но он боролся с ними не тем, что просто противопоставлял их рассуждению авторитет и традиции, а скорее тем, что он диалектически вскрывал несостоятельность одних лишь оснований и в противовес последним выдвигал справедливость и добро, вообще всеобщее или понятие воли» [4, с. 284–285].

Но софистическое учение и течение не остается без внимания и в наши дни. На предрасположенность действующего состязательного УПК РФ к софистике указывает и теоретическая позиция известных ученых – представителей нижегородской школы процессуалистов – А.С. Александрова и В.В. Терехина, точно характеризующих состязательно-выигрышную, «судоговорительную» сущность современного российского уголовного процесса. В своей статье «Пять тезисов из Манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права» авторы предлагают «методологию новой науки об уголовном процессе» [7, с. 8–14]. В этой статье они, в частности, отмечают: «Новая состязательная теория судебных доказательств – это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации… Нет истины (объективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилом их является человек… Мера лживости и истинности “правдоподобного” утверждения любой из сторон в уголовном деле пропорциональна его убедительности… Правосудие – это игра… Судебная истина является гадательной, вероятным значением. Концепция объективной истины – явление зла, порожденное инквизиционной (а значит, тоталитарной) юридической традицией. Мы не принимаем распространенную метафору “отражения”, служащую методологическим базисом для теории объективной истины… Судебная истина есть результат судоговорения (судебной аргументации)…» [7, с. 12–13].

Как представляется, под этими суждениями, признавая их правоту, могли бы смело подписаться и древнегреческие софисты.

Вышеизложенные суждения вполне удовлетворяют и современного законодателя – творца действующего состязательного УПК РФ, поскольку природа данного уголовного процесса, с нашей точки зрения, все-таки софистическая, диалектика в нем не приемлется.

Но непризнание материалистической диалектики не отменяет и не может отменить действия объективных диалектических закономерностей, существование которых подтверждает сам окружающий нас мир и практика. Отсюда учитывающий диалектическую логику объективно-истинный вид уголовного процесса, на наш взгляд, – это более совершенный, более справедливый тип уголовного процесса, чем уголовный процесс состязательного толка, в котором торжествует сильный, а не в действительности правый.

Гегелевская критика софистики доказывает недостаточность и ограниченную ценность уголовного процесса состязательного (выигрышно-проигрышного) типа как процесса недиалектического, не ставящего вопроса о такой необходимой общей цели, как объективная истина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кассиди Ф.Х.* Сократ. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 320 с.
2. *Труфанов С.Н.* «Наука логики» Гегеля в доступном изложении. Самара : Парус, 1999. 192 с.
3. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: Элементный состав : в 2 т. М. : Юрид. Дом «Юстицинформ», 2000. Т. 1. 528 с.
4. *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М. : Мысль, 1974. 452 с.
5. *Шопенгауэр А.* Эристика, Или искусство побеждать в спорах / пер. с нем. М. : ИП Стрельбицкий, 2016. 50 с.
6. *Свиридов М.К.* Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 101–106.
7. *Александров А.С., Терехин В.В.* Пять тезисов из Манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1(16). С. 8–14.

ON DIALECTICAL AND SOPHISTIC APPROACHES IN THE CRIMINAL PROCEDURE (BASED ON HEGEL'S *SCIENCE OF LOGIC*)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 90−94. DOI 10.17223/23088451/11/17

Gennadiy A. Pechnikov, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Volgograd, Russian Federation). E-mail: shme182@list.ru

Keywords: objective-true type of criminal procedure, adversarial type of criminal procedure, dialectics, sophistry, objective truth, relativism.

In the article the author proceeds from the need to clearly distinguish two types of criminal procedure: objective-true (research), which takes into account objective dialectical patterns, and adversarial (win-or-lose), which does not take into account dialectics and is prone to sophistry, for which “the whole point is not in the truth, but in victory alone” in the dispute between the parties, in the ability to look for different reasons (arguments, grounds) to convince the court of its own right. It is shown that sophistry and sophistic relativism are in demand in our time.

The predisposition of the current adversarial RF Code of Criminal Procedure to sophistry is indicated by the theoretical position of well-known scholars, representatives of the Nizhny Novgorod school of processualists, A.S. Alexandrov and V.V. Terekhin. They accurately characterise the adversarial winning essence of the modern Russian criminal procedure. This position quite satisfies the modern legislator – the creator of the current adversarial Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Since the nature of the criminal procedure, in the author's opinion, is still sophistic, dialectics is not accepted in it.

However, the criminal procedure should not be based on the principles of relativism, but should be guided by the principle of an objective-true, authentic distinction of truth from lies, truth from error, the really guilty from the truly innocent, probability from reliability, presumption of innocence from presumption of culpability, etc. Individual rights in the criminal procedure should not become hostages to sophistic relativism.

The non-recognition of materialistic dialectics does not and can not abolish the actions of objective dialectical regularities, the existence of which is confirmed by the world around us and practice. Hence, the objective-true form of the criminal procedure, in the author's opinion, is a more perfect, more fair type of criminal procedure than the adversarial criminal procedure in which the triumph belongs to the strong, not to the right.

References

1. Kassidi, F.Kh. (1999) *Sokrat* [Socrates]. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Trufanov, S.N. (1999) *"Nauka logiki" Gegelya v dostupnom izlozhenii* [Hegel's "Science of Logic" in an accessible presentation]. Samara: Izd-vo Parus.
3. Syrykh, V.M. (2000) *Logicheskie osnovaniya obshchey teorii prava: Elementnyy sostav. V 2-kh tomakh* [Logical foundations of the general theory of law: Elemental composition. In 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Yurid. Dom "Yustitsinform".
4. Hegel, G. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
5. Schopenhauer, A. (2016) *Evristika, Ili iskusstvo pobezhdat' v sporakh* [The Art of Controversy]. Translated from German. Moscow: IP Strel'bitskiy.
6. Sviridov, M.K. (2013) The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (8). pp. 101–106. (In Russian).
7. Aleksandrov, A.S. & Terekhin, V.V. (2015) Pyat' tezisov iz Manifesta kriticheskikh pravovykh issledovaniy russkogo ugolovno-protsessual'nogo prava [Five theses from the Manifesto of Critical Legal Studies of the Russian Criminal Procedure Law]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*. 1(16). pp. 8–14.

УДК 343.1 DOI 10.17223/23088451/11/18

Д.П. Попов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена такому проблемному вопросу отечественного уголовного судопроизводства, как уголовно-процессуальная функция, которую осуществляет следователь. Исследуется теоретический, практический и законодательный подход к определению процессуальной функции следователя. Обращается внимание на ошибочность позиции современного законодателя в части включения следователя в состав участников уголовного судопроизводства, осуществляющих функцию обвинения.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальная функция, следователь, уголовное преследование, обвинение, функция предварительного расследования.*

Вопрос об уголовно-процессуальной функции следователя в отечественном уголовном судопроизводстве является одним из самых дискуссионных на протяжении продолжительного времени. Проблема определения процессуальной функции, которую выполняет следователь, существует как в теории и законодательстве об уголовном судопроизводстве, так и в правоприменительных актах высших органов судебной власти.

Теоретический аспект дискуссии. В дореволюционной России процессуалисты отмечали, что в лице судебного следователя сосредоточены функции как обвинителя, так и защитника. На следователя возлагалось приведение в известность как уличающих, так и оправдывающих обвиняемых доказательств [1]. Судебный следователь не причислялся к органам обвинительной власти, а был поставлен в более беспристрастное положение [2].

В советский период развития науки отмечалось, что в ходе предварительного следствия следователь осуществляет уголовное преследование, поскольку он привлекает гражданина к уголовной ответственности, изобличает обвиняемого и применяет к нему принудительные меры (меры пресечения) [3].

В современной теории мнения специалистов о процессуальной функции следователя не имеют единого понимания и располагаются в достаточно широком диапазоне. Концепции представителей современного определения уголовно-процессуальной функции следователя можно разделить на два подхода: первый – следователь осуществляет исключительно обвинительную функцию, второй – следователь осуществляет функцию расследования.

В рамках первого подхода утверждается, что, организуя раскрытие преступлений, возбуждая уголовное дело, осуществляя сбор обвинительных доказательств, следователь выполняет своё главное предназначение – осуществляет функцию уголовного преследования [4]. Конечной целью функции уголовного преследования является установление факта существования уголовно-правового конфликта и его разрешение посредством формулирования законного и обоснованного обвинительного тезиса, либо констатации факта отсутствия для того оснований или возможности разрешения уголовно-правового конфликта иными законными средствами [5].

Представители второго подхода указывают, что следователь в уголовном процессе выполняет самостоятельную функцию предварительного расследования [6], которая не является ни обвинительной, ни оправдательной. Основные элементы функции расследования – всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела [7]. Органы предварительного расследования, осуществляя объективное расследование, сочетают в своей деятельности функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела [8]. Аналогичной позиции, придерживаются и другие учёные [9–11].

Из приведённых позиций следует, что в ходе досудебного производства следователь осуществляет: 1) функцию уголовного преследования; 2) функцию предварительного расследования; 3) функцию объективного расследования, сочетая функции обвинения, защиты и разрешения дела.

Не менее противоречивым положение функции, осуществляемой следователем, выглядит и в правовых позициях Конституционного Суда РФ.

Эмпирические представления об уголовно-процессуальной функции следователя. В Постановлении от 28.11.1996 г. № 19-П КС РФ указал, что «возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения перед судом является задачей специальных органов – дознания, предварительного следствия и прокуратуры…». В определении от 07.10.1997 г. № 88-О КС РФ приходит к выводу, что «Функция осуществления публичного обвинения, независимо от различий в установленных законом процессуальных формах, возлагается на органы дознания, предварительного следствия и прокуратуры… Из определения КС РФ от 08.12.2011 г. № 1627-О-О следует, что «Дознаватель, следователь и прокурор, осуществляя доказывание, обязаны принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления, с соблюдением принципов законности при производстве по уголовному делу, а также охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве».

Из приведённых решений Конституционного Суда РФ можно заключить, что следователь в ходе досудеб-

ного производства по уголовному делу осуществляет: 1) функцию уголовного преследования; 2) функцию публичного обвинения; 3) функцию доказывания виновности; 4) функцию доказывания невиновности; 5) функцию охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем, является ли каждое из перечисленных направлений деятельности следователя процессуальной функцией? Если да, то какое из этих направлений является для следователя «генеральным, основным»? Или перечисленные направления, в их системном единстве и взаимной связи, по смыслу, придаваемому ст.ст. 73, 421 и 434 УПК РФ, образуют основные обязанности следователя? Если это так, то возникает вопрос, какую уголовно-процессуальную функцию выполняет следователь в ходе досудебного производства по уголовному делу?

Ответ на перечисленные вопросы был бы преждевременным без обращения к анализу действующего УПК РФ и ведомственных НПА.

Функция следователя в контексте действующих НПА. Статья 38 УПК РФ, определяет следователя как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции, предусмотренной законом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Как видно, легитимное определение правового статуса следователя не даёт убедительных оснований вести суждения о доминировании обвинительной функции в его процессуальной деятельности. Исключают такие суждения и совокупность иных, взаимосвязанных положений УПК РФ, например ст.ст. 14, 24, 27, ч. 2 ст. 38, 73, ч. 2 ст. 175, ст. 421 и ст. 434 УПК РФ.

Ревизия основных положений ведомственных нормативных актов также свидетельствует об унитарном (автономном) правовом положении следователя и осуществляемой им функции.

Так, в соответствии с п. 1 Приказа председателя Следственного комитета РФ от 15.01.2011 г. № 2 «...в пределах установленных полномочий и решении задач в сфере уголовного судопроизводства сконцентрировать усилия на раскрытии каждого преступления, полном, всестороннем и объективном его расследовании, выявлении и устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления».

Согласно п. 5 ч. 2 Положения о следственном комитете при МВД РФ, утверждённого приказом МВД РФ от 24.06.2005 г. № 500, в число основных задач Следственного комитета входит организационно-методическое руководство деятельностью органов предварительного следствия в целях обеспечения всестороннего, полного и объективного расследования преступлений, отнесенных к подследственности следователей органов внутренних дел.

Можно предположить, что обязанность следователя проводить полное, всестороннее и объективное расследование исчезла с принятием в 2001 г. УПК РФ или трансформировалась на подзаконный, но не менее обязательный для следователя уровень. Однако такое утверждение не было бы основанным на законе, поскольку ряд его положений прямо предусматривает обратное, например, «Предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в *целях обеспечения его полноты, объективности…*» (ч. 4 ст. 152 УПК РФ), «Выделение уголовного дела в отдельное производство для завершения предварительного расследования допускается, если это не отразится *на всесторонности и объективности предварительного расследования* и разрешения уголовного дела…» (ч. 2 ст. 154 УПК РФ).

Применение методов абстрагирования и идеализации позволяет нам мысленно допустить существование такой идеализированной законодательной конструкции, которая бы сконцентрировала указанные нормы УПК РФ и ведомственных НПА в рамках одной, к примеру, Главы 6.1. УПК РФ «*Участники уголовного судопроизводства, осуществляющие функцию предварительного расследования*», возложив тем самым функцию расследования на следователя. Синтез данных норм в рамках указанной главы: 1) раскрыл бы подлинную сущность правового статуса следователя; 2) определил характер осуществляемой им функции с преимущественной ориентацией на проведение полного, всестороннего и объективного расследования по уголовному делу; 3) поставил бы точку в многолетних спорах по данной проблеме.

Тем не менее отсутствие специальной главы в УПК РФ, посвященной следователю и осуществляемой им функции, свидетельствует лишь о собирательности данного понятия.

Собирательность понятия функции предварительного расследования устраняется системным толкованием приведённых норм, которое позволяет заключить, что, обладая процессуальной самостоятельностью (ч. 2 ст. 38 УПК РФ), следователь полно, всесторонне и объективно (ст.ст. 152 и 154 УПК РФ, ведомственные НПА) устанавливает и исследует обстоятельства уголовного дела (ст. 73, 421, 434 УПК РФ). Установив и исследовав предмет доказывания, следователь принимает решения, предусмотренные ст.ст. 24 или 27, либо ст.ст. 171 или 175 УПК РФ [12], т.е. продолжая, изменяя или прекращая ход своей процессуальной деятельности.

Таким образом, мы придерживаемся теоретических концепций тех авторов, которые считают, что в ходе досудебного производства следователь фактически осуществляет только одну, присущую ему функцию – функцию предварительного расследования. Обвинение, защита и разрешение дела, являясь элементами функции предварительного расследования и образуя самостоятельные виды направлений деятельности следователя, являются закономерным следствием его процессуальной деятельности по полному, всестороннему и объективному установлению и исследованию обстоятельств уголовного дела.

В контексте задач, которые мы поставили в целях настоящего исследования, интересными представляются решения Конституционного Суда РФ от 15.09.2015 г. № 1829-О и от 08.12.2003 г. № 18-П.

В определении от 15.09.2015 г. № 1829-О КС РФ указал «Основной целью деятельности Следственного комитета РФ является осуществление предварительно-

го расследования по уголовным делам, отнесенным к его подследственности в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Такая деятельность осуществляется в публичных интересах, а лица, которые проходят службу в Следственном комитете РФ, выполняют конституционно значимые функции… Принятие Присяги означает, что лицо, принимаемое на службу, выражает готовность… соблюдать Конституцию РФ, законы и международные обязательства РФ, не допуская малейшего от них отступления; непримиримо бороться с любыми нарушениями закона, кто бы их ни совершил, и добиваться высокой эффективности и беспристрастности предварительного расследования; активно защищать интересы личности, общества и государства; соблюдать объективность и справедливость при решении судеб людей… дорожить своей профессиональной честью, быть образцом неподкупности, моральной чистоты, скромности».

Использование Конституционным Судом в тексте определения таких словосочетаний, как: деятельность в публичных интересах; конституционная значимость; высокая эффективность и беспристрастность предварительного расследования; защита интересов личности, общества и государства; объективность и справедливость при решении судеб людей – позволяет нам сделать следующий вывод. Осуществляя функцию предварительного расследования, строго соблюдая нормы действующего законодательства, следователь принимает все предусмотренные законом меры, используя предоставленные ему законом средства для проведения полного, объективного и всестороннего расследования по уголовному делу, в целях защиты конституционных прав и свобод лиц, вовлечённых в сферу уголовного судопроизводства независимо от их процессуального положения.

В п. 2.2. Постановления от 08.12.2003 г. № 18-П КС РФ также сформулировано важное положение: «В соответствии с установленным в РФ порядком уголовного судопроизводства предшествующее рассмотрению дела в суде досудебное производство призвано служить целям полного и объективного судебного разбирательства по делу. В результате проводимых в ходе предварительного расследования следственных действий устанавливается и исследуется большинство доказательств по делу, причем отдельные следственные действия могут проводиться только в этой процессуальной стадии. Именно в досудебном производстве происходит формирование обвинения, которое впоследствии становится предметом судебного разбирательства и определяет его пределы».

По смыслу данного решения, полнота и объективность судебного разбирательства возможны при условии, если в ходе досудебного производства по уголовному делу полно, всесторонне и объективно установлены и исследованы все обстоятельства [13], которые определяют в дальнейшем предмет и пределы справедливого судебного разбирательства.

В связи с проведённым анализом теории, законодательства, ведомственных НПА и решений КС РФ, мы полагаем, что деятельность «до суда и для суда» [14] не может осуществляться при руководящей роли функции обвинения, поскольку эта деятельность заведомо создаёт предпосылки несправедливого судебного разбирательства и делает невозможным достижение назначения уголовного судопроизводства.

Изложенное в настоящем исследовании позволяет сформулировать следующие суждения-выводы:

1. Основной конституционно значимой и публично осуществляемой функцией следователя в уголовном судопроизводстве является функция предварительного расследования.

2. Функция предварительного расследования представляет собой общую (обобщенную) модель предусмотренных законом направлений уголовно-процессуальной деятельности следователя, осуществляемых им в ходе досудебного производства по уголовному делу, определяющих его правовой статус, полномочия и задачи, которые ориентируют его на полное, всестороннее и объективное установление и исследование всех обстоятельств уголовного дела, с помощью средств, предоставленных ему законом, в целях принятия законного и обоснованного итогового процессуального решения, свидетельствующего о достижении назначения уголовного судопроизводства на данном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. Т. 2 // Электронная библиотека Суд присяжных. URL: http://jurytrial.ru (дата обращения: 28.11.2017).
2. *Квачевский А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений // Электронная библиотека Суд присяжных. URL: http://jurytrial.ru (дата обращения: 28.11.2017).
3. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. С. 191.
4. *Кузнецова С.М.* Следователь в состязательном досудебном производстве по уголовному делу : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Барнаул, 2005. С. 7.
5. *Баев О.Я.* Следователь (основы теории и практики деятельности). Прометей, 2017. С. 54–55. URL: https://play.google.com/books/reader?printsec=frontcover&output=reader&id=g8PcDgAAQBAJ&pg=GBS.PT1 (дата обращения: 02.08.2017).
6. *Лавдаренко Л.И.* Функция следователя в российском уголовном процессе: проблемы реализации, перспективы развития : дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2001. С. 9.
7. *Бабич А.В.* Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 9.
8. *Гуськова А.П.* К вопросу об уголовно-процессуальной функции следователя // Вестник Оренбургского государственного ун-та. 2013. № 3. С. 62.
9. *Чеботарева И.Ю.* Уголовно-процессуальная функция контроля в иерархической системе иных конкурирующих функций, осуществляемых должностными лицами государственных органов в досудебном производстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2016.

10. *Савченко А.Н., Сергеев А.Б.* И вновь к вопросу об объективной истине в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс: от прошлого к будущему : материалы Междунар. науч.-практич. конф. 2014. С. 162–165.
11. *Ванин Д.В.* Расследование преступлений, как самостоятельная функция следователя в российском уголовном процессе // Молодой учёный. 2015. № 8 (88). С. 708.
12. *Сергеев А.Б.* Состояние и перспективы научного разрешения проблем дифференциации и унификации форм уголовно-процессуальных производств // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 20 (349). С. 119–124.
13. *Никулочкин Е.О., Сергеев А.Б.* Главные и доказательственные факты в системе доказательственного права: соотношение и взаимообусловленность // Социум и власть. 2012. № 3 (35). С. 199–203.
14. *Деришев Ю.В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2005. С. 382.

THEORETICAL AND EMPIRICAL PROBLEMS OF DETERMINING THE PROCEDURAL FUNCTION OF THE INVESTIGATOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 95−98. DOI 10.17223/23088451/11/18
Denis P. Popov, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: criminal procedural function, investigator, criminal prosecution, accusation, preliminary investigation function.

The main constitutionally significant and publicly performed function of the investigator in criminal proceedings is the function of preliminary investigation. Preliminary investigation is a general (generalised) model of the investigator's criminal procedural activity provided for by the law and carried out by the investigator during the pre-trial proceedings in the criminal case. It determines the investigator's legal status, powers and tasks so that the investigator could provide a full, comprehensive and objective determination and investigation of all the circumstances of a criminal case by means provided by law with the purpose to adopt a legitimate and justified final procedure decision, evident of the appointment of criminal proceedings at this stage.

References

1. Foynitskiy, I.Ya. (1896) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva: v 2 t.* [The Course of Criminal Proceedings: in 2 vols]. Vol. 2. [Online] Available from: http://jurytrial.ru. (Accessed: 28.11.2017).
2. Kvachevskiy, A. (1867) *Ob ugolovnom presledovanii, doznanii i predvaritel'nom issledovanii prestupleniy* [On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes]. [Online] Available from: http://jurytrial.ru. (Accessed: 28.11.2017).
3. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The Course of the Soviet Criminal Process]. Moscow: Nauka.
4. Kuznetsova, S.M. (2005) *Sledovatel' v sostyazatel'nom dosudebnom proizvodstve po ugolovnomu delu* [The investigator in the adversarial pre-trial proceedings in the criminal case]. Abstract of Law Cand. Diss. Barnaul.
5. Baev, O.Ya. (2017) *Sledovatel' (osnovy teorii i praktiki deyatel'nosti)* [Investigator (the theory and practice of activity)]. Moscow: Prometey. pp. 54–55. [Online] Available from: https://play.google.com/books/reader?printsec=frontcover&output= reader&id=g8PcDgAAQBAJ&pg=GBS.PT1. (Accessed: 02.08.2017).
6. Lavdarenko, L.I. (2001) *Funktsiya sledovatelya v rossiyskom ugolovnom protsesse: problemy realizatsii, perspektivy razvitiya* [Function of the investigator in the Russian criminal process: implementation problems, development prospects]. Law Cand. Diss. Vladivostok.
7. Babich, A.V. (2012) *Protsessual'naya samostoyatel'nost' i nezavisimost' sledovatelya kak osnova ego statusa v ugolovnom sudoproizvodstve* [The procedural independence and independence of the investigator as the basis of their status in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
8. Guskova, A.P. (2013) K voprosu ob ugolovno-protsessual'noy funktsii sledovatelya [On the criminal procedural function of the investigator]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 3. p. 62.
9. Chebotareva, I.Yu. (2016) *Ugolovno-protsessual'naya funktsiya kontrolya v ierarkhicheskoy sisteme inykh konkuriruyushchikh funktsiy, osushchestvlyaemykh dolzhnostnymi litsami gosudarstvennykh organov v dosudebnom proizvodstve* [The criminal procedural function of control in the hierarchical system of other competing functions carried out by officials of state bodies in pre-trial proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
10. Savchenko, A.N. & Sergeev, A.B. (2014) [Again on the objective truth in criminal proceedings]. *Ugolovnyy protsess: ot proshlogo k budushchemu* [Criminal Process: From Past to Future]. Proc. of the International Conference. Moscow. March 21, 2014. pp. 162–165. (In Russian).
11. Vanin, D.V. (2015) Rassledovanie prestupleniy, kak samostoyatel'naya funktsiya sledovatelya v rossiyskom ugolovnom protsesse [Investigation of crimes as an independent function of the investigator in the Russian criminal trial]. *Molodoy uchenyy*. 8(88). pp. 708.
12. Sergeev, A.B. (2014) State and prospects of solving the problems of differentiation and unification of the forms of criminal proceedings. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 20(349). pp. 119–124. (In Russian).
13. Nikulochkin, E.O. & Sergeev, A.B. (2012) The principal and evidentiary facts in the law of evidence: correlation and interdependence. *Sotsium i Vlast' – Society and Power*. 3(35). pp. 199–203.
14. Derishev, Yu.V. (2005) *Ugolovnoe dosudebnoe proizvodstvo: kontseptsiya protsedurnogo i funktsional'no-pravovogo postroeniya* [Criminal pre-trial production: the concept of procedural and functional-legal construction]. Law Dr. Diss. Omsk.

УДК 343.137 DOI 10.17223/23088451/11/19

А.В. Пиюк

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С УПЛАТОЙ СУДЕБНОГО ШТРАФА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ Уголовно-процессуальный кодекс РФ дополнен главой 51.1 УПК, регламентирующей процедуру прекращения уголовного дела с уплатой судебного штрафа. Автор анализирует положения, регулирующие вопросы прекращения уголовного преследования и проблемы их практического применения. Обращается внимание на отсутствие у суда реальных механизмов, позволяющих принять законное и обоснованное решение. Предлагается передать вопросы освобождения от уголовной ответственности в ведение прокурора, оставив за судом контрольную функцию, либо предоставить обвиняемому, не согласному с предложением прокурора, в добровольном порядке уплатить штраф либо совершить иные позитивные постпреступные действия, право на рассмотрение его уголовного дела в обычном порядке.

Ключевые слова: *уголовный процесс, суд, прокурор, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования.*

Как известно, развитие уголовного процесса России в современный период связывается с необходимостью его рационализации и выбором оптимальных процедур разрешения уголовных дел.

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ УПК РФ дополнен положениями главы 51.1 УПК РФ, регулирующими альтернативный способ разрешения уголовных дел – производство по назначению меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, предусматривающий прекращение уголовного преследования с уплатой судебного штрафа. Кроме того, с введением нового производства были дополнены и иные разделы УПК, ст. 25.1 УПК РФ установлено, что суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, в порядке, установленном настоящим Кодексом, в случаях, предусмотренных ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и назначить данному лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) одновременно с изменениями УПК РФ добавлена ст. 76.2 УК РФ, устанавливающая, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Очевидно, что положения УК и УПК, регламентирующие уплату судебного штрафа, призваны, по замыслу законодателя, как и нормы главы 40 УПК РФ, разгрузить судебную систему. Позволим себе высказать некоторые мнения о проблемах и перспективах применения данного института.

Известно, что п. 25.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» установлено, что судья при изучении представленных материалов и рассмотрении ходатайства о применении судебного штрафа должен убедиться в том, что выдвинутое в отношении лица подозрение или предъявленное лицу обвинение в совершении преступления небольшой или средней тяжести обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, и в материалах содержатся достаточные сведения, позволяющие суду принять итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Пунктом 25.4 этого же Постановления судам рекомендовано разрешать ходатайства о прекращении дела с уплатой судебного штрафа в порядке ч. 6 ст. 108 УК РФ.

Достаточно очевидно также, на наш взгляд, что реализовать требования, предъявляемые высшей судебной инстанцией, без судебного исследования доказательств вряд ли возможно, в этой связи уместно привести мнение М.К. Свиридова о том, что в силу специфики предварительного расследования формирование ценности доказательств (главным образом, такого их качества, как достоверность) завершается лишь в стадии судебного разбирательства посредством исследования их на новой, более качественной основе, в связи с чем окончательные выводы органа расследования по уголовному делу следует считать только вероятными, достоверное же знание может быть получено лишь в судебном заседании. Автор считает, что на основе выводов органа расследования нельзя разрешать уголовное дело по нереабилитирующим основаниям [1, с. 8].

Статья 25.1 УПК РФ не относит обвиняемого и потерпевшего к субъектам, имеющим право обратиться к суду с ходатайством о прекращении дела с уплатой судебного штрафа на стадии предварительного расследования. В целом, это логично, уголовное дело находится в производстве органа расследования, которому необходимо время, чтобы установить главное: наличие

факта совершения преступления и виновность совершившего преступление лица. Лишь после этого, как предполагается, можно разрешать иные вопросы, в частности, оценивать общественную опасность преступления, поведение обвиняемого и т.д.

Полагаем, что положения главы 51.1 УПК РФ эффективно работать не будут до тех пор, пока качество работы органов предварительного расследования оценивается по количеству расследованных и направленных ими в суд с обвинительным заключением (актом) уголовных дел. Как правило, следователи и дознаватели либо вообще не рассматривают ходатайства потерпевших, которым возмещен вред, а равно обвиняемых, этот вред загладивших, либо разъясняют им право заявить ходатайство в суде. Не лишне будет упомянуть, что с момента принятия изменений в УПК РФ в Тюменской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах было всего 177 случаев применения положений главы 51.1 УПК РФ. Статистика по РФ также весьма красноречива, к примеру, в первом полугодии 2017 г. из 442 811 уголовных дел с назначением судебного штрафа прекращено 5 725, то есть около 1 %.

Представляется, что процедура уплаты судебного штрафа по соглашению могла быть эффективной в РФ, если бы предложение об уплате штрафа в суд вносил, как, например, во Франции, прокурор [2, с. 337], на которого в этом случае было бы целесообразно возложить обязанность рассматривать ходатайства потерпевшего и обвиняемого в досудебном порядке и принимать решение об их поддержке либо отклонении. Возможна также процедура, при которой прокурор по окончании расследования во избежание судебного преследования предлагал бы обвиняемому, совершившему малозначительное деяние, уплатить определенный штраф либо выполнить какие-либо позитивные действия (общественные работы и т.д.), как, например, делается в Бельгии, Нидерландах и некоторых других государствах [3, с. 9]. В случае принятия обвиняемым предложения прокурора уголовное дело вообще бы не поступало в суд, в случае же отказа обвиняемого уголовное дело подлежало бы рассмотрению в суде с соблюдением всех процессуальных гарантий.

Предвидим возражения правоведов, поддерживающих мнение о том, что ограничивать граждан в правах и налагать на них меры уголовно-правовой ответственности в цивилизованном обществе вправе только суд. Более того, надеемся, что и отечественный законодатель, вводя нормы главы 51.1 УПК РФ, исходил из этих же соображений.

В этой связи нельзя не вспомнить полемику, развернувшуюся по данному вопросу между двумя выдающимися российскими процессуалистами: И.В. Михайловским и П.П. Пусторослевым. Поводом к ней послужила диссертация И.В. Михайловского «К вопросу об упрощении суммарного уголовного процесса», представленная им для получения степени приват-доцента Императорского Юрьевского университета в 1903 г. Анализируя упрощенные формы разрешения малозначительных уголовных дел, существовавшие в странах Европы (к которым и в то время относились подобные современным процедурам судебные карательные приказы, предложение полиции отбыть наказание или уплатить штраф без передачи малозначительного дела в суд и др.), И.В. Михайловский, критикуя их, указал, что «гражданин может быть принудительным путем подвергнут стеснению или ограничению своих прав только независимым и авторитетным судом при соблюдении всех выработанных наукой гарантий правосудия», подобное положение автор назвал «величайшим из принципов общежития» [4, с. 16]. П.П. Пусторослев, ординарный профессор Юрьевского университета, в своем отзыве на диссертацию отметил, что утверждение И.В. Михайловского «представляет собой несомненное преувеличение. Такого принципа не признает и не может признать ни одно культурное государство, если только оно действительно дорожит благосостоянием своего народа» [5, с. 19]. Еще ранее в отзыве, критикуя методику исследования, П.П. Пусторослев указал, что «наилучшие гарантии основательности и правомерности правосудия, как известно, не совместимы с наилучшими гарантиями быстроты. Ввиду этого, наука и культурные законодатели, строя уголовные суды и судопроизводство, предназначенные к отправлению уголовного правосудия по важным уголовным правонарушениям… отдают предпочтение наилучшим гарантиям основательности и правомерности правосудия, и соединяют их, по мере возможности, с достаточными, но менее сильными гарантиями быстроты. Строя же уголовное суды и судопроизводство… по легким уголовным делам, наука и культурные законодатели… отдают преимущество наилучшим гарантиям быстроты правосудия и соединяют их с хорошими гарантиями основательности и правомерности» [5, с. 5].

Позволим высказать собственные соображения. Представляется, в современный период, в связи с еще большим, чем во времена И.В. Михайловского и П.П. Пусторослева, усложнением и увеличением числа общественных отношений, обеспечить разрешение уголовного дела непосредственно судом по всем, в том числе и малозначительным правонарушениям, с соблюдением всех процессуальных гарантий вряд ли возможно. Оговоримся, что мы ведем речь о деятельности, в результате которой гражданин должен быть, в случае установления его виновности, либо привлечен к ответственности, либо, при отсутствии виновности, оправдан, то есть о правильном, справедливом разрешении дела, о правосудии.

Вместе с тем для достижения цели и задач уголовного судопроизводства, для поддержания стабильности общества и государства насущно необходимо, чтобы и маловажные, незначительные правонарушения не оставались без соответствующего реагирования, чтобы они разрешались быстро и правильно, чтобы виновный был установлен и наказан (либо освобожден от наказания), а невиновный не был привлечен к ответственности.

Из этих простых посылок и следует исходить. Стоит подумать, необходимо ли судебное производство там, где суд в силу ограниченности предоставленных ему процессуальных средств либо в силу большого количества уголовных дел не сможет принять обосно-

ванное судебное решение и не лучше ли будет при таких условиях отдать разрешение подобных вопросов в компетенцию прокурора?

Еще раз отметим глобальность рассматриваемого вопроса, разные государства, как известно, разрешают его по-разному.

К примеру, согласно ст. 216.2 Кодекса уголовного расследования Бельгии, во избежание судебного разбирательства по всем делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, обвиняемый, не отрицающий своей вины и уплативший устанавливаемую в каждом конкретном случае сумму (если преступлением причинен вред только интересам государства), а также полностью возместивший ущерб потерпевшему (если вред причинен интересам частного лица), освобождается от уголовной ответственности с прекращением дела в досудебной стадии уголовного процесса. Примерно треть всех уголовных дел, поступающих из полиции в прокуратуру, разрешаются именно таким способом [2, с. 337]. В Израиле с 2000 г. полиция, закончив расследование по уголовному делу, передает дело в прокуратуру либо в отдел обвинения полиции. Обвинительный орган в случае получения из полиции уголовного дела обязан оповестить об этом подозреваемого и уведомить его, что в течение тридцати дней он имеет право обратиться с мотивированной просьбой о невынесении против него обвинительного заключения. Данное право относится лишь к категории уголовных дел, наказание за которые не превышает три года лишения свободы. Обращение в обвинительный орган дает возможность подозреваемому изложить свою точку зрения на происшедшее, дать юридическую оценку ситуации, убедить в малозначительности случившегося либо признать факт правонарушения и согласиться выполнить определенные действия. В результате большое количество уголовных дел не доходит до судебных слушаний и прекращается после выполнения обвиняемых каких-либо положительных действий – уплаты штрафа, выполнения определенных работ и т.д. [6].

Отличие порядков, применяемых в Бельгии, Израиле и ряде других государств, в том, что решение о назначении штрафа либо о выполнении каких-либо действий принимается без участия суда, в этом есть определенное рациональное зерно, гражданину предоставлен выбор: согласиться с утверждением прокурора (и полиции) либо настаивать на передаче своего дела в суд. Да, можно сказать, что гражданин может согласиться с необоснованным обвинением под влиянием каких-либо факторов – недостаточности средств, отсутствия веры в то, что органы государства разберутся в его деле и т.д. Вместе с тем представляется, что выбор невелик: те же упреки гражданин может высказать и судье, не имеющему возможности установить реальную картину либо в результате большого объема работы, либо просто в силу отсутствия процессуальных механизмов исследования доказательств (в этой связи можно вспомнить не только нормы главы 51.1 УПК РФ, но и главы 40 УПК РФ, а также ст. 90 УПК РФ).

В конструкциях, которые применяет современный отечественный законодатель, логичнее, чтобы прокурор являлся определенным «промежуточным звеном» между обвиняемым и судом, разрешая в ряде случаев в том числе и вопросы, отнесенные ныне к категории «судебных», выступая в роли своеобразного «представителя правосудия» [7, с. 286–287]. Здесь, помимо очевидных, может возникнуть еще множество вопросов, наиболее важным из которых является вопрос о том, какое отношение суд должен занимать по отношению к прокурору: должен ли он быть по сути контрольным органом и «второй инстанцией», как, к примеру, во Франции, либо деятельность суда должна носить характер правосудия. Возможно и то и другое (и даже разумное сочетание разных видов деятельности), нам более импонирует вариант, при котором гражданин, не согласный с предложением прокурора добровольно уплатить штраф либо выполнить иные позитивные постпреступные действия, имеет право на рассмотрение его дела независимым, беспристрастным, не перегруженным работой и не ограниченным в своих возможностях судом, призванным качественно выполнять свою основную деятельность – осуществление правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свиридов М.К.* Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 51 / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 7–8.
2. *Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. М. : Зерцало-М, 2002. 480 с.
3. *Калугин А.Г., Монид М.В.* Компромисс в уголовном судопроизводстве. Красноярск : СибЮИ МВД РФ, 2008. 120 с.
4. *Михайловский И.В.* К вопросу об упрощении суммарного уголовного процесса // Вестник права. 1903. Кн. 2–3. С. 1–39.
5. *Пусторослев П.П.* Отзыв о сочинении И.В. Михайловского «К вопросу об упрощении суммарного уголовного процесса» // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев : Тип. К. Матиссена, 1903. С. 1–34.
6. *Раскин А.* Страна сегодня. Судопроизводство Израиля. 2004–2016. URL: http://www.strana.co.il/1233996 (дата обращения: 19.09.2017).
7. *Воронин О.В.* Прокурорский надзор в Российской Федерации : учеб. пособие. Томск : Изд-во НТЛ, 2008. 428 с.

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY WITH PAYMENT OF JUDICIAL PENALTY: PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE PROCEDURAL INSTITUTION APPLICATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 99−102. DOI 10.17223/23088451/11/19

Aleksey V. Piyuk, Megion City Court, (Megion, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: criminal procedure, court, prosecutor, termination of criminal case, termination of criminal prosecution.

The procedure for payment of a judicial penalty by agreement could be effective in the Russian Federation if the proposal to pay a fine to the court was made, as, for example, in France, by a prosecutor. In this case it would be appropriate to impose an obligation on the prosecutor to examine the petitions of the victim and the accused in the pre-trial proceedings, and to decide on their support or rejection. A procedure is also possible in which the prosecutor, at the end of the investigation, in order to avoid prosecution, would suggest that the accused who committed a minor act pay a certain fine or perform any positive actions (public works, etc.), as it is done in Belgium, the Netherlands and some other states. If the accused accepts the proposal of the prosecutor, the criminal case would not have come to court at all; if the accused refuses, the criminal case would have to be examined in court in compliance with all procedural guarantees.

References

1. Sviridov, M.K. (2011) Ustanovlenie istiny na predvaritel'nom rassledovanii i v sudebnom razbiratel'stve [Establishment of truth in preliminary investigation and in a trial]. In: Sviridov, M.K. & Yakimovich, Yu.K. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 51. Tomsk: Tomsk State University.
2. Gutsenko, K.F., Golovko, L.V. & Filimonov, B.A. (2002) *Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv* [The criminal procedure of Western states]. Moscow: Zertsalo-M.
3. Kalugin, A.G. & Monid, M.V. (2008) *Kompromiss v ugolovnom sudoproizvodstve* [Compromise in criminal proceedings]. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
4. Mikhaylovskiy, I.V. (1903) K voprosu ob uproshchenii summarnogo ugolovnogo protsessa [On the issue of simplifying the summary criminal procedure]. *Vestnik prava*. 2–3. pp. 1–39.
5. Pustoroslev, P.P. (1903) Otzyv o sochinenii I.V. Mikhaylovskogo "K voprosu ob uproshchenii summarnogo ugolovnogo protsessa" [Review on the work of I.V. Mikhailovsky "On the simplification of the summary criminal procedure"]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. Yuriev: Tip. K.Matissena. pp. 1–34.
6. Raskin, A. (2016) Strana segodnya. Sudoproizvodstvo Izrailya. Elekt. dannye 2004–2016 [Country today. Judicial Proceedings of Israel. Elect. Data 2004–2016]. [Online] Available from: http://www.strana.co.il/1233996. (Accessed: 19.09.2017).
7. Voronin, O.V. (2008) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii* [Prosecutor's supervision in the Russian Federation]. Tomsk: NTL.

УДК 343.155 DOI 10.17223/23088451/11/20

А.А. Рукавишникова

ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБЖАЛОВАНИЯ И ПРОВЕРКИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЗАКОНЫ В СВЯЗИ С СОЗДАНИЕМ КАССАЦИОННЫХ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ»

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16-03-00413.

Рассматриваются и анализируются задачи, которые ставятся перед реформой системы обжалования и проверки судебных решений, в том числе в уголовном судопроизводстве. Отмечается, что решение этих задач отчасти направлено на решение проблем в организации и функционировании системы обжалования, выявленных в теории и практике после реформы 2010–2013 г. Однако их достижение способно породить другие проблемы, которые могут поставить под сомнение сущность всей предыдущей реформы системы обжалования и проверки судебных решений, направленной на создание унифицированного суда второй инстанции.

Ключевые слова: *реформа системы обжалования и проверки, окружные апелляционные и кассационные суды, проект федерального закона.*

Задачами реформы системы обжалования и проверки судебных решений 2018 г. являются:

Во-первых, обеспечение принципа инстанционности при построении и функционировании системы обжалования и проверки судебных решений. Данный принцип является одним из основополагающих свойств построения и функционировании системы обжалования и проверки судебных решений и позволяет обеспечить проверку вынесенного решения судом более высокого уровня, а также обеспечить выполнение запрета о том, что никто не может быть судьей в собственном деле. В Пояснительной записке к проекту федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» [1] отмечается, что апелляционной инстанцией на промежуточное решение верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, вынесенное им в ходе производства по уголовному делу в качестве суда первой инстанции, является судебная коллегия по уголовным делам того же областного и равного ему суда. Частная жалоба, представление на определение верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, вынесенное им по первой инстанции по гражданскому или административному делу, также подлежит рассмотрению апелляционной инстанцией этого же суда. Апелляционной инстанцией на промежуточное решение верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, вынесенное им в ходе производства по уголовному делу в качестве суда первой инстанции, является судебная коллегия по уголовным делам того же областного и равного ему суда.

Во-вторых, создание организационно обособленных судебных инстанций в целях максимального обеспечения их независимости и самостоятельности при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений на судебные постановления, деятельность которых не будет осуществляться в том же субъекте Российской Федерации и тем более в том же суде, которым дело рассматривалось в первой инстанции, т.е. внедрение принципа экстерриториальности.

В-третьих, обеспечение оптимизации в распределении нагрузки при осуществлении правосудия по первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанции, а также при пересмотре уголовного дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

В-четвертых, обеспечение экстраординарного характера надзорного производства. В связи с этим из ведения Верховного Суда Российской Федерации как высшего судебного органа по делам, подсудным, в том числе судам общей юрисдикции, осуществляющего судебный надзор за их деятельностью, будет исключено рассмотрение дел по жалобам (представлениям) на не вступившие в законную силу судебные акты этих судов, что будет соответствовать экстраординарному характеру данной судебной инстанции, обусловленному содержанием предмета проверки и возможностью вмешательства в разрешение спора только после исчерпания способов проверки судебного акта в других инстанциях (апелляционной или кассационной), и только в исключительных случаях.

Для реализации этих задач предусмотрено:

– создание структурно обособленных и самостоятельных апелляционных судов общей юрисдикции для рассмотрения жалоб (представлений) на судебные акты, вынесенные по делам, отнесенным к подсудности областных и равных им судов в качестве судов первой инстанции, а также на промежуточные решения верховного суда республики, краевого или областного

суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда;

– создание девяти окружных кассационных судов. Данные суды рассматривают дела по кассационным жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные акты районных судов, гарнизонных военных судов и мировых судей, судебные акты апелляционных судов общей юрисдикции, принятые по жалобам и представлениям на судебные акты областных и равных им судов, отнесенных к соответствующему судебному округу, судебные акты верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружных (флотских) военных судов, принятые ими в качестве судов первой и апелляционной инстанций; дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в отношении вступивших в законную силу судебных постановлений, принятых соответствующей судебной коллегией кассационного суда общей юрисдикции.

Таким образом, суд уровня субъекта РФ будет осуществлять первую и апелляционную инстанцию, а также пересматривать уголовные дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Президиум суда уровня субъекта РФ перестает быть судебной инстанцией, а выступает в качестве организационно-управленческого органа в системе суда субъекта РФ.

Оспаривание решений мировых судей в судебных коллегиях Верховного Суда Российской Федерации будет возможно только в том случае, если в результате обжалования указанных судебных постановлений в кассационном порядке в кассационный суд общей юрисдикции им будет вынесено постановление, и только при наличии существенных нарушений норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела, и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Рассматривая основные положения планируемой реформы, следует отметить, что после введения в действие Федерального закона от 29.12.2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» выявилась ситуация, согласно которой промежуточные решения суда уровня субъекта РФ проверялись в апелляционном порядке самим судом, их вынесшим (реализовывался недеволютивный способ обжалования), что нарушало принцип инстанционности, не могло гарантировать непредвзятость суда апелляционной инстанции. Рассматриваемые положения направлены на последовательную реализацию деволютивного способа обжалования промежуточных решений и восстановление принципа инстанционности. Однако вопрос о процессуальном порядке обжалования и проверки судебных решений остается открытым. В процессуальной литературе совершенно справедливо отмечается, что «изменения, внесённые в УПК РФ 29 декабря 2010 г., не обеспечивают качественной апелляции для промежуточных судебных решений. Робкое стремление законодателя провести границу между итоговыми и промежуточными решениями суда (п. 53 ст. 5 УПК РФ) полностью нивелируются унифицированной процедурой их пересмотра, так как ничто в положениях новой главы 45.1. УПК РФ (за исключением ч. 3 ст. 389.2, определяющей, хоть и не очень удачно, круг подлежащих апелляционному обжалованию решений) не выдает не только специфики пересмотра решений суда, вынесенных в ходе судебного разбирательства и, особенно, досудебного производства, но и самой возможности их обжалования [2, с. 418].

Реализации начала экстерриториальности в системе обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе (по типу построения системы обжалования и проверки судебных решений в арбитражном процессе), как правильно отмечается в процессуальной литературе, будет способствовать независимости судебных органов от территориальной элиты [3, с. 63]. Однако введение системы окружных, прежде всего апелляционных, судов способно породить ряд проблем.

Во-первых, в состоянии неурегулированности в УПК РФ специфики обжалования в апелляционном порядке промежуточных судебных решений возникает вопрос (с учетом характера таких промежуточных решений и их роли в обеспечении назначения уголовного судопроизводства) о возможности обеспечения оперативности такого обжалования (например, если речь идет об обжаловании решений суда об избрании и (или) продлении залога, домашнего ареста, срока заключения под стражу). Соблюдение сроков проверки представляется возможным, только если такая проверка будет сведена исключительно к проверке материалов.

При решении вопроса о необходимости обеспечения оперативности при проверке промежуточных судебных решений следует также учесть и тот факт, что «суд апелляционной инстанции, при наличии установленных законом полномочий, фактически самоустраняется от решения уголовно-процессуального спора по существу как раз в тех ситуациях, когда нет каких-либо препятствий. Как следствие, это приводит к тому, что разрешение наиболее значимых для заявителей вопросов, связанных с реализацией права на обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ, растягивается во времени, приводит к потере актуальности судебного решения (и интереса заявителя к нему), снижает уровень судебной защиты» [3, с. 259–260]. Хочется надеяться, что окружные апелляционные суды изменят подход к проверке промежуточных судебных решений. В противном случае, с учетом территориальной отдаленности апелляционной инстанции и возможности неоправданного принятия решения о возвращении материалов в суд уровня субъекта РФ, вместо вынесения окончательного решения, требование соблюдения разумных сроков будет выглядеть недостижимо.

Обеспечить выполнение требований главы 45.1 УПК РФ при проверке промежуточных решений, с учетом экстерриториальности нахождения апелляционной инстанции, представляется вряд ли возможным (даже с учетом использования ВКС).

Как свидетельствует практика, проверка промежуточных решений (причем не только судов уровня субъектов РФ) больше по своей сути тяготеет к кассационному способу проверки, что не удивительно и обусловлено самой спецификой данной группы решений. В связи с этим в процессуальной литературе встречаются предложения о том, что для проверки промежуточных решений необходимо было закрепить особый частный порядок (по аналогии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г.) [4, с. 225]. Встречаются и другие предложения для решения этой проблемы. Так, в частности, предлагается все вопросы судебного контроля на досудебном этапе (в том числе и подсудные суду уровня субъекта РФ) передать судам районного уровня или отнести к полномочиям следственного судьи. В этом случае судом, проверяющим такие судебные решения в апелляционном порядке, будет суд уровня субъекта РФ, и проблемы, связанные с обеспечением условий проверки судебных решений (которые сложно достижимы в условиям экстерриториальности) в порядке главы 45.1 УПК РФ соответственно будут сняты.

Так или иначе, но проблема согласования начала экстерриториальности и оперативности проверки промежуточных судебных решений, а также обеспечения при их проверке требований главы 45.1 УПК РФ (обеспечение явки участников процесса и их процессуальных прав, непосредственное исследование и проверка доказательств, возможность вынесения нового судебного решения) проявляется весьма актуально.

Во-вторых, достаточно остро стоит вопрос об обеспеченности полноценного суда второй инстанции для проверки итоговых судебных решений суда уровня субъекта РФ. Согласно ч. 3 ст. 31 УПК РФ, суду уровня субъекта РФ подсудна достаточно серьезная и сложная категория дел, поэтому проверка итоговых судебных решений в условиях полноценного суда второй инстанции является весомой гарантией обеспеченности прав и свобод участников процесса.

В уголовно-процессуальной литературе отмечается, что реформа апелляционной судебной инстанции 2010 г. преследовала несколько задач: унификацию порядка пересмотра судебных решений судами второй инстанции путем введения апелляции в судах всех уровней и по всем уголовным делам; расширение полномочий суда второй инстанции с возможностью непосредственного исследования доказательств, с наделением его правом внесения новых приговоров и иных судебных решений, в том числе ухудшающих положение осуждённого, и сведением к минимуму случаев передачи дел на новое рассмотрение в суд первой инстанции; приближение правосудия к населению [5, с. 20].

Сегодня уже можно констатировать, что современное апелляционное производство и в тексте процессуального закона (с учетом вносимых изменений, направленных на сужение сферы исследования новых доказательств), и на практике все дальше отдаляется от своего полного типа и больше походит не на апелляцию с признаками кассации, а на советскую кассацию с некоторыми элементами апелляции. Суды апелляционной инстанции (как, впрочем, и стороны) редко используют весь потенциал судебного следствия и выносят новые приговоры, стараясь ограничиться внесением изменений, а там, где это невозможно, – вернуть прокурору или в суд первой инстанции. В процессуальной литературе отмечается, что в отсутствие выработанных судебной практикой процессуальных механизмов тешить себя надеждой об успешности реализации поставленных задач преждевременно [3, с. 195].

Раскрывая сущность апелляционного производства, Конституционный Суд РФ в своих решениях отмечал, что «наделение суда апелляционной инстанции правом проверить производство по уголовному делу в полном объеме обусловлено самой природой производства в этом суде, являющегося такой формой исправления допущенных судом первой инстанции ошибок в решениях, не вступивших в законную силу, которая наиболее приближена к производству в суде первой инстанции» [6]. В процессуальной литературе отмечается, что «суд апелляционной инстанции должен быть сосредоточен на главном – на разрешении уголовного дела по существу» [3, с. 215].

Следует отметить, что отдаление современного суда апелляционной инстанции от своего полного типа наблюдается сегодня на практике даже при условии максимальной приближенности этого суда к населению (а это, как видится, является сущностным признаком и в то же время условием эффективного функционирования суда второй инстанции). В связи с этим можно предположить, что в условиях такой территориальной отдаленности (экстерриториальности) апелляционных судов от судов первой инстанции, приговоры которых проверяются, гарантировать обеспеченность непосредственного исследования доказательств (вызов и допрос свидетелей, экспертов, специалистов и т.д.), права на защиту (в плане фактического допуска осужденных, защитников в суд апелляционной инстанции) и, как следствие, применение ревизионного начала, применение правила о повороте к худшему, вынесение апелляционных приговоров самим судом апелляционной инстанции вряд ли возможно. Единственный вариант – это проведение такого судебного заседания суда апелляционной инстанции с использованием ВКС. Таким образом, мы можем получить постоянную необходимость двух параллельных судебных заседаний в суде субъекта РФ (который будет обеспечивать выполнение условий главы 45.1 УПК РФ) и в соответствующем окружном апелляционном суде.

Сомнительной видится и возможность обеспечить полноценную проверку судебных решений всех судов уровня субъектов РФ всего пятью апелляционными судами общей юрисдикции.

Выбирая в качестве подражания систему окружных судов, существующих в арбитражном судопроизводстве (следует отметить, что, согласно решениям Европейского суда по правам человека, именно система проверки судебных решений в арбитражном судопроизводстве признана соответствующей требованиям Конвенции прав и основных свобод человека и гражданина), следует учитывать, что, во-первых, арбитражное судопроизводство, как правило, рассчитано на профессиональных участников (государственные орга-

ны, юридические лица, предприниматели), которые способны самостоятельно обеспечить свой доступ в суд проверяющей инстанции, умело пользоваться системой электронного документооборота и, как правило, финансово состоятельны в плане оплаты судебных расходов; во-вторых, арбитражное судопроизводство не знает мировых судей и районных судов, а также производства с участием присяжных заседателей; в-третьих, существующее апелляционное производство в системе окружных апелляционных судов является унифицированным и единственным (судебный орган и инстанция совпадают).

Реформированная же система апелляционных судов способна породить ситуацию, при которой вектор реализуемой апелляционной проверки будет отличаться (несмотря на единый унифицированный порядок, предусмотренный главой 45.1 УПК) в зависимости от того, проверяется ли решение мирового судьи, районного суда или решение суда уровня субъекта РФ в условиях экстерриториальности.

Вызывает поддержку необходимость решения вопроса о месте современного надзорного производства в системе проверки судебных решений, которое определяется его экстраординарным характером. Использование надзорного способа проверки на внутринациональном уровне предполагается только после исчерпания всех иных способов обжалования и проверки судебных решений. С учетом того, что Верховный Суд РФ признается высшим органом судебного надзора, а Президиум Верховного Суда предназначен для осуществления надзорного производства, представляется, что надзорное производство будет использоваться как внутрисудебный административный ресурс, призванный обеспечивать правовую определенность судебных решений и применяемого законодательства, а также обеспечивать необходимую «корректировку» правоприменительной практики, вызванную реалиями жизни.

Безусловно, изменения, вносимые в действующую судебную систему, предполагают и наличие системных изменений соответствующих процессуальных законов (гражданского, уголовного и административного). Однако даже при условии адаптации процессуальных законов к реформированной судебной системе вероятность возникновения обозначенных выше проблем весьма высока и требует, прежде всего, наличия проработанной и согласованной концепции не только системы обжалования и проверки судебных решений, но и всей уголовно-процессуальной политики в целом, которая на действующий момент не сформирована [7, с. 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пояснительная* записка к проекту федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 01.03.2018).
2. *Уголовно-процессуальное* право. Актуальные проблемы теории и практики : учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 476 с.
3. *Колоколов Н.А., Скляренко М.В., Ярцев Р.В.* Апелляция, кассация, надзор: применение УПК РФ / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2018. 464 с.
4. *Апелляция* в уголовном судопроизводстве : науч.-практич. пособие / под общ. ред. В.В. Ершова. М. : Право, 2013. 352 с.
5. *Червоткин А.С.* Создание окружных апелляционных и кассационных судов по уголовным делам: продолжение реформы // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 20.
6. *Определение* Конституционного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 136-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мухаметшина Р.И. на нарушения его конституционных прав положениями статей 367,368,369 и 370 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 01.03.2018).
7. *Андреева О.И., Лонь С.Л., Рукавишникова А.А., Трубникова Т.В.* Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 6–9.

POSSIBLE PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF APPEAL AND VERIFICATION OF COURT DECISIONS IN THE CRIMINAL PROCEDURE UNDER THE IMPLEMENTATION OF THE DRAFT FEDERAL CONSTITUTIONAL LAW "ON AMENDMENTS TO THE FEDERAL CONSTITUTIONAL LAWS IN CONNECTION WITH THE ESTABLISHMENT OF CASSATION COURTS AND APPELLATE COURTS OF GENERAL JURISDICTION"

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 103−107. DOI 10.17223/23088451/11/20
Anastasiya A. Rukavishnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: satsana@yandex.ru

Keywords: reform of system of appeal and verification, district appellate courts and cassation courts, draft federal law.

The article analyzes the tasks of the forthcoming reform of the judicial system of the Russian Federation. The tasks formulated in the Explanatory Note to the draft of the Federal Constitutional Law "On Amendments to the Federal Constitutional Laws in Connection with the Establishment of Cassation Courts and Appellate Courts of General Jurisdiction" are: to provide for the principle of instances in the construction and operation of the system of appeal and verification; to introduce the principle of extraterritoriality in the construction and operation of the district appellate and cassation courts; to ensure optimization in the distribution of the burden in the administration of justice in the first, appeal, cassation and supervisory instances, as well as in reviewing the criminal case for new and newly discovered circumstances; to ensure the extraordinary nature of the supervision. It is noted that the achievement of these tasks can give rise to certain procedural problems that, in their totality, can cast doubt on the results of the reform of the system of appeals and verification of court decisions conducted in 2010. The possible procedural problems are: 1) in the conditions of extraterritoriality, the failure to provide for reasonable terms and requirements of Chapter 45.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (RF CPC) when checking interlocutory judgements of the court of the territorial entity of the Russian Federation on appeal; 2) in the conditions of extraterritoriality, the inability to provide for a full, approximate court of a second instance for the final decisions of the court of the territorial entity of the Russian Federation; 3) the possibility of a situation in which the vector of the appellate checks will differ (despite the sin-

gle, unified procedure fixed in Chapter 45.1 of the RF CPC) depending on whether the decision of the justice of the peace, a district court or a court of the territorial entity of the Russian Federation is checked in the conditions of extraterritoriality.

It is noted that the tasks formulated as benchmarks for the forthcoming reform of the judicial system should be coordinated with the tasks that were set for the 2010 reform. Otherwise, there is a high likelihood of losing continuity in the reform of the system of appealing and verifying court decisions, including in the criminal procedure.

It is concluded that the changes introduced into the current judicial system presuppose systemic changes in the relevant procedural laws (civil, criminal and administrative). However, even if the procedural laws are adapted to the reformed judicial system, the probability of occurrence of the above mentioned problems is very high, and requires, above all, the availability of a developed and coordinated concept not only of the system of appeal and verification of court decisions, but also of the criminal procedure policy as a whole, which has not yet been formed.

References

1. Konsul'tant Plyus. (2018) *Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo konstitutsionnogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Federal'nye konstitutsionnye zakony v svyazi s sozdaniem kassatsionnykh sudov obshchey yurisdiktsii i apellyatsionnykh sudov obshchey yurisdiktsii"* [Explanatory Note to the draft of the Federal Constitutional Law "On Amendments to the Federal Constitutional Laws in Connection with the Establishment of Cassation Courts and Appellate Courts of General Jurisdiction"]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
2. Lazareva, V.A. & Tarasov, A.A. (eds) (2014) *Ugolovno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal procedure law. Topical problems of theory and practice]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo Yurayt.
3. Kolokolov, N.A., Sklyarenko, M.V. & Yartsev, R.V. (2018) *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: primenenie UPK RF* [Appeal, cassation, supervision: application of the RF Code of Criminal Procedure]. Moscow: Yurlitinform.
4. Ershov, V.V. (ed.) (2013) *Apellyatsiya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Appeal in criminal proceedings]. Moscow: Pravo.
5. Chervotkin, A.S. (2017) Sozdanie okruzhnykh apellyatsionnykh i kassatsionnykh sudov po ugolovnym delam: prodolzhenie reformy [Creation of district appellate and cassation courts on criminal cases: continuation of the reform]. *Ugolovnyy protsess*. 1. pp. 18–25.
6. Konsul'tant Plyus. (2005) *Opredelenie Konstitutsionnogo suda RF ot 24 marta 2005g. No. 136 – O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Mukhametshina R. I. na narusheniya ego konstitutsionnykh prav polozheniyami statey 367, 368, 369 i 370 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RF* [The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 136-O of March 24, 2005 "On refusal to accept the complaint of citizen R.I. Mukhametshin for violation of his constitutional rights by the provisions of articles 367, 368, 369 and 370 of the RF Code of Criminal Procedure]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
7. Andreeva, O.I., Lon', S.L., Rukavishnikova, A.A. & Trubnikova, T.V. (2017) Vector of the direction of further development of criminal legal proceedings. *Ugolovnoe pravo.* 4. pp. 6–9. (In Russian).

УДК 343.131 DOI 10.17223/23088451/11/21

И.Г. Смирнова, М.И. Казарина

ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проводится этимологический и сущностный анализ одного из самых последних принципов уголовного судопроизводства – принципа независимости судей. Предметом исследования выступают категория независимости в философском, этическом, правовом и иных значениях и их соотношение; разграничение независимости суда и независимости судей; вопрос соответствия независимости судей основным критериям, присущим уголовно-процессуальным принципам.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, принципы, независимость судей, внепроцессуальные обращения.*

Любая система, научная теория базируется на исходных, руководящих положениях, не случайных, а обусловленных закономерностями существования и развития общества в определенный период времени [1, с. 49]. В роли основных начал, фундамента элемента системы права, которым является отрасль права, выступают принципы права. Н.Г. Стойко справедливо замечает, что принципы – это то, что является наиболее ярким воплощением ценностей уголовного процесса сравниваемых стран, они так или иначе отражают легитимные уголовно-процессуальные ценности [2, с. 133]. Значение принципов права в целом и уголовно-процессуального права в частности невозможно переоценить: как для правотворчества, так и для правоприменения. В правотворчестве они задают направление и определяют ценность правового регулирования, и при возникновении какого-либо несоответствия нормы принципу права норма подлежит корректировке. Принципы права представляют значимость и в процессе применения права органами, должностными лицами и гражданами: принципы становятся ориентирами при толковании правовых норм, при установлении связи одной правовой нормы с другой.

Принцип независимости судей – наиважнейший конституционный принцип, гарантирующий свободу воли судьи при вынесении приговора, абсолютную автономию в принятии решений, наделяющий слово «судить», означающее «понимать, мыслить, заключать», особым правовым смыслом, оправдывающий само существование суда как справедливого беспристрастного арбитра. Принцип независимости судей отражен в ст. 120 Конституции РФ, закрепляющей, что «судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону». Из Конституции РФ принцип независимости судей находит дальнейшее развитие в нормативно-правовых актах, устанавливающих общие положения о строении судебной системы, суде и судьях, таких, как Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации». Например, в ст. 9 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» законодатель закрепляет гарантии, призванные обеспечить независимость судей: предусмотренная законом процедура осуществления правосудия; запрет, под угрозой ответственности, чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия; установленный порядок приостановления и прекращения полномочий судьи; право судьи на отставку; неприкосновенность судьи; система органов судейского сообщества; предоставление судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу [3].

Фиксация в Законе перечисленных гарантий и, тем более, их соблюдение, несомненно, играет важную роль в обеспечении независимости судей в контексте статуса судьи как должностного лица. Однако положения, обеспечивающие независимость судей и учитывающие профессиональную составляющую судьи как лица, уполномоченного осуществлять правосудие по уголовному делу, в Законе Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» отсутствуют, а в отраслевом законодательстве размыты и носят разобщенный характер. Именно поэтому закрепление принципа независимости судей в процессуальном законодательстве имеет смысл и приобретает особое значение.

Официальное включение данного принципа в перечень принципов уголовно-процессуального законодательства представлялось необходимым многим ученым-процессуалистам. Так, М.К. Свиридов, оценивая основные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства в качестве самостоятельной тенденции, отмечал уточнение имеющихся в УПК РФ положений, а также незыблемость системы принципов, составляющих концептуальную основу УПК РФ, как и любого кодифицированного законодательного акта [4, с. 53]. В свою очередь Ю.К. Якимович отметил, что «по непонятной причине в УПК РФ не нашли своего закрепления наиважнейший конституционный принцип “независимость судей и подчинение их только закону”, а также принцип равенства всех перед законом и судом» [5, с. 156]. С его замечанием нельзя не согласиться, поскольку, хотя принцип независимости судей закреплен во всех судопроизводствах России, тем не менее особое значение решение дела «по закону, по совести» приобретает в именно уголовном судопроизводстве, где «на кону» стоит множество прав подсудимого, в том числе и его право на свободу передвижения, а также право потерпевшего на справедливое судебное разбирательство.

В уголовно-процессуальном законодательстве принцип независимости судей находит свое закрепле-

ние лишь в 2013 г., хотя остальные принципы уголовного судопроизводства, за исключением принципа разумного срока уголовного судопроизводства, появились вместе с УПК РФ. Принцип независимости судей установлен в ст. 8.1 УПК РФ, анализ положений данной статьи позволяет сделать некоторые выводы:

Во-первых, в ч. 1 ст. 8.1 УПК РФ в полном объеме повторяется положение ст. 120 Конституции РФ. Однако, с одной стороны, по-прежнему отсутствует понятие независимости. С другой стороны, судьи никому не подконтрольны и не поднадзорны.

Во-вторых, ч. 2 ст. 8.1 УПК РФ запрещает любое вмешательство в деятельность судей по осуществлению правосудия.

В-третьих, в ч. 3 ст. 8.1 УПК РФ закреплено положение, согласно которому судья обязан сообщить участникам судебного разбирательства информацию о поступившем в суд внепроцессуальном обращении, иными словами, о попытке оказания воздействия на судью и принятия им «нужного» решения по уголовному делу. Как справедливо указывают процессуалисты, наличие внепроцессуального обращения не влечет за собой необходимости проведения процессуальных действий или принятия процессуальных решений и не может рассматриваться в качестве основания для отвода судьи [6, с. 44].

Итак, появление данного принципа в УПК РФ предопределяет необходимость проведения теоретико-методологического анализа принципа независимости судей, а также установления его уголовно-процессуальной природы и наполнения. Вместе с тем само понятие «независимость» является многоаспектным, и возникает необходимость всестороннего его рассмотрения.

Исследование независимости в философском аспекте предполагает рассмотрение ее как феномена социальной действительности. В истории философии прослеживается настойчивая мысль о наличии внутренних импульсов, внутренних самостоятельных действий в поведении объектов и систем. Проблема независимости, свободы в философии осмысляется, как правило, по отношению к человеку и его поведению. Учеными-философами для определения свободы личности принято использование не собственно понятия «независимость», а раскрытие ее через понятие «автономия».

Например, по Сократу, автономия личности, а именно «даймонин», выражается во внутреннем голосе совести, которым необходимо руководствоваться и который подсказывает внутренние нормы поведения, в противовес слепому следованию социальным требованиям [7, с. 85].

В настоящее время ученые дают противоположные определения понятию автономии, понимая под автономией независимость в мотивах и действиях, либо, наоборот, зависимость действий и мотивов, либо и то и другое вместе [8]. Попытка свести автономию только к независимости порождает множество вопросов: независимость поступка (например, антисоциального) сама по себе не может служить достаточным критерием его моральной ценности. Зависимость, почтительность и повиновение также сами по себе не могут говорить об автономии. Определение автономии как комбинации зависимости и независимости впервые было дано И. Кантом [9, т. 4, с. 5–65]. Для этики Канта характерно учение о независимости, автономии, морали. Кант задается вопросом: как возможна свобода разумного существа в мире, в котором все явления протекают несвободно. Кант называет свободу ключом к объяснению свободы воли. Свобода воли есть свойство воли быть самой для себя законом. Состояние несвободы возникает по Канту вследствие физической причинности, согласно которой все бытие определяется условиями времени. Кант, по сути, говорит о том, что человек, который существует во времени, не может быть абсолютно свободным, автономным.

Большинство современных ученых (Р.Ю. Кравченко, О. О'Нил, Г.К. Кулбашева, И.А. Ильин и др.) и сейчас тяготеют именно к кантовскому пониманию автономии и считают, что автономия должна объединять в себе зависимость и независимость. В частности, по мнению Р.Ю. Кравченко, автономия – это гармоничное отношение личности к культурной среде, сочетающее в себе зависимость и независимость [10, с. 9].

Интересна позиция Г.К. Кулбашевой, полагающей, что зависимость и независимость – это две диалектически взаимосвязанные противоположные стороны свободы. Соотношение зависимость–независимость выражает степень свободы (и, соответственно, несвободы) субъекта по отношению к другому, к объекту. Независимость выступает непременным условием творческой деятельности человека и, следовательно, его развития. Независимость есть признание наличия собственного начала у объектов и систем, признание их самоценности [11].

Мыслителями актуализируется проблема «принудительного выбора» для личности, инициированная экспансией социального в личное пространство (через потребительское мышление, информационные механизмы и т.д.), что требует гетерономного поведения, порождает избыточную податливость личности потоку непрерывных социальных изменений. Каждый человек вовлекается в социальные потоки, где отсутствуют социальные идеалы, ценностные ориентиры, путеводная нить, где нет авторитетов, дисциплины, но нет и автономии, суверенности, приватной жизни и где потерялась личная идентичность и самость [7, с. 86].

Но существует и другая сторона автономии личности, ее независимости, она показана в концепции «шизоанализа», представляющей человека существом, полностью подчиненным бессознательному, своим желаниям и потому обладающим децентрированной самостью, подобной шизофренической. В автономии личности необходим баланс личного и социального [7, с. 86].

Данное понятие было исследовано и физико-математическим естествознанием. Для отображения структуры массового явления в теории вероятностей используется понятие независимости: в рамках данного массового явления наступление одного из случайных событий не зависит и не определяется другими событиями, между элементами массового явления нет постоянно действующих связей, либо же они носят несущественный характер.

В статистической механике изучают системы невзаимодействующих, несвязанных, «свободных» частиц, между которыми отсутствуют постоянно действующие связи [12]. Структуру таких систем, где элементы внутренне динамичны, но поведение каждой системы не согласуется друг с другом и отсутствуют обратные связи, называют хаосом. Считается, что хаос хотя и расшатывает сложившиеся структуры, но дает им возможность вступать в новые и весьма разнообразные взаимодействия и тем самым подготавливает почву для образования новых структур.

Представления о независимости имеют особое значение и в познании живых и вообще высокоорганизованных систем. При изучении проблем биокибернетики Р.Л. Берг и А.А. Ляпунов отмечали, что независимость – это такое же фундаментальное явление природы, как наличие взаимозависимости [13].

В социальном измерении личностная автономия выступает в виде материальной зависимости и духовной независимости [9, с. 9]. В психологических исследованиях личностная автономия начинает играть все более важную роль. Она претендует на статус одного из главных компонентов личностного потенциала, оказывается ключом личностного развития. Личностная автономия испытывает культурные влияния, поэтому ценность ее различается в культурах [7, с. 87].

В уголовно-процессуальном праве используется понятие «независимость», а не «автономия», что представляется правильным, потому как автономия рассматривается авторами как сочетание зависимости и независимости. Поскольку судья – должностное лицо, деятельность которого напрямую связана с осуществлением правосудия, с «правым судом», решением дела «по закону, по совести», и любое состояние судьи, характеризуемое как подневольное, подчиненное противоречит самой природе суда и судебной власти в целом.

Как справедливо замечает М.К. Свиридов: «Независимость судей является одним из условий успешной деятельности суда. Она означает, что суд должен иметь возможность разрешать уголовные дела самостоятельно, только по своему внутреннему убеждению, обладая независимостью от вмешательства отдельных лиц и организаций» [14, с. 88]. Нельзя не согласиться с данным утверждением, поскольку зависимое положение суда от других органов и лиц делает систему правосудия фикцией, лоббирующей интересы отельных лиц, а не общества в целом. В случае, например, поддержания судом стороны обвинения без наличия реально оцененных доказательств лицо может быть привлечено к уголовной ответственности без наличия вины в совершении преступления.

Заслуживает внимания определение понятия «независимость судей», даваемое В.П. Кашеповым: «Независимость судей в уголовном судопроизводстве понимается как исключение любого внешнего воздействия на судей со стороны других лиц и организаций при рассмотрении судом конкретных дел. При рассмотрении дел суд не связан мнением участников процесса. В каждом случае, принимая решение, суд руководствуется законом, правосознанием, своим внутренним убеждением, основанным на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности» [6, с. 45].

Таким образом, исходя из предложенных различными науками концепций понятия «независимость», можно сделать вывод, что независимость – это внутреннее качество объекта, субъекта по отношению к другому объекту, субъекту, которое преобладает над его (другого) качествами. Следует также отметить, что понятие «независимость» многогранно: можно выделять как независимость объектов, в том числе частиц и структур, так и независимость отдельной личности. Однако в общественных науках, а также в философии преобладает понимание независимости именно по отношению к личности, соответственно смысл, вкладываемый учеными из различных областей наук, представляется применимым для настоящего исследования, так как судья – это та же личность, обладающая собственным сознанием и свободой воли, но также и некоторыми установками, приобретенным жизненным опытом, испытывающая на себе различные влияния; с другой стороны, фигура, наделенная властными полномочиями, функцией разрешения уголовного дела.

Следующий аспект понимания принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве связан с вопросом, чья независимость подлежит рассмотрению: независимость суда или независимость конкретного судьи (судей). При изучении норм УПК РФ обнаруживается некоторая размытость соотношения понятий «суд» и «судья», в некоторых нормах используется понятие «суд», в других – «судья». Так, А.В. Гриненко отмечает, что в УПК РФ и правоприменительной практике полномочия суда и судьи столь тесно переплетаются, что требуются определенные усилия, чтобы их разграничить [14, с. 26]. Для установления точности и единообразия в применении данных понятий при изучении принципа независимости судей возникает необходимость исследования и этого вопроса.

В Конституции РФ содержится несколько упоминаний и о суде, и о судьях. Например, в ст. 47 закреплено, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Согласно УПК РФ, судья – это должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие. При этом суд – единственный орган, осуществляющий правосудие, а судья – лицо, уполномоченное осуществлять правосудие. Следовательно, обнаруживается тождество понятий.

Несмотря на некоторую запутанность в УПК РФ использования понятий «судья» и «суд», вызывающую тем самым неопределенность в разграничении их полномочий, можно провести их разграничение, имеющее значение именно для достижения правовой определенности в принципе независимости судей в уголовном судопроизводстве. Во-первых, проанализировав положение ст. 8.1 УПК РФ, которая названа «Независимость судей», можно сделать вывод, что речь идет именно о судьях, а не суде. Во-вторых, отличие понятий «суд» и «судья» можно увидеть в ст. 30 УПК РФ. Согласно положениям данной статьи, в состав суда первой инстанции, рассматривающий уголовные дела, могут входить:

– судья федерального суда общей юрисдикции;

– судья федерального суда общей юрисдикции и коллегия из двенадцати присяжных заседателей;

– судья верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда и коллегия из восьми присяжных заседателей;

– судья районного суда, гарнизонного военного суда и коллегия из шести присяжных заседателей;

– коллегия из трех судей федерального суда общей юрисдикции;

– мировой судья.

Возникает логичный вопрос: если состав суда выражен в таком разнообразии, то во всех ли случаях можно говорить о независимости суда? Когда судом считается один судья, это, без сомнения, так, поскольку судья обладает сознанием и волей, и понятие независимости здесь уместно. В случае, когда в качестве суда выступают три судьи, вопрос решается неоднозначно. Как пишет А.В. Гриненко, те решения, которые принимаются судом от имени органа в целом, есть совокупность мнений судей, входящих в состав данного суда [15, с. 26].

Закономерно возникает и такой вопрос: можно ли считать независимым суд, состоящий из судьи (независимость сознания и воли судьи) и коллегии присяжных заседателей (независимость сознания и воли каждого присяжного заседателя)? Анализируя тайну совещания судей, И.В. Смолькова обоснованно отмечает, что в совещательной комнате могут находиться только судьи, входящие в состав суда по данному делу [16, с. 117]. Ответ на этот вопрос представляется неоднозначным. Судья при осуществлении правосудия обязан руководствоваться только Конституцией РФ и федеральным законом. Присяжный заседатель, как предполагает законодатель, не должен быть связан с правоприменительной деятельностью в области уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права (кроме работы в высшем учебном заведении) – присяжный заседатель не должен быть сотрудником органов внутренних дел, прокурором, судьей, следователем, адвокатом и т.д. Следовательно, при вынесении вердикта присяжный заседатель не обладает знаниями законодательных актов, он руководствуется лишь своим внутренним убеждением и совестью, а, следовательно, его мнение может быть зависимым от многих факторов, например эмоций, пережитого негативного или позитивного опыта, связанного с рассматриваемым уголовным делом, неприязненного внешнего вида подсудимого.

Следующий вопрос, возникающий среди ученых: является ли конституционное положение о независимости судей принципом и необходимо ли вообще закрепление принципа независимости судей в уголовно-процессуальном законодательстве? Возникает необходимость анализа понятия «принципа» и выявления признаков, позволяющих отнести то или иное положение к базовым, т.е. к принципам, или к иным положениям уголовно-процессуального законодательства, не имеющим качества фундаментальности. Так, С.Б. Россинским предлагается следующее определение понятия принципов уголовного судопроизводства: «Принципы уголовного судопроизводства – это законодательно закрепленные основополагающие правовые положения прямого действия, которые, объективно отражая закономерности существования и развития общества и государства, определяют характерные черты уголовно-процессуальной деятельности и обуславливают общие правила построения всех ее стадий, осуществляя любые процессуальные мероприятия и принятия процессуальных решений» [1, с. 50].

Из предложенного определения понятия принципа С.Б. Россинский называет и описывает признаки, отличающие принципы от иных положений уголовно-процессуального законодательства: объективность, основополагающий характер, нормативное выражение, прямое действие. Именно при анализе перечисленных признаков можно выявить, является ли положение о независимости судей принципом уголовного судопроизводства.

Объективность означает обусловленность принципа закономерностями существования и развития современного общества. Принцип независимости судей является исторически обусловленным: в его появлении сыграла роль теория разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, он сформировался в либерально-демократической идеологии (хотя отсутствовал в коммунистической и фашистской идеологиях) и приветствуется в обществе формально равных людей. В настоящее время он наличествует в законодательстве многих развитых государств, и англо-саксонского, и континентального права.

Основополагающий характер означает, что принцип содержит наиболее общие положения, которые находят выражение в конкретных правоотношениях. Принцип независимости судей, несомненно, можно назвать конституционным, поскольку он закреплен в ст. 120 Конституции РФ, устанавливающей, что «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону».

В свою очередь, Н.В. Ткачева, Т. Бобб указывают, что «конституционные принципы, чтобы быть воплощенными в ткань реально функционирующего уголовного судопроизводства, должны быть опосредованы в отраслевом законодательстве» [17, с. 67]. Что касается принципа независимости судей, он не только формально содержится в ст. 8.1. УПК РФ, но и развивается в положениях уголовно-процессуального законодательства. Данный принцип реализован законодателем посредством, например, конкретной уголовно-процессуальной нормы, предусматривающей свободу оценки доказательств судьей (ст. 18 УПК РФ), устанавливающей возможность изменения территориальной подсудности уголовного дела в том случае, если все судьи суда принимали участие в деле (ст. 35 УПК РФ), закрепляющей обязанность отвода судьи при его повторном участии в рассмотрении уголовного дела (ст. 63 УПК РФ).

Следует отметить, что принцип независимости судей – межотраслевой, т.е. является фундаментальным для нескольких отраслей права, поскольку судебная власть осуществляется не только посредством уголовного судопроизводства, но также посредством конституционного, гражданского и административного судо-

производства. Но, несмотря на его общий характер, принцип независимости судей преломляется под призмой именно уголовного судопроизводства, развивается в положениях уголовно-процессуального законодательства, обретает свою специфику.

Нормативное выражение обозначает закрепление принципов в соответствующих правовых нормах. Так, правовой базой для формирования принципа независимости судей являются положения Конституции РФ (ст. 18, 19, 22, 29, 32, 46, 49, 50, 52, 118–129), нормы Конвенции о защите прав человека, Федеральный конституционный закон «О Статусе судей в Российской Федерации», «О судебной системе Российской Федерации».

Прямое действие означает непосредственное применение принципа независимо от наличия конкретизирующих данный принцип положений. Касательно принципа независимости судей, можно с уверенностью сказать, что этот принцип может быть применен и без уточняющих его уголовно-процессуальных норм, поскольку принцип независимости судей обусловлен исторически, сложилась определенная судейская корпорация, отличная от других государственных формирований, выполняющих функции обвинения и защиты.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что принцип независимости судей – это конституционный принцип, заключающийся в наличии у судьи достаточной степени свободы сознания и воли, основанных на подчинении закону, в деятельности по осуществлению правосудия от внешнего воздействия со стороны третьих лиц и организаций. Именно такой подход гарантирует справедливость правосудия, которая является требованием законодателя и руководством для правоприменителя [18, с. 155].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Россинский С.Б.* Уголовный процесс России : курс лекций. М. : Эксмо, 2008. 576 с.
2. *Стойко Н.Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2006. 264 с.
3. *О статусе* судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 05.12.2017, с изм. от 19.02.2018) // Российская газета. 1992. № 170.
4. *Свиридов М.К.* Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 52–56.
5. *Якимович Ю.К.* Насущные проблемы науки уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 155–158.
6. *Принципы* современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И.В. Смолькова ; отв. ред. Р.В. Мазюк. М. : Юрлитинформ, 2015. 384 с.
7. *Майкова Э.* Автономия как личностная ценность // Власть. 2012. № 11. С. 84–87.
8. *О'Нил О.* Автономия: зависимость и независимость. URL: http://elib.org.ua/philosophy/ua_show_archives.php?subaction=showfull&id=1108466140&archive=0216&start from=&ucat=1&- (дата обращения: 10.04.2018).
9. *Кант И.* Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. 544 с.
10. *Кравченко Р.Ю.* Личностная автономия: философский аспект : дис. … канд. филос. наук. Армавир, 2008. 160 с.
11. *Кулбашева Г.К.* Феномен независимости: философский аспект. URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2013/ Philosophia/2_129695.doc.htm (дата обращения: 13.04.2018.).
12. *Вероятность*, случайность, независимость. URL: http://rusnauka.narod.ru/lib/philos/3467/sachkov.htm (дата обращения: 12.04.2018).
13. *Шмальгаузен И.И.* Избранные труды. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М. : Наука, 1982. 324 с.
14. *Свиридов М.К.* Самостоятельность суда при вынесении приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 88–94.
15. *Гриненко А.В.* Соотношение понятий «суд» и «судья» в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Российский судья. 2016. № 9. С. 25–29.
16. *Смолькова И.В.* Тайна совещания судей как гарантия законности, обоснованности и справедливости приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). С. 116–122.
17. *Ткачева Н.В., Бобб Т.* Сущность и значение принципов уголовного процесса и их признаки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 83. С. 67–69.
18. *Корнакова С.В.* К вопросу о принципе справедливости в российском праве // Актуальные проблемы теории и практики правотворчества и правоприменения (к 20-летию юридического образования в БГУЭП). Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. С. 152–155.

INDEPENDENCE OF JUDGES IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT OF STUDY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 108−113. DOI 10.17223/23088451/11/21
Irina G. Smirnova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: smirnova-ig@mail.ru
Marina I. Kazarina, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: mmmmit@yandex.ru

Keywords: criminal proceedings, principles, independence of judges extra-procedural appeals.

The article presents the etymological and essential analysis of one of the most recent principles of criminal proceedings – the principle of the independence of judges. The subject of research is the category of independence in philosophical, ethical, legal and other meanings and their correlation; the distinction between the independence of the court and the independence of judges; the issue of the conformity of the independence of judges with the basic criteria inherent in the criminal procedure principles.

The authors come to a conclusion about the lawful nature of the emergence of this principle in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as on the availability of criminal procedural aspects in spite of its intersectoral nature. At the same time, the authors believe that the norm of Article 8.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation needs to be adjusted.

References

1. Rossinskiy, S.B. (2008) *Ugolovnyy protsess Rossii: kurs lektsiy* [The criminal procedure in Russia: a course of lectures]. Moscow: Eksmo.
2. Stoyko, N.G. (2006) *Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv i Rossii: sravnitel'noe teoretiko-pravovoe issledovanie anglo-amerikanskoy i romano-germanskoy pravovykh sistem* [Criminal procedure of Western states and Russia: A comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Romano-Germanic legal systems]. St. Petersburg: Law Faculty of St. Petersburg State University.
3. Rossiyskaya gazeta. (1992) O statuse sudey v Rossiyskoy Federatsii: zakon Rossiyskoy Federatsii ot 26 iyunya 1992 g. No. 3132-1 (red. ot 05.12.2017, s izm. Ot 19.02.2018) [On the status of judges in the Russian Federation: Law of the Russian Federation No. 3132-1 of June 26, 1992 (edited on 05.12.2017, as amended on February 19, 2013)]. *Rossiyskaya gazeta*. 170.
4. Sviridov, M.K. (2012) Tendencies of development of Russian criminal procedure legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 358. pp. 52–56. (In Russian).
5. Yakimovich, Yu.K. (2012) Vital problems of criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 354. pp. 155–158. (In Russian).
6. Mazyuk, R.V. (ed.) (2015) *Printsipy sovremennogo rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [The principles of modern Russian criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
7. Maykova, E. (2012) Avtonomiya kak lichnostnaya tsennost' [Autonomy as a personal value]. *Vlast'*. 11. pp. 84–87.
8. O'Neil, O. (2005) *Avtonomiya: zavisimost' i nezavisimost'* [Autonomy: Dependence and Independence]. Translated from English. [Online] Available from: http://elib.org.ua/philosophy/ua_show_archives.php?subaction=showfull&id=1108466140&archive=0216&start_from=&ucat=1&-. (Accessed: 10.04.2018).
9. Kant, I. (1965) *Sochineniya v shesti tomakh* [Works in six volumes]. Translated from German. Vol 4. Pt. 1. Moscow: Mysl'.
10. Kravchenko, R.Yu. (2008) *Lichnostnaya avtonomiya: filosofskiy aspekt* [Personal autonomy: the philosophical aspect]. Philosophy Cand. Diss. Armavir.
11. Kulbasheva, G.K. (2013) Fenomen nezavisimosti: filosofskiy aspekt [The phenomenon of independence: the philosophical aspect]. [Online] Available from: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2013/Philosophia/2_129695.doc.htm. (Accessed: 13.04.2018).
12. Sachkov, Yu.V. (n.d.) *Veroyatnost', sluchaynost', nezavisimost'* [Probability, randomness, independence]. [Online] Available from: http://rusnauka.narod.ru/lib/philos/3467/sachkov.htm. (Accessed: 12.04.2018).
13. Shmalgauzen, I.I. (1982) *Izbrannye trudy. Organizm kak tseloe v individual'nom i istoricheskom razvitii* [Selected works. An organism as a whole in individual and historical development]. Moscow: Nauka.
14. Sviridov, M.K. (2014) Autonomy of courts in sentencing. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2(12). pp. 88–94. (In Russian).
15. Grinenko, A.V. (2016) Sootnoshenie ponyatiy "sud" i "sud'ya" v rossiyskom ugolovno-protsessual'nom zakonodatel'stve [Correlation of the concepts "court" and "judge" in the Russian criminal procedure law]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 9. pp. 25–29.
16. Smol'kova, I.V. (2017) Tayna soveshchaniya sudey kak garantiya zakonnosti, obosnovannosti i spravedlivosti prigovora [The secrecy of judge's conference as a guarantee of the legality, validity and fairness of the sentence]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. 2 (16). pp. 116–122.
17. Tkacheva, N.V. & Bobb, T. (2008) Sushchnost' i znachenie printsipov ugolovnogo protsessa i ikh priznaki [Essence and significance of the principles of the criminal procedure and their features]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Orenburg State University*. 83. pp. 67–69.
18. Kornakova, S.V. (2015) [To the question of the principle of justice in the Russian law]. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki pravotvorchestva i pravoprimeneniya* [Topical problems of the theory and practice of law-making and law enforcement]. Proceedings of the conference dedicated to the 20th anniversary of the legal education in Baikal State University of Economics and Law. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law. pp. 152–155. (In Russian).

УДК 343.1 DOI 10.17223/23088451/11/22

А.С. Шагинян, Р.В. Мушегов

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ (ДОЗНАВАТЕЛЯ) ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Рассматриваются актуальные вопросы природы и роли института возбуждения уголовного дела в современном российском уголовном процессе, в том числе проблема сохранения института возбуждения уголовного дела. Авторы пытаются ответить на данные вопросы, приводя доводы в поддержку идеи о непроцессуальной природе деятельности, предшествующей возбуждению уголовного дела.

Ключевые слова: *возбуждение уголовного дела, проверка сообщений о преступлении, уголовный процесс, отказ от стадии.*

Деятельность уполномоченных должностных лиц государственных органов по проверке сообщений о преступлении и вынесению по ним законных и обоснованных решений о возбуждении уголовного дела имеет важнейший характер. Она предшествует и обуславливает начало производства предварительного расследования и связанных с ним следственных и процессуальных действий.

Рассматриваемая деятельность имеет продолжительную историю, начав законодательно развиваться от упоминания в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., что, в сущности, являлось отсылкой к полицейскому сыску, до современного регулирования как стадии уголовно-процессуальной деятельности, появившейся на советском этапе развития уголовного процесса.

Выяснение роли и места системы действий, связанных с решением вопроса о возбуждении уголовного дела, имеет важное значение, поскольку от решения этого вопроса зависит, в том числе, возможность использовать полученную в ходе проверки сообщений о преступлении информацию в процессе доказывания. Заслуживают внимания серьезные изменения роли и современное состояние указанного института на текущем этапе развития уголовно-процессуального законодательства России.

Интересно, что реформа института возбуждения уголовного дела в современном УПК РФ, с учетом продолжающихся изменений, привела к необоснованному увеличению значения деятельности по проверке сообщений о преступлениях и принятию по ним решения [1; 2, с. 110].

Более того, в научной литературе отражено мнение, что реформа института возбуждения уголовного дела в современном УПК РФ не носит системного характера, а продолжающееся внесение изменений заслуживает критических оценок [3, с. 103–104].

Какова же природа деятельности по проверке и принятию решений по поступившим сообщениям о преступлении и ее место в современном российском уголовном процессе?

На настоящем этапе развития отечественного уголовного процесса и знаний о нем вопрос о роли и значении института остается спорным и актуальным. Интересно, что в данном вопросе большинство авторов, опираясь на труды предыдущих лет, отстаивает идею уголовно-процессуальной природы действий по проверке сообщений о преступлениях, приводя каждый раз схожий набор доводов, который будет представлен ниже.

Интересно, что в целом обычные доводы позиций, в той или другой форме их подачи, используются сторонниками и противниками отождествления возбуждения уголовного дела со стадией процесса, а также теми, кто обсуждает процессуальную природу действий, связанных с возбуждением уголовного дела. Потому необходимо подробно остановиться как на каждом из них, так и на их связи друг с другом.

С утверждением о том, что принятие и проверку сообщений о преступлении нельзя назвать административной деятельностью только потому, что она осуществляется с помощью мероприятий, которые очень схожи по содержанию с мероприятиями, проводимыми в рамках осуществления общего прокурорского надзора или административного контроля в какой-либо области, следует согласиться в той части, в которой это не означает, что указанные действия следует признавать процессуальными, поскольку они осуществляются с помощью мероприятий, схожих с проводимыми в рамках предварительного расследования. В таком случае для полной ясности необходимо указать, что это не значит, что указанные действия стоит признавать процессуальными по характеру в силу того, что они устанавливаются Уголовно-процессуальным кодексом.

Указывается, что без возбуждения уголовного дела, как неотъемлемого этапа, невозможно следующее за ним предварительное расследование, а «каждое уголовное дело, вне зависимости от его характера и содержания, неминуемо проходит этот обязательный этап». Действительно, указанные действия, как было сказано ранее, играют роль фильтра для предварительного расследования. Однако уголовное дело не может существовать в рамках проверки сообщения о преступлении и принятия по ним решения. Более того, неправомерно объявлять нечто, предшествующее одному явлению, одинаковым по природе в силу одного лишь этого факта.

Деятельность, связанная с возбуждением уголовного дела, имеет свою самостоятельную задачу. Однако можем ли мы на этом основании, пусть даже и в содержании этой задачи будет «упомянуто» предвари-

тельное расследование, делать вывод об уголовно-процессуальной природе этих действий?

В этом же ключе следует оценивать выделение особых субъектов, мероприятий, сроков для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Само по себе их наличие не сможет подтвердить или опровергнуть процессуальную природу рассматриваемых действий, пусть даже они и схожи с теми, что существуют для предварительного расследования, как было указано ранее. Хотя законодатель пошел дальше в этом вопросе, не только регулируя указанную деятельность в Уголовно-процессуальном кодексе, но и устанавливая одинаковый порядок для обжалования таких решений, как возбуждение уголовного дела, и, например, прекращение уголовного дела, которое, несомненно, имеет процессуальную природу.

То, что УПК РФ регулирует отношения, связанные с проверкой сообщений о преступлении, устанавливая сроки, называя субъектов и средства ее осуществления, а также относя решения, принимаемые по результатам такой проверки, к другим процессуальным решениям, отражает отношение законодателя к системе таких действий, как к процессуальной стадии в современном российском уголовном процессе. Но данное решение не должно предопределять ответ на вопрос о природе этой деятельности, поскольку ее качество, как уголовно-процессуальной или административной, должны определять содержательные признаки, а формальное закрепление должно являться лишь отражением этого содержания.

Иначе говоря, все признаки сводятся к преувеличенному значению формального регулирования указанных действий в уголовно-процессуальном законе. Интересно в этом отношении существующее в научной литературе предположение о том, в чем же была причина придания возбуждению уголовного дела характера стадии в советский период развития науки уголовного процесса, а затем и соответствующая этому взгляду законодательная регламентация этого института. Существует мнение, что в основе этих идей лежат не процессуальные, а скорее политические мотивы [4, с. 28].

Так, схожий с современным и являющийся образцом для него дореволюционный уголовный процесс не регламентировал институт возбуждения уголовного дела. Это не следует расценивать как аргумент в пользу административной природы возбуждения уголовного дела, однако данный факт демонстрирует значение формального, путем использования в законе соответствующих терминов, придания процессуального статуса институту возбуждения уголовного дела, поскольку уголовный процесс смешанного типа в прошлом прекрасно функционировал и без данной стадии.

Отдельной оценки заслуживает вопрос о целесообразности, обоснованности либо об оправданности существования такой стадии уголовного процесса. Представляется принципиальным и возможным разделить указанный вопрос на два аспекта: необходимость деятельности по проверке и принятию решений по поступившим сообщениям о преступлении и признание за ней процессуального характера. Рассуждения по поводу последнего нами начаты ранее и продолжатся далее в работе. Что касается первого аспекта, то именно здесь место для рассуждений о (социалистической) законности, гарантии прав и свобод человека, «надведомственных» или государственных интересов. Тем более актуален этот вопрос в свете последних изменений, вносившихся в нормы, регулирующие институт возбуждения уголовного дела. Одним из определяющих в этом отношении стал ФЗ от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ, который продолжил общую тенденцию по увеличению степени регламентации проверки сообщения о преступлении в УПК: расширен перечень действий по проверке сообщения о преступлении, распространены гарантии прав участников уголовного судопроизводства на лиц, участвующих в проверке, обозначена доказательственная перспектива сведениям, полученным в ходе проверки сообщения о преступлении.

Сторонники сохранения института возбуждения уголовного дела предостерегают о том, что отказ от стадии возбуждения уголовного дела существенно снизит гарантированность решения второй задачи уголовного судопроизводства (соблюдение прав граждан при отсутствии признаков преступления). Последствия поспешного начала уголовного производства повышают угрозу нарушить конституционные права граждан (неприкосновенность личности, собственности, жилья, наложение ареста на имущество и пр.) [5, с. 166–168].

Указывая на возможность «институциональной катастрофы» в случае отказа от института возбуждения уголовного дела, отмечают, что он выступает гарантом стабильного функционирования уголовно-процессуальной системы в целом и уголовно-процессуального механизма рассмотрения сообщений о преступлении, которые обеспечивают быстрое реагирование на информацию, содержащую данные о признаках преступления, обязательность ее приема, регистрации и проверки, принятие законного и обоснованного решения, соблюдение конституционно-гарантированных прав и свобод граждан [5, с. 180–183].

В этой связи приводится следующее утверждение. Целесообразность существования стадии возбуждения уголовного дела следует из практической потребности в ее наличии, что устанавливается исходя из того, может ли решать указанный институт поставленные перед ним задачи, а именно: установление наличия повода и основания для принятия решения о возбуждении уголовного дела; выяснение отсутствия оснований для отказа в возбуждении уголовного дела; принятие мер по сохранению следов, а также пресечению и предотвращению преступления. Отвечая на поставленный вопрос, автор делает вывод о том, что «…сегодняшняя система процессуальных средств проверки заявлений и сообщений о преступлениях оптимальна…», «…она вполне достаточна для выполнения главной задачи первоначальной уголовно-процессуальной стадии – проверить наличие повода и основания для возбуждения уголовного дела и выяснить обстоятельства, необходимые для вынесения здесь законного и обоснованного итогового решения» [6, с. 13–15].

В свою очередь противники института возбуждения уголовного дела указывают на следующее. С.В. Бажанов, например, приходит к выводу, что в большинстве

случаев доследственная проверка не находит оправдания, поскольку процессуальные сроки, установленные ч. 1 ст. 109 УПК, далеко не всегда достаточны для принятия обоснованного решения. Поэтому весьма часто они нарушаются. Да и решения, принимаемые в такие короткие сроки, вряд ли могут претендовать на звание обоснованных. Но, с другой стороны, они, по его мнению, не могут быть и преждевременными.

С.В. Бажанов также полагает, что доследственная проверка – это, по сути, то же самое расследование. Вот, что он пишет по этому поводу: «…так называемая доследственная проверка в стадии возбуждения уголовного дела не может ни быть не процессуальной, ибо регламентирована, хотя и недостаточно четко, уголовно-процессуальным законодательством. Как бы мы не ухищрялись ее называть, это есть не что иное, как расследование, только проводимое с нарушением норм УПК и конституционных прав граждан» [7, с. 51–54]. Проверочные действия в стадии возбуждения уголовного дела представляют собой анахронизм уголовно-процессуального законодательства, сводящийся к бессмысленной волоките и чрезмерной перестраховке. Уголовное дело необходимо возбуждать на основании повода, если, конечно, в нем содержатся данные, указывающие на признаки преступления.

Одна из наиболее последовательных сторонников отказа от института возбуждения уголовного дела Л.М. Володина указывает на противоречивость одного из главных аргументов в защиту современного института возбуждения уголовного дела – необходимость защитить человека от незаконного и необоснованного уголовного преследования. «Стадия возбуждения уголовного дела никогда не была гарантией, сколько-нибудь сдерживающей беззаконие и произвол в уголовном судопроизводстве. Напротив, нередко именно возбужденное уголовное дело в силу амбициозных представлений о его перспективе с легкой руки иных должностных лиц доводилось во что бы то ни стало до “логического конца”, понимаемого как непременное постановление обвинительного приговора. Утверждение о том, что рассматриваемая стадия действительно предоставляет гарантии гражданам, вовлеченным в сферу уголовной юрисдикции, ничтожно, поскольку на начальном этапе производства по делу *нет* участников уголовного процесса в понимании, заданном законодателем» [8, с. 10–11].

Напротив, профессор М.К. Свиридов считает, что «именно стадия возбуждения уголовного дела, при правильной ее организации, является действенным механизмом, который разрешает вторгаться в личную жизнь граждан только тогда, когда имеется обоснованность, необходимость этого, и пресекает вторжение, когда в этом необходимости нет» [9, с. 63–64].

Можно отметить, что и те, и другие в своих позициях выражают, как представляются, верные по существу мысли. Последовательным здесь кажется осторожный подход к отказу от проверки сообщений о преступлении. Ее существование обосновывается потребностью создать «барьер», «фильтр» между множеством первичной информации о событии прошлого и информацией, свидетельствующей о разумной потребности для начала предварительного расследования, что требуется с точки зрения публичного начала уголовного процесса и находится в рамках, отвечая требованию соблюдения баланса частных и публичных интересов. Из вышесказанного следует исходить, формулируя задачи, стоящие перед деятельностью по проверке и принятию решений по поступившим сообщениям о преступлении. И далее, как следствие, стоит говорить об экономии государственной репрессии, что всегда уместно, а также о потребности избежать излишнего включения лица в орбиту уголовного судопроизводства.

Яркий пример поспешности уголовно-правовой политики в этой области – недавняя реформа уголовного процесса на Украине, в рамках который была предпринята попытка отказаться от института возбуждения уголовного дела. В результате, по утверждению большинства ученых и практикующих юристов, введение автоматического начала досудебных расследований себя не оправдало [10, с. 165–167].

Но вернемся к вопросу о процессуальном характере действий по проверке и разрешению сообщений о преступлении. Что можно назвать уголовным процессом, а что нельзя? Этот вопрос является одним из фундаментальных в науке уголовного процесса, потому остановиться и рассуждать о нем, сделав собственные выводы, в настоящей работе невозможно. Представляется правильным на этом пути использовать следующие научные идеи.

Ядром уголовного процесса является доказывание, которое характеризуется как познавательная деятельность уполномоченного субъекта (органа предварительного расследования, суда) по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Уголовно-процессуальное доказывание едино с точки зрения цели (обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК), средств доказывания (доказательств и требований, предъявляемых к ним), формы (в смысле условий и порядка производства следственных и судебных действий) и других требований, предъявляемых законом к этой деятельности, для всех субъектов, его осуществляющих, как на стадии предварительного расследования, так и судебного производства.

Именно доказывание предшествует вынесению субъектом процесса итогового решения по уголовному делу, а ответ на вопрос, соответствует ли проведенная деятельность всей системе требований, предъявляемой к ней, предопределяет характер и содержание такого решения.

Таким образом, получение *знания о прошлом* приобретает первостепенное значение, поскольку только таким методом возможно и допустимо достичь цели, стоящей перед субъектами процесса. В этом смысле отечественный уголовный процесс приобретает познавательные свойства, что соответствует его природе.

По обоснованному утверждению авторов, на основе анализа закона, философских источников и позиций ученых-процессуалистов, отталкиваясь от цели получить знание об обстоятельствах ст. 73 УПК, метод уголовного процесса сводится к всестороннему, полному

и объективному исследованию [11, с. 122, 126]. Как показывают авторы далее, рассуждая о сфере применения требования производить всестороннее, полное и объективное исследование, не возникает сомнений в его существовании на стадии предварительного расследования. Именно здесь существует сама процессуальная деятельность с ее целями и методом, предназначенными для субъектов ее осуществления.

На этом основании разве возможно рассуждать о процессуальной природе института возбуждения уголовного дела, учитывая, что в его рамках перед должностным лицом не стоит цели получения *знания* о прошлом, уголовно-процессуальное доказывание еще не осуществляется, а метод полного, всестороннего и объективного исследования неприменим. Должностное лицо, осуществляющее проверку сообщений о преступлении, не наделено полноценными возможностями для этого, в части полномочий, средств и т.д. Кроме того, поскольку уголовно-процессуальная деятельность не началась, нельзя говорить о деятельности, связанной с возбуждением уголовного дела, как о гарантирующем доказательственный процесс явлении. Таковым, например, может считаться институт мер процессуального принуждения.

Исходя из вышесказанного, следует оценивать критически, как противоречивые, утверждения о возможности и целесообразности проводить доказывание в рамках проверки сообщений о преступлении [12, с. 182–183; 13, с. 41–43; 14, с. 100–102, 124; 15, с. 10–11], а также последние законодательные изменения, регулирующих институт возбуждения уголовного дела.

Не случайно по отношению к таким изменениям в юридической литературе высказываются суждения о намерении законодателя, путем постепенного реформирования института возбуждения уголовного дела по образу предварительного расследования, смешав их, наполняя его схожим содержанием, прийти к его ликвидации [16, с. 72–73].

Возбуждение уголовного дела – многозначное понятие, часто используемое в уголовно-процессуальной литературе. Нас интересует сущностная сторона явления возбуждения уголовного дела, которая представляет собой систему действий уполномоченных лиц, направленную на разрешение вопроса о наличии либо отсутствии правовых оснований для начала последующей уголовно-процессуальной деятельности по поводу события, имевшего место в прошлом.

Основной задачей, стоящей перед уполномоченным лицом при возбуждении уголовного дела, является установление, по смыслу закона, «достаточных данных», указывающих на признаки преступления. В этом смысле указанная задача имеет информационный характер.

Содержанием деятельности по проверке сообщений о преступлении, которая является центральным и важнейшим элементом института возбуждения уголовного дела, следует называть систему указанных в законе мероприятий, направленных на установление наличия либо отсутствия основания для возбуждения уголовного дела.

В этом отношении очевидна информационная направленность рассматриваемой деятельности. Несмотря на то, что указанный тезис нуждается в дальнейшем теоретическом развитии, сложно усомниться в том, что в рамках проверки сообщений о преступлении осуществляется познание, подчиненное решению задач, стоящих перед институтом возбуждения уголовного дела.

Учитывая названные характеристики, следует признать деятельность по проверке, рассмотрению и принятию решения по поступившим сообщениям о преступлении *самостоятельным* направлением в работе правоохранительных органов, имеющим цель и задачи, тесно связанные с целью и задачами, стоящими перед уголовно-процессуальной деятельностью на этапе предварительного расследования, но не поддающимся поглощению последней.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Володина Л.М.* Новые проблемы возбуждения уголовного дела // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России : межвуз. сб. науч. тр. Уфа : РИО БашГУ, 2003. С. 60–63.
2. *Андреева О.И.* О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 109–112.
3. *Александров А.С., Грачев С.А.* Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 103–104.
4. *Томин В.Т., Поляков М.П., Попов А.П.* Очерки теории эффективного уголовного процесса. Москва ; Берлин : Директ-медиа, 2015. 164 с.
5. *Сергеев А.Б., Хохрякова Э.А.* Стадия возбуждения уголовного дела – «атавизм» уголовного процесса? // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). С. 163–170.
6. *Азаров В.А.* Целесообразно ли наличие в отечественном уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 13–17.
7. *Бажанов С.В.* Оправдана ли так называемая доследственная проверка? // Законность. 1995. № 1. С. 51–54.
8. *Володина Л.М.* Проблема регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 5–11.
9. *Свиридов М.К.* Содержание стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 61–68.
10. *Богатова Е.В.* Стадия возбуждения уголовного дела в системе обеспечения прав человека // Вестник СГЮА. 2014. № 4. С. 164–168.
11. *Барабаш А.С., Брестер А.А.* Метод российского уголовного процесса. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2013. 224 с.
12. *Сиверская Л.А., Смирнова Н.А.* К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 1. С. 179–183.
13. *Тарзиманов В.М.* Средства и возможность доказывания при проведении проверки сообщения о преступлении // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2014. № 1. С. 40–43.
14. *Тарзиманов В.М.* Процессуальные аспекты проведения проверки сообщения о преступлении : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 28 с.

15. *Березина Л.В.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 25 с.
16. *Стародубова Г.В.* Стадия возбуждения уголовного дела: упразднить нельзя реформировать // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 69–73.

FEATURES OF THE INVESTIGATOR'S (INQUIRER'S) ACTIVITY BEFORE THE CRIMINAL CASE INITIATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 114−118. DOI 10.17223/23088451/11/22
Armen S. Shaginyan, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ashaginyan@sfu-kras.ru
Ruslan V. Mushegov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ruslanmushegov@gmail.com

Keywords: initiation of criminal case, verification of reports of crime, criminal procedure, refusal from stage.

The activities of authorised officials of state bodies to verify reports of a crime and to make lawful and justified decisions on initiating a criminal case are of the most important nature. They precede and cause the beginning of preliminary investigation and related investigative and procedural actions.

The clarification of the role and place of the actions connected with the decision to initiate a criminal case is important, since the possibility to use the information obtained during the verification of crime reports in the proof depends on the solution of this question. Noteworthy are the serious changes in the role and the current state of this institution at the current stage of the development of the criminal procedural legislation of Russia.

At the present stage of the Russian criminal procedure and knowledge about it, the question of the role and significance of the institution remains controversial and relevant. It is interesting that in this issue most authors, relying on the works of previous years, defend the idea of the criminal procedure nature of actions to verify reports of crimes and each time give a similar set of arguments, which is presented below. It is interesting that, in general, the usual arguments of positions, in one form or another, are used by supporters and opponents of identifying the initiation of a criminal case with the stage of the procedure, as well as by those who discuss the procedural nature of actions connected with the initiation of a criminal case.

The authors come to a conclusion that the content of the activities on the verification of reports of a crime, which is the central and most important element of the institution of a criminal case initiation, should be a system of measures specified in law aimed at establishing the presence or absence of grounds for initiating a criminal case. Taking into account the above characteristics, it is necessary to recognise the activities for the acceptance, verification, review and decision on the reported crimes an independent direction in the work of law enforcement agencies, whose purpose and tasks are closely related to the purpose and tasks of criminal procedural activities at the stage of preliminary investigation, but not absorbed by the latter.

References

1. Volodina, L.M. (2003) Novye problemy vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [New problems of initiating a criminal case]. In: Enikeev, Z.D. (ed.) *Aktual'nye voprosy ugolovnogo protsessa sovremennoy Rossii* [Topical issues of the criminal procedure in modern Russia]. Ufa: Bashkir State University.
2. Andreeva, O.I. (2012) On the necessity of criminal case instituting in present-day criminal proceedings in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 356. pp. 109–112. (In Russian).
3. Aleksandrov, A.S. & Grachev, S.A. (2015) Stage of criminal case institution: to liquidate or to leave in force. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal Science and Law Enforcement Practice.* 1(31). pp. 103–104. (In Russian).
4. Tomin, V.T., Polyakov, M.P. & Popov, A.P. (2015) *Ocherki teorii effektivnogo ugolovnogo protsessa* [Essays on the theory of effective criminal procedure]. Moscow; Berlin: Direkt-media.
5. Sergeev, A.B. & Khokhryakova, E.A. (2015) Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela – "atavizm" ugolovnogo protsessa? [Is the stage of the criminal case initiation an "atavism" of the criminal procedure?]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University.* 17 (372). pp. 163–170.
6. Azarov, V.A. (2014) Is the stage of criminal case initiation necessary in the Russian criminal procedure? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 2 (4). pp. 13–17. (In Russian).
7. Bazhanov, S.V. (1995) Opravdana li tak nazyvaemaya dosledstvennaya proverka? [Is the so-called pre-investigation check justified?]. *Zakonnost'.* 1. pp. 51–54.
8. Volodina, L.M. (2013) Problema reglamentatsii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [The problem of the regulation of the criminal case initiation]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 5–11.
9. Sviridov, M.K. (2016)Sviridov, M.K. (2016) The content of the stage of instituting criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2 (20). pp. 61–68. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/20/8
10. Bogatova, E.V. (2014) The stage of institution of a criminal case in the human rights system. *Vestnik SGYuA.* 4. pp. 164–168. (In Russian).
11. Barabash, A.S. & Brester, A.A. (2013) *Metod rossiyskogo ugolovnogo protsessa* [The method of the Russian criminal procedure]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press.
12. Siverskaya, L.A. & Smirnova, N.A. (2015) K voprosu o stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [To the question of the stage of initiation of a criminal case]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta.* 1. pp. 179–183.
13. Tarzimanov, V.M. (2014) Means and possibility of proof when carrying out verification of the message on the crime. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Pravo" – Bulletin of South Ural State University. Series "Law".* 1. pp. 40–43. (In Russian).
14. Tarzimanov, V.M. (2014) *Protsessual'nye aspekty provedeniya proverki soobshcheniya o prestuplenii* [Procedural aspects of verifying the report of a crime]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
15. Berezina, L.V. (2003) *Dokazyvanie v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela po UPK Rossiyskoy Federatsii* [Proving in the stage of the institution of a criminal case under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
16. Starodubova, G.V (2013). Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: uprazdnit' nel'zya reformirovat' [The stage of instituting a criminal case: to abolish or to reform]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess*. 2. pp. 69–73.

УДК 343.139 DOI 10.17223/23088451/11/23

В.В. Ясельская, А.В. Грищенко

СОСТЯЗАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАЩИТНИКА НА ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Статья посвящена проблемам реализации принципа состязательности при формировании коллегии присяжных заседателей. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства РФ, а также практики его применения предложены пути повышения эффективности деятельности защитника на данном этапе производства по уголовному делу.

Ключевые слова: *суд присяжных, принцип состязательности, адвокат-защитник, формирование коллегии присяжных заседателей.*

В соответствии с ч. 3 ст. 123 Конституции РФ судопроизводство должно осуществляться на основе состязательности и равноправия сторон. Как отмечается учеными и практиками, реализация этого принципа создает максимально благоприятные условия для установления истины и вынесения справедливого приговора. Так, по мнению М.К. Свиридова, одним из существенных элементов состязательности является спор между сторонами в судебном разбирательстве. Помогая более качественно исследовать и оценивать доказательства, спор значительно повышает надежность судебного познания и способствует достижению объективной истины [1, с. 105].

УПК РФ впервые закрепил состязательность в качестве принципа всего процесса в целом (ст. 15 УПК РФ). Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, наиболее полно этот принцип реализуется именно в стадии судебного разбирательства [2, с. 145]. Особенно ярко это проявляется в суде присяжных, где благодаря усложненной процедуре суд в наибольшей мере выдерживает объективность; стороны же вынуждены работать более активно, ответственно и профессионально. Состязательные начала должны проявляться и в подготовительной части судебного разбирательства: здесь происходит формирование коллегии, от качественного состава которой во многом зависит и характер выносимого вердикта, и общий результат разрешения дела.

Однако компетенция суда присяжных существенно ограничена: в настоящее время уголовные дела с участием присяжных рассматривают только суды областного уровня, и то в незначительном количестве. Так, по данным Томского областного суда, за все время существования суда присяжных в нем рассмотрено всего лишь 29 дел с их участием[1]. Это говорит о том, что конституционное право граждан участвовать в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ) в должной мере в России не реализуется.

С 1 июня 2018 г. вступают в действие положения УПК РФ, расширяющие сферу применения института присяжных заседателей. На наш взгляд, введение суда присяжных в районных судах сопряжено с некоторыми проблемами, в частности связанными с тем, что многие адвокаты не имеют опыта работы с присяжными заседателями. Так, в феврале текущего года при содействии Адвокатской палаты Кемеровской области нами был подготовлен и проведен учебно-практический семинар для адвокатов города Юрга, посвященный проблемам формирования коллегии присяжных. В ходе семинара выяснилось, что ни один из присутствующих адвокатов никогда не участвовал в рассмотрении дела с участием присяжных.

В то же время именно от профессионализма адвокатов-защитников во многом зависит качественный состав коллегии, процедура комплектования которой, как показал анализ литературных источников и практики, и так несовершенна. В частности, в ходе формирования жюри присяжных зачастую существенно ограничивается состязательная деятельность защитника.

Так, формирование коллегии присяжных заседателей состоит из организационного и процессуального этапов [3, с. 47]. Однако непосредственно защитник участвует лишь на втором из них; первый проходит за рамками уголовного процесса. Вместе с тем нарушения могут быть допущены уже при составлении предварительного списка кандидатов на организационном этапе формирования коллегии, что может отразиться на ее объективности и беспристрастности. Как отмечается в научной литературе, предварительный список формируется вне рамок состязательной судебной процедуры и при отсутствии документов, подтверждающих случайность выборки, в связи с чем на практике достаточно часто в нем появляются не сгенерированные компьютером, а специально «подобранные» лица [4, с. 2841–2842].

Причины искусственного «доукомплектования» списка могут быть различными. Так, в частности, это может происходить для того, чтобы из-за низкой явки кандидатов не сорвался процесс: при прибытии в суд кандидатов по различным, но назначенным в одно время делам их могут подвергать «тасованию» в целях обеспечения необходимого для начала формирования коллегии числа кандидатов. В других случаях в силу особых взаимоотношений работников суда и прокуратуры в судебное заседание «приглашаются» те, кого желают видеть в коллегии [5].

Отсутствие «прозрачности» при составлении предварительного списка создает риски формирования незаконного состава коллегии. Это может отразиться не только на результатах рассмотрения конкретного дела, но и на репутации участников процесса и правосудия в

[1] Дела с участием присяжных заседателей рассматриваются в Томском областном суде с 2005 г.

целом. Очевидно, адвокатам необходим механизм, с помощью которого они бы смогли защищать интересы подсудимого, пресекая нарушения закона.

В связи с тем, что дела с участием присяжных заседателей рассматриваются достаточно давно (в некоторых регионах уже более 25 лет), практикующие адвокаты разработали рекомендации по противодействию незаконным манипуляциям с предварительным списком. Так, например, для выявления нарушений при формировании предварительного списка адвокатам, участвующим в суде присяжных, необходимо сопоставлять имена явившихся в судебное заседание кандидатов с именами из опубликованного на сайте местного самоуправления общего списка, на основании которого формировался предварительный (ч. 1 ст. 326 УПК РФ). Обнаружение в предварительном списке присяжных, отсутствующих в общем списке, недвусмысленно свидетельствует о том, что участие в деле таких кандидатов недопустимо и не имеет какого-либо законного основания [6].

Проверять факт возможной псевдослучайной выборки необходимо при проведении опроса кандидатов в подготовительной части судебного разбирательства. Поскольку извещения должны быть вручены включенным в предварительный список кандидатам в присяжные не позднее чем за 7 дней (ч. 6 ст. 326 УПК РФ), защитникам предлагается выяснять, когда кандидаты получили приглашение явиться в суд и как произошло оповещение [7]. Практики отмечают, что кандидаты, которым позвонили накануне заседания и попросили поучаствовать в качестве присяжных, являются «подобранными» и подлежат мотивированному отводу. Кроме того, чтобы уменьшить возможность «умолчания» о значимых для стороны защиты обстоятельствах и снизить вероятность искажения важной информации, считаем необходимым задавать предложенные вопросы каждому кандидату в отдельности, а не всем сразу, как зачастую происходит на практике.

При сомнении в законности участия кандидата в деле также можно ходатайствовать о допросе или получении протокола опроса секретаря, который производил выборку. Задавать ему рекомендуется вопросы следующего содержания: «с использованием скольких фамилий формировался предварительный список?», «когда проводилась выборка?», «секретарь ли ее производил?» Использование всех этих тактических возможностей, на наш взгляд, могло бы иметь для адвоката-защитника большое значение: в частности, это позволило бы ему в случае необходимости оспорить законность предварительного списка.

Нарушения, встречающиеся на организационном этапе, ведут к проблемам и на процессуальном этапе формирования коллегии. Так, некачественное составление предварительного списка вследствие поверхностной проверки включаемых в него кандидатов [3, с. 69] при их умышленном искажении во время опроса необходимой адвокату информации ведет к включению в коллегию либо лиц, участие которых в отправлении правосудия законом не допускается, либо потенциально необъективных и пристрастных присяжных.

Поскольку вердикт присяжных можно поставить под сомнение, только если кандидат сообщил ложные сведения (или утаил их) в ответ на поставленные перед ним вопросы [8, с. 13], добросовестное использование защитником предоставленных возможностей на этапе опроса кандидатов в присяжные может стать гарантией для последующего обжалования приговора, постановленного на основании обвинительного вердикта.

Однако выявить нарушение кандидатом обязанности правдиво отвечать на поставленные вопросы адвокату не так просто, поскольку потенциальные возможности для обжалования приговора в данном случае у сторон разнятся. Как обоснованно отмечается в литературе, в отличие от государственного обвинителя, имеющего в силу своего служебного положения возможность получить оперативным путем списки кандидатов и произвести в отношении них нелегальные спецпроверки, защитник не располагает потенциалом по сбору информации о личности присяжного [5]. По нашему мнению, единственным способом выявить факт сокрытия или искажения информации кандидатом является повышение качества его опроса в подготовительной части судебного разбирательства при формировании жюри присяжных заседателей.

Однако анализ уголовных дел в архиве Томского областного суда показал, что должного внимания опросу кандидатов адвокаты не уделяют. Вместо того чтобы тщательно готовиться к его проведению, заранее продумывать каждый вопрос для полного выяснения интересующих обстоятельств, адвокаты участвуют на этом этапе формально, преимущественно ограничиваясь стандартными вопросами. Так, как правило, защитниками выяснялось, имеют ли родственники кандидатов судимость или привлекались ли кандидаты к административной ответственности; работали ли они или их родственники в органах прокуратуры, предварительного расследования; были ли потерпевшими по уголовному делу или делу об административных правонарушениях. Часто по изученным делам адвокаты интересовались, какое образование имеют кандидаты; а также соответствуют ли они требованиям, предъявляемым законом.

Бесспорно, получение ответов на эти вопросы позволяет защитникам сделать немаловажные выводы. Так, наличие контактов кандидатов с представителями органов, осуществляющих уголовное преследование, может говорить о возможной необъективности кандидатов; принадлежность к военной службе – о привычке подчиняться; присутствие в потенциальной коллегии психолога – о способности воздействовать на мнение присяжных; совершение против кандидата противоправного деяния – о возможном предубеждении в отношении обвиняемого.

Не умаляя важности данных вопросов, в том числе для реализации права на отводы, следует отметить, что ограничиваться ими при опросе кандидатов не рекомендуется. Так, заслуживают внимание формулировки, предложенные С.А. Каракозовым, например: «отразится ли на мнении кандидатов о невиновности использование подсудимым конституционного права сохранять молчание и не давать по-

казания?»; «смогут ли кандидаты сохранить беспристрастность и объективность вплоть до завершения заслушивания показаний участников процесса и напутственного слова председательствующего?»; «обсуждали ли они работу в качестве присяжных, и какого мнения об объективности и беспристрастности присяжных придерживались?»; «согласны ли, что человек в суде невиновен до тех пор, пока не представлены неоспоримые доказательства его вины?» [9, с. 86]. Подобные вопросы, которые лишь косвенно свидетельствуют о необъективности присяжного, встречались и в практике Томского областного суда (например, «кто из кандидатов считает, что не может принимать решение о виновности или невиновности, если не был очевидцем произошедшего?»; «кто плохо переносит вид крови, насилия?»; «кто не может смотреть фильмы ужасов?»).

Кроме того, считаем целесообразными вопросы, обусловленные характером и обстоятельствами конкретного дела. Так, например, из практики Томского областного суда, защитниками задавались вопросы следующего содержания: «у кого из кандидатов имеется предубеждение к индивидуальным предпринимателям?»; «кто из кандидатов не имеет собственного жилья?»; «известно ли кандидатам что-либо о рассматриваемом деле из СМИ?» Полагаем, что ответы на подобные вопросы в большей степени позволяют судить о реальной предвзятости кандидатов в присяжные, приглашенных для рассмотрения конкретного дела.

В целом же, защитники используют не все предоставленные возможности при формировании коллегии вообще и при проведении опроса кандидатов в частности. Так, вопросы, направленные на проверку факта случайности выборки при составлении предварительного списка, по изученным делам защитниками не задавались. Кроме того, незначительно и количество вопросов, задаваемых защитниками при проведении опроса кандидатов в присяжные. Так, в среднем по каждому изученному нами делу защитниками задавалось по 4–5 вопросов, что явно недостаточно. Более того, в протоколе судебного заседания одного из изученных уголовных дел не было зафиксировано ни одного вопроса защитника кандидатам в присяжные [10]. В последующем этот защитник не заявил кандидатам в присяжные ни мотивированные, ни немотивированные отводы. Не ясно, что руководило защитником при выборе такой тактики участия в формировании коллегии. Считаем, что, учитывая имеющиеся возможности, пассивность защитника при опросе кандидатов не выдерживает никакой критики.

С другой стороны, эффективность проведения опроса не всегда зависит от сторон. Так, вполне возможна ситуация, когда защитник, являясь активным и добросовестным, старается выяснить, по его мнению, важные для формирования коллегии обстоятельства, а суд отклоняет поставленные им вопросы. Поскольку законодательство не определяет четких критериев допустимости вопросов при отборе присяжных, фактически решение этой проблемы полностью отдается на усмотрение председательствующего.

Отказы могут следовать и при заявлении защитником мотивированных отводов. На наш взгляд, причина таких отказов может заключаться в процедуре рассмотрения соответствующих ходатайств, которая состязательным началам совсем не отвечает. В юридической литературе справедливо отмечается: рассмотрение судьей мотивированных отводов без выслушивания мнения сторон и без обсуждения лежащих в их основе обстоятельств ведет к тому, что мотивированные отводы зачастую разрешаются поверхностно [4, с. 2843]. В связи с этим особое внимание защитникам следует уделить обоснованию заявленных ими отводов, обязательному указанию на основание, в силу которого кандидат не подлежит включению в коллегию.

Существует проблема и на этапе заявления немотивированного отвода кандидатам в присяжные. Сокращение законодателем количества возможных немотивированных отводов до одного, на наш взгляд, трансформирует этап формирования коллегии в процедуру, абсолютно не отвечающую интересам стороны защиты. Количество немотивированных отводов в России ничтожно по сравнению с другими странами. Так, в США, если обвиняемый может быть приговорен более чем к одному году лишения свободы, обвинитель имеет право на 6, защитник – на 10 немотивированных отводов; во Франции в распоряжении прокурора находится 4, подсудимого и защитника – 5 немотивированных отводов [3, с. 153]. В России же действующая система распределения между сторонами числа отводов при участии в деле нескольких подсудимых не гарантирует каждому из них даже одного немотивированного отвода.

Считаем, что такие изменения уголовно-процессуального законодательства ведут к нарушению принципа состязательности сторон. В связи с этим, грамотная реализация стороной защиты предоставленного ей немотивированного отвода становится особенно необходимой.

Однако правоприменительная практика и здесь создает препоны защитнику. Несмотря на то, что первым немотивированный отвод заявляет государственный обвинитель (ч. 14 ст. 328 УПК РФ), на практике председательствующий не всегда инициирует демонстрацию списка прокурора с немотивированным отводом до заявления отвода защитой [9, с. 85]. Поскольку из смысла закона предполагается возможность защитника реализовать свое право с учетом уже вычеркнутого государственным обвинителем кандидата, адвокатам рекомендуется оспаривать порочную практику одновременного вычеркивания сторонами отводимых кандидатов. При этом, для того чтобы не потерять единственный немотивированный отвод и продуктивно его использовать, защитнику необходимо учитывать, что в соответствии с изменениями уголовно-процессуального законодательства в судах областного уровня в основной состав коллегии войдут первые восемь, в районных судах – первые шесть человек. В связи с тем, что очередность «вхождения» кандидатов в коллегию соответствует очередности присяжных в предварительном списке, при реализации своего права большее внимание адвокату следует уделять находящимся в начале списка кандидатам.

Проанализировав лишь некоторые аспекты деятельности защитника в подготовительной части судебного разбирательства, приходим к выводу, что адвокатам необходимо тщательно готовиться к процедуре формирования коллегии присяжных по каждому конкретному делу, всегда требующему индивидуального подхода. Учитывая особенности рассматриваемого дела, адвокату следует наиболее активно и добросовестно использовать предоставленные возможности. Апеллируя к здравому смыслу присяжных и к их жизненному опыту, руководствуясь имеющимися наработками юристов, адвокаты-защитники в процессе осуществления практической деятельности постепенно смогут углублять свои знания, повышать квалификацию, формировать и совершенствовать собственные навыки работы на этапе формирования коллегии присяжных заседателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свиридов М.К.* Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2. С. 105.
2. *Свиридов М. К.* Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 145.
3. *Тисен О.Н.* Теоретические и практические проблемы формирования коллегии присяжных заседателей. М. : Юрлитинформ, 2010. 240 с.
4. *Насонов С.А.* Формирование коллегии присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2841–2846.
5. *Кручинин Ю.С.* Проблемы легальности сбора сведений о кандидатах в присяжные заседатели // СПС Консультант Плюс. (дата обращения: 01.04.2018).
6. *Видео*. Учебный игровой процесс «Суд присяжных» // Федеральная палата адвокатов РФ. [Б. м.], 2018. URL: http://fparf.ru/news/all_news/video/25049/ (дата обращения: 01.04.2018).
7. *Видео*. Адвокаты КО и В.В. Паршуткин // Адвокатская палата Кемеровской области. [Б. м.], 2011–2017. URL: http://www.advpalatakem.ru/video/index.php (дата обращения: 27.03.2018).
8. *Фролова Т.А.* Задачи защитника на разных этапах производства по делу в суде присяжных // Уголовный процесс. 2010. № 5. С. 12–20.
9. *Каракозов С.А.* Участие адвоката-защитника в состязательном процессе (на примере суда присяжных) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 204 с.
10. *Уголовное* дело № 2-46/10 по обвинению Лузикова В.М. по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105; ч. 1 ст. 105; ч. 1 ст. 167 УК РФ // Архив Томского областного суда.

ADVERSARIAL ACTIVITY OF THE DEFENDER AT THE STAGE OF THE JURY FORMATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 119−123. DOI 10.17223/23088451/11/23
Veronika V. Yaselskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yaselskaya@mail.ru
Alyona V. Grishchenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alyona180497@yandex.ru

Keywords: jury trial, adversarial principle, defence lawyer, formation of the jury.

The adversarial principle of the parties, most fully implemented in the trial, is particularly evident in the jury. Adversariality must be implemented in the preparatory part of the trial, where a jury is formed to consider a particular case.

Lawyers' lack of proper work experience in a jury trial, if the procedure for forming the jury is not perfect, often leads to violations in the defender's adversarial activity. Violations are possible both at the organisational stage, which takes place outside the criminal procedure, and at the procedural stage of the jury formation.

Violations in the drafting of the preliminary list initially lead to the formation of an unlawful composition of the jury, which influences not only the objective and fair hearing of the case, but also the stability of the sentence. Practices developed a mechanism for the timely suppression of these violations: to compare the preliminary list with the general list on the basis of which the selection was made; to check the randomness of the selection when surveying candidates in the preparatory part of the trial; to request for interrogation or for the protocol of a survey from the secretary who made the selection.

At the procedural stage of the jury formation there is a problem of formal participation of the defender in the surveying, which deprives the lawyer of the opportunity to reveal untruthful answers of candidates and use this as a basis for appealing against the sentence.

The objection to a juror procedure also does not meet the principle of adversariality. Since motivated objections are considered without the involvement of the parties, defenders should pay attention to their justification – indication of the basis for objection.

Reducing the number of unmotivated objections to one leads to the fact that the defender's competent implementation of unmotivated objection becomes particularly necessary. For the productive use of the granted right, the defender is advised to challenge the vicious practice of objecting to a candidate simultaneously with the prosecutor when the parties receive identical lists.

Thus, to carry out effective adversarial activities, defenders should carefully prepare for participation in the formation of a jury in a particular case: they should actively and faithfully use the opportunities provided; adhere to the recommendations proposed by practitioners.

References

1. Sviridov, M.K. (2013) The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (8). pp. 101–106. (In Russian).
2. Sviridov, M.K. (2011) Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 142–147. (In Russian).
3. Tisen, O.N. (2010) *Teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya kollegii prisyazhnykh zasedateley* [Theoretical and practical problems of formation of the jury]. Moscow: Yurlitinform.

4. Nasonov, S.A. (2014) Selecting of the jury panel: problems of legislative regulation and judicial practice. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava.* 12. pp. 2841–2846. (In Russian).
5. Kruchinin, Yu.S. (2010) Problemy legal'nosti sbora svedeniy o kandidatakh v prisyazhnye zasedateli [Problems of legality of collecting information about candidates for jurors]. *Advokat*. 7. pp. 17–21.
6. Russian Federal Chamber of Lawyers. (2018) *Uchebnyy igrovoy protsess "Sud prisyazhnykh"* [Educational game "Jury trial"]. A video. [Online] Available from: http://fparf.ru/news/all_news/video/25049/. (Accessed: 01.04.2018).
7. Kemerovo Regional Chamber of Advocates. (2011–2017) *Advokaty KO i V.V. Parshutkin* [Lawyers of the Kemerovo region and V.V. Parshutkin]. A video. [Online] Available from: http://www.advpalatakem.ru/video/index.php. (Accessed: 27.03.2018).
8. Frolova, T.A. (2010) Zadachi zashchitnika na raznykh etapakh proizvodstva po delu v sude prisyazhnykh [Defender's tasks at different stages of the proceedings in the jury trial]. *Ugolovnyy protsess.* 5. pp. 12–20.
9. Karakozov, S.A. (2009) *Uchastie advokata-zashchitnika v sostyazatel'nom protsesse (na primere suda prisyazhnykh)* [Participation of the defence lawyer in the adversarial trial (by the example of the jury trial)]. Law Cand. Diss, Moscow.
10. Archive of the Tomsk Regional Court. Criminal Case No. 2-46/10 on charging V.M. Luzikov under Pt. 3 of Art. 30, Para. "a" of Pt. 2 of Artt. 105; Pt. 1 of Art. 105; Pt. 1 of Art. 167 of the Criminal Code of the Russian Federation.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.241 DOI 10.17223/23088451/11/24

М.Т. Валеев

ЦЕЛИ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ И СРЕДСТВА ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

Статья посвящена целям системы уголовных наказаний. Рассматриваются подходы к определению целей системы в общефилософском смысле. Обосновывается необходимость рассмотрения цели применительно к системе наказаний через конструктивный и дескриптивный подходы к описанию систем, через представление о системе как о модели и как о совокупности взаимосвязанных мероприятий (мер). Автор аргументирует свою позицию относительно содержания системы наказаний как средства достижения ее целей, развивает уже имеющиеся в научной литературе позиции относительно содержания самих целей системы наказаний, а также предлагает свою.

Ключевые слова: *наказание, цели наказания, система наказаний*.

Система уголовных наказаний традиционно является предметом дискуссий в уголовно-правовой науке. Большинство авторов, ограничиваясь так называемым «перечневым» («инструментальным») подходом, как правило, лишь упоминают о наличии «системы наказаний» в действующем уголовном законе, перечисляя ее признаки и описывая ее элементы – виды уголовных наказаний. Показательно, например, что словарь по уголовному праву для уяснения термина «система наказаний» отсылает читателя к понятию «виды наказаний»[1, с. 529]. Однако всякую систему невозможно познать только путем анализа, ведь она суть целое, которое не сводится к ее независимым частям. Между тем вопрос о собственно системных характеристиках (почему имеющаяся совокупность наказаний является именно системой), за редким исключением в уголовно-правовой литературе, обходится стороной. В философской науке в качестве критерия (системообразующего фактора), наряду с элементом, структурой, составом, функционированием, функцией выделяют цель [2, с. 11; 3, с. 10]. Один из основателей «целевого» направления отечественной теории систем В.Н. Сагатовский отмечал, что системой объект является лишь относительно той цели, которую он способен реализовать, достигнуть [4, с. 68]. Иными словами, всё есть система, но не во всяком отношении, а система является таковой только применительно к её цели. Цель отражает возможности, посредством которых она строится как модель, предвосхищение будущего. Само появление цели связано с противоречием между тем, что есть, и тем, что должно быть [5, с. 19]. Постановка цели возможна и перед совокупностью элементов, не образующих системы. Появление же системы позволяет более эффективно достигать эту цель либо достичь ее вообще.

Целесообразность охватывает все сферы человеческой деятельности, выступает её отправным пунктом. Поэтому её называют непосредственной причиной сознательного действия. Не исключение – социальная практика в области создания и реализации правовых установлений, в том числе отдельных институтов уголовного права. «Цель, – отмечал Д.А. Керимов, – лежит в основе познания существа права, процесса его создания и реализации, развития и совершенствования» [6, с. 30].

Если цели наказания в законе определены и им посвящено большое число работ, то цели системы наказаний в уголовно-правовой науке, как правило, либо не освещаются вовсе, либо просто констатируется их наличие, либо цели системы наказаний подменяются целями наказаний. Между тем рассуждения о системе наказаний вне ее целей либо схоластичны, либо бессодержательны.

Довольно распространена позиция, согласно которой цели уголовного наказания и цели системы наказаний совпадают. Но смешение целей наказания и системы наказаний также методологически неверно, как, например, смешение целей самолета и авиации, фонарного столба на проезжей части и уличного освещения в городе и т.д. Если наказание обращено к осужденному, то цели системы наказаний – к обществу, государству. Кроме того, если средством достижения цели наказания выступают лишения и ограничения, составляющие содержание наказания, то средством цели системы наказаний выступает сама эта система, состоящая из наказаний с их свойствами. Если бы цели наказания и системы наказаний совпадали, то не было бы смысла в самой системе.

И.А. Подройкина в своей докторской диссертации определяет основное назначение системы уголовных наказаний как «установление исходных границ наказуемости» наиболее опасных правонарушений – преступлений [7, с. 65]. Едва ли это так. Во-первых, следуя такой логике, границы наказуемости теоретически могло бы определять и одно единственное наказание. Система для этого не требуется. Во-вторых, исходя из общеизвестного тезиса «преступно то, что наказуемо, а наказуемо то, что преступно», исходные границы наказуемости определяются все же не системой наказаний, а границами преступности (криминализации).

Формулировка цели, ее содержания, а также средств достижения для любой системы, в том числе системы наказаний, зависит от подходов к определе-

нию системы – дескриптивного (описательного) или конструктивного (нормотворческого).

Первый подход предполагает обнаружение (познание, выявление) систем в уже имеющихся совокупностях, с их существующими свойствами и отношениями. Здесь сначала обнаруживается и выделяется в множестве элементов структура с теми или иными свойствами в существующей реальности, а затем на основе из этих данных формулирует цели, которые обнаруженная система способна достичь. Цель здесь отражает потенциал действительности. Под целью при таком подходе следует понимать результат, который *способна* достигать уже существующая система в заданных условиях. Целеполагание при таком подходе отвечает на вопрос, каких целей позволяет достичь имеющаяся совокупность средств, ибо здесь средства детерминируют цель. Означает ли это, что законодатель, конструируя существующую систему наказаний, не закладывал в нее изначально никаких целей? Такое утверждение равнозначно утверждению о бессознательности его деятельности (ведь любая сознательная деятельность имеет цель). Тем не менее, на наш взгляд, принимая УК РФ 1996 г., законодатель попросту не выстраивал перечень наказаний именно как систему, а потому, естественно, не выделял и не выстраивал ее цели. Не случайно сам термин «система наказаний» не встречается нигде в действующем или в ранее действовавшем законодательстве. Однако при этом выделить систему в перечне наказаний в уголовном законе все же возможно.

При втором подходе установление целей – начальный шаг на пути конструирования систем. Их построение осуществляется под заранее сформулированные цели. В понятие цели, при таком подходе, «включается не только некоторое положительное знание сущего, …но и содержание негативное по отношению к деятельности, которая не удовлетворяет человека и потому подлежит преобразованию» [8, с. 55]. Цель здесь – это полагание новой действительности. Под целью при таком подходе следует понимать результат, который *должна* достичь система при заданных условиях. Цель здесь детерминирует средства. Она направляет деятельность по созданию системы и обуславливает ее состав, структуру, свойства, особенности функционирования.

Отличны и субъекты целеполагания в обоих подходах. При дескриптивном – это ученый и правоприменитель, при конструктивном – ученый и законодатель.

Таким образом, соотношение целей системы при дескриптивном и конструктивном подходах – это соотношение *возможного* и *должного*[1]. При дескриптивном подходе построение цели системы наказаний – это *отыскание* свойств системы наказаний, которые позволяют достигать целей. Здесь свойства совокупности наказаний – это средство определения целей. При конструктивном – это *построение* наказаний со свойствами, которые в совокупности и при взаимодействии способны выполнить поставленные цели. В этом случае конструируемые наказания и свойства их совокупности – это средства достижения целей системы.

В.А. Уткин применительно к целям систему наказаний рассматривает как совокупность реально применяемых государством мер уголовно-карательного принуждения и систему, как правовую «модель», закрепленную в законе. Для первой, по его мнению, «в самом общем приближении» цель – это обеспечение необходимости и достаточности уголовно-карательного принуждения адекватно сложившейся криминологической ситуации, в том числе «типовой» личности преступника, и объективным условиям (экономическим, политическим, социальным, международным и т.п.). Для системы наказаний как правовой модели целью выступает обеспечение их полноценного применения (назначения и исполнения) [10, с. 11].

Очевидно, что такое утверждение нуждается в дальнейшей конкретизации и развитии. На необходимость выделения динамического аспекта наказания (наказывания) в качестве самостоятельной формы проявления наказания уже обращалось внимание [11, с. 157; 9, с. 85]. Выделение наряду с системой наказаний как правовой модели и системы наказаний как системы реально применяемых мер продиктовано несколькими причинами. Прежде всего, потому, что «система-модель» и «система-мер» соотносятся между собой как идеальное (догматическое) и реальное (действующее). Кроме того, число элементов этих систем не одинаково. Не все наказания, предусмотренные законом, применяются на практике. Это искажает первоначальный замысел законодателя. Такое несовпадение приводит к разным качествам систем, включая степень способности достижения ими тех или иных целей. Но даже если количество наказаний, предусмотренных законом и реально применяемых на практике, совпадет, выделение обеих систем все равно не утратит актуальности. Назначение и исполнение наказаний осуществляется в реальных условиях (сложившаяся практика применения, изменение уровня преступности, международные обязательства, политическая конъюнктура, экономические возможности и т.д.), учесть влияние которых в полном объеме, а также спрогнозировать их изменение во времени изначально не всегда возможно. Поэтому полный результат действия системы на момент ее создания никогда не известен точно[2]. В этой связи практика всегда выступает в роли и критерия эффективности цели, ее истинности, средства ее корректировки и совершенствования. Вопрос несоответствия целей результатам был подробно рассмотрен немецким психологом В. Вундтом, который вывел на его основании закон так называемой «гетерогонии це-

[1] На необходимость рассмотрения цели в двух аспектах указывает и К.А. Сыч. Слово «цель», по его мнению, имеет двойной смысл: объективный (поражение мишени) и субъективный (желание стрелка попасть в цель). …Это означает, что цель может выступать в качестве фактора построения системы наказания (объективная цель) и как конечный результат, к которому стремится отмеченная система (субъективная цель) [9, с. 50].

[2] Как отмечал Д.А. Керимов, в процессе реализации права не исключено искажение заключающейся в нем цели, может случиться (и случается) и так, что избранный путь достижения данной цели окажется далеко не оптимальным. В связи с этим в каждом отдельном случае реализации права встает вопрос о максимально рациональном варианте практического осуществления его велений ради достижения того конкретного результата, который целью в праве предусматривается [6, с. 31].

лей». Отклонения объективной реализации от поставленных целей входят, согласно этому «закону», в новые ряды мотивов, изменяя прежние цели или добавляя к ним совершенно новые [12, с. 31]. В философской литературе цели, предполагаемые к достижению, называют субъективными целями деятельности, а цели, которые оказываются реально достигнутыми, – реальными целями [8, с. 126]. В связи с этим, на наш взгляд, и следует говорить о различных целях системы-модели и системы-мер, а вернее, о разных уровнях целей этих систем – теоретическом (абстрактном) и фактическом (реальном).

Используя подходы В.А. Уткина, можно выделить четыре аспекта системы наказаний: система-модель при дескриптивном подходе, система-мер при дескриптивном подходе, система-модель при конструктивном подходе, система-меры при конструктивном подходе. Означает ли это, что каждая из четырех имеет самостоятельные цели? Вряд ли. Предназначение и моделей между собой, независимо от подходов, и мер между собой, независимо от подходов, одинаково. Отличны средства их достижения. Такими средствами выступают элементы (сами наказания), их свойства, возникающие при их взаимодействии и неприсущие наказаниям по отдельности («эмерджентные» или «интегративные», или «синергетические» свойства), реализующиеся в отношениях, в которых находятся элементы системы, отношения элементов. Вместе они образуют содержание системы наказаний.

Переходя к описанию целей системы-модели, необходимо ответить на вопрос, что является средством их достижения? Действующее законодательство предусматривает тринадцать наказаний. Они обладают конкретными свойствами, позволяющими им вступать в отношения между собой. Главные их них – определенность и делимость. Определенность как свойство уголовного наказания предполагает установление конкретного и ясного объема лишений и ограничений прав и свобод осужденного. Она достигается путем закрепления конкретных качественно-количественных характеристик наказания (содержание лишения, его продолжительность, размер), а также в фиксации единиц его исчисления (например, в рублях или размере заработной платы при штрафе, в часах при обязательных работах, днях, месяцах и годах при лишении свободы и т.д.).

Делимость (или дробимость) наказания создаёт возможность дальнейшего изменения объема кары в зависимости от поведения осужденного, а также возможность решения вопросов рассрочки, назначения наказания ниже низшего предела, предусмотренного в санкции, за неоконченное преступление, преступление, совершенное в соучастии, применения амнистии, помилования, обеспечивает возможность построения относительно-определенных санкций в Особенной части. Это свойство имеет два аспекта. Первый связан с возможностью досрочного освобождения от наказания. Такое, очевидно, возможно лишь в отношении дробимых наказаний. Второй аспект связан с заменой наказания, которая производится в процессе исполнения наказания. В зависимости от основания замены объем лишений, ограничений осужденного может меняться количественно в сторону увеличения или уменьшения, либо только качественно.

Если определенность наказания требуется для его индивидуализации на стадии назначения, то делимость также необходима в целях индивидуализации, но уже на стадии исполнения.

Указанные выше свойства наказаний позволяют им вступать между собой в следующие отношения:

– сложения;

– поглощения (например, в порядке ст. 71 УК РФ);

– замены на стадии исполнения;

– зачета при замене;

– дополнения или сочетаемости (основного и дополнительного наказания).

К интегративным свойствам системы наказаний следует отнести *оптимальную численность (совокупность)* наказаний – свойство, позволяющее иметь возможность выбора (дифференциации) наказаний. Характеристика совокупности элементов системы наказаний должна отвечать требованиям необходимости и достаточности. Во всякой системе их должно быть не менее и не более чем необходимо [13, с. 128]. *Необходимость* предполагает наличие наказаний в количестве не меньшем того, что нужно для адекватного соответствия возможным вариантам (проявлениям) характера и степени общественной опасности преступления, а также типовой личности преступника. Варианты такого проявления исчерпывающе должны быть предусмотрены в категориях преступлений. В системе не должно быть «пробелов». *Достаточность*, как требование к численности, означает недопустимость дублирующих или конкурирующих наказаний. В настоящее время такое требование нарушается, помимо прочего, наличием трех наказаний, ограничивающих трудовые права граждан (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы), трех наказаний, ограничивающих свободу (арест, лишение свободы, пожизненное лишение свободы). Достаточность требует закрепления в системе наказаний в количестве не более чем нужном для обеспечения такого соответствие категориям опасности преступлений. Таких категорий преступлений, на наш взгляд, должно быть три – небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие[3]. Трем группам

[3] На наш взгляд, существующее деление преступлений на четыре категории излишне. Следуя философскому принципу «достаточного основания» (не надо множить новые сущности без надобности), должной дифференциации опасности преступлений можно достичь и трехзвенным делением – на преступления небольшой, средней тяжести, тяжкие. Действительно, во-первых, преступления небольшой и средней тяжести в большинстве случаев в Общей части упоминаются вместе. Во-вторых, они объединяют преступления с обоими формами вины. В-третьих, применительно к видам возможных к применению наказаний, кроме лишения свободы, эти категории преступлений на сегодняшний день ничем не отличаются. В-четвертых, изменения в ст. 15 УК РФ от 07.12.2011 г. «сблизили» эти категории и по срокам, повысив максимальное наказание в виде лишения свободы до трех лет для преступлений небольшой тяжести и снизив до трех лет для неосторожных преступлений средней тяжести. В-пятых, сами названия существующих категорий не отражают их сути. Сам термин «среднее» предполагает середину, равновесие, одинаковое

преступлений очевидно должны соответствовать три группы наказаний соответственно для трех групп преступников. При небольшой тяжести – это преступники, не нуждающиеся в применении наказаний, связанных с изоляцией от общества. При средней тяжести – это преступники, нуждающиеся в изоляции от общества на короткий срок[4]. При тяжком преступлении – это преступники, нуждающиеся в применении наказаний, связанных с изоляцией на продолжительный срок. Такой подход позволил бы отказаться от понимания перечня в ст.44 УК РФ, как изложенного в зависимости от суровости наказаний. Во-первых, расположение наказаний в перечне фактически не соответствует этому требованию, а потому дезориентирует правоприменителя. Так, в результате неоднократных изменений содержания элементов системы наказаний фактически изменилась ее структура, хотя расположение (очередность) наказаний осталось прежним. Например, в результате изменения ограничения свободы Федеральным законом от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ его карательный потенциал существенно снизился, однако его положение в ст. 44 УК РФ не изменилось, хотя занимаемое место уже не соответствует суровости. Во-вторых, соблюдение такого требования объективно затруднительно. Всегда можно будет отыскать то или иное несоответствие. Например, штраф в размере трех миллионов рублей большинством осужденных будет восприниматься более суровым наказанием, нежели один месяц лишения свободы, а сопоставление минимальных или максимальных значений наказаний, исчисляемых в одних и тех же единицах, не имеет целесообразности. Куда более проще и эффективнее сравнивать наказания, «уложенные» в категории по количественно-качественным характеристикам, аналогично тому, как «уложены» в них преступления. В-третьих, это позволит перейти от санкций, как части статей Особенной части УК, к указанию только на категорию преступления. Такой подход позволит избавиться от многочисленных существующих «перекосов» в тяжести санкций. Например, ч. 1 ст. 243 УК РФ, будучи преступлением небольшой тяжести, предусматривает в санкции штраф до трех миллионов и лишение свободы до трех лет. В то же время ч. 3 ст. 282 УК РФ – преступление средней тяжести предусматривает в санкции значительно меньше размер штрафа и больше размер лишения свободы – до шестисот тысяч рублей и до шести лет соответственно.

Если без минимально необходимого количества наказаний система не сможет обеспечивать достижение своих целей, то при превышении достаточного количества такие цели достигаться будут, хотя не так быстро и эффективно, как при соблюдении требования достаточности.

Требование необходимости продиктовано принципом гуманизма уголовного права. Требование же достаточности наказаний обусловлено как соображениями материального (исполнение каждого наказания требует определенных затрат), так и «технического» (слишком громоздкая система перестает быть удобной в применении) характера, ведет к «девальвации» наказаний.

Вторым интегративным свойством системы наказаний является ее *структура*. По замыслу законодателя, наказания в ст. 44 УК РФ расположены по мере возрастания их строгости. Такое расположение делает возможным сравнение наказаний. Использование в нормах о назначении наказания терминов «наиболее строгий вид наказания», «более мягкий вид наказания», «более мягкое наказание» возможно благодаря закрепленной в ст. 44 УК РФ структуре их расположения.

Все указанные выше средства, составляющие содержание системы наказаний-моделей, в конечном счете направлены на дифференциацию наказания в зависимости от типовых качеств преступника, опасности совершенного преступления. Таким образом, цель системы наказаний («модели») – дифференциация наказаний, а также создание правоприменителю правового «поля» для последующей индивидуализации наказания при его назначении, позволяющего максимально учесть особенности преступника и совершенного им деяния, а также корректировки кары в процессе исполнения наказания.

В отличие от системы-модели система наказаний-мер – это система мероприятий, непосредственное применение (назначение и исполнение) наказаний уполномоченными государственными органами. Правовое содержание системы-мер и системы-модели в целом совпадают, с той лишь разницей, что элементами первой являются только действующие наказания. Количество закрепленных в законе наказаний и наказаний, реализуемых в правоприменительной деятельности, может не совпадать, например, по причине отсрочки введения в действие соответствующих норм или их невостребованности практикой. Разница в количестве элементов, в свою очередь, сказывается на разнице в качестве (степени реализации) их свойств и отношений, в которых эти элементы состоят, а также интегративных свойств всей системы. Очевидно, это как минимум снижает эффективность достижения цели модели (если рассматривать систему-мер исключительно как средство реализации системы-модели).

Прежде чем приступить к изложению цели системы-мер, необходимо ответить на вопрос, а имеются ли вообще у правоприменительной деятельности какие-либо собственные, самостоятельные цели, отличные от целей применяемых правовых норм? Единого мнения по этому вопросу нет. Некоторые авторы отождествляют цель нормы и цель ее применения. «Цели правоприменения, – пишет, например, Е.В. Шикин, – предопределены нормативной основой механизма правового регулирования. У него не может быть каких-то иных, не предусмотренных… правом целей» [14, с. 9]. Другие, указывая, что правоприменительная деятельность, будучи средством достижения целей нормы или института права, имеет свои конкретные подцели, которые достигаются на том или ином ее звене [15, с. 123]. Такие позиции обоснованы, если рассматри-

количество по обе стороны. Между тем в четырех единицах, в отличие от трех, ни одна из них не может быть «средней».

[4] Схожее деление осужденных на три условные категории предлагает В.А. Уткин: объективно нуждающиеся в отрыве от социальной среды и в изоляции от общества; нуждающиеся в отрыве от социальной среды, но не нуждающиеся в изоляции от общества; не нуждающиеся ни в отрыве от социальной среды, ни в изоляции от общества [13, с. 127–128].

вать систему-мер исключительно как средство реализации системы-модели, учитывая, что само существование процесса применения юридических норм вызвано необходимостью обеспечить эффективность воздействия права на общественные отношения [16, с. 99]. Применительно к рассматриваемому нами вопросу это означает, что цель системы-меры – обеспечить должную реализацию системы-модели.

Не преуменьшая ценность и такого подхода, полагаем, что он все же не исчерпывает значение системы наказаний мер полностью. Систему наказаний-мер следует рассматривать на общем и индивидуальном уровне. Первая представляет собой направление уголовно-правовой политики, содержанием которой служат все меры уголовного наказания, применяемые в отношении осужденных за определенный период на территории государства. Такая система мер служит законодателю мерилом эффективности его решений, так как применение наказаний осуществляется в условиях действия большого количества возникающих и изменяющихся факторов, предусмотреть которые на стадии законотворчества в полном объеме невозможно. Востребованность или невостребованность наказаний, указанных в санкции, совпадение или несовпадение среднего значения назначаемого наказания с медианой санкции, частота назначения наказаний условно – эти и другие показатели – критерии правильности построения системы-модели. Система-меры может и должна рассматриваться как относительно самостоятельная стадия применения уголовно-правовых норм. В таком контексте система-мер преследует собственные цели. Они в конечном итоге направлены на сдерживание преступности.

Как указывалось, В.А. Уткин в качестве цели системы наказаний мер выделял обеспечение необходимости и достаточности уголовно-карательного принуждения адекватно сложившейся криминологической ситуации, в том числе «типовой» личности преступника, и объективным условиям. Применяемые наказания служат средством осуществления и корректировки уголовно-правовой политики. Правоприменитель имеющимися средствами реагирует увеличением или снижением размеров наказаний на изменение показателей преступности, изменение характеристик типовой личности преступника. Справедливость такого утверждения можно проиллюстрировать на примере. Так, санкция ч. 1 ст. 160 УК РФ («Присвоение или растрата») предусматривает наказания в виде штрафа в размере до 120 тыс. руб. или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до 1 года, обязательные работы на срок до 240 часов, исправительные работы на срок до 6 месяцев, ограничение свободы на срок до 2 лет, принудительные работы на срок до 2 лет, лишение свободы на тот же срок. Анализ практики применения нормы с 2010[5] по 2016 г. позволяет прийти к следующим выводам[6] (таблица).

Годы	Число осужденных	Штраф (абс. число / %)	Обяз. работы (абс. число / %)	Испр. работы (абс. число / %)	Огр. свободы (абс. число / %)	Л/с (абс. число / %)	Л/с условно (абс. число / %)
2010	4615	1271 / 27	769 / 17	255 / 6	38 / 1	267 / 6	1884 / 43
2011	3786	1044 / 28	685 / 18	227 / 6	93 / 3	202 / 5	1402 / 37
2012	3076	1150 / 37	677 / 22	397 / 13	158 / 5	135 / 4	342 / 11
2013	3113	1147 / 36	703 / 23	429 / 14	218 / 7	142 / 5	249 / 8
2014	2960	1108 / 37	738 / 25	346 / 12	169 / 6	164 / 6	207 / 7
2015	2905	719 / 25	519 / 18	261 / 9	117 / 4	129 / 4	148 / 5
2016	2625	815 / 30	799 / 30	264 / 10	127 / 5	112 / 4	143 / 5

1. Правоприменитель оценивает санкцию ч. 1 ст. 160 УК РФ как излишне суровую и не соответствующую общественной опасности преступления. Об этом свидетельствует невостребованность наиболее строгих видов наказаний из предусмотренных санкцией. Так, суммарное применение лишения свободы и ограничения свободы только три года из семи превышало 10 %.

2. Примерно в такой же пропорции суд прибегает к условному осуждению. Резкое снижение доли условного осуждения в структуре применяемых мер после 2011 г. объясняется, во-первых, введением в действие наказания в виде ограничения свободы, во многом дублирующего условное осуждение. Во-вторых, политикой государства в части назначения наказания за преступления против собственности небольшой тяжести. Значительное (в два и более раза) сокращение условного осуждения в этот же период имело место и за такие преступления, как ч. 1 ст. 158 УК РФ (с 35,7 % в 2011 до 24,9 % в 2012 г.), ч. 1 ст. 159 УК РФ (с 31 % в 2011 до 14 % в 2012 г.), ч. 1 ст. 160 УК РФ (с 43 % в 2011 г. до 34 % в 2012 г.).

3. Чаще всего суд прибегает к штрафу (от 25 до 37 % случаев). Его относительно широкое применение выглядит вполне обоснованным, так как преступление носит корыстный характер[7]. Однако приблизительно в 90 % случаев – это штраф на сумму, не превышающую 25 тыс. рублей. Причины такого положения (назначения штрафа ближе к нижней границе санкции) лежат в социально-экономической плоскости – до 50 % лиц, совершивших преступление, – это либо безработные, либо не имеющие постоянного источника дохода. Интересна корреляция между динамикой удельного веса штрафа и рядом экономических показателей. Так, в 2012, 2013 и 2014 гг. наблюдался значительный рост применения штрафа[8]. Вызвано это, на наш взгляд, улучшением имущественного положения населения в этот период, значительным ростом заработной платы. В 2012–2013 гг. номинальная заработная плата увеличивалась в среднем на 12,5 % в год, в 2014 г. прирост

[5] С 2010 г. начало применяться наказание в виде ограничения свободы.

[6] Данные приведены из официального сайта Федеральной службы государственной статистики РФ. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

[7] В эти же годы удельный вес штрафа в общем числе осужденных к мерам наказания по всем санкциям Особенной части УК РФ в процентах колебался от 13,5 до 14,7 %.

[8] Рост удельного веса штрафа в этот период наблюдался в целом по всем санкциям Особенной части УК РФ.

снизился до 5,1 % (подробнее см.: Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Январь 2017. № 21. http://ac.gov.ru/files/ publication/a/1681.pdf). В эти годы существенно снизилась численность населения с уровнем денежных доходов ниже величины прожиточного уровня и дефицитом денежного дохода.

Система наказаний мер на индивидуальном уровне – это совокупность мероприятий по исполнению наказания в отношении конкретного осужденного, включающая в себя его замену и сокращение. В процессе исполнения осуществляется на «переход» от абстрактного «наказуемого», на которого рассчитана санкция нормы Особенной части УК, к конкретному наказываемому, а также корректировка уже индивидуализированных лишений и ограничений в процессе исполнения наказания. Целью такой системы выступает индивидуализация отбываемого наказания в зависимости от поведения осужденного, объективной возможности (невозможности) исполнения наказания и т.д. Средством достижения такой цели являются конкретные наказания, применяющиеся к осужденному в процессе достижения стоящих перед назначенным наказанием целей.

Изложенное, вслед за другими авторами, позволяет прийти к следующим выводам, дающим дальнейшее развитие дискуссии относительно целей системы уголовных наказаний. Система уголовных наказаний всегда предполагает свою цель. Следует отличать друг от друга цели уголовного наказания и цели системы уголовных наказаний. Формулировка цели и средств достижения системы наказаний зависит от подхода к определению системы – дескриптивного или конструктивного. Систему наказаний необходимо рассматривать: 1) как модель – изложенную в законе систему и 2) как меры – совокупность реально применяемых мероприятий исполнения наказаний. Следует выделять четыре аспекта системы наказаний. Система-модель при дескриптивном подходе, система-мер при дескриптивном подходе, система-модель при конструктивном подходе, система-меры при конструктивном подходе. Цели моделей одинаковы между собой, независимо от подходов, цели мер также одинаковы между собой. Отличны средства их достижения. Средствами выступают наказания, их свойства, возникающие при их взаимодействии и неприсущие наказаниям по отдельности, отношения элементов. Вместе они образуют содержание системы наказаний. Цель системы наказаний модели – дифференциация наказаний, а также создание правоприменителю правового «поля» для последующей индивидуализации наказания при его назначении, позволяющего максимально учесть особенности преступника и совершенного им деяния, а также корректировки кары в процессе исполнения наказания. Систему наказаний-мер можно рассматривать на общем и индивидуальном уровне. В первом случае ее цели – это обеспечение должной реализации системы-модели, а также обеспечение необходимости и достаточности уголовно-карательного принуждения адекватно сложившейся криминологической ситуации, в том числе «типовой» личности преступника, и объективным условиям. Во втором – индивидуализация отбываемого наказания в зависимости от поведения осужденного, объективной возможности (невозможности) исполнения наказания и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь* по уголовному праву. М. : Бек, 1997. 686 с.
2. *Основы* системного подхода и их приложение к разработке территориальных автоматизированных систем управления. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. 224 с.
3. *Кориков А.М., Сафьянова Е.Н.* Основы системного анализа и теории систем. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 208 с.
4. *Сагатовский В.Н.* Опыт построения категориального аппарата системного подхода // Философские науки. 1976. № 3. С. 69–92.
5. *Макаров М.Г.* Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л. : Наука, 1977. 188 с.
6. *Керимов Д.А.* Категория цели в советском праве // Правоведение. 1964. № 3. С. 33–34.
7. *Подройкина И.А.* Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2017. 498 с.
8. *Трубников Н.Н.* О категориях цель, средство, результат. М. : Высшая школа, 1968. 148 с.
9. *Цели* уголовного наказания и процесса наказывания / К.А. Сыч и др. М. : ЮНИТИ, Закон и право, 2016. 127 с.
10. *Уткин В.А.* Проблемы и пробелы системы уголовных наказаний // Охрана прав несовершеннолетних и развитие альтернативных наказаний: сравнительно-правовые аспекты. Томск, 2008.
11. *Голик Ю.В., Коробеев А.И., Усс А.В.* Уголовно-правовая политика. Тенденции и перспективы. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 240 с.
12. *Вундт В.* Система философии. СПб., 1902, 239 с.
13. *Уткин В.А.* Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 127–129.
14. *Шикин Е.П.* Основные условия эффективного применения права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 18 с.
15. *Кудрявцев В.Н.* Эффективность правовых норм. М. : Юрлит, 1980. 280 с.

OBJECTIVES OF THE CRIMINAL PENALTY SYSTEM AND MEANS OF THEIR ACHIEVEMENT

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 124–130. DOI 10.17223/23088451/11/24
Marat T. Valeev, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: penalty, objective of penalty, system of penalties.

The system of criminal penalties always presupposes its objective. It is necessary to distinguish objectives of criminal penalty and objectives of the criminal penalty system. The formulation of the objectives and means of the penalty system depends on whether the approach to the definition of a system is descriptive or constructive. The system of penalties should be considered as a model - a system

outlined in the law, and as measures - the totality of the applied measures of penalty execution. Four aspects of the penalty system should be singled out: the system-model and the system-measures in the descriptive approach, the system-model and the system-measures in the constructive approach. The objectives of the models and measures are the same regardless of the approach. What differs is means of their achieving. Means include penalties, their properties that do not exist independently and arise only from their interaction, and the correlation of the elements. Together they form the content of a system of penalties. The objective of the penalty system of the model is to differentiate punishments, to create a legal "field" for the subsequent individual adjustment of penalties, which allows taking into account the characteristics of the criminal and the criminal act committed by them, and to adjust penalties in the process of their execution. The system of penalties-measures can be considered at the general and individual levels. In the first case, its objective is to ensure the proper implementation of the model system, as well as to ensure the necessity and sufficiency of criminal punitive coercion adequate to the criminological situation (including the "typical" personality of the offender) and objective conditions. In the second case, the individualisation of the sentence depends on the behaviour of the convict, the objective possibility (impossibility) of the penalty execution, etc.

REFERENCES

1. Naumov, A.V. (ed.) (1997) *Slovar' po ugolovnomu pravu* [A Dictionary of Criminal Law]. Moscow: BEK.
2. Gladkikh, B.A., Lyukhanov, V.M. & Peregudov, F.I. (1976) *Osnovy sistemnogo podkhoda i ikh prilozhenie k razrabotke territorial'nykh avtomatizirovannykh sistem upravleniya* [Fundamentals of the system approach and their application to the development of territorial automated control systems]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Korikov, A.M. & Safyanova, E.N. (1989) *Osnovy sistemnogo analiza i teorii system* [Fundamentals of system analysis and systems theory]. Tomsk: INFRA-M.
4. Sagatovskiy, V.N. (1976) Opyt postroeniya kategorial'nogo apparata sistemnogo podkhoda [Experience in constructing a categorical apparatus of the system approach]. *Filosofskie nauki*. 3.
5. Makarov, M.G. (1977) *Kategoriya "tsel'" v marksistskoy filosofii i kritika teleologii* [The category of "goal" in Marxist philosophy and criticism of teleology]. Leningrad: [s.n.].
6. Kerimov, D.A. (1964) Kategoriya tseli v sovetskom prave [Category of the objective in the Soviet law]. *Pravovedenie*. 3.
7. Podroykina, I.A. (2017) *Teoreticheskie osnovy postroeniya sistemy nakazaniy v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii* [Theoretical bases of construction of penalty system in the criminal legislation of Russia]. Law Dr. Diss. Rostov on Don.
8. Trubnikov, N.N. (1968) *O kategoriyakh tsel', sredstvo, rezul'tat* [On the categories of objective, means, result]. Moscow: Vysshaya shkola.
9. Sych, K.A. etc. (2016) *Tseli ugolovnogo nakazaniya i protsessa nakazyvaniya* [The objectives of criminal penalty and the process of punishment]. Moscow: YUNITI-DANA.
10. Utkin, V.A. (2008) Problemy i probely sistemy ugolovnykh nakazaniy [Problems and gaps in the system of criminal penalties]. In: *Okhrana prav nesovershennoletnikh i razvitie al'ternativnykh nakazaniy: sravnitel'no-pravovye aspekty* [Protection of the Rights of Minors and Development of Alternative Punishments]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Golik, Yu.V., Korobeev, A.I. & Uss, A.V. (1991) *Ugolovno-pravovaya politika. Tendentsii i perspektivy* [Criminal and legal policy. Trends and prospects]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
12. Wundt, B. (1902) *Sistema filosofii* [System of Philosophy]. St. Petersburg: [s.n.].
13. Utkin, V.A. (2011) Osnovaniya i puti modernizatsii sistemy nakazaniy [Grounds and ways to improve the system of penalties]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Tomsk State University Journal*. 349.
14. Shikin, E.P. (1971) *Osnovnye usloviya effektivnogo primeneniya prava* [The basic conditions for effective application of law]. Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
15. Kudryavtsev, V.N., Nikitinskiy, V.I., Samoshchenko, I.S. & Glazyrin, V.V. (1980) *Effektivnost' pravovykh norm* [Efficiency of legal norms]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

УДК 343.241 DOI 10.17223/23088451/11/25

Е.А. Каданева

КОНКУРЕНЦИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Исследуются конкурирующие нормы, регламентирующие уголовное наказание в виде ограничения свободы и иную меру уголовно-правового характера в виде условного осуждения, а также уголовное наказание в виде принудительных работ и отбывание наказания в виде лишения свободы на определенный срок в колонии-поселении.

Ключевые слова: *конкуренция наказаний, условное осуждение, ограничение свободы, принудительные работы, колония-поселение.*

В условиях роста преступности особую актуальность приобретает назначение справедливой меры ответственности всем лицам, признанным виновными в совершении преступлений. Для достижения этой цели нужна развитая система наказаний.

Система уголовных наказаний в действующем УК РФ представляет собой разрозненный перечень видов наказаний, не являясь целостным, единым образованием. Так, закреплённые в УК РФ некоторые виды наказаний лишь формально отражают структурные элементы системы, поскольку наказания в виде ареста и смертной казни не применяются на практике. Это лишает закреплённый перечень наказаний главных необходимых свойств: взаимосвязи, взаимообусловленности, организационного единства и других компонентов, присущих системному образованию.

Однако помимо уголовных наказаний, УК РФ предусматривает иные формы государственного принуждения к лицам, совершившим преступление. Раздел 6 УК РФ определяет иные формы уголовно-правового характера: принудительные меры медицинского характера (глава 15 УК РФ), конфискация имущества (глава 15.1 УК РФ), судебный штраф (глава 15.2 УК РФ). При этом ученые-правоведы усматривают признаки иных мер уголовно-правового характера и в других институтах, предусмотренных Уголовных кодексом РФ.

В этом вопросе следует согласиться с мнением Д.Ю. Борченко, который к иным мерам уголовно-правового характера относит только те уголовно-правовые меры, через которые реализуется уголовная ответственность: условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества [1, с. 161].

В связи с наличием иных мер уголовно-правового характера на законодательном уровне, а также распространенным применением их на практике, было бы нецелесообразно рассматривать систему уголовных наказаний отдельно от системы иных мер уголовно-правового характера. Совокупность системы наказаний и системы иных мер уголовно-правового характера образует единую систему мер уголовно-правового характера.

Система мер уголовно-правового характера состоит из двух подсистем: уголовные наказания, перечень которых определяется законодательно и закреплен в ст. 44 УК РФ, и иные меры уголовно-правового характера, при этом уголовные наказания являются основным составляющим элементом данной системы. Уголовные наказания находятся в отношениях постоянной взаимосвязи и взаимодействия, а также конкуренции с иными мерами уголовно-правового характера [2, с. 97].

Как целостное образование система иных мер уголовно-правового характера находится во взаимосвязи и взаимодействии с системой уголовных наказаний. Иные меры уголовно-правового характера могут ограничить, усилить или смягчить, то есть конкретизировать назначенное уголовное наказание.

Что касается вопроса их конкуренции, то необходимо первоначально определить, что следует понимать под этим понятием.

Под конкуренцией уголовно-правовых норм при назначении наказания следует понимать возникающее при назначении наказания соотношение между двумя или более уголовно-правовыми нормами, при котором одновременно присутствуют их признаки, данные нормы в различном объеме охватывают конкретную фактическую ситуацию, однако в силу своей целевой направленности преимущество имеет лишь одна из них [3, с. 36].

Рассмотрим некоторые конкурирующие наказания и иные меры уголовно-правового характера.

В первую очередь, усматривается конкуренция норм, регламентирующих уголовное наказание в виде ограничения свободы и условного осуждения, правовая природа которого неясна.

Уголовное наказание в виде ограничения свободы схоже по сущности, содержанию, порядку и условиям исполнения с условным осуждением. В связи с этим прослеживается конкуренция данных мер уголовно-правового характера.

Следует отметить, что не возникает вопросов относительно юридической природы ограничения свободы, которое имеется в перечне наказаний, утверждённом в ст. 44 УК РФ. Однако правовая природа условного осуждения по-прежнему неясна, что также влечёт трудности в их применении в практической деятельности.

По мнению Д.В. Ривмана: «Условное осуждение по своей юридической природе представляет собой особый вид уголовного наказания, которому присущи все отличительные черты наказания и которое способно

выполнить и выполняет возложенные задачи покарать и перевоспитать преступника, а также удержать от совершения преступления как его самого, так и других неустойчивых лиц» [4, с. 142]. М.И. Якубович также считает, что условное осуждение должно быть отнесено к числу мер наказания, находящихся в системе наказаний между безусловным лишением свободы и исправительными работами [5, с. 77].

Действительно, возлагаемые судом правоограничения на условно осуждённых носят карательный характер, который свойственен мерам наказания. Однако с точки зрения формально-юридической ни законодатель, ни судья не относят условное осуждение к разновидности наказания. Его, как известно, нет в перечне наказаний (ст. 44 УК РФ), а судьи, как показывает изучение практики, применяют условное лишение свободы и тогда, когда в санкции нормы Особенной части УК РФ предусматриваются и другие наказания, помимо лишения свободы, нередко мотивируя его применение исключительными обстоятельствами в пользу лица, совершившего преступление.

Однако преступлением является виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое уголовным кодексом РФ под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Поэтому преимущество при определении судом формы реализации уголовной ответственности должно, несомненно, быть перед наказанием, а не перед иной мерой уголовно-правового характера.

Поскольку сущность и содержание условного осуждения и ограничения свободы в большинстве своём схожи, условное осуждение не должно подменять реальные меры наказания.

Всего к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера за первое полугодие 2017 г. было привлечено 231 905 осужденных, из них 85 244 – к условному осуждению к лишению свободы и лишь 12 657 человек осуждены к ограничению свободы. Таким образом, в настоящее время 37 % выносимых судами мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы, приходятся на условное осуждение и 5 % – на ограничение свободы [6].

Несмотря на то, что основополагающими институтами уголовного права являются преступление и наказание, а не иные меры уголовно-правового характера, в практике применения условного осуждения и ограничения свободы сложилась обратная ситуация.

Это свидетельствует о проблемах применения системы наказаний в России. Между тем условное осуждение фактически не является действенной, воспринимается и самими виновными, и потерпевшими в качестве фактической безнаказанности. При этом остальные предусмотренные законодательством формы альтернативных наказаний (штраф, исправительные, обязательные работы, а также ограничение свободы) используются недостаточно [7, с. 53].

Условное осуждение есть форма реализации уголовной ответственности и выражается в неисполнении назначенного судом наказания под определёнными условиями.

В связи с этим термин «условное осуждение» следует признать неточным, не соответствующим содержанию данной меры. Условным является не осуждение, а реальное исполнение наказания. Правовая природа исследуемого института состоит в условном освобождении виновного от реального отбывания, назначенного приговором суда наказания при условии выполнения лицом возложенных на него обязанностей и соблюдения установленных ограничений в течение определённого испытательного срока, установленного приговором суда. Поэтому в действующем виде условное осуждение по правовой природе представляет собой реальное наказание, поскольку налагаемые судом правоограничения носят карательный характер.

Условное осуждение нецелесообразно рассматривать как новый вид уголовного наказания, поскольку уже существует его аналог в виде ограничения свободы. Но и отказываться от условного осуждения в российском уголовном праве не следовало бы, а стоит его усовершенствовать и рассматривать в видоизменённом содержании.

В одном из значений по зарубежному законодательству институт пробации имеет сходство с отечественным условным осуждением. Однако в отличие от условного осуждения, когда суд назначает срок лишения свободы, а затем откладывает его исполнение на определённый период, в случае назначения пробации само вынесение приговора откладывается на период пробации. Если не соблюдаются установленные условия, дело переходит в стадию вынесения приговора за первоначальное преступление. В этом значении было бы целесообразно функционирование условного осуждения в РФ как иной меры уголовно-правового характера [8, с. 83].

Условное вынесение приговора, а не условное назначение наказания соответствовало бы термину «условное осуждение». При этом отсутствие налагаемых судом правоограничений не позволяло бы его рассматривать как меру наказания, в связи с чем целесообразно усовершенствованное условное осуждение перенести из главы 10 УК РФ «Назначение наказания» в разд. 6 «Иные меры уголовно-правового характера». Данная мера позволит устранить дублирующие меры уголовно-правового характера.

Также усматривается конкуренция норм, регламентирующих уголовное наказание в виде принудительных работ и отбывание наказания в виде лишения свободы на определенный срок в колонии-поселении.

Действующий УК РФ указывает на то, что колонии-поселения являются исправительными учреждениями, где осуждённые отбывают наказание в виде лишения свободы на определённый срок.

В системе исправительных учреждений колонии-поселения занимают особое место. В данном случае не ясна позиция законодателя. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 74 УИК РФ колонии-поселения, наряду с колониями общего, строгого и особого режимов, являются видами исправительных колоний. В то же время все иные колонии, кроме колоний-поселений, законодатель специально называет исправительными. Такая непоследовательность у некоторых исследователей вызывает вопрос: является ли колония-поселение исправительной колонией?

Наряду с этим в теории уголовно-исполнительного права давно возникает и другой вопрос: являются ли колонии-поселения вообще местом лишения свободы? Так, А.Е. Наташев полагал, что исправительно-трудовая колония-поселение не является местом лишения свободы. Своё мнение он мотивировал тем, что это, по сути, замена лишения свободы ссылкой со специальным режимом [9, с. 27]. Н.А. Стручков также высказался против признания колоний-поселений местами лишения свободы [10, с. 145].

Анализ режима, установленного в колониях-поселениях, позволяет сделать вывод, что осуждённые в них содержатся без изоляции от общества. В то же время именно этот признак – изоляция осуждённого от общества – установлен в ст. 56 УК РФ как необходимый элемент лишения свободы. Таким образом, наказание, исполняемое в колониях-поселениях, нельзя называть лишением свободы.

В связи с этим уголовное наказание в виде содержания в колонии-поселении следует рассматривать как наказание, частично сопряжённое с лишением свободы, поскольку оно имеет лишь некоторые элементы изоляции от общества. Содержание в колонии-поселении следовало бы позиционировать как самостоятельный вид наказания и расположить в иерархии наказаний по строгости их исполнений в ст. 44 УК РФ после ограничения свободы.

Однако в действующей редакции ст. 44 УК РФ предусмотрено наказание в виде принудительных работ, которые должны исполняться в исправительных центрах. Его сущность, содержание и порядок исполнения схожи с содержанием в колониях-поселениях.

Содержание исполнения принудительных работ также обладает элементами наказаний, как связанных с лишением свободы (проживание под надзором в общежитиях исправительного центра и т.д.), так и не связанных с лишением свободы (возможность проживания, обучения, лечения, трудовой занятости осуждённых за пределами исправительного центра и т.д.).

В настоящий момент параллели следует проводить со сложившейся практикой исполнения наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях (ст. 128, 129 УИК РФ). Нормы УК РФ и УИК РФ указывают на то, что данный вид исправительных учреждений предназначен для частичной изоляции личности – лишения свободы. Однако осуждённые содержатся исключительно под надзором, но не под вооружённой охраной.

За первое полугодие 2017 г. 169 осужденным было назначено уголовное наказание в виде принудительных работ [11]. Количество осужденных, содержащихся в колонии-поселении, на июнь 2017 г. составляет 33 957. При этом по состоянию на июнь 2016 г. в колонии-поселении содержалось 33 720 человек [12].

Несмотря на то, что уголовное наказание в виде принудительных работ из категории отложенных перешло в категорию реально исполняемых наказаний, следует отметить увеличение количества осужденных к лишению свободы, содержащихся в колониях-поселениях. Из этого следует, что на законодательном уровне существует наказание, конкурирующее с лишением свободы в колонии-поселении, однако в практической деятельности можно констатировать тот факт, что принудительные работы не представляют конкуренции колонии-поселению.

Можно предположить, что причиной данного факта является сравнительно небольшой опыт практического исполнения принудительных работ и недостаточное количество исправительных центров для их исполнения в сравнении с количеством колоний-поселений.

По состоянию на 1 января 2018 г. в России функционирует 126 колоний-поселений [13]. В настоящее время на территории России работают 11 специальных исправительных центров для осужденных к принудительным работам. При этом в пресс-бюро ФСИН сообщили, что их заполняемость неравномерная. В Ставропольском исправительном центре, по данным на середину июля 2018 г., отбывающими наказание занято 44,4 % мест (64 из 144); в Карелии – 18 % (9 из 50); в Башкортостане – 16 % (16 из 100); в Архангельской области – 16 % (8 из 50); в Новосибирской области – 13 % (12 из 92); в Тюменской области – 12 % (12 из 100); в Смоленской области – 10,9 % (6 из 55); в Тамбовской области – 14,3 % (10 из 70); в Самарской области – 8,57 % (3 из 35); в Приморском крае – 6,7 % (10 из 150); в Забайкалье – 2 % (1 из 50) [14].

Помимо недостаточности исправительных центров для их полноценной конкуренции с колониями-поселениями следует отметить, что их наличие лишь в некоторых регионах страны не способствует развитию практики применения данного вида наказания. Ситуация могла бы измениться в случае появления данных учреждений во всех регионах страны, но это дорогостоящая и долгосрочная перспектива.

При этом исполнение наказания в виде принудительных работ имеет важное практическое значение, поскольку данный вид наказания, являясь альтернативой лишению свободы, представляет собой промежуточное звено между наказаниями, связанными с изоляцией от общества и не связанными. Однако во взаимосвязи с другими структурными элементами системы уголовных наказаний принудительные работы, как уже было отмечено, конкурируют с исполнением лишения свободы в колонии-поселении и в некоторых аспектах представляются даже более строгим видом наказания, что не соответствует иерархичности их расположения в ст. 44 УК РФ.

В связи с тем, что содержание в колонии-поселении следовало бы рассматривать как самостоятельный вид наказания, а правоограничения в колонии-поселении и исправительном центре при исполнении наказания в виде принудительных работ имеют значительное сходство, их целесообразнее объединить в один вид уголовного наказания – принудительные работы, исполнение которых возможно на базе существующих колоний-поселений. Эта мера может завершить оформление системы наказаний и быть переходным звеном от наказаний, не связанных с лишением свободы, к наказаниям, связанным с лишением свободы. К тому же это поможет решить материальный вопрос построения исправительных центров, будет возможность использовать действующие колонии-поселения для исполнения самостоятельного вида наказания в виде принудительных работ.

Подводя итог, следует отметить, что разнообразие наказаний и иных мер уголовно-правового характера позволяют обеспечить назначение справедливой меры ответственности, исходя из дефектов личностной ориентации осужденного. Однако такие дублирующие меры уголовно-правового характера, как ограничение свободы – условное осуждение и принудительные работы – лишение свободы с отбыванием в колонии-поселении, вносят разрозненность и неравномерность в применении ответственности к лицу, совершившему преступление. В связи с этим, выходом из сложившейся проблемной ситуации можно предложить рассматривать условное осуждение как условное вынесение приговора, а не условное исполнение наказания, и принудительные работы исполнять на базе существующих колоний-поселений, отменив колонию-поселение как исправительное учреждение для исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борченко Д.Ю.* Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. 199 с.
2. *Звонов А.В.* Система мер уголовно-правового воздействия: сущность и содержание // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 95–99.
3. *Гарманов В.М.* Конкуренция уголовно-правовых норм при назначении наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2002. 205 с.
4. *Ривман Д.В.* О юридической природе условного осуждения и участии общественности в перевоспитании осуждённых // Вестник Ленинградского государственного университета. 1965. Сер. 4. № 23. С. 141–145.
5. *Якобович М.И.* О правовой природе условного осуждения // Советское государство и право. 1946. № 11–12. С. 76–80.
6. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за первое полугодие 2017 года. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 19.01.2018).
7. *Кашуба Ю.А., Скиба А.П., Суховеев А.С.* Условное осуждение в России и зарубежных государствах. Рязань : Академия ФСИН России, 2010. 232 с.
8. *Каданева Е.А.* Сравнительная характеристика условного осуждения и ограничения свободы // Вестник Кузбасского института. 2015. № 1(22). С. 79–85.
9. *Наташев А.Е.* Правовая регламентация уголовного наказания и его исполнения в свете Конституции СССР // Проблемы совершенствования исправительно-трудового законодательства и деятельности органов, исполняющих наказания. М., 1981. С. 25–30.
10. *Наташев А.Е., Стручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. М. : ВШ МООП СССР, 1967. 233 с.
11. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за первое полугодие 2017 года. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 19.01.2018).
12. *Сведения* о количестве, движении и составе лиц, содержащихся в местах лишения свободы // Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – июнь 2017 года) : информационно-аналитический сборник. Тверь, 2017. С. 8.
13. *Краткая* характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: ФСИН.РФ (дата обращения: 19.01.2018).
14. *Исправительные* центры ФСИН заполнены лишь на 20 %. URL: https://iz.ru. (дата обращения: 19.01.2018).

COMPETITION OF CRIMINAL PENALTIES AND OTHER MEASURES OF PENAL LIABILITY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 131−135. DOI 10.17223/23088451/11/25
Elena A. Kadaneva, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia).
E-mail: kadaneva_elena@mail.ru

Keywords: competition of penalties, probation, restriction of freedom, compulsory labour, penal settlement.

The totality of the system of penalties and the system of other penal measures forms a unified system of penal measures. Criminal penalties and other penal measures are always interconnected, interacting and competing with each other. First of all, there is a competition of the norms regulating criminal penalties in the form of restriction of freedom and probation, which has an unclear legal nature. The legal right restrictions imposed on probationers by the court are punitive in nature. However, from the formal legal point of view, neither the legislator nor the judge considers probation as a form of penalty. The essence and content of probation and restriction of freedom are mostly similar; therefore probation should not substitute real penalties. Since under the current legislation, it is not a fact of conviction, but the execution of punishment that is suspended, it is advisable to change the content of probation and include it into “Other Penal Measures” chapter of the Criminal Code of the Russian Federation in order to eliminate competition between the restriction of freedom and probation. There is also the competition of the norms regulating forced labour and placing a convict into a penal settlement (colony). Although the forced labour ceases to be suspended to become a really executed punishment, it should be noted the increase in the number of prisoners held in penal colonies, which means that at the legislative level there is a penalty competing with placing in a penal settlement. However, in practice, forced labour does not compete with exile to a penal colony, presumably due to the insufficient number of correctional centres and lack of practical experience in applying forced labour. As far as the conditions of detention in the penal colony is similar to those in a correctional centre, it is more expedient to combine them into one type of criminal penalty - forced labour in a penal colony.

References

1. Borchenko, D.Yu. (2007) *Konfiskatsiya imushchestva kak mera ugolovno-pravovogo kharaktera: ponyatie, priroda, sotsial’noe prednaznachenie i poryadok primeneniya* [Confiscation of property as a penal measure: concept, nature, social purpose and procedure of application]. Law Cand. Diss. Tolyatti.

2. Zvonov, A.V. (2015) Sistema mer ugolovno-pravovogo vozdeystviya: sushchnost' i soderzhanie [The system of penal measures: essence and content]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie - Man: Crime and Punishment*. 3. pp. 95–99.
3. Garmanov, V.M. (2002) *Konkurentsiya ugolovno-pravovykh norm pri naznachenii nakazaniya* [Competition of penal norms in the appointment of penalty]. Law Cand. Diss. Tyumen.
4. Rivman, D.V. (1965) O yuridicheskoy prirode uslovnogo osuzhdeniya i uchastii obshchestvennosti v perevospitanii osuzhdonnykh [On the legal nature of probation and public participation in the re-education of convicts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(23). pp. 141–145.
5. Yakobovich, M.I. (1946) O pravovoy prirode uslovnogo osuzhdeniya [On the legal nature of probation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 11–12. pp. 76–80.
6. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2017a) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za pervoe polugodie 2017 goda* [Summary statistical information on the criminal record in Russia for the first half of 2017]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru. (Accessed: 19.01.2018).
7. Kashuba, Yu.A., Skiba, A. P. & Sukhoveev, A.S. (2010) *Uslovnoe osuzhdenie v Rossii i zarubezhnykh gosudarstvakh* [Probation in Russia and foreign countries]. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
8. Kadaneva, E.A. (2015) Sravnitel'naya kharakteristika uslovnogo osuzhdeniya i ogranicheniya svobody [Comparative characteristics of probation and restriction of freedom]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1(22). pp. 79–85.
9. Natashev, A.E. (1981) Pravovaya reglamentatsiya ugolovnogo nakazaniya i ego ispolneniya v svete Konstitutsii SSSR [Legal regulation of criminal penalty and its execution under the USSR Constitution]. In: *Problemy sovershenstvovaniya ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva i deyatel'nosti organov, ispolnyayushchikh nakazaniya* [Problems of improving the correctional labour legislation and the activities of the penal bodies]. Moscow: [s.n.]. pp. 25–30.
10. Natashev, A.E. & Struchkov, N.A. (1967) *Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava* [The fundamentals of the theory of correctional labour law]. Moscow: USSR Ministry of Public Order Protection.
11. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2017b) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za pervoe polugodie 2017 goda* [Summary statistical information on the criminal record in Russia for the first half of 2017]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru. (Accessed: 19.01.2018).
12. Federal Penal Service of the Russian Federation. (2017) Svedeniya o kolichestve, dvizhenii i sostave lits, soderzhashchikhsya v mestakh lisheniya svobody [Information on the number, movement and composition of persons held in places of deprivation of liberty]. In: *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy (yanvar' – iyun' 2017 goda)* [Basic indicators of Penal Enforcement System (January–June 2017)]. Tver: [s.n.].
13. Federal Penal Service of the Russian Federation. (n.d.) *Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Brief description of the Penal Enforcement System]. [Online] Available from: FSIN.RF. (Accessed: 19.01.2018).
14. Stepovoy, B. (2017) *Ispravitel'nye tsentry FSIN zapolneny lish' na 20 %* [Correctional centers of the Federal Penal Enforcement System are filled only by 20%]. [Online] Available from: https://iz.ru. (Accessed: 19.01.2018).

УДК 343.3.7 DOI 10.17223/23088451/11/26

Д.В. Карелин

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ О КРИМИНАЛЬНОМ БАНКРОТСТВЕ

Рассмотрены некоторые аспекты полноты уголовно-правовой охраны законных прав и интересов кредиторов в случае ликвидации юридического лица. Проведена оценка применимости норм о криминальном банкротстве в зависимости от видов ликвидации юридического лица (добровольная и принудительная). Сделан вывод о пробельности уголовного закона в рассматриваемой части. Обосновываются и предлагаются изменения, направленные на совершенствование механизма уголовно-правовой охраны отношений в сфере банкротства должника-юридического лица.

Ключевые слова: *криминальное банкротство, субъект преступления, ликвидатор.*

Постановка проблемы. Созданное юридическое лицо может быть ликвидировано как по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом (добровольная ликвидация), так и по решению суда (принудительная ликвидация). В соответствии со ст. 65 ГК РФ «Признание юридического лица банкротом судом влечет его ликвидацию». Ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам.

К сожалению, именно это законодательное положение зачастую воспринимается некоторыми участниками правоотношений как «руководство к действию», как способ легального ухода от исполнения принятых на себя обязательств». Наиболее контрастно это проявляется в использовании в этих целях механизма несостоятельности (банкротства) юридического лица.

Важной гарантией защиты прав и законных интересов кредиторов несостоятельного юридического лица являются нормы Уголовного кодекса России, предусматривающие ответственность за так называемые «банкротские преступления» («преступления в сфере банкротства, «криминальные банкротства»), закрепленные в ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 «Преднамеренное банкротство» и в ст. 197 «Фиктивное банкротство».

В соответствии с указанными выше статьями уголовно-правовая защита интересов кредиторов осуществляется с момента наличия (при наличии) признаков банкротства, в процессе банкротства, а также в случае фиктивного и преднамеренного банкротства. Круг субъектов этих преступлений достаточно широк – это либо общий субъект (ч. 1 ст. 195 УК РФ), либо специальный (учредитель, участник общества, индивидуальный предприниматель или руководитель юридического лица).

Вместе с тем возможна ситуация, когда ликвидация, начавшаяся как добровольная, перерастает в принудительную (судебную), когда ликвидационной комиссией установлена недостаточность имущества юридического лица для удовлетворения всех требований кредиторов (это *ликвидация смешанного вида*. – *Д.К.*). Дальнейшая ликвидация такого юридического лица может осуществляться только в порядке, установленном законодательством о несостоятельности (банкротстве). Для этого в соответствии со ст. 63 ГК России ликвидатор (ликвидационная комиссия) должен обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве юридического лица, если такое юридическое лицо может быть признано несостоятельным (банкротом).

В результате в процессе ликвидации появляются потенциально новые субъекты правоотношений (ликвидатор, члены ликвидационной комиссии), чьими действиями может быть причинен ущерб интересам кредиторов как в преддверии банкротства, так и доведением до него либо фиктивным заявлением о банкротстве.

Принимая во внимание приведенные положения гражданского законодательства и нормы Уголовного кодекса России, возникает вопрос, достаточно ли учитывает действующее уголовное законодательство специфику видов ликвидации юридического лица и, как следствие, предусматривает ли уголовно-правовые средства защиты прав и законных интересов кредиторов юридического лица при смешанной ликвидации юридического лица, наравне с ее другими видами, в частности при банкротстве?

Для ответа обратимся к диспозициям норм ст. 195, 196 и 197 УК РФ. Они, как известно, являются сложными, описательными и бланкетными.

За исключением ч. 1 ст. 195 УК РФ, которая не конкретизирует субъектов преступления путем их перечисления, в других нормах о банкротских преступлениях субъект является специальным. Но таких лиц, как ликвидатор или член ликвидационной комиссии, в них не предусматривается.

Следовательно, даже если к ликвидационной комиссии (ликвидатору) в силу прямого указания ГК РФ (ст. 62) «переходят полномочия по управлению делами юридического лица», то в силу ст. 3 УК РФ они не подлежат уголовной ответственности.

Иными словами, ликвидатор, доведший в процессе ликвидации юридическое лицо до банкротства (преднамеренное банкротство, ст. 196 УК РФ) или заявивший заведомо ложные сведения о банкротстве (фиктивное банкротство, ст. 197 УК РФ), либо неправомерно удовлетворявший имущественные требования отдельных кредиторов за счет имущества должника –

юридического лица при наличии признаков банкротства (неправомерные действия при банкротстве, ч. 2 ст. 195 УК РФ), не подлежит уголовной ответственности.

Из системного толкования Особенной части УК РФ следует, что нормы ст. 195–197 УК РФ являются специальными по отношению к другим положениям, предусматривающим ответственность за нарушение прав кредиторов, так как распространяются на отношения, возникающие в процессе банкротства либо в его преддверии.

Однако в нарушение правил квалификации (правило соотношения общей и специальной нормы) в рассматриваемом случае необходимо обратиться к иным (общим) нормам, предусматривающим ответственность за злоупотребления лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. В соответствии с прим. 1 к ст. 201 Уголовного кодекса России «таким признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях».

Согласно ч. 4 ст. 62 Гражданского кодекса России, «с момента назначения ликвидационной комиссии к ней переходят полномочия по управлению делами юридического лица. Ликвидационная комиссия от имени ликвидируемого юридического лица выступает в суде. Ликвидационная комиссия обязана действовать добросовестно и разумно в интересах ликвидируемого юридического лица, а также его кредиторов».

Таким образом, ликвидатор, как лицо, которое по специальному полномочию выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в ликвидируемой организации, является субъектом преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ.

Не переходя к анализу других признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, отметим, что ее санкция строже, чем санкция нормы ч. 2 ст. 195 УК РФ, но мягче, чем санкции иных норм о банкротских преступлениях. Поэтому, даже если предположить, что ст. 201 УК РФ охватывает все случаи злоупотреблений ликвидатора (ликвидационной комиссии), как это предусмотрено в ст.ст. 195–197 УК РФ (за искл. ч. 1 ст. 195 УК РФ), то данное обстоятельство является еще одним аргументом в пользу бессистемности и несовершенства норм, предусматривающих уголовно-правовую охрану интересов кредиторов в преддверии банкротства (при банкротстве).

Еще больше вопросов возникает при сопоставлении других (помимо субъекта) элементов составов преступлений, предусмотренных ст. 201 УК РФ и ст.ст. 195–197 УК РФ.

Не останавливаясь на соотношении непосредственного основного и непосредственного дополнительного объектов составов рассматриваемых преступлений, а также предметах, признаках субъективной стороны, на способах совершения этих преступлений (которые могут полностью совпадать), обратимся к их преступным последствиям.

Составы рассматриваемых преступлений сформулированы как материальные, то есть общественно опасные последствия являются обязательным признаком объективной стороны каждого из рассматриваемых преступлений.

Согласно ч. 1 ст. 201 УК, ответственность за злоупотребление наступает, если действия повлекли «…причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства». В то время как диспозиции всех банкротских преступлений предполагают «…причинение крупного ущерба».

Понятие крупного ущерба формализовано и применительно к отдельным преступлениям, предусмотренным главой 22 УК РФ (за исключением поименованных статей). Оно раскрывается в примечании к ст. 170.2 УК РФ и составляет… «два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей».

Понятие же «существенный вред» – оценочное и должно быть установлено в каждом конкретном случае исходя из всех обстоятельств дела.

В п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» сказано, что «При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.».

Таким образом, даже не вдаваясь в виды вреда, а ограничиваясь только имущественным, отметим, что если банкротство предваряет добровольная ликвидация юридического лица, то уголовно-правовая защита интересов кредиторов жизненна лишь при «существенности» причиненного вреда, причем только в случае его доказанности, поскольку прямо связана с имущественным положением и финансовым состоянием кредитора.

С другой стороны, очевидно, что «существенным» может быть признан материальный ущерб, составляющий 1 млн рублей и даже меньше.

Вместе с тем законодатель, «оценивая» степень общественной опасности злоупотреблений лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, провел грань между преступным и непреступным именно по размеру ущерба в сумме 2,25 млн рублей.

Следовательно, на практике могут возникнуть ситуации, которые схематично можно представить следующим образом:

1. Кредитор – ущерб более 2,25 млн руб., но для него несущественен – нет состава преступления.

2. Кредитор – ущерб более 2,25 млн руб., но для него существенен – есть состав преступления.

3. Кредитор – ущерб менее 2,25 млн руб. – ущерб для него существенный.

Очевидны недостатки в криминализации и законодательная недоработка. К сожалению, для уголовно-правовой охраны отношений в сфере экономической деятельности они являются скорее правилом, чем исключением.

Иными словами, при фактической тождественности действий и, как следствие, одинаковой степени общественной опасности деяний лиц (ликвидатора и, например, руководителя юридического лица) возможность уголовно-правовой защиты будет обратно пропорциональна имущественному положению кредитора.

Как правило, широкое использование законодателем оценочных категорий всегда «является узким местом» правоприменительной практики, потенциально являясь коррупционной нишей.

Учитывая изложенное, в рассмотренной части уголовный закон нуждается в совершенствовании. Должны быть приведены к одному знаменателю по степени их общественной опасности деяния лиц, выполняющих управленческие функции в юридическом лице независимо от вида ликвидации юридического лица (добровольная или принудительная). Ныне санкции за банкротские преступления находятся в диапазоне от 1 до 6 лет лишения свободы за тождественные деяния.

С точки зрения юридической техники диспозиции норм, предусматривающие ответственность за криминальные банкротства (ст.ст. 195–197 УК РФ), должны быть дополнены указанием на совершение предусмотренных в них действий также ликвидатором (председателем ликвидационной комиссии).

Несмотря на значительное количество вопросов, возникающих в практике применения норм о криминальном банкротстве, поныне не принято соответствующее постановление Пленума Верховного Суда России, но проект («О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с банкротством») обсуждается уже более пяти лет. На наш взгляд (если оно выйдет до предлагаемых изменений в Уголовный кодекс России), его необходимо дополнить разъяснениями, которые позволят избежать на практике проблем квалификации действий ликвидаторов либо членов ликвидационной комиссии должника-юридического лица, путем указания на то, что «…при оценке вреда как существенного, применительно к имущественному вреду, следует принимать во внимание размер ущерба, установленный в качестве признака преступлений, посягающих на тождественные общественные отношения, в частности в сфере банкротства должника-юридического лица».

По нашему мнению, также является неудачным, чрезмерно расширительным и противоречащим ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации предлагаемое в данном проекте постановления толкование руководителя юридического лица – «…в юридических лицах при их ликвидации – члены ликвидационной комиссии либо ликвидатор».

ON THE SUBJECT OF CRIMINAL BANKRUPTCY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 136–138. DOI 10.17223/23088451/11/26

Dmitry V. Karelin, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Keywords: criminal bankruptcy, subject of crime, liquidator.

The institute of bankruptcy in Russia is dynamically developing and the legislation regulating it is constantly being improved. However, with a significant annual increase in the number of bankruptcy procedures conducted, the number of recorded crimes (criminal bankruptcies) remains negligible. This is mainly due to the blanket nature of dispositions of the relevant legal norms. The present article provides a system analysis of some aspects of the completeness of protection of legal rights and interests of creditors in case of liquidation of a legal entity in terms of civil and criminal legislation. The author assesses the sufficiency of the penal prohibition and the applicability of the norms on criminal bankruptcy depending on the types of legal entity liquidation (voluntary and forced). He concludes about the gaps in this criminal law and proposes changes aimed at improving the legal protection of relations in the field of bankruptcy of the debtor-legal entity.

УДК 343.7 DOI 10.17223/23088451/11/27

Д.С. Куклин

ОСОБЕННОСТИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Рассматриваются некоторые особенности мошенничества в сфере трудовых отношений, проблемы квалификации преступного деяния и разграничения с другими составами мошенничества и иными правонарушениями, рассмотрены виды ущерба, причиненные от мошенничества в сфере трудовых отношений.

Ключевые слова: *мошенничество, сфера трудовых отношений, ущерб, квалификация, разграничение составов, дисциплинарный проступок.*

Практика применения закона сталкивается с такими видами хищения, как мошенничество в сфере трудовых отношений, маскируемое фиктивным трудовым договором. Типовой схемой мошенничества в сфере трудовых отношений является оформление трудового договора без выполнения работ либо выполнение работ не тем лицом, которое оформлено на работу. Возможны следующие варианты данной схемы хищения: во-первых, заключение фиктивного трудового договора с несуществующим работником или с работником, который не собирается вступать в фактические трудовые отношения, указанные лица получают заработную плату или иные выплаты, связанные с трудовыми отношениями. Во-вторых, работу выполняет лицо с квалификацией ниже, чем у оформленного работника, например, работу выполняет слесарь третьего разряда, а начисляется заработная плата, как за работу, выполненную слесарем пятого разряда. В-третьих, возможны случаи, когда лицо при устройстве на работу подает поддельные документы о своей квалификации (диплом магистра, специалиста, бакалавра, водительское удостоверение и др.) и работает не по специальности или квалификации, которых фактически не имеет. В-четвертых, завладение денежными средствами в виде заработной платы и иных выплат, путем совмещения двух должностей без выполнения работы на одной из занимаемых должностей, или некачественное выполнение работы по одной или сразу нескольким совмещаемым должностям.

Оформляется фиктивный трудовой договор, издается приказ, составляется табель, идет начисление заработной платы. В результате таких действий происходит незаконное завладение денежными средствами и работодатель несет имущественный ущерб.

В современном российском уголовном законодательстве данные деяния квалифицируются как мошенничество. Однако действующие составы мошенничества не учитывают специфику такого вида хищения в сфере трудовых отношений. Как справедливо отмечает А.В. Шеслер, введение новых статей в УК РФ свидетельствует о том, что законодатель пошел по пути криминализации отдельных видов мошенничества как самостоятельных преступлений [1, с. 67–71]. Можно сказать, что если законодатель будет придерживаться вышеуказанного пути, то следует ожидать и других отдельных составов мошенничества, в том числе в сфере трудовых отношений. При криминализации вышеописанных случаев хищения возникнут следующие правовые проблемы, нуждающиеся в разрешении: во-первых, разграничение деяния с дисциплинарным проступком; во-вторых, определение размера ущерба в результате хищения; в-третьих, отличие нового состава от других составов мошенничества. Однако эти проблемы возникают уже и при действующих редакциях мошенничества

Стоит отметить, что не все фиктивные трудовые отношения свидетельствуют о хищении. Нередко фиктивные трудовые отношения являются дисциплинарным проступком, который влечет не уголовную, а дисциплинарную ответственность. В некоторых случаях работник фактически не выполняет трудовую функцию по объективным причинам, в данном случае работник будет поступать правомерно, соответственно не будет правонарушения. Например, работник не вышел на работу из-за болезни или же у работника нет фактического допуска к работе, воздействие непреодолимой силы и др. Работник не может выполнить работу, обусловленную трудовым договором по объективным причинам. В данном случае у работника нет умысла путем обмана совершить хищение. Или ущерб причинен из-за ненадлежащего выполнения своих обязанностей, например ошибка при заполнении документов. Хотя имущественный ущерб будет иметь место, но хищением являться не будет, так как нет умысла.

Чтобы правильно квалифицировать деяние, совершенное работником или должностным лицом, необходимо определить критерии разграничения, в каком случае будет правомерное поведение, дисциплинарный проступок или же мошенничество. Ключевым критерием в данном случае будет наличие общих признаков хищения. В частности, должно иметь место причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества. Возможны случаи, когда имеет место фиктивный трудовой договор, но зарплата не перечисляется работнику, а идет на нужды работодателя, покупается оргтехники и т.д. В данном случае нельзя говорить о хищении, так как нет ущерба и нет потерпевшего. Или же работа, выполненная работником с низкой квалификацией, соответствует выполненной работе работником с более высоко квалификацией. Например, на практике работа, выполненная слесарем третьего разряда, может быть качественнее работы, выполненной слесарем пятого разряда. В данном случае прямого ущерба работодателю нет.

Кроме того, признаком хищения выступает прямой умысел, т.е. субъект преступления стремится своими

противоправными деяниями совершить хищение чужого имущества и осознает характер своих действий или бездействий и их общественно-опасные последствия и хочет, чтобы они наступили. Неосторожное деяние в трудовых отношениях будет квалифицироваться как дисциплинарный проступок, так как не будет являться общественно-опасным, поскольку нет умысла.

Вопрос о том, каким является ущерб в результате таких мошеннических действий, обусловлен тем, что в результате хищения возникает ущерб, который связан с получением незаконных выплат в виде заработной платы, а также ущерб, который образуется в результате выплаты работодателем в пенсионный фонд и иные обязательные фонды (страхование работника). Кроме того, возникает вопрос о том, кому вменять причиненный ущерб, если устроено одно лицо, а социальные выплаты получает другое, и являются ли социальные выплаты ущербом от хищения или нет. Соответственно, кому вменять социальные выплаты, работнику или тому, кто такое трудоустройство оформил. Этот вопрос возникает в тех случаях, когда органы предварительного расследования и суда нередко вменяют в качестве ущерба от мошенничества в сфере трудовых отношений как начисленную заработную плату, так и отчисления от нее, которые выплачиваются в различной форме (страхование работника, отчисления в пенсионный фонд). Соответственно ущерб вменяется не только тем лицам, которые получают за оформленное лицо заработную плату, но и тем, на которых составлен фиктивный трудовой договор.

На наш взгляд, при ответе на поставленный вопрос следует вновь исходить из общих признаков хищения, в частности предмета хищения, в качестве которого выступает имущество в виде заработной платы. Под хищением в статьях Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) понимаются совершенные с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Исходя из такого определения хищения, можно сделать вывод о том, что ущербом от мошенничества в сфере трудовых отношений следует считать тот ущерб, который составляет заработная плата, за исключением подоходного налога. Поскольку именно она является предметом завладения, именно её размер охватывается умыслом виновного.

На наш взгляд, выплаты в виде взносов в пенсионный и страховые фонды не являются признаком состава мошенничества, поскольку ими виновный не завладевает. Это означает, что данные выплаты являются не предметом преступления, а гражданского правонарушения в виде понесенных расходов. В результате в действиях виновного имеет место совокупность преступления и гражданско-правового деликта, ответственность за который наступает в порядке гражданского судопроизводства или добровольного возмещения произведенного ущерба. Таким образом, определение характера и размера ущерба влияет на квалификацию совершенного деяния. Только заработная плата может быть предметом хищения при мошенничестве в сфере трудовых отношений, поскольку она охватывается умыслом виновного и в отношении ее совершается противоправное безвозмездное изъятие и обращение в свою пользу или других лиц.

Подводя итог, стоит отметить, что в уголовном законодательстве России нет отображения мошенничества в сфере трудовых отношений, данное деяние квалифицируется как простой состав мошенничества, либо как дисциплинарный проступок, либо как гражданско-правовой деликт, а данное деяние определенно должно быть криминализировано. В результате этого нет единой правоприменительной практики. В любом случае возможны уголовно-правовые проблемы, которые нуждаются в разрешении:

1. Разграничение с дисциплинарным проступком.
2. Состоит в объеме ущерба, который вменяется в результате совершения мошенничества в сфере трудовых отношений.
3. Разграничение от других видов мошенничеств.

Решить данные проблемы можно либо на законодательном уровне, например добавив новый состав мошенничества, как законодатель делал ранее, либо должна быть единая правоприменительная практика, проводимая судами. Ущерб необходимо вменять только тот, на который направлен умысел субъекта преступления и имело место фактическое завладение, а именно заработная плата. Отчисления в различные обязательные фонды нельзя вменять как ущерб, так как нет завладения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шеслер А.В.* Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2. С. 67–71.

PECULIARITIES OF FRAUD IN LABOUR RELATIONS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 139–140. DOI 10.17223/23088451/11/27
Denis S. Kuklin, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: dex_dex@mail.ru

Keywords: fraud, in labour relations, damage, qualifications, demarcation of convoys, disciplinary offense.

The practice of applying the law is faced with such types of embezzlement as fraud in labour relations, masked by a fictitious labour contract. A typical scheme of fraud in labour relations is when the employment contract is concluded without performance of work, or when the work is performed not by a person assigned for work. Several schemes of embezzlement are possible. It should be noted that the Russian criminal legislation does not qualify fraud in the labour relations. This act is qualified as a simple fraud, or a disciplinary offense, or as a civil tort, while this act must definitely be criminalised. As a result, there exists no uniform law enforcement practice.

REFERENCES

1. Shesler, A.V. (2013) Moshennichestvo: problemy realizatsii zakonodatel'nykh novell [Fraud: problems of implementation of legislative novels]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 67–71.

УДК 343.614 DOI 10.17223/23088451/11/28

М.А. Малетина

ПРЕСТУПНАЯ ПРИЧАСТНОСТЬ К САМОУБИЙСТВУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, СТРАН СНГ И БАЛТИИ

Проанализированы особенности регламентации ответственности за такие формы преступной причастности к самоубийству несовершеннолетних, как доведение до самоубийства, склонение к самоубийству и содействие его совершению в уголовном законодательстве России, стран СНГ и Балтии. Через призму компаративистского подхода автор исследует особенности технико-юридических конструкций норм об ответственности за преступную причастность к самоубийству несовершеннолетних. В ходе сравнительного исследования изучены приемы и способы конструирования противоправных деяний, последствием которых выступает самоубийство несовершеннолетних (покушение на него), и используемая законодателем терминология. На основе проведенного исследования формулируются предложения, направленные на модернизацию российского уголовного законодательства об ответственности за указанные преступления.

Ключевые слова: *преступная причастность к самоубийству несовершеннолетних, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие в совершении самоубийства, сравнительный анализ.*

Не так давно Федеральным законом от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен рядом норм, которые в научной среде получили название «суицидальных» преступлений [1, с. 11]. К их числу относится ст. 110.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за склонение к самоубийству или содействие его совершению, а также ст. 110.2 УК РФ, предусматривающая ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. Кроме того, этим же Федеральным законом редакция ст. 110 УК РФ, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства, была изменена. В частности, указанная статья была дополнена рядом квалифицирующих признаков, к числу которых относится и доведение до самоубийства несовершеннолетнего.

Внесение подобных изменений было вызвано суицид-неблагоприятной обстановкой в нашей стране, на что в последние два года обращалось внимание общественности, а также ученых, которые придерживались мнения о том, что действующая редакция ст. 110 УК РФ не охватывает новые формы преступной причастности к самоубийству. Противоправные действия третьих лиц, направленные против жизни и здоровья несовершеннолетних, потребовали адекватной реакции со стороны уголовного закона, так как за лишение жизни человека, являющейся высшей ценностью, не может быть установлено никакой другой ответственности, кроме уголовной.

В рамках настоящей статьи не ставилась цель оценки уголовного законодательства России, стран СНГ и Балтии в части регламентации исследуемых деяний, а предпринята попытка выявить различные подходы к ее решению. Объектом научного интереса выступили понятийный аппарат, описание объективных признаков в конструкциях рассматриваемых составов преступлений, а также средства дифференциации уголовной ответственности за их совершение.

Следует отметить, что в уголовном законодательстве стран СНГ и Балтии преступной причастности третьих лиц к самоубийству в целом, а также к самоубийству несовершеннолетних также уделяется большое внимание. Кроме того, составы за указанные преступления имеют свою специфику в каждом отдельном государстве, группе государств, что, несомненно, заслуживает внимания.

Французские юристы Рене Давид, Камилла Жоффре-Спинози, Марк Ансель отмечали, что обращение к зарубежному законодательству открывает юристу новые горизонты, позволяет ему лучше познать право своей страны, так как специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение вооружает юриста идеями и аргументами, которые невозможно получить даже при великолепном знании только собственного права [2, с. 18].

Кроме того, сравнительный анализ уголовно-правовых систем различных стран преследует цель поиска и использования наиболее удачных правовых приемов при совершенствовании национального законодательства. Поэтому изучение стратегии противодействия негативным последствиям преступной причастности третьих лиц к самоубийству несовершеннолетних, позитивного зарубежного опыта построения норм об ответственности за указанные преступления может быть полезным для определения направлений совершенствования их российских аналогов и повышения эффективности уголовно-правового воздействия.

Для сравнительно-правового исследования по рассматриваемой тематике выбраны уголовные законодательства стран-участниц СНГ и Балтии, поскольку социально-политическое и экономическое положение нашей страны и указанных стран обладает определенной схожестью, так как в недалеком прошлом они функционировали в едином правовом пространстве.

Достаточно близкие по доктринальным взглядам и законодательной технике уголовные кодексы вышеуказанных государств исходят из единых задач, основываются на единых принципах и призваны обеспечивать права и свободы человека и гражданина, охраняемые законом интересы общества и государства, мир и

безопасность человечества, предупреждать новые преступления. Уголовно-правовые идеи, преимущественно заложенные еще в период существования СССР жестким государственным стандартом по подготовке юридических кадров, во многом способствовали схожей уголовно-правовой политике стран СНГ и Балтии. Тем не менее каждое из ныне независимых государств, опираясь на накопленный национальный опыт, движется в развитии доктрины уголовного права, законотворческой и правоприменительной деятельности своим собственным путем. Отмеченное создает благоприятные условия для взаимного использования опыта, в том числе в уголовно-правовом обеспечении прав и свобод несовершеннолетних.

Аналогичные российским технико-юридические конструкции норм об ответственности за самоубийство в форме доведения и склонения содержатся во всех уголовных кодексах названных государств. Но, несмотря на внешнее сходство диспозиций, указанные статьи характеризуются рядом специфических особенностей. Остановимся на них подробнее.

Итак, ответственность за доведение до самоубийства предусмотрена в уголовном законодательстве Азербайджанской Республики (ст. 125), Республики Казахстан (ч. 1 ст. 102), Республики Армения (ч. 1 ст. 110), Республики Молдова (ч. 1 ст. 150), Кыргызской Республики (ч. 1 ст. 102), Республики Таджикистан (ч. 1 ст. 109), Республики Беларусь (ч. 1 ст. 145), Республики Узбекистан (ч. 1 ст. 103), Туркменистана (ч. 1 ст. 106) и Украины (ч. 1 ст. 120). Что касается стран Балтии, то преступная причастность за доведение до самоубийства содержится в уголовном законодательстве Республики Литва (ст. 133), Эстонской Республики (ст. 106) и Латвийской Республики (ч. 1 ст. 124).

В уголовном законодательстве стран СНГ несовершеннолетие потерпевшего квалифицирует содеянное виновным в Республике Молдова (п. «b» ч. 2 ст. 150), Республике Беларусь (ч. 2 ст. 145), Кыргызской Республике (ч. 2 ст. 102), Республике Таджикистан (ч. 2 ст. 109), Туркменистане (ч. 3 ст. 106) и Украине (ч. 3 ст. 20).

Склонение к самоубийству законодательно регламентировано в уголовных кодексах Республики Литва (ст. 133), Республики Беларусь (ч. 1 ст. 146), Кыргызской Республики (ст. 103), Туркменистане (ч. 1 ст. 106), Республики Армения (ст. 111). Однако такого квалифицирующего признака, как совершение указанного преступления в отношении несовершеннолетнего в кодексах указанных стран СНГ и Балтии не содержится, за исключением УК Республики Беларусь, ч. 2 ст. 146 которого предусматривает наказание за склонение к самоубийству заведомо несовершеннолетнего, если он покончил жизнь самоубийством или сделал попытку его совершения.

Особый интерес для сравнительного исследования вызывает уголовное законодательство Туркменистана и Республики Литва – склонение к самоубийству и доведение до самоубийства в уголовных кодексах названных стран криминализированы в единой уголовно-правовой норме (ст. 106 и ст. 133 соответственно).

При этом в УК Туркменистана указанные виды воздействия на потерпевшего распределены по частям статьи в зависимости от степени общественной опасности – ответственность за склонение к самоубийству закреплена в части первой указанной статьи, ответственность за доведение до самоубийства – в части второй. Соответственно санкция за доведение до самоубийства установлена более высокой, чем санкция за склонение к самоубийству. Главной отличительной особенностью указанной нормы является то, что в качестве квалифицирующего признака в ней выступает несовершеннолетие виновного, однако преступная причастность третьих лиц в данном случае установлена лишь в форме доведения до самоубийства. Склонение несовершеннолетнего к самоубийству выпало из поля зрения Туркменского законодателя.

Не менее интересным является УК Республики Литва. Уголовно-правовая норма об ответственности за доведение до самоубийства в законодательстве названного государства представлена совершенно в иной редакции. Диспозиция ст. 133 «Доведение до самоубийства и склонение к самоубийству» выглядит следующим образом: «Тот, кто склонил человека к самоубийству либо довел человека до самоубийства путем жестокого или коварного обращения, наказывается…» Проанализировав данную норму, можно прийти к выводу о том, что склонение к самоубийству и доведение до самоубийства законодатель Республики Литва считает разными формами преступной причастности третьих лиц к совершению потерпевшим самоубийства, однако он счел возможным объединить их в одну часть статьи, несмотря на то, что они обладают разной степенью общественной опасности.

Анализируя нормы об ответственности за рассматриваемые преступления, нельзя не остановиться на содержании понятий «склонение к самоубийству» и «доведение до самоубийства», закрепленные в законодательстве указанных государств.

Понятие «склонение» законодательно закреплено в уголовных кодексах Республики Беларусь (ч. 1 ст. 146), Республики Армения (ст. 111), Туркменистана (ч. 1 ст. 106), Кыргызской Республики (ст. 103).

Под склонением в вышеуказанных нормах понимается возбуждение у лица решимости совершить самоубийство*, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на самоубийство.* В УК Республики Армения и Республики Беларусь не указаны способы совершения данного преступления, а вот уголовное законодательство Кыргызской Республики и Туркменистана к таким способам относит *уговоры, обман или иной способ*, то есть перечень является открытым.

Понятие «доведение до самоубийства» не закреплено законодательно ни в одном из уголовных законов рассматриваемой группы стран. По-видимому, указанное понятие, по мнению законодателя названных стран, не нуждается в определении. Указываются лишь способы совершения данного преступления: жестокое обращение с потерпевшим или систематическое унижение его личного достоинства (Республика Беларусь, Республика Литва, Латвийская Республика); *угрозы,* жестокое обращение с потерпевшим или систематическое унижение его личного достоинства (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республи-

ка Казахстан, Республика Таджикистан, Кыргызская Республика); в уголовном законодательстве Эстонской Республики к способам совершения указанного преступления относится жестокое обращение с потерпевшим или *издевательство над ним*; Республики Молдова – *травля, клевета или оскорбление со стороны виновного*; Туркменистана – угрозы, клевета, жестокое обращение или систематическое унижение личного достоинства; Украины – жестокое обращение с потерпевшим, *шантаж, принуждение к противоправным действиям* или систематическое унижение его человеческого достоинства.

Сходство уголовно-правовых норм об ответственности за доведение до самоубийства несовершеннолетних и склонение их к совершению самоубийства не распространяется на содержание их санкций. Так, согласно п. «b» ч. 2 ст. 150 УК Республики Молдова, доведение до самоубийства несовершеннолетнего (покушения на него) наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет; согласно УК Кыргызской Республики – лишением свободы на срок от трех до семи лет (в ред. Закона КР от 24.11.2016 г. № 188), согласно ч. 3 ст. 106 УК Туркменистана – лишением свободы на срок до восьми лет; согласно ч. 2 ст. 109 УК Республики Таджикистан – лишением свободы на срок от пяти до восьми лет; согласно ч. 3 ст. 20 УК Украины – лишением свободы на срок от семи до десяти лет.

На основании результатов анализа уголовного законодательства стран СНГ и Балтии целесообразно сформулировать ряд принципиальных выводов:

1. В уголовном законодательстве всех стран-участниц СНГ и Балтии предусмотрена ответственность за преступную причастность к самоубийству (покушению на самоубийство). Превентивные возможности уголовно-правового характера связаны с «доведением до самоубийства», со «склонением к самоубийству», а также с «оказанием помощи» при самоубийстве. Определение самоубийства, так же как и в российском уголовном законодательстве, отсутствует.

2. Понятие «доведение до самоубийства» не закреплено законодательно ни в одном из уголовных законов рассматриваемой группы стран. Указаны лишь способы совершения данного преступления, к которым относятся: жестокое обращение с потерпевшим или систематическое унижение его личного достоинства, издевательство над ним, угрозы, травля, клевета или оскорбление со стороны виновного, принуждение к противоправным действиям, шантаж.

3. Под склонением к самоубийству в уголовном законодательстве стран-участниц СНГ понимается возбуждение у лица решимости совершить самоубийство, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на самоубийство. То есть состав указанного преступления является материальным. В УК Республики Армения и Республики Беларусь не указаны способы совершения данного преступления, а вот уголовное законодательство Кыргызской Республики и Туркменистана к таким способам относит уговоры, обман или иной способ, то есть перечень является открытым.

4. Несовершеннолетие потерпевшего квалифицирует совершение такого преступления, как доведение до самоубийства, только в уголовном законодательстве Республики Молдова, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Туркменистана, Республики Таджикистан и Украины. Этот же квалифицирующий признак присутствует в составе склонения к самоубийству лишь в УК Республики Беларусь.

5. Особый интерес для сравнительного исследования вызывает уголовное законодательство Туркменистана и Республики Литва – склонение к самоубийству и доведение до самоубийства в уголовных кодексах названных стран криминализированы в единой уголовно-правовой норме.

В целях совершенствования национального уголовного права представляется целесообразным рассмотреть возможность заимствования из зарубежных кодексов идеи о криминализации таких форм преступной причастности к самоубийству несовершеннолетних, как доведение и склонение, в единой правовой норме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Егорова Н.А.* Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 11–17.
2. *Ансель М.* Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. М. : Прогресс, 1991. С. 16–24.

CRIMINAL INVOLVEMENT IN JUVENILE SUICIDE: COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS OF LEGISLATIONS OF RUSSIA, CIS AND BALTIC STATES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 141–144. DOI 10.17223/23088451/11/28
Maria A. Maletina, Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Barnaul, Russia). E-mail: mamaletina85@mail.ru.

Keywords: criminal involvement in juvenile suicide, forcible suicide, incitement to suicide, assistance in suicide, comparative analysis.

This article analyses the specificity of the regulation of liability for such forms of criminal involvement in juvenile suicide, as forcible suicide, incitement to suicide and assistance in suicide in the criminal legislations of Russia, the CIS countries and the Baltic States. The author does not not aim at assessing the criminal legislation of Russia and the near abroad in terms of regulating the investigated acts, but attempts to identify various approaches to its solution. The focus is laid on the terminology, description of objective features in the constructions of the crimes in question, as well as means for differentiating criminal liability for their commission. The conducted research leads to the conclusion that criminal legislations of all the CIS and Baltic states provide for liability for criminal involvement in suicide (attempted suicide). The preventive possibilities of criminal law are related to forcible suicide, incitement to suicide and assistance in suicide. However, they do not contain the definition of suicide. Neither does the Russian criminal legislation. The article focuses on the concept of forcible suicide, which has not received the proper legal formulation in any of the criminal legislations of the countries under consideration. These legislations determine only the ways of committing this crime, including abuse of the victim or regular

humiliation of their personal dignity, bullying, threats, harassment, slander or insult on the part of the perpetrator, coercion to unlawful acts, and blackmail. The criminal legislations of the CIS member states understand incitement to suicide as affecting a person's determination to commit suicide, if this person has committed or attempted suicide. The Criminal Codes of the Republic of Armenia and the Republic of Belarus do not specify the methods of committing this crime, while the criminal legislations of the Kyrgyz Republic and Turkmenistan refer to persuasion, deception or some other methods, that is, the list is open. The minor's age of the victim qualifies the commission of such a crime as forcible suicide only in the criminal legislations of the Republic of Moldova, the Republic of Belarus, the Kyrgyz Republic, Turkmenistan, the Republic of Tajikistan and Ukraine. The same qualifying feature can be found in the incitement to suicide only in the Criminal Code of the Republic of Belarus. The legislator of Turkmenistan and the Republic of Lithuania criminalised incitement to suicide and forcible suicide in their Criminal Codes in a single legal norm. In conclusion, the author finds it sensible to borrow from foreign codes the idea of criminalising such forms of criminal involvement in juvenile suicide as forcible suicide and incitement to suicide in a single legal norm in order to improve the national criminal legislation.

REFERENCES

1. Egorova, N.A. (2017) Novoe v ugolovno-pravovoy okhrane zhizni cheloveka [New in the criminal legal protection of human life]. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 11–17.
2. Ansel, M. (1991) Metodologicheskie problemy sravnitel'nogo prava [Methodological problems of comparative law]. In: Tumanov, V.A. (ed.) *Ocherki sravnitel'nogo prava* [Sketches of Comparative Law]. Moscow: Progress. pp. 16–24.

УДК 343.615.1 DOI 10.17223/23088451/11/29

Т.А. Плаксина

ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ПОВЛЕКШЕЕ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО (Ч. 4 СТ. 111 УК РФ)

Анализируются статистические данные 2009–2017 гг. по Российской Федерации о наказаниях, назначаемых за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ. Полученные результаты свидетельствуют об ужесточении уголовной репрессии, хотя предпринятое в 2011 г. смягчение санкции посредством исключения из нее минимального предела предоставляет широкие возможности для назначения более мягких наказаний. Также проведено сравнение практики назначения наказания за указанное деяние и простое убийство.

Ключевые слова: *умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, убийство, наказание, назначение наказания.*

Анализ практики назначения наказания за особо тяжкие преступления против жизни и здоровья представляется исключительно важным по целому ряду причин. Он не только имеет значение для выявления сформировавшихся в этой области тенденций, которые могли бы служить ориентиром в выборе меры наказания, столь необходимым для обеспечения единства судебной практики, но и позволяет оценить качество санкций за преступления, обладающие наивысшей общественной опасностью, а также справедливость уголовно-правовой политики государства в целом. Среди преступлений против здоровья к особо тяжким принадлежат отдельные квалифицированные виды умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в том числе такой вид этого деяния, который с объективной стороны осложнен наступлением второго общественно опасного последствия – смерти потерпевшего, а с субъективной стороны характеризуется неосторожной формой вины по отношению к данному последствию (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Интерес к практике назначения наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, объясняется и тем, что максимальное наказание, установленное за него в уголовном законе, совпадает с максимальным наказанием за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), в связи с чем возникает необходимость исследовать, дифференцируются ли эти деяния в рамках практической пенализации или же карательная практика не видит различий между ними.

В настоящее время санкция ч. 4 ст. 111 УК РФ содержит единственный вид основного наказания – лишение свободы, причем при верхнем пределе наказания в пятнадцать лет нижний предел санкции не указан, но с учетом положений ч. 2 ст. 56 УК РФ он составляет два месяца лишения свободы. Таким образом, рассматриваемая санкция является одной из самых широких в ныне действующем УК РФ. Ранее в ней был установлен минимальный предел в пять лет лишения свободы, который исключен Федеральным законом от 07 марта 2011 г. № 26–ФЗ [1]. Кроме того, Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377–ФЗ [2] в санкцию введено факультативное дополнительное наказание в виде ограничения свободы на срок до двух лет.

Законодательная пенализация умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, анализировалась в целом ряде научных работ [3, с. 141–146; 4, с. 9; 5, с. 12, 25–26 и др.], тогда как практическая пенализация данного преступления мало затрагивалась в уголовно-правовой литературе. Одним из немногих исследований, непосредственно посвященных вопросам назначения наказания за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, является работа В.Н. Курченко [6], которая, несмотря на абсолютную обоснованность постановки проблем, вызванных предоставляемыми законом чрезмерно широкими возможностями для судейского усмотрения, относится, однако, к начальному периоду действия новой редакции санкции. К настоящему же времени накоплен богатый эмпирический материал, на основе изучения которого можно делать выводы об удельном весе различных видов назначаемых по ч. 4 ст. 111 УК РФ наказаний как в статике, так и в динамике, т.е. о состоянии и тенденциях карательной практики, а также о влиянии на последнюю изменений, произошедших в санкции.

В официальной отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (формы № 10.3, 10.3.1) содержатся статистические данные о видах наказания, назначенного за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, применении условного осуждения, а также о распределении лиц, осужденных к реальному лишению свободы, в зависимости от сроков назначенного наказания. Для проведения исследования были взяты сведения по Российской Федерации за период, когда из санкции уже был исключен нижний предел – 2012–2016 гг. и первое полугодие 2017 г. В табл. 1 приведены абсолютные показатели по лицам, осужденным к различным видам наказания[11], в динамике за

[1] Здесь и далее при подсчете из общего числа осужденных были исключены лица, освобожденные по приговору суда от наказания по различным основаниям (в отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ они не учитываются в числе осужденных к отдельным видам наказания, но включены в общее число осужденных). В столбцах «Лишение свободы» и «Исправительные работы» табл. 1–4, 6–7 представлены данные только о лицах, осужденных к реальному отбыванию этих видов наказания.

5 лет 6 месяцев; в табл. 2 – относительные показатели, характеризующие распространенность применения тех или иных видов наказания (их удельный вес) в динамике за тот же период.

Таблица 1

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 4 ст. 111 УК РФ в 2012–2016 гг. и первом полугодии 2017 г. к различным видам наказания (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [7–12]

Год	Всего осуждено	Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Штраф	Условное осуждение к иным видам наказания
2012	7982	7804	174	4	0	0	0
2013	7596	7468	125	2	1	0	0
2014	7348	7253	92	2	0	0	1
2015	6814	6731	79	3	1	0	0
2016	6199	6159	38	0	1	1	0
2017 (6 мес.)	2702	2687	14	1	0	0	0
Всего	38641	38102	522	12	3	1	1

Таблица 2

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 4 ст. 111 УК РФ в 2012–2016 гг. и первом полугодии 2017 г. к различным видам наказания, в общем числе осужденных за указанное преступление (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Лишение свободы, %	Условное осуждение к лишению свободы, %	Ограничение свободы, %	Исправительные работы, %	Штраф, %	Условное осуждение к иным видам наказания, %
2012	97,77	2,18	0,05	0	0	0
2013	98,31	1,65	0,03	0,01	0	0
2014	98,71	1,25	0,03	0	0	0,01
2015	98,78	1,16	0,04	0,01	0	0
2016	99,35	0,61	0	0,02	0,02	0
2017 (6 мес.)	99,44	0,52	0,04	0	0	0

Как следует из данных табл. 2, назначенные наказания фактически представлены реальным лишением свободы и условным осуждением к лишению свободы; совокупная доля иных мер (ограничения свободы, исправительных работ, штрафа и условного осуждения к иным видам наказания) ни в одном из анализируемых периодов не превышает 0,05 %. При этом удельный вес условного осуждения к лишению свободы, во-первых, незначителен, во-вторых, начиная с 2012 г. последовательно сокращался, составив в первом полугодии 2017 г. всего 0,52 % (сокращение с 2012 г. более чем в 4 раза). Параллельно возрастала доля реального лишения свободы – с 97,77 % в 2012 г. до 99,44 % в первом полугодии 2017 г. Эти процессы свидетельствуют о том, что степень жесткости уголовной репрессии после изменения санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ не только не снижается, но, напротив, возрастает.

Сравнение данных 2012–2016 гг. и первого полугодия 2017 г. со сведениями о назначении наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, относящимися к 2009–2010 гг. (период до внесения в санкцию изменений, смягчающих ее), также подтверждает этот вывод.

Изучение динамики удельного веса условного осуждения к лишению свободы по данным, представленным в табл. 2 и 4, показывает, что, хотя в 2012 г. он был несколько больше, чем в 2009 и 2010 гг., уже в 2013 г. он опустился ниже показателей этих лет и далее только снижался.

Таблица 3

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 4 ст. 111 УК РФ в 2009–2010 гг. к различным видам наказания (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [13, 14])

Год	Всего осуждено	Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф
2009	10 855	10 646	206	1	1	1
2010	9 846	9 656	189	0	1	0

Таблица 4

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 4 ст. 111 УК РФ в 2009–2010 гг. к различным видам наказания, в общем числе осужденных за указанное преступление (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Лишение свободы, %	Условное осуждение к лишению свободы, %	Исправительные работы, %	Обязательные работы, %	Штраф, %
2009	98,07	1,90	0,01	0,01	0,01
2010	98,07	1,92	0,01	0	0

Табл. 5 отражает динамику удельного веса лиц, осужденных к различным срокам реального лишения свободы, в общем числе осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, в период до внесения изменений в санкцию ч. 4 ст. 111 УК РФ (2009–2010 гг.) и после их внесения (2012–2016 гг. и первое полугодие 2017 г.). Из табл. 5 видно, что исключение из санкции нижнего предела в виде пяти лет лишения свободы, состоявшееся в марте 2011 г., несмотря на имевшие место опасения широкого распространения случаев применения судами излишне мягких мер, не повлекло ни увеличения доли лишения свободы на срок до пяти лет включительно в целом, ни возрастания удельного веса какой-либо из категорий сроков лишения свободы в рамках указанного интервала (в официальной отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ фигурируют следующие категории сроков лишения свободы: до одного года включительно; свыше одного года до двух лет включительно; свыше двух до трех лет включительно; свыше трех лет до пяти лет включительно). Так, удельный вес реального лишения свободы на срок до одного года

включительно составлял в 2009 и 2010 гг. 0,25 и 0,21 % соответственно, а после изменения санкции ни в один из наблюдаемых периодов не превысил этих показателей. Напротив, в 2015 г. и 2016 г. он снижался до 0,1 %. Совокупная доля лишения свободы на срок свыше одного года до двух лет включительно и свыше двух лет до трех лет включительно лишь в 2012 г. (первый год после изменения санкции) превышала аналогичные показатели 2009 и 2010 гг. (2,43% в 2012 г., 2,34 % в 2009 г., 1,95 % в 2010 г.). Уже в 2013 г. она начала снижаться и в 2016 г. составляла 1,53%, а в первом полугодии 2017 г. – 1,11 %. Сходная траектория наблюдается и у показателей реального лишения свободы на срок свыше трех лет до пяти лет включительно: несмотря на то, что в 2012 г. доля лиц, осужденных на такой срок, увеличилась более чем на 3 % по сравнению с 2009–2010 гг. (период до изменения санкции), далее она лишь снижалась, причем показатели 2015–2016 гг. и первого полугодия 2017 г. не превысили 11 % и оказались даже ниже, чем они были до исключения из санкции нижнего предела.

В целом, удельный вес лиц, осужденных к реальному лишению свободы на срок не свыше пяти лет, в общем числе осужденных за рассматриваемое преступление несколько возрастал лишь в первые годы после исключения нижнего предела санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ, после чего он снизился и с 2015 г. находится на более низком уровне, чем в 2009–2010 гг. В частности, в 2009 г. он составлял 15,28 %, в 2010 г. – 14,48 %, в 2012 г. – 18,5 %, в 2013 г. – 16,4 %, в 2014 г. – 15,39 %, в 2015 г. – 12,58 %, в 2016 г. – 11,89 %, в первом полугодии 2017 г. – 12,03 %.

Данные, представленные в табл. 5, позволяют также сделать вывод о динамике удельного веса лиц, осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, к длительным срокам лишения свободы. В отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ к ним относятся лишение свободы на срок свыше восьми лет до десяти лет включительно и лишение свободы на срок свыше десяти лет до пятнадцати лет включительно. Доля лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше десяти лет, несколько сократилась лишь в первые годы после изменения санкции – в 2012–2013 гг. (в 2010 г. – 3,75 %, в 2012 г. – 3,27 %, в 2013 г. – 3,71 %), однако начиная с 2012 г. она постоянно увеличивалась, достигнув в 2016 г. 6,39 %, а в первом полугодии 2017 г. – 7,18%.

Сходную динамику можно наблюдать и у показателей лишения свободы на срок свыше восьми лет до десяти лет включительно: они незначительно снижались в 2012–2013 гг. по сравнению с 2009–2010 гг. (24,8 % – в 2009 г., 24,51 % – в 2010 г., 22,83 % – в 2012 г., 23,91 % – в 2013 г.), но в рамках периода с 2012 по 2016 г. только возрастали, существенно превысив показатели, имевшие место до смягчения санкции посредством исключения из нее нижнего предела.

Таблица 5

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 4 ст. 111 УК РФ в 2009–2010 гг., 2012–2016 гг. и первом полугодии 2017 г. к лишению свободы условно и реальному лишению свободы на различные сроки, в общем числе осужденных за данное преступление (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Условное осуждение к лишению свободы, %	Реальное лишение свободы, %						
		До 1 года вкл.	Свыше 1 до 2 лет вкл.	Свыше 2 до 3 лет вкл.	Свыше 3 до 5 лет вкл.	Свыше 5 до 8 лет вкл.	Свыше 8 до 10 лет вкл.	Свыше 10 до 15 лет вкл.
2009	1,90	0,25	2,34		12,69	53,01	24,80	4,98
2010	1,92	0,21	1,95		12,32	55,33	24,51	3,75
2012	2,18	0,2	0,48	1,95	15,87	53,17	22,83	3,27
2013	1,65	0,18	0,37	1,58	14,27	54,29	23,91	3,71
2014	1,25	0,18	0,46	1,54	13,21	54,15	25,05	4,11
2015	1,16	0,10	0,40	1,12	10,96	53,89	27,08	5,24
2016	0,61	0,10	0,37	1,16	10,26	51,01	30,07	6,39
2017 (6 мес.)	0,52	0,19	0,22	0,89	10,73	51,41	28,83	7,18

В частности, в 2016 г. и первом полугодии 2017 г. удельный вес лиц, осужденных к таким срокам лишения свободы, составил 30,07 и 28,83 % соответственно против 24,51 % в 2010 г. Таким образом, статистические данные свидетельствуют об ужесточении наказаний, назначаемых по ч. 4 ст. 111 УК РФ, несмотря на то, что новые пределы санкции предоставляют широкие возможности для назначения более мягких наказаний.

Особо стоит подчеркнуть то, что в последние годы длительные (свыше восьми лет) сроки лишения свободы за рассматриваемое преступление занимают в структуре избираемых судами мер наказания около 1/3, а иногда и более: в 2015 г. – 32,32 %, в 2016 г. – 36,46 %, в первом полугодии 2017 г. – 36,01 %. Несколько лет назад в научной литературе высказывалось мнение о том, что, несмотря на суровость санкций за совершение ряда особо тяжких преступлений, среди которых называлось и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, их «резервы» практически не используются, поскольку «верхние пределы «урезаны» судебной практикой едва ли не полностью» [15, с. 7]. Приведенные статистические данные показывают, что в настоящее время для такого утверждения применительно к практике назначения наказания за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, оснований нет.

Тенденция к ужесточению практической пенализации тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, обнаруживается и при анализе назначения дополнительных наказаний. Как уже отмечалось, санкция ч. 4 ст. 111 УК РФ содержит факультативное дополнительное наказание в виде ограничения свободы на срок до двух лет. Суды получили возможность назначать его, начиная с 2010 г.

В 2010 г. оно было назначено 0,48% осужденных, в 2011 г. – 1,98 %, в 2012 г. – 3,19 %, в 2013 г. – 2,8 %, в 2014 г. – 3,24 %, в 2015 г. – 4,27 %, в 2016 г. – 5,44 %, в первом полугодии 2017 г. – 6,25 %.

Квалифицированный вид умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, закрепленный в ч. 4 ст. 111 УК РФ, является преступлением, смежным с убийством, и отграничивается от него лишь по субъективному отношению к смерти потерпевшего: если для состава убийства характерен умысел на причинение смерти, то для преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, – неосторожность по отношению к данному последствию. Будучи в силу этого различными по степени общественной опасности деяниями, простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, тем не менее в санкциях оцениваются законодателем почти одинаково: за оба преступления в качестве основного наказания может быть назначено только лишение свободы, его максимальный предел составляет пятнадцать лет, а минимальный предел до внесения изменений в санкцию ч. 4 ст. 111 УК РФ различался всего на один год и равнялся шести годам лишения свободы за простое убийство и пяти годам лишения свободы – за смежное деяние. Некорректность такой законодательной оценки степени общественной опасности преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, была очевидной, однако законодатель, исправляя ее, избрал неудачный вариант изменения санкции. Вместо снижения максимального предела санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ был исключен ее минимальный предел, вследствие чего при сохранении возможности назначения за оба преступления одинаково суровых наказаний – до пятнадцати лет лишения свободы – у судов появилось право, не применяя ст. 64 УК РФ, назначать за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, гораздо более мягкое наказание, чем за убийство, – менее пяти лет лишения свободы. Использование этого права (при том, что всякое увеличение пределов санкции имеет отрицательные последствия в виде расширения пределов судейского усмотрения) свидетельствовало бы о том, что правоприменитель отчетливо дифференцирует простое убийство и преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, в судебной практике.

При анализе практики назначения наказания за простое убийство были взяты данные из официальной отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2012–2016 гг. и первое полугодие 2017 г. В табл. 6 приведены абсолютные показатели по лицам, осужденным по ч. 1 ст. 105 УК РФ к различным видам наказания, в динамике за 5 лет 6 месяцев; в табл. 7 – относительные показатели, характеризующие распространенность применения тех или иных видов наказания (их удельный вес) за данное преступление в динамике за тот же период.

Сравнение данных, представленных в табл. 2 и 7, показывает, что удельный вес реального лишения свободы за простое убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, в 2016 г. и в первом полугодии 2017 г. был практически одинаков, а в 2012–2015 гг. он различался крайне незначительно.

Таблица 6

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 105 УК РФ в 2012–2016 гг. и первом полугодии 2017 г. к различным видам наказания (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [7–12]

Год	Всего осуждено	Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы
2012	7569	7432	136	1	0
2013	7513	7432	78	1	3
2014	7300	7233	66	1	0
2015	7179	7128	51	0	0
2016	6942	6899	41	1	1
2017 (6 мес.)	3211	3197	14	0	0

Таблица 7

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 105 УК РФ в 2012–2016 гг. и первом полугодии 2017 г. к различным видам наказания, в общем числе осужденных за указанное преступление (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Лишение свободы, %	Условное осуждение к лишению свободы, %	Ограничение свободы, %	Исправительные работы, %
2012	98,19	1,80	0,01	0
2013	98,92	1,04	0,01	0,04
2014	99,08	0,90	0,01	0
2015	99,29	0,71	0	0
2016	99,38	0,59	0,01	0,01
2017 (6 мес.)	99,56	0,44	0	0

В частности, в 2016 г. этот показатель составлял по ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ – 99,38 и 99,35 % соответственно; в первом полугодии 2017 г. – 99,56 и 99,44 %; в 2013 г., когда зафиксировано наибольшее различие в показателях из всего наблюдаемого периода (0,61 %), – 98,92 и 98,31 %. Отсюда по указанным преступлениям почти не отличается и удельный вес условного осуждения к лишению свободы: например, в 2016 г. он был равен 0,59 % при назначении наказания за простое убийство и 0,61 % при назначении наказания за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Нельзя, однако, сказать, что в рамках практической пенализации при выборе меры наказания вовсе не делается различий между убийством без отягчающих и смягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшим по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ). В табл. 8 отражены сведения об удельном весе лиц, осужденных к различным срокам реального лишения свободы, в общем числе осужденных за простое убийство. Сопоставление этих данных с аналогичными данными, приведенными в табли. 5 и касающимися преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, свидетельствует о том, что по обоим преступлениям с 2012 г. по первое полугодие 2017 г. наблюдается существенное увеличение удельного веса лиц, осужденных к длительным срокам лишения свободы (в интервалах свыше восьми лет до десяти лет включительно и свыше десяти до пятнадцати лет включительно). Но при этом совокупный удельный вес лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше восьми лет до пятнадцати лет включительно за простое убийство, составлял в 2015 г. – 49,95 %, в 2016 г. – 51,97 %, в первом полугодии 2017 г. – 52,63%, тогда как тот же самый показатель и за те же годы применительно к умышленному причинению тяжкого вреда здоровью, повлекшему по неосторожности смерть потерпевшего, был соответственно равен 32,32; 36,46 и 36,01 %.

Таблица 8

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 105 УК РФ в 2012–2016 гг. и первом полугодии 2017 г. к лишению свободы условно и реальному лишению свободы на различные сроки, в общем числе осужденных за данное преступление (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Условное осуждение к лишению свободы, %	Реальное лишение свободы, %						
		До 1 года вкл.	Свыше 1 до 2 лет вкл.	Свыше 2 до 3 лет вкл.	Свыше 3 до 5 лет вкл.	Свыше 5 до 8 лет вкл.	Свыше 8 до 10 лет вкл.	Свыше 10 до 15 лет вкл.
2012	1,80	0,01	0,15	0,77	4,76	46,95	37,53	8,02
2013	1,04	0,11	0,20	0,64	4,25	47,64	37,72	8,37
2014	0,90	0,08	0,08	0,63	4,34	46,38	38,52	9,04
2015	0,71	0,08	0,11	0,78	3,55	44,81	39,50	10,45
2016	0,59	0,03	0,16	0,52	3,24	43,46	39,61	12,36
2017 (6 мес.)	0,44	0,16	0,06	0,34	3,15	43,23	39,74	12,89

В то же время совокупный удельный вес лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше трех лет до восьми лет лишения свободы включительно за убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, намного уступает аналогичному показателю, характеризующему исследуемый вид умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Например, применительно к убийству в 2015 г. он составлял 48,36 %, в 2016 г. – 46,7 %, в первом полугодии 2017 г. – 46,38 %, а применительно к умышленному причинению тяжкого вреда здоровью, повлекшему по неосторожности смерть потерпевшего, – за те же периоды 64,85; 61,27 и 62,14 % соответственно. Таким образом, наказания, назначаемые за простое убийство, концентрируются преимущественно в интервале свыше восьми лет до пятнадцати лет лишения свободы включительно, тогда как наказания за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, – преимущественно в интервале свыше трех лет до восьми лет лишения свободы включительно. Что же касается лишения свободы на сроки, не превышающие трех лет, то разница в показателях отнюдь не является значительной. Смягчение санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ за счет исключения ее нижнего предела фактически никак не отразилось на дифференциации этого преступления и простого убийства в рамках практической пенализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *О внесении* изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 07 марта 2011 г. № 26-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111368/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 16.04.2018).
2. *О внесении* изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377–ФЗ (ред. от 07 декабря 2011 г.) // СПС «Кон-

сультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95509/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100048 (дата обращения: 16.04.2018).
3. *Антонов И.М.* Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью : дис. … канд. юрид. наук. Хабаровск, 2004. 223 с.
4. *Каплин М.Н.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
5. *Поликарпова И.В.* Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и ее влияние на квалификацию преступлений: на примере ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 30 с.
6. *Курченко В.Н.* Назначение наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью // Законность. 2014. № 10. С. 3–6.
7. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за 2012 год. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776 (дата обращения: 16.04.2018).
8. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 год. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362 (дата обращения: 16.04.2018).
9. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014 год. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883 (дата обращения: 16.04.2018).
10. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 год. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418 (дата обращения: 16.04.2018).
11. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834 (дата обращения: 16.04.2018).
12. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2017 года. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4152 (дата обращения: 16.04.2018).
13. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009 год. Форма № 10.3 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=840 (дата обращения: 16.04.2018).
14. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010 год. Форма № 10.3 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837 (дата обращения: 16.04.2018).
15. *Наумов А.В.* Пути реформирования российского уголовного законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 3–11.

APPOINTMENT OF PUNISHMENT FOR DELIBERATE INFLICTION OF GRIEVOUS BODILY HARM THAT NEGLIGENTLY CAUSED DEATH OF THE VICTIM (PART 4, ARTICLE 111 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 145–151. DOI 10.17223/23088451/11/29
Tatiana A. Plaksina, Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Barnaul, Russia). E-mail: plaksinata@yandex.ru.

Keywords: deliberate infliction of grievous bodily harm that negligently caused death of the victim, murder, punishment, appointment of punishment.

Legislative penalisation of deliberate infliction of grievous bodily harm that negligently caused the death of the victim (Part 4, Article 111 of the Criminal Code) has been analysed in a number of research papers, whereas practical penalisation of this crime has never been in the focus of legal studies. In this paper the author uses the 2009–2017 statistics of the official accounts of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation to analyse the practice of appointing punishment for this type of crimes, as well as the impact the 2011 exclusion of the lower limit from the sanction had on it. The appointed penalties are represented by a real deprivation of freedom and suspended sentence involving imprisonment. The aggregate share of other measures (restrictions on freedom, correctional labour, fine and suspended sentence involving other types of penalties) does not exceed 0.05%. Firstly, the relative weight of suspended sentence involving deprivation of liberty is not significant. Secondly, since 2012, it has been consistently declining. The share of real imprisonment increased from 97.77% in 2012 to 99.44% in the first half of 2017. The exclusion of the lower limit of five years imprisonment from the sanction did not entail an increase in the deprivation of liberty for a term less than five years, despite the fears of possible widespread appointment of ultimately soft measures by courts. The analysed dynamics of those convicted for deliberate infliction of grievous bodily harm that negligently caused the death of the victim who were sentenced to long periods of deprivation of liberty show that the proportion of those sentenced to imprisonment for more than ten years decreased only in the first years following the change of sanctions. Since 2012, it has steadily increased, reaching 6.39% in 2016, and 7.18% in the first half of 2017. A similar dynamics can be observed among those sentenced to more than eight years up to ten years imprisonment inclusive. It indicates that the severity of criminal repression after mitigating the sanction of Part 4 Article 111 of the Criminal Code is increasing. The sanction for a related crime – manslaughter (Part 1 Article 105 of the Criminal Code) – on the highest limit (fifteen years of imprisonment) coincides with the sanction for the crime provided for in Part 4 Article 111 of the Criminal Code. The analysis of the appointment of punishment for manslaughter suggests that the share of actual imprisonment for both crimes analyzed be practically the same in 2016 and in the first half of 2017, and only slightly different in 2012–2015. However, this does not mean that practical penalisation does not distinguish between these crimes when choosing penalties. Penalties assigned for manslaughter are mainly within eight to fifteen years imprisonment inclusive (in 2016 – 51.97%, in the first half of 2017 – 52.63%), whereas punishments for the crime under Part 4 Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation are mainly from three to eight years imprisonment inclusive (in 2016 – 61.27%, in the first half of 2017 – 62.14%).

REFERENCES

1. Russian Federation. (2011) *On Amending the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 26-FZ of March 7, 2011*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111368/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009. (Accessed: 16.04.2018). (In Russian).
2. Russian Federation. (2009) *On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Enactment of the Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Enforcement Code of the Russian Federation on Punish-*

ment in the form of Restricttion of Liberty: Federal Law No. 377-FZ of December 27, 2009 (edited on December 7, 2011). [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95509/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100048. (Accessed: 16.04.2018). (In Russian).

3. Antonov, I.M. (2004) *Penalizatsiya prestupleniy, prichinyayushchikh vred zdorov'yu* [Penalisation of crimes that cause damage to health]. Law Cand. Diss. Khabarovsk.
4. Kaplin, M.N. (2003) *Differentsiatsiya ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya* [Differentiation of criminal liability for crimes against life and health]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
5. Polikarpova, I.V. (2008) *Ugolovnaya politika Rossii v otnoshenii posyagatel'stv na zdorov'e i ee vliyanie na kvalifikatsiyu prestupleniy: na primere otvetstvennosti za umyshlennoe prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu* [Russia's criminal related to infringements on health and its impact on the qualification of crimes: a case study of liability for deliberate infliction of grievous bodily harm]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
6. Kurchenko, V.N. (2014) Naznachenie nakazaniya za umyshlennoe prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu [Appointment of punishment for deliberate infliction of grievous bodily harm]. *Zakonnost'*. 10. pp. 3–6.
7. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2012) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2012 god. Formy No. 10.3; 10.3.1* [Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for 2012. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776. (Accessed: 16.04.2018).
8. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2012) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2013 god. Formy No. 10.3; 10.3.1* [Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for 2013. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362(Accessed: 16.04.2018).
9. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2014) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2014 god. Formy No. 10.3; 10.3.1* [Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for 2014. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883. (Accessed: 16.04.2018).
10. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2015 god. Formy No. 10.3; 10.3.1* [Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for 2015. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418. (Accessed: 16.04.2018).
11. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2016 god. Formy No. 10.3; 10.3.1* [Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for 2016. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834. (Accessed: 16.04.2018).
12. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 1 polugodie 2017 goda. Formy No. 10.3; 10.3.1* [Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for the first half of 2017. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4152. (Accessed: 16.04.2018).
13. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2009) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2009 god. Forma No. 10.3* [Summary statistical information on the state of criminal record in Russia in 2009. Form No. 10.3]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=840. (Accessed: 16.04.2018).
14. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2010) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2010 god. Forma No. 10.3* [Summary statistical information on the state of criminal record in Russia in 2010. Form No. 10.3]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837. (Accessed: 16.04.2018).
15. Naumov, A.V. (2013) Ways to Reform Russian Criminal Legislation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 10. pp. 3–11. (In Russian).

УДК 343 DOI 10.17223/23088451/11/30

Л.М. Прозументов

ГРУППОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Отмечается, что анализ преступных групп осуществляется, как правило в рамках института соучастия. Считая, что о преступной группе можно говорить при любой форме соучастия в преступлении, автор не склонен отождествлять эти понятия, поскольку понятие «преступная группа» по своему объему может совпадать с соучастием, а может не совпадать.

Ключевые слова: *преступная группа, соучастие, преступление, современность, субъект, множественность.*

Категория «групповое преступление» является одной из важных и неоднозначных в науке уголовного права. И это не случайно, поскольку речь идет о совместном совершении преступления двумя и более лицами. Очевидно, что совершение преступления группой создает дополнительные сложности в предупреждении таких преступлений и в привлечении к ответственности лиц, их совершивших.

В настоящее время почти треть всех преступлений в России совершается в группах, поэтому проблеме группового преступления уделяется много внимания в науке уголовного права.

В работах исследователей анализ преступных групп осуществляется, как правило, в рамках института соучастия. И такой подход вполне объясним, поскольку имеющийся большой теоретический и эмпирический материал, накопленный в течение многих десятилетний, объективно способствует дальнейшему развитию в науке проблемы соучастия в преступлении и реализации результатов исследований в уголовном законодательстве.

Так, уголовно-правовая наука рассматривает соучастие как умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении единого преступления [1, с. 57–59, 243–244]. По мнению исследователей, совершение соучастниками совместных действий влечет причинение совместного преступного результата, который является общим и неделимым для всех участников преступления и подлежит вменению каждому из них. Исследователи отмечают, что объединение усилий соучастников может осуществляться двояко: в форме простого объединения усилий и сложного объединения усилий [2, с. 5] – и что между действиями каждого соучастника и наступившим преступным результатом должна существовать причинно-следственная связь [1, с. 65].

Большинство исследователей считают, что соучастие возможно только в умышленных преступлениях [3, с. 40–41, 61].

Исследователи едины во мнении, что совместность действий увеличивает вредоносный результат преступного посягательства и превращают его в качественно иное посягательство, чем посягательство, совершаемое одним лицом. О соучастии мы говорим в тех случаях, когда налицо разделение ролей и участие в конкретном преступлении проявляется в пособнической, подстрекательской деятельности и когда соучастник преступления является его исполнителем (соисполнителем).

И все же мы говорим об общественной опасности таких действий. Без совершения преступления не существует преступника и преступной группы. До совершения преступления лицами, объединенными в какую-либо группу, эти явления существуют в ином социальном качестве, не обладающем свойством преступного.

Именно на основе преступления или их совокупности, образующих преступную деятельность, несколько лиц объединяются в преступные группы. Эти лица представляют субъективный состав этой общности или ее количественный признак.

Общественная опасность совершенного преступления является основным критерием, определяющим общественную опасность его субъекта – конкретного лица или преступной группы. Однако преступление, как интегрирующий элемент, зависит и от других элементов – лиц и преступных групп, поскольку без их существования невозможно существование самих преступлений.

Негативные последствия преступления являются основным, но не единственным компонентом его общественной опасности. Вторым ее компонентом служит возможность повторяемости преступления в будущем (т.е. прецедентность), а следовательно, в возможности наступления для общества новых негативных последствий. Преступными признаются не единичные общественно опасные деяния, а такие, которые обладают прецедентным характером, несут в себе свойства человеческой практики [4, с. 9–10].

Общественная опасность преступления определяется его характером и степенью. В основе характера общественной опасности преступления лежит характер тех социально-негативных последствий, которые оно способно повлечь; степень общественной опасности преступления обусловлена глубиной этих последствий, а также степенью прецедентности самого преступления, влекущего такие последствия.

Другим элементом преступной группы, влияющим на ее общественную опасность, являются лица, совершившие преступления в группе. Критериями общественной опасности лица, совершившего преступление, является само преступление, совокупность свойств и качеств личности, обусловивших ее преступное поведение, условия жизни этой личности (криминогенные, антикриминогенные). Собственно общественная опасность лица, совершившего преступ-

ление, представляет собой угрозу совершения им нового преступления [5, с. 30–36]. Наличие такой опасности придает прецедентный характер лицу, совершившему преступление, в том смысле, что существует возможность повторения его существования в социальной роли преступника в результате совершения им нового преступления. Отметим, что общественная опасность такой личности является не только потенциальной, но и уже существующей (реальной). Это обусловлено тем, что, во-первых, общество уже несет затраты, связанные с необходимостью воздействия на такую личность (в данном случае мы имеем в виду производство дознания, следствия, применение к лицу мер пресечения и т.п.), во-вторых, в самой личности в результате совершения преступления формируются негативные последствия: личность приспосабливается к социуму через реализацию преступного поведения или изменяет свое отношение к принятым в обществе социальным ценностям в негативную сторону. Именно эти последствия преступления, наступившие в личности лица, совершившего преступление, определяют реальную возможность совершения им нового преступления. Характер общественной опасности личности преступника определяется в основном характером социально-негативных последствий, причиненных преступлением, а степень общественной опасности – степенью прецедентности существования такой личности в качестве субъекта преступной деятельности.

Вредоносный аспект общественной опасности преступной группы состоит в объединении в ней лиц, совместно совершающих преступление; преценентный аспект – в возможности дальнейшего существования сложившегося совокупного субъекта преступления.

Общественная опасность преступной группы как коллективного субъекта преступной деятельности состоит в ее способности повышать негативные индивидуальные способности лиц, участвующих в совместной преступной деятельности. Это происходит следующим образом.

Во-первых, преступные группы осуществляют опосредованную адаптацию их участников к социальной среде через преступное поведение.

Во-вторых, преступные группы облегчают приспособление свойств социальной среды к преступной деятельности.

В-третьих, преступные группы усиливают негативное преобразование социальной среды лицами, совместно совершающими преступления.

В-четвертых, преступные группы аккумулируют и воспроизводят прошлый криминальный опыт.

В-пятых, преступные группы осуществляют те виды криминальной деятельности, которые часто затруднены (или невозможны) для индивидуальных лиц.

В-шестых, преступные группы усиливают криминальную мотивацию своих участников, являющуюся субъективной причиной преступления.

В конечном счете преступная группа существенно влияет на показатели общественной опасности лиц, совершающих совместное преступление, по сравнению с лицами, совершающими преступления в одиночку.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации «соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления» (ст. 32 УК РФ). Исходя из данного определения, можно выделить основные признаки соучастия, которыми являются: совместность действий двух и более лиц; наличие единого умысла участников, направленного на совершение умышленного преступления.

В соответствии со ст. 33 УК РФ соучастниками преступления являются: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. А ответственность соучастников преступления в соответствии со ст. 34 УК РФ определяется характером и степенью фактического участия каждого их них в совершении преступления.

Действующее уголовное законодательство в ст. 35 УК РФ устанавливает конкретные формы совместного совершения преступления: совершение преступления группой лиц; совершение преступления группой лиц по предварительному сговору; совершение преступления организованной группой; совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией).

В юридической науке отсутствует единое понимание группового способа совершения преступления.

В частности, В.И. Ткаченко и А.М. Царегородцев видят суть группового способа совершения преступления в том, что каждый из участников лично и непосредственно участвовал в совершении преступления в качестве исполнителя, т.е. выполнял объективную сторону конкретного состава преступления [6, с. 17–20]. По мнению авторов, которое разделяют и другие исследователи [7, с. 5, 62–61], конституирующим признаком, характеризующим преступную группу и отличающим ее от других форм соучастия в преступлении, является фактическое участие всех членов группы в полном или частичном воздействии на объект уголовно-правовой охраны.

Близка к приведенной выше позиции и позиция исследователей, считающих, что преступной группой в уголовно-правовом значении следует считать такую, где присутствует соисполнительство в совершении преступления, но необходим еще один признак: предварительный сговор участников на совершение преступления [3, с. 70–71].

Ряд исследователей считают, что о преступной группе можно говорить при любой форме соучастия в преступлении. При этом одни авторы связывают это с обязательным наличием предварительного сговора на совершение преступления, не раскрывая основных признаков такого сговора [8, с. 11], другие считают, что предварительный сговор обязательно должен характеризоваться распределением функций между соучастниками и осознанием каждым из них своей принадлежности к преступной группе [9, с. 127], третьи полагают, что преступная группа может быть и при соучастии без предварительного сговора [10, с. 8].

Судебная практика также не отличается единообразием в понимании группового способа совершения преступления, хотя во многих случаях как групповое преступление квалифицируется исполнительство [11].

Избежать противоречивой судебной практики в применении норм о соучастии в преступлении может

позволить унификация терминов в уголовном законе. Представляется, что все разновидности соучастия должны быть названы групповым преступлением, поскольку уголовное законодательство, определяя соучастие как умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, выделяет все необходимые для совместной преступной деятельности признаки с определенной спецификой применительно к уголовно-правовой реальности. Прежде всего, участие двух и более лиц, обладающих признаками субъекта преступления, в совершении конкретного преступления означает включенность в совместную деятельность нескольких лиц. Совершение соучастниками совместных преступных действий означает их взаимодействие, складывающееся из разделения функций и соединения усилий нескольких лиц, и воплощается в виде наступившего или реально возможного вреда, имеющего уголовно-правовое значение. Указание в законе на совместное умышленное участие соучастников в совершении умышленного преступления означает наличие у них общей групповой цели, реализуемой в преступлении. Такой цели нет в неосторожных преступлениях.

При всем многообразии подходов к определению преступной группы в уголовно-правовой науке существует нечто большее, что их объединяет. Таким объединяющим признаком является стремление исследователей рассматривать преступную группу как одну из наиболее опасных форм соучастия в преступлении. И, как следствие, большинство предложений по совершенствованию сводятся к необходимости расширения конкретных норм Особенной части УК РФ за счет выделения таких квалифицирующих признаков, которые бы учитывали разные формы группового преступления и предусматривали повышенную ответственность участников.

Представляется, что не всегда приводимые исследователями аргументы выглядят достаточно убедительными. Например, предлагаемое введение обязательного признака для определения преступной группы в виде предварительного сговора вряд ли позволит выделить преступную группу как одну из наиболее опасных форм соучастия. Это обусловлено тем, что, во-первых, предварительный сговор в его простейшей форме не во всех случаях повышает общественную опасность совершенного преступления, на что совершенно справедливо обращал внимание А.Л. Ременсон [12, с. 117]. И даже перечисление признаков, обязательных для предварительного сговора, не способствуют усилению аргументации в пользу избранной позиции авторов (П.Ф. Тельнов, Л.Л. Кругликов), поскольку это указывает на уровень организованности группы, но не на сам факт ее существования. Исследователям не удается выявить какие-либо сугубо уголовно-правовые признаки, наличие которых было бы характерно только для преступной группы и отсутствовали бы, например, при соисполнительстве или при соучастии с юридическим разделением ролей.

Во-вторых, не следует отрицать (не признавать) наличие группы в случаях, где отсутствует предварительный сговор. В частности, хорошо известно, что при такой форме объединения людей каждый из участников осознает, что совершает преступление не один, а вместе с другими (другим), т.е. **совместно**, или присоединяет свои действия к уже начавшимся действиям другого лица или группы лиц. В таких случаях умысел на совершение определенных действий может возникнуть одновременно у нескольких лиц сразу без предварительного сговора, каким-либо образом проявленного вовне (слова, жесты, мимика и др.), либо лицо или несколько лиц сознательно присоединяются к совершению уже начавшегося преступления с молчаливого согласия всех участников. Эти преступления могут быть не менее, а нередко и более опасными, чем преступления, совершенные по предварительному сговору, поскольку предварительный сговор, как правило, предполагает точное, достаточно оптимальное число участников для совершения конкретного преступления. В то время как число участников групп без предварительного сговора может быть любой и достигать нескольких сотен и даже тысяч человек. Такая форма совершения группового преступления получила широкое освещение в науке уголовного права России в конце XIX – начале XX в. под названием «скоп» [13].

О необходимости выделения подобных объединений писали И.И. Карпец, Р.Р. Галиакбаров, А.В. Шеслер, Ю. Демидов и др.

Представляется, что имеющее место в научной литературе сужение понятия «преступная группа» до определенной формы соучастия в преступлении не является обоснованным, поскольку всякое преступление, совершенное в соучастии, предполагает наличие обязательного признака группы – **совместности** в осуществлении деятельности. А совместная деятельность невозможна без единства цели в достижении результата.

Считая, что о преступной группе можно говорить при любой форме соучастия в преступлении, мы тем не менее не склонны отождествлять эти понятия. Понятие «преступная группа» по своему объему может совпадать с соучастием, а может не совпадать.

Соучастие в преступлении всегда предполагает **множественность субъектов**, а групповое преступление – **множественность лиц**. Поэтому в случае совершения преступления совместно группой лиц, из которых лишь одно является субъектом преступления, а остальные не могут быть привлечены к уголовной ответственности в связи, например, недостижения возраста, с которого установлена уголовная ответственность, или невменяемости этих лиц, соучастия не будет.

Таким образом, понятие «группа» вводится в уголовно-правовую науку и уголовное законодательство для того, чтобы **определить** и **ограничить** круг конкретных лиц, принимавших участие в совместном совершении конкретного преступления, т.е. соучастников совместной преступной деятельности (чтобы «никто не выпал» и никто необоснованно не попал). Лица, совместно совершившие преступление, выступают через группу как участники и одновременно соучастники преступной группы. А поскольку группа – это общность людей, имеющая определенную структуру,

то это помогает определить степень участия каждого члена группы в совершении конкретного преступления, т.е. определить **меру участия, меру вовлеченности** в совместную преступную деятельность, **меру ответственности**, которая через группу может быть определена более точно.

Очевидно, что при рассмотрении групповых деятельностей науку уголовного права в соответствии с действующим уголовным законодательством интересует главным образом первый аспект, который связан с решением группой задачи по осуществлению той основной функции, по поводу которой группа сформировалась в рамках определенной социальной структуры, т.е. задачи, направленной на совершение преступления (преступлений). Второй аспект, связанный с поддержанием внутреннего равновесия и устойчивости в группе, сохранения ее как целого, особого значения для уголовно-правовой науки и уголовного законодательства не имеет, поскольку он не связан напрямую (причинно) с совместным совершением преступления членов группы. Данный аспект является предметом рассмотрения криминологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация групповых преступлений. М. : Юрид. лит., 1980. 80 с.
2. *Зелинский А.Ф.* Соучастие в преступлении. Волгоград : Волгоградская правда, 1971. 43 с.
3. *Гришаев В.И., Кригер Г.А.* Соучастие по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1959. 256 с.
4. *Марцев А.И.* Общие вопросы учения о преступлении. Омск : Ом. юрид. ин-т МВД России, 2000. 135 с.
5. *Филимонов В.Д.* Общественная опасность личности преступника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1971. 213 с.
6. *Ткаченко В.И., Царегородцев А.М.* Вопросы квалификации преступлений, совершенных группой лиц // Проблемы борьбы с преступностью. Омск, 1979. С. 17–20.
7. *Галиакбаров Р.Р.* Групповое преступление. Свердловск, 1973. 139 с.
8. *Ткачевский Ю.М.* Уголовная ответственность за хищение государственного имущества. М. : Изд-во МГУ, 1962. 34 с.
9. *Кругликов Л.Л.* Группа лиц, как квалифицирующее обстоятельство // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. Красноярск, 1989. С. 125–134.
10. *Фролов А.С.* Соучастие в преступлениях несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. 19 с.
11. *Бюллетень* Верховного Суда РСФСР. 1966. № 6.
12. *Ременсон А.Л.* Исследование о соучастии // Советское государство и право. 1960. № 12. С. 116–118.
13. *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. М. : Издание Карцева, 1912. 668 с.

GROUP CRIME IN THE CRIMINAL LAW AND RUSSIAN CURRENT CRIMINAL LEGISLATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11(1), pp. 152−155. DOI 10.17223/23088451/11/30
Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: crim.just@mail.ru.

Keywords: criminal group, complicity, crime, modernity, subject, multiplicity.

The term “group” is introduced into the criminal law and criminal legislation in order to determine those people who took part in the joint commission of a certain crime, i.e. accomplices of joint criminal activity (not to miss anyone and not to accuse someone innocent). People who are involved in a group crime are participants as well as accomplices in a criminal group. Since the group is a community of people with a certain structure, it helps to determine the degree of participation of each group member in the commission of a certain crime, i.e. to determine their measure of participation, involvement, and liability more precisely.

REFERENCES

1. Galiakbarov, R.R. (1980) *Kvalifikatsiya gruppovykh prestupleniy* [Qualification of Group Crimes]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
2. Zelinskiy, A.F. (1971) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a crime]. Volgograd: Volgogradskaya Pravda.
3. Grishaev, V.I. & Kriger, G.A. (1959) *Souchastie po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Complicity in Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat.
4. Martsev, A.I. (2000) *Obshchie voprosy ucheniya o prestuplenii* [General questions of the doctrine of crime]. Omsk: Omsk Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs.
5. Filimonov, V.D. (1971) *Obshchestvennaya opasnost’ lichnosti prestupnika* [The public danger of the criminal’s identity]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Tkachenko, V.I. & Tsaregorodtsev, A.M. (1979) Voprosy kvalifikatsii prestupleniy, sovershennykh gruppoy lits [Issues of qualification of crimes committed by a group of people]. In: *Problemy bor’by s prestupnost’yu* [Problems of combating crime]. Omsk: [s.n.]. pp. 17–20.
7. Galiakbarov, R.R. (1972) *Gruppovoe prestuplenie* [Group Crime]. Sverdlovsk: [s.n.].
8. Tkachevskiy, Yu.M. (1962) *Ugolovnaya otvetstvennost’ za khishchenie gosudarstvennogo imushchestva* [Criminal liability for theft of state property]. Moscow: Moscow State University.
9. Kruglikov, L.L. (1989) Gruppa lits, kak kvalifitsiruyushchee obstoyatel’stvo [A group of persons as a qualifying circumstance]. In: Kruglikov, L.L. et al. *Sovershenstvovanie ugolovnogo zakonodatel’stva i praktiki ego primeneniya* [Improvement of criminal legislation and practice of its application]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 125–134.
10. Frolov, A.S. (1968) *Souchastie v prestupleniyakh nesovershennoletnikh* [Complicity in the crimes of minors]. Abstract of Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
11. *Byulleten’ Verkhovnogo Suda RSFSR*. (1966) 6.
12. Remenson, A.L. (1960) Issledovanie o souchastii [On complicity]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 116–118.
13. Poznyshev, S.V. (1912) *Osnovnye nachala nauki ugolovnogo prava* [The basics of the Criminal Law]. Moscow: Izdanie Kartseva.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 364.3 DOI 10.17223/23088451/11/31

Е.Г. Михеенков

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 17-13-70003).

На основе архивных документов производится попытка проанализировать социальное обеспечение сотрудников пенитенциарной системы Сибири в эпоху нахождения у власти контрреволюционных правительств Сибири (Временного Сибирского правительства, Всероссийского правительства А.В. Колчака), рассматриваются предпринимаемые правительством меры по улучшению социального положения сотрудников, повышения денежного довольствия и пенсионного обеспечения.

Ключевые слова: *пенитенциарная система, Сибирь, сотрудники, социальное обеспечение.*

После свержения Советской власти в Сибири летом 1918 г. власти «белой» Сибири приступили к восстановлению управленческого аппарата пенитенциарной системы. 1 июля 1918 г. на основании Грамоты Временного Сибирского правительства наряду с другими правительственными учреждениями было создано Министерство юстиции, в составе которого было образовано Главное управление местами заключения.

Вместе с Министерством юстиции 4 ноября 1918 г. оно перешло в состав Временного Всероссийского правительства, а 18 ноября 1918 г. – в состав Российского правительства адмирала Колчака. Местными органами управления пенитенциарной системы признавались губернские, областные и уездные тюремные инспекции, восстановление которых началось с лета 1918 г. [1, л. 2].

Антибольшевистские правительства Сибири столкнулись с рядом проблем в деятельности пенитенциарной системы, и прежде всего с некомплектом кадров. В связи с тяжестью и непрестижностью службы, крайне небольшим денежным довольствием желающих проходить службу на должностях надзорсостава в пенитенциарной системе в рассматриваемый период времени было не так уж и много. К примеру, начальник Омской тюрьмы докладывал в ноябре 1918 г.: «Почти половина наличного состава надзирателей вверенной мне тюрьмы, имеющихся в настоящее время, заявляют об уходе со службы, мотивируя уход недостаточностью получаемого ими по этой службе жалованья 225 рублей в месяц, ввиду невозможности существовать семьей на эту сумму при существующей дороговизне на все предметы первой необходимости, тем более, что товарищи их по службе в других ведомствах, например – в милиции, получают жалованье больше» [2, л. 67].

Неблагоприятную кадровую ситуацию в пенитенциарной системе Сибири усугубляла и необходимость с 1919 г. согласования кандидатур принимаемых на службу лиц с местными управлениями Государственной охраны по вопросам их политической благонадежности, что в условиях Гражданской войны могло затянуться на неопределенный срок.

Нехватка надзорсостава в пенитенциарных учреждениях отчасти объяснялась и возросшей на сотрудников нагрузки. По данным Д.Р. Тимербулатова, в конце 1918 г. в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири на одного сотрудника надзорсостава в среднем приходилось 9,4 заключенных [3, с. 301–302], в то время как в начале 1917 г. на одного сотрудника приходилось лишь 3,5 человека. При этом штатная численность надзорсостава Сибири оставалась практически прежней и составляла к концу 1918 г. 868 сотрудников.

Разрешения вопроса повышения денежного довольствия сотрудникам пенитенциарного ведомства, за счет установления им дополнительных выплат, нередко брали на себя земства. Так, Кокчетавское уездное земство Акмолинской области с сентября 1918 г. выплачивало старшим надзирателям Кокчетавской тюрьмы денежное довольствие в размере 210 рублей в месяц, из которых 170 рублей – за счет земства и 40 рублей – за счет казны. Денежное довольствие младших надзирателей составляло 170 рублей в месяц [2, л. 65].

Вместе с тем, осознавая непростое материальное положение государственных служащих, к которым относился руководящий состав пенитенциарной системы губернии, Совет Министров правительства Колчака постановлением от 27 декабря 1918 г. повысил им оплату труда в зависимости от получаемого жалованья (от 10 до 25 %). Подлежало повышению и квартирное довольствие [4]. Вопрос же о повышении денежного довольствия надзорсоставу по-прежнему оставался не решенным.

Постановлением Административного Совета Временного Сибирского правительства от 25 октября 1918 г. было утверждено расписание окладов служащих по тюремному ведомству Министерства юстиции [5]. Для младших надзирателей каторжных и губернских тюрем, а также исправительных арестантских отделений устанавливался месячный оклад в 275 рублей. Однако он полагался не более чем 20 % служа-

щих. Для остальных 80 % размер жалованья был установлен равный с младшими надзирателями уездных тюрем, т.е. в пределах от 225 до 250 рублей в месяц. То есть часть сотрудников оказалось в более привилегированном положении по сравнению со служащими уездных тюрем, в которых оклад в 275 рублей не устанавливался вообще.

Для сравнения отметим, что содержание губернского инспектора составляло 800, а его заместителя – 700 рублей в месяц, что позволяло руководству пенитенциарного ведомства находиться в благоприятных материальных условиях. Даже получавшие от 375 до 475 рублей в месяц сотрудники аппарата инспекции могли с трудом содержать свои семьи, хотя их материальное положение было более чем в два раза лучше, чем у надзирателей.

Лишь после обсуждения в правительстве, 13 января 1919 г. А.В. Колчаком было утверждено Постановление Совета Министров «О распространении окладов содержания младших надзирателей каторжных, губернских (областных) тюрем и исправительных отделений на младших надзирателей уездных тюрем» соответственно в 275 и 250 рублей в месяц [6, с. 160–161]. Таким образом, повышение денежного довольствия нижних чинов пенитенциарной системы Сибири явно запаздывало.

Для сравнения отметим, что в начале 1919 г. унтер-офицерский состав колчаковской армии получал денежное довольствие в размере 250–300 рублей в месяц; лица, занимавшие должности фельдфебеля, – 350 рублей в месяц; младшие офицеры – 480 рублей в месяц. Военнослужащие на фронте получали дополнительно 20 %-е вознаграждение к окладу [7, л. 46–47]. Заработная плата сотрудников милиции составляла 325–375 рублей в месяц [8, л. 20–21].

Нехватку надзирательского состава в сибирских тюрьмах до 50 % от положенного был вынужден констатировать и П.К. Гран, назначенный Указом Верховного Правителя 31 января 1919 г. на должность начальника Главного управления мест заключения Министерства юстиции, с правом заменять министра в его отсутствие. Он имел опыт практического руководства Главным тюремным управлением царской России (с 4 мая 1913 г. по 6 марта 1917 г. он занимал должность начальника Главного тюремного управления) [9, с. 189–190], поэтому улучшение социального обеспечения сотрудников пенитенциарной системы в Сибири стало возможным во многом благодаря его деятельности на этом посту. Вместе с тем дефицит кадров восполнялся за счет привлечения к охране тюрем воинских формирований, а также вольнонаемных, что нередко приводило лишь к ослаблению режима охраны, и прежде всего за счет непрофессионализма последних.

Отдавая отчет в том, что инфляция намного опережает рост заработной платы, Совет Министров принял постановление об увеличении (вне зависимости от получаемой ранее суммы) денежного содержания и квартирного довольствия на 35 % с 1 марта 1919 г. всем государственным служащим. Под действие данного постановления попадали и сотрудники пенитенциарной системы [10]. Предшествующее постановление от 27 декабря 1918 г. отменялось.

Однако в условиях Гражданской войны, всеобщего развала экономики, подобные меры не являлись спасением. В июле 1919 г. правительство Колчака разрешило руководителям учреждений, находившихся в подчинении по гражданским ведомствам, получение аванса в счет заработной платы сотрудников на оптовую закупку продовольствия и товаров первой необходимости для них [11]. Таким образом, денежное довольствие выдавалось им частично – деньгами, частично – продуктами, что создавало предпосылки для финансовых нарушений.

Наконец принятым Всероссийским Правительством Колчака 9 мая 1919 г. законом государственным служащим предусматривалось периодическая выдача дополнительного денежного содержания в размере получаемого оклада [2, л. 235]. Однако данные меры явно запаздывали, да и их исполнение в Сибири оставляло желать лучшего.

28 октября 1919 г. правительством было сообщено, что ставки рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений, жалованье военнослужащим будет увеличено в три раза. Причем было решено провести это увеличение с 1 августа 1919 г. Данное постановление предусматривалось ввести в действие по телеграфу, не дожидаясь опубликования и, следовательно, немедленно начать выплату денег. Однако известно, что денег в бюджете колчаковского режима не было и проследить выполнение данного постановления для сотрудников пенитенциарной системы не представляется возможным. Само же увеличение выплат в исчислении за один месяц с учетом ликвидации надбавок оказалось не таким уж высоким. Доходы служащих выросли на 20–30 %, а уровень цен «скакал» вверх на 50–100 % ежемесячно. В связи с этим, следует согласиться с мнением В.М. Рынкова о том, что чем ближе было к концу «белой» эпопеи на востоке России, тем больше зарплаты выравнивались и становились похожи на социальные пособия для работающих [12, с. 146–147]. Только официальный прожиточный минимум в Сибири с февраля по ноябрь 1919 г. возрос с 326 до 1 102 рублей в месяц [13, с. 332].

Несмотря на галопирующую инфляцию, Главное управление мест заключения Министерства юстиции Российского правительства Колчака считало, что предпринятых мер социальной защиты персонала пенитенциарных учреждений вполне достаточно. В июне 1919 г. начальник ГУМЗ П.К. Гран телеграфировал губернским тюремным инспекторам: «Центральными правительственными учреждениями г. Омска принимаются все доступные меры к тому, чтобы возможно лучше обставить материальное положение своих служащих… Что же касается домогательств отдельных лиц, стоящих на государственной службе, о дальнейшем улучшении их материального положения и не желающих проникнуться сознанием о необходимости сократить свои потребности в тяжелую минуту государства, то таким лицам не место на службе правительства и Родины» [2, л. 235].

Вполне естественно, что вышеперечисленные факторы негативно сказывались на режиме охраны и надзора пенитенциарных учреждений, что признава-

лось и властями. Начальник отдела Государственной охраны департамента милиции МВД Российского правительства, проведя инспекцию правоохранительных органов Семипалатинска, сообщал в секретной переписке 1 августа 1919 г. начальнику ГУМЗа: «Милиция очень слаба. Слабый надзор и в тюрьмах, благодаря незначительному штату надзирателей и слабым окладам содержания тюремного персонала» [8, л. 19].

Определенные меры социальной поддержки предпринимались и в отношении пенсионеров пенитенциарной системы. Постановлением Административного Совета Временного Сибирского правительства от 30 октября 1918 г. пенсии в Сибири значительно повышались и подлежали перерасчету с 1 июня 1918 г. [6, с. 330–331]. Отметим, что данное постановление распространялось на всех лиц, получавших пенсии к тому времени, а не только на сотрудников пенитенциарной системы.

Процентные надбавки зависели от размера получаемой ранее пенсии, с учетом предшествующих постановлений Временного правительства в 1917 г. Постановлением Совета Министров Российского правительства от 4 февраля 1919 г. данные прибавки к пенсиям были распространены на всю подконтрольную колчаковскому правительству территорию [14, ст. 19]. Индексация пенсий составляла от 1,5 до 200 % в зависимости от ее размера: чем он был ниже, тем более высокую надбавку получал служащий.

Наконец, в конце 1919 г. ГУМЗом Минюста Российского правительства был разработан законопроект о повышении окладов сотрудникам тюремного ведомства. Предполагалось установить оклады начальника губернской и областной тюрьмы в размере 750 рублей в месяц; начальника губернской тюрьмы от 550 до 700 рублей; старшего помощника начальника губернской и областной тюрьмы – до 550 рублей; старшего помощника начальника уездной тюрьмы – 250–400 рублей. Планировалось и увеличение процентной надбавки за выслугу лет: 3 года – 5 %; 5 лет – 10 %, 10 лет – 15 %. При этом квартирное довольствие предполагалось установить в размере 20 % от оклада.

Управление делами Российского правительства сообщало 27 ноября 1919 г. министру юстиции, что «по законопроекту об установлении новых окладов содержания для чинов тюремной администрации и стражи со стороны Управления делами возражений не встречается», назначив рассмотрение законопроекта на 2 декабря 1919 г. [8, л. 42–45]. Однако в связи с наступлением войск Красной армии данному проекту не суждено было стать законом.

Таким образом, вопросы социального обеспечения сотрудников пенитенциарной системы со стороны антибольшевистских правительств в 1918–1919-х гг. носили явно запаздывающий характер. Предпринимаемые правительством меры по стабилизации социального обеспечения государственных служащих нивелировались галопирующей инфляцией периода Гражданской войны.

Подобное соотношение к тюремной системе объяснялось тем, что задачами первостепенной важности «белых» режимов в условиях Гражданской войны являлись укрепление боеспособности армии, органов контрразведки и внутренних дел, а деятельность пенитенциарной системы в целом рассматривалась в качестве «конечной инстанции» в карательной системе государства. Это приводило к недооценке роли пенитенциарной системы Сибири в механизме функционирования правоохранительных органов контрреволюционной Сибири в целом, что в конечном итоге лишь усугубляло положение антибольшевистских режимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Государственный* архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 827. Оп. 1.
2. *ГАРФ*. Ф. Р. 827. Оп. 1. Д. 10.
3. *Тимербулатов Д.Р.* Пенитенциарная система Западной Сибири при антибольшевистских правительствах (май 1918 – декабрь 1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2017. 330 с.
4. *Правительственный* вестник (Омск). 1918. 29 декабря.
5. *Собрание* Узаконений и Распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск) от 31 октября 1918 г. № 21. Ст. 187.
6. *Законодательная* деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 г. – январь 1920 г.) / сост. Е.В. Луков, Д.Н. Шевелев. Томск, 2003. Вып. 2. С. 160–161.
7. *Приложение* к Постановлению Совета Министров от 3 декабря 1918 г. «Временный табель окладов жалованья военнослужащих строевых частей Российской армии» // ГАРФ. Ф. Р. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 46–47.
8. *ГАРФ*. Ф. Р. 827. Оп. 11. Д. 5.
9. *Звягин С.П.* Начальник главного управления мест заключения Министерства юстиции Российского правительства 1919 года П.К. Гран // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы межрегиональной науч.-практич. конф., 29–30 ноября 2007 года / отв. ред. А.П. Полуэктов ; науч. ред. А.Г. Антонов. Новокузнецк, 2007. Ч. 1. С. 189–190.
10. *Постановление* Совета Министров № 231 от 18 марта 1919 г. «Об изменении действующих постановлений о добавочном содержании служащих правительственных учреждений» // Правительственный вестник. 1919. 9 апреля.
11. *Постановление* Совета Министров № 581 от 15 июля 1919 г. «О выдаче авансов начальникам правительственных учреждений на приобретение для служащих подведомственным им учреждениям предметов и продуктов первой необходимости» // Правительственный вестник. 1919. 6 августа.
12. *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008. 440 с.
13. *Звягин С.П.* Формирование и реализация правоохранительной политики антибольшевистских правительств на Востоке России (1918–1922 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2003. 623 с.
14. *Постановление* Совета Министров от 4 февраля 1919 года «О распространении на все губернии и области законов Временного Сибирского Правительства о замещении должностей по правительственной службе, занимаемых лицами, призванны-

ми на военную службу, и процентных добавок к пенсиям» // Собрание Узаконений и Распоряжений правительства, издаваемого при Правительствующем Сенате (Омск). 1919. 15 марта. № 2.

SOCIAL SECURITY OF THE PENITENTIARY SYSTEM EMPLOYEES IN WESTERN SIBERIA DURING THE CIVIL WAR (1918–1919)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 156−159. DOI 10.17223/23088451/11/31

Egor G. Mikheenkov, Tomsk Institute for Advanced Studies of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russia). E-mail: MEGASV74@mail.ru.

Keywords: penitentiary system, Siberia, employees, social security.

The article analyses the changes in the employees' social security in the West Siberian penitentiary system under the anti-Bolshevik governments on the basis of published documents and data from the State Archives of the Russian Federation. The author describes the indexation of the employees' monetary allowances in 1918–1919 as well as the increase of pensions to former employees. However, the social security in the penitentiary system under the anti-Bolshevik governments was clearly lagging behind. The underestimation of the role of the penitentiary system as of a law enforcement agency under the counterrevolutionary regimes aggravated their situation and did not contribute to strengthening the situation in the rear.

REFERENCES

1. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R. 827. List 1.
2. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R.827. List 1. File 10.
3. Timerbulatov, D.R. (2017) *Penitentsiarnaya sistema Zapadnoy Sibiri pri antibol'shevistskikh pravitel'stvakh (may 1918-dekabr' 1919 gg.)* [Penitentiary system of Western Siberia under anti-Bolshevik governments (May 1918–December 1919)]. History Cand. Diss. Kemerovo.
4. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk).* (1918) 29th December.
5. The Provisional Siberian Government. (1918) *Sobranie Uzakoneniy i Rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (Omsk) ot 31 oktyabrya 1918g.* [Collection of Legislative Acts and Orders of the Provisional Siberian Government (Omsk) of October 31, 1918]. Vol. 21. Art.187.
6. Lukov, E.V. & Shevelev, D.N. (2003) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' Rossiyskogo pravitel'stva admirala A.V.Kolchaka (noyabr' 1918 g. – yanvar' 1920 g.)* [Legislative activity of the Admiral A.V. Kolchak's Russian Government (November, 1918 – January, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 160–161.
7. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R.150. List 1. File 1.
8. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R. 827. List 11. File 5.
9. Zvyagin, S.P. (2007) [P.K. Gran, Head of the Main Directorate of the places of imprisonment of the Ministry of Justice of the Russian Government in 1919]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeystvie nauki i praktiki* [Penitentiary System Today: Interaction of Science and Practice]. Proc. of the Conference. Novokuznetsk. November 29-30, 2007. Novokuznetsk. pp.189–190. (In Russian).
10. The Council of Ministers. (1919a) Postanovlenie Soveta Ministrov No. 231 ot 18 marta 1919 g. "Ob izmenenii deystvuyushchikh postanovleniy o dobavochnom soderzhanii sluzhashchikh pravitel'stvennykh uchrezhdeniy" [Decree No. 231 of the Council of Ministers of March 18, 1919 "On amendment of existing decrees on the supplementary maintenance of government employees"]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 9th April.
11. The Council of Ministers. (1919b) Postanovlenie Soveta Ministrov No. 581 ot 15 iyulya 1919 g. "O vydache avansov nachal'nikam pravitel'stvennykh uchrezhdeniy na priobretenie dlya sluzhashchikh podvedomstvennym im uchrezhdeniyam predmetov i produktov pervoy neobkhodimosti" [Decree No. 581 of the Council of Ministers of July 15, 1919 "On advances to heads of government agencies for the acquisition of items and essential products for the employees of their subordinate institutions"]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 6th August.
12. Rynkov, V.M. (2008) *Sotsial'naya politika antibol'shevistskikh rezhimov na vostoke Rossii (vtoraya polovina 1918–1919 g.)* [Social policy of anti-Bolshevik regimes in the Russian East (the second half of 1918–1919)]. Novosibirsk: [s.n.].
13. Zvyagin, S.P. (2003) *Formirovanie i realizatsiya pravookhranitel'noy politiki antibol'shevistskikh pravitel'stv na Vostoke Rossii: (1918–1922 gg.)* [Formation and implementation of the law-enforcement policy of anti-Bolshevik governments in the Russian East of Russia: (1918–1922)]. History Dr. Diss. Kemerovo.
14. The Council of Ministers. (1919c) Postanovlenie Soveta Ministrov ot 4 fevralya 1919 goda "O rasprostranenii na vse gubernii i oblasti zakonov Vremennogo Sibirskogo Pravitel'stva o zameshchenii dolzhnostey po pravitel'stvennoy sluzhbe, zanimaemykh litsami, prizvannymi na voennuyu sluzhbu, i protsentnykh dobavok k pensiyam" [Decree of the Council of Ministers of February 4, 1919 "On the extension to all provinces and regions of the laws of the Provisional Siberian Government on the replacement of posts in the government service occupied by persons conscripted for military service, and percentage additions to pensions"]. *Sobranie Uzakoneniy i Rasporyazheniy pravitel'stva, izdavaemogo pri Pravitel'stvuyushchem Senate (Omsk)*. 15th March.

УДК 343.8 DOI 10.17223/23088451/11/32

Е.Е. Новиков

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Рассмотрена классификация юридических фактов в уголовно-исполнительном праве. Представлена авторская позиция относительно разделения юридических фактов по волевому критерию и характеру юридических последствий. Особое внимание уделено сложным юридическим фактам, юридически значимым поступкам и юридическим актам.

Ключевые слова: *классификация юридических фактов, нормы уголовно-исполнительного права, юридические деяния, юридические события.*

Юридические факты являются одной из стержневых, доктринальных категорий юриспруденции. Без них, так же как и без норм права, немыслимо правовое регулирование любых общественных отношений [1, с. 55], в том числе уголовно-исполнительных. Они выступают в качестве «своеобразных рычагов, которые приводят в действие правовые нормы» [2, с. 152], так как являются непосредственной причиной возникновения, изменения и прекращения правоотношений.

Следует согласиться с В.Б. Исаковым, который отмечал, что «теория юридических фактов не принадлежит к новым разделам юридической науки» [3, с. 3]. Проблемы юридических фактов старались решить как дореволюционное и советское правоведение, так и современное.

Тем не менее юридические факты, оказывающие влияние на уголовно-исполнительные правоотношения, остались «за бортом» научного внимания, что не удовлетворяет потребностям уголовно-исполнительной науки и практики применения. Лишь немногочисленные представители пенитенциарной науки в своих трудах рассматривали отдельные вопросы, касающиеся интересующей нас правовой дефиниции [4–6].

Для того чтобы определить содержание и значение юридических фактов, их место в механизме уголовно-исполнительного регулирования, следует их классифицировать. В данном контексте отметим, что критерии классификации юридических фактов достаточно хорошо представлены представителями общей теории права, мнение которых будет взято за основу и учитываться при решении интересующей нас задачи.

При классификации юридических фактов уголовно-исполнительного права в первую очередь следует использовать устоявшийся в юриспруденции *волевой критерий* (признак).

«Волевой» признак, по мнению О.А. Красавчикова [7, с. 77], позволил создать главенствующую в отечественной теории юридических фактов классификацию, разделив их на две большие группы – юридические действия и юридические события. Соглашаясь с мнением О.А. Красавчикова относительно места «волевого» критерия в системе классификации юридических фактов, подвергнем сомнению возможность использования словосочетания *юридические действия* и заменим его на категорию *юридические деяния*. Другими словами, в зависимости от волевого критерия юридические факты в уголовно-исполнительном праве предлагаем делить на *юридические деяния* и *события*.

Необходимость замены понятия «юридические действия» заключается в том, что его семантика (смысловое значение) определяет необходимость рассмотрения юридических фактов только через призму активности субъектов уголовно-исполнительного права, поступки которых как раз и будут являться действиями, порождающими, изменяющими или прекращающими уголовно-исполнительные правоотношения. В свою очередь, использование категории «юридические деяния» дает возможность обратить внимание не только на активность лица, но и на его пассивное поведение, то есть бездействие, которое аналогично действию может влиять на уголовно-исполнительные правоотношения.

Уголовно-исполнительное законодательство определяет в своих нормах как правомерные, так и неправомерные юридические деяния, которые могут быть разделены на действие или бездействие.

Правомерность деяния субъектов уголовно-исполнительных правоотношений определяет наличие в законе дозволения, обязывания или запрета на определенное поведение. Другими словами, правомерным юридическим действием / бездействием будет являться активное / пассивное поведение субъектов права, реализующих установленные в законе нормы дозволения, обязывания и запрета.

В данном контексте отметим, что правомерное действие субъектов уголовно-исполнительных правоотношений направлено на использование и исполнение дозволяющих и обязывающих норм. Запрещающие нормы остаются в стороне, так как данный вид предписаний декларирует субъекту не совершать определенных в законе действий.

Правомерное бездействие ориентировано на соблюдение норм запрета и использование дозволяющих норм. В данном случае «за бортом» предмета указанного поведения остаются нормы обязывающие, которые отрицают пассивность и диктуют субъекту уголовно-исполнительных правоотношений необходимость совершения активных действий.

Исходя из изложенного, можно выделить общее и особенное в рассматриваемых юридических фактах. Общее у правомерного действия и правомерного бездействия состоит в том, что оба вида поведения имеют в своем активе нормы дозволяющие. Особенное за-

ключается в следующем: если правомерное действие отрицает запрет, но реализует нормы обязывающие, то правомерное бездействие отказывается от норм обязывающих и направлено на воплощение требований запрета. Положения, представленные ниже, более подробно аргументируют представленную позицию.

Правомерные юридические действия-факты представлены в уголовно-исполнительном праве большим количеством норм. Например, в случае приобретения осужденным продуктов питания (ст. 88 УИК РФ) юридически значимым будет являться факт приобретения, который направлен на реализацию соответствующего права осужденного (то есть нормы дозволения) на получение собственности, а действия лица, связанные с возмещением ущерба, причинённого администрацией ИУ (ч. 2 ст. 102 УИК РФ), будут являться юридическим фактом, обеспечивающим соответствующую обязывающую норму.

Нормы уголовно-исполнительного законодательства фиксируют правомерные действия не только основных субъектов пенитенциарного права: осужденных и сотрудников, исполняющих уголовные наказания и меры. Так, законодатель закрепляет юридические факты, обязательными участниками которых являются иные заинтересованные субъекты, например администрация организаций, где работают осужденные к исправительным работам, контролирует поведение осужденного на производстве (ч. 1 ст. 43 УИК РФ); органы внутренних дел объявляют в розыск и задерживают осужденных к ограничению свободы, местонахождения которых неизвестно (ч. 6 ст. 58 УИК РФ); члены общественных наблюдательных комиссий вправе беседовать с осужденными (ч. 2 ст. 23 УИК РФ) и т.д.

В приведенных примерах поведение всех субъектов права активно по своему содержанию, правомерно, направлено на реализацию дозволяющих или обязывающих правил поведения. Заслуживают внимание некоторые юридические факты-действия, содержащиеся в уголовно-исполнительном законодательстве и влияющие (то есть формирующие, изменяющие, прекращающие) не только на уголовно-исполнительные правоотношения. В ряде случаев рассматриваемые нормы регламентируют поведение субъектов, правомерные действия которых порождают правоотношения, не являющиеся уголовно-исполнительными. Например, в ч. 1 ст. 173.1 УИК РФ определено, что суд *устанавливает* административный надзор за совершеннолетним лицом, освобожденным из мест лишения свободы, если оно отбывало наказание за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве. В приведенном случае юридически значимым будет являться факт установления надзора, но правоотношения, которые были порождены им, не являются предметом уголовно-исполнительного права и соответственно в нем не рассматриваются.

Правомерному бездействию в отличие от юридических фактов-действий пенитенциарной наукой практически не уделяется внимания. Анализ юридической доктрины позволяет сделать вывод о том, что в ней принимается позиция существования правомерного бездействия [8, 9], но не рассматривается возможность того, что оно может влиять на правоотношения, в том числе уголовно-исполнительные, то есть быть юридическим фактом.

Следует отметить, что правомерное бездействие – это такие факты, которые могут выступать только как элементы фактического состава. Бездействие вне связи с иными юридическими фактами не будет порождать правоотношения. Но это не умаляет роли рассматриваемого поведения, так как каждый из элементов фактического состава значим по-своему и имеет самостоятельное значение.

Нормы, закрепляющие правомерное бездействие, представлены в уголовно-исполнительном законодательстве в ограниченном количестве. Приведем следующий пример: уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с переводом осужденного из обычных условий отбывания наказания в облегченные (ч. 2 ст. 120 УИК РФ), не возникнут в случае отсутствия следующих фактов, которым законодатель придал юридическое значение, закрепив их в законе: *отсутствие взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания* и *добросовестное отношение к труду*.

В данном случае нас интересует факт отсутствия взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания, который может быть сформирован только при наличии правового симбиоза активного правомерного действия, связанного, как было сказано выше, с исполнением обязывающих норм и правомерного бездействия, ориентированного на соблюдение норм, запрещающих употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ; неповиновение представителям администрации ИУ; организацию группировок осужденных, направленных на совершение правонарушений и т.д. В рассмотренном примере бездействие будет являться юридическим фактом, обязательное наличие которого влечет за собой образование соответствующих уголовно-исполнительных правоотношений.

Для закрепления выдвинутого положения приведем еще один пример, рассмотрев ч. 5 ст. 173 УИК РФ, в которой отмечено, что «…освобождение от отбывания наказания производится утром дня, следующего за днем истечения срока обжалования указанного постановления…», если поступившее постановление суда *не было обжаловано*. Логичным будет предположение, что правомерное бездействие субъектов права (например, администрации ИУ, прокуратуры), имеющих право обжаловать, влияет на сроки *прекращения* уголовно-исполнительных правоотношений.

Неправомерные деяния, так же как и вышерассмотренные, не могут не влиять на уголовно-исполнительные правоотношения.

Как неправомерное действие, так и неправомерное бездействие могут быть ориентированы на отказ от исполнения или соблюдения обязывающих или запрещающих норм. Например, неправомерные действия осужденного, направленные на нарушение обязанности вежливо относиться к персоналу ИУ, должны сопровождаться активным поведением лица, ориентированным на нарушение *обязывающей* нормы (ч. 4 ст. 11

УИК РФ), а проступок осужденного, связанный с употреблением спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ, свидетельствует об активном отрицании запрещающей нормы (ч. 1 ст. 116 УИК РФ).

Неправомерным бездействием можно назвать неявку лица по вызову администрации ИУ. В данном случае осужденный нарушает обязывающую норму (ч. 5 ст. 11 УИК РФ), а пассивное поведение, связанное с прекращением работы без уважительных причин, попирает требования, определенные соответствующей запрещающей нормы (п. «а» ч. 1 ст. 46 УИК РФ).

Резюмируя вышеизложенное, еще раз отметим, что уголовно-исполнительная наука если не отрицает, то обходит стороной вопрос, связанный с существованием правомерных и неправомерных бездействий как юридических фактов, что, по нашему мнению, является определенным недостатком, так как их прямое влияние на уголовно-исполнительные отношения очевидно.

Анализ классификации юридических фактов уголовно-исполнительного права по «волевому» критерию был бы неполным без рассмотрения *фактов-событий*, которые можно разделить на абсолютные и относительные. Основным критерием, позволяющим определить абсолютность или относительность юридического факта, будет являться отсутствие или наличие деятельности людей, влияющей на возникновение фактов-событий.

Абсолютными юридическими фактами-событиями являются явления, возникновение и развитие которых, во-первых, продиктовано законами природы и, во-вторых, полностью не зависит от субъекта права. Отсутствие вмешательства человека – это главное условие, свидетельствующее об абсолютной автономности рассматриваемых фактов событий: если это стихийное бедствие – то при условии отсутствия человеческого фактора; смерть осужденного должна быть естественной, а болезнь – не результатом умышленного заражения.

В уголовно-исполнительном праве данные факты представлены в небольшом количестве, что, полагаем, продиктовано спецификой уголовно-исполнительных отношений, минимально исключающих возможность развития правоотношений вне какого-либо воздействия людей.

Если юридические события находятся в условной зависимости от воли и сознания лица, тогда указанные факты-события можно отнести к относительным. В данном случае относительная воля лица участвует в возникновении юридического факта, но дальнейшее течение (развитие) факта-события остается вне зоны влияния субъектов уголовно-исполнительных отношений. В данном контексте отметим позицию О.А. Красавчикова, который подчеркнул, что если рассматривать факт рождения лица как не обусловленное волевой деятельностью событие, то данное обстоятельство является, по меньшей мере, курьезным. В этой связи рождение лица является относительным юридическим событием (следствием), в котором деятельность некоторых субъектов (причина) будущего правоотношения хотя и существует, но юридически безразлична [7, с. 219].

Ученые-юристы уже давно обратили внимание на *события-сроки* как одного из основных видов юридических фактов**.** События-сроки понимаются в юридической литературе как относительные юридические факты, так как их начало и окончание зависят от воли субъекта уголовно-исполнительного правоотношения или от решения законодателя, закрепившего какой-либо срок в законе.

В большинстве случаев в уголовно-исполнительном праве сроки являются той группой юридических фактов, которые сами по себе не влияют на правоотношения. Например, для возникновения правоотношения, связанного с «положительным» изменением вида ИУ (ст. 78 УИК РФ), необходимо не только отбытие установленного законом срока наказания, но и положительное поведение осужденного, его письменное согласие, решение суда. Считаем спорной точку зрения тех, кто полагает, что сроки могут выступать «только как элементы фактического состава» [10, с. 27]. Так, например, достижение осужденным 19-летнего возраста будет являться фактом (ч. 3 ст. 140), безальтернативно порождающим уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с его переводом из ВК в ИК общего режима; отбытие осужденным срока наказания влечет за собой 100 %-е прекращение уголовно-исполнительных правоотношений.

Отдельно следует отметить, что уголовно-исполнительное право имеет колоссальное количество событий-сроков, что диктует законодателю необходимость акцентирования особого внимания при их определении в юридических предписаниях. Рассматриваемую группу юридических фактов-событий можно классифицировать по следующим основаниям:

1. По правовым последствиям сроки можно разделить на следующие:

– правообразующий срок – согласно ч. 4 ст. 86 УИК РФ, у начальника территориального органа появляется право на введение в течение трех суток режима особых условий с момента получения уведомления о необходимости принятия соответствующих мер;

– правоизменяющим сроком будет являться период, который, например, модифицирует уголовно-исполнительные правоотношения только на время выходных и праздничных дней, согласно ч. 2.1 ст. 89 или ч. 2 ст. 113 УИК РФ;

– отбытие осужденным уголовного наказания любого вида будет являться правопрекращающим сроком.

2. В зависимости от обстоятельств создания рассматриваемую группу юридических фактов можно разделить на относительные и абсолютные.

Например, в соответствии с ч. 4 ст. 117 УИК РФ перевод осужденных в помещения камерного типа производится с указанием срока содержания. Это относительное событие-срок, момент начала и период действия которого определяет субъект уголовно-исполнительных правоотношений.

Начало и период действия абсолютного события-срока устанавливает не участник уголовно-исполнительных правоотношений, а законодатель, заранее зафиксировав свою волю в юридическом предписании. По сути, момент возникновения абсолютного события-

срока заранее определен и не может быть изменен субъектами права; участники правоотношений не могут каким-либо образом воздействовать на интересующий их временной период. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 103 УИК РФ достижение осужденным мужчиной 60 лет порождает правоотношения, связанные с достижением указанного возраста. Порождённые сроком (60 лет) правовые связи имеют 100 %-ный шанс на их возникновение и не зависят от воли непосредственных участников события.

Отдельно следует выделить сроки, определяемые путем указания на периоды, так называемые сроки-периоды, которые исчисляются часами, днями, неделями, месяцами, годами. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 114 УИК РФ в порядке поощрения осужденным *в течение года* может быть разрешено получение дополнительно до четырех посылок.

Не согласимся с мнением [10, с. 32], что *состояние* следует отнести к виду события-срока. Кроме того, анализ теории права позволяет выделить другие позиции относительно места событий в системе юридических фактов. Так, Н.И. Полищук при исследовании событий-фактов отмечает различные мнения ученых, касающиеся данного вопроса. Так, одни ученые полагают, что состояние само по себе не может рассматриваться как вид юридического факта. Другие считают, что состояние само по себе влияет на правоотношения не непосредственно, а опосредованно, через определенные действия. Третьи дополняют двучленную систему классификации по волевому признаку третьим звеном – состоянием.

Сам Н.И. Полищук, не принимая выделенные позиции, считает возможным состояние выделить в качестве самостоятельного юридического факта, имеющим собственную классификацию [6, с. 395].

По нашему мнению, в уголовно-исполнительном праве *состояние* наравне со сроками следует отнести к одному из видов фактов-событий, так как любое состояние протекает независимо от прямой воли человека (состояние беременности, родства, брака, судимости, опьянения, невменяемости), даже если сам субъект права «виновен» в возникновении состояния. Причем одно и то же состояние в ряде случаев может быть как относительным, так и абсолютным. Так, например, состояние болезни будет являться относительным, когда оно вызвано волей осужденного (преднамеренное заражение), а болезнь, вызванная непреднамеренным проникновением в организм вирусов, – абсолютным состоянием.

По общему правилу в любой момент прервать свое состояние субъект права не может (исключение – прерывание беременности). Всегда требуется истечение времени (например, при состоянии судимости, опьянения) или действия иных субъектов права (например, при прекращении состояния родства; болезни, требующей медицинского вмешательства).

Следующий классификационный критерий – *по характеру последствий* – разделяет юридические факты на правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие и, по нашему мнению, правопрепятствующие. Последствием в данном случае является результат, которым «добиваются» факты, воздействуя на уголовно-исполнительные правоотношения.

В уголовно-исполнительном праве *правообразующие юридические факты* влекут возникновение соответствующих правоотношений, которые запускают заложенный в праве механизм их реализации.

Правообразующие юридические факты, одновременно с созданием правовых связей, «наделяют» субъектов уголовно-исполнительных отношений всеми элементами правового положения (например, вступление обвинительного приговора суда в законную силу является фактом появления у лица специального правового положения со всем комплексом прав, обязанностей, законных интересов) или каким-либо его атрибутом (например, факт объявления осужденному меры поощрения дает лицу право его реализовать; прибытие осужденного к месту отбывания наказания обязывает администрацию ИУ не позднее 10 дней со дня прибытия направить уведомление одному из родственников прибывшего (ст. 17 УИК РФ)). Другими словами, с правообразующих фактов «“все начинается”: лица становятся носителями субъективных прав и обязанностей, а это свидетельствует о том, что механизм правового регулирования приведен в действие» [11, с. 343].

Правоизменяющие юридические факты, воздействуя на уже «работающие» уголовно-исполнительные отношения, оказывают непосредственное влияние на содержание правового положения, изменяя его. В данном случае механизм уголовно-исполнительного регулирования находится в динамике и не перестает действовать. Примером может послужить факт изменения условий отбывания лишения свободы, что трансформирует правовое положения осужденного, но не прекращает уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с отбыванием уголовного наказания.

Правопрекращающие юридические акты направлены на ликвидацию существующих правоотношений и влекут за собой остановку механизма уголовно-исполнительного регулирования.

Отдельно следует отметить, что наука уголовно-исполнительного права обходит стороной правопрепятствующие юридические факты и не вносит их в список правовых явлений, относящихся к рассматриваемому классификационному критерию («по характеру последствий»). Данное обстоятельство корректируется автором статьи, так как влияние правопрепятствующих юридических фактов на развитие уголовно-исполнительных отношений очевидно: они не дают им возможности возникнуть или препятствуют формированию. Так, например, наличие взыскания является фактом, препятствующим образованию правоотношений, возникающих в результате перевода осужденных из обычных условий отбывания наказания в облегченные.

Юридически значимое поведение[1] и *юридические акты* занимают особое место в системе классификации уголовно-исполнительных юридических фактов.

[1] В теории права используется категория «юридические поступки», что, по нашему мнению, спорно, так как поступки всегда выражаются в действиях (что также отмечается в юридической литературе), которые направлены на реализацию материальных и духовных потребностей лица. Логично будет предположить, что субъект уголов-

В уголовно-исполнительном праве юридически значимое поведение субъекта права в первую очередь направлено на удовлетворение *своих* интересов и потребностей. Правоотношения возникают в результате деяния, но без создания какого-либо юридического документа.

В уголовно-исполнительном праве данные факты представлены в большем количестве по сравнению с другими отраслями права. Анализ законодательства показывает, что в нем зафиксировано юридически значимое поведение осужденных, субъектов, исполняющих наказание и иных участников соответствующих правоотношений.

Фиксация юридически значимого поведения осужденных имеет особое значение для уголовно-исполнительного законодательства, так как в нем в концентрированном виде отражаются результат и качество исправительного воздействия, уровень достижения целей права. Через эти нормы законодатель дает возможность оценивать поведение осужденных. В данном контексте можно привести следующие примеры: уклонение от контроля УИИ (ч. 5 ст. 188 УИК РФ) или от отбывания уголовного наказания (ч. 2 ст. 28 УИК РФ); добросовестное отношение к труду и обучению (ст. 57 УИК РФ); активное участие в воспитательных мероприятиях (ч. 2 ст. 109 УИК РФ); злостное неповиновение законным требованиям персонала ИУ, проявление буйства (ч. 1 ст. 116 УИК РФ) и т.д.

Юридически значимое поведение сотрудников учреждений и иных участников правоотношений, закрепленное в уголовно-исполнительном законодательстве, – это всегда правомерное по своему содержанию действие (пассивное поведение данных субъектов не будет являться юридически значимым). Например, разъяснение осужденным порядка и условий отбывания наказания (ч. 3 ст. 25 УИК РФ); проведение воспитательной работы с осужденными (ч. 3 ст. 33 УИК РФ); обеспечение осужденных одеждой установленного образца (ч. 4 ст. 82 УИК РФ); посещение ИУ, например, прокурором, непосредственно осуществляющим надзор за исполнением наказаний (п. «б» ч. 1 ст. 24 УИК РФ) и т.д.

В некоторых случаях развитие правоотношений идет параллельно с созданием документов, имеющих юридического значение. Но эти документы не формируют правовые связи, а являются результатом функционирования правоотношений, порождённых юридически значимым поведением. Например, факт разъяснения осужденному порядка и условий отбывания наказания порождает правоотношения между осужденным и сотрудником, в процессе которых «составляется документ о правах и обязанностях осужденного и ответственности за допущенные нарушения в период отбывания наказания – подписка, и ему выдается памятка в соответствии с видом назначенного наказания» [12].

Юридический акт (от лат. *actus* – действовать) представляет собой волевое поведение субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, «направленное на определенный правовой результат, признаваемый и защищаемый правопорядком» [13, с. 115]. В уголовно-исполнительном праве юридический акт всегда «сопровождается» созданием и последующим использованием документа, имеющего юридическое значение. Отсутствие документа говорит о том, что юридический акт не состоялся. Например, уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с заменой обязательных работ на другой вид наказания, не возникнут в случаи отсутствия следующего юридического акта – *направление* УИИ с суд соответствующего *представления* (ч. 2 ст. 29 УИК РФ). Можно привести некоторые примеры юридических актов: вынесение судом постановления (определение) суда об оставлении осужденного в СИЗО (ч. 2 ст. 77.1 УИК РФ); вынесение начальником ИУ мотивированного постановления об отказе осужденному в предоставлении свидания (ч. 2.2 ст. 121 УИК РФ); ходатайство осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ч. 1 ст. 175 УИК РФ) и т.д.

Следует отметить, что, совершая юридический акт, субъект права может преследовать не только свои интересы и потребности (обращение осужденного в суд с ходатайством об отсрочке отбывания наказания), но и других субъектов уголовно-исполнительных правоотношений (постановление о применении к осужденному меры поощрения).

С точки зрения связи с соответствующими правовыми отношениями юридические факты подразделяются на *материальные и процессуальные.*

Фиксация материальных юридических фактов необходима для правильного применения норм материального права. Отличительной особенностью данных фактов является то, что они, по сути, *констатируют* наличие обстоятельства, влияющего на уголовно-исполнительные правоотношения. Так, выявление у лица определенного статуса (например, «положительно характеризующийся осужденный» (ч. 2 ст. 78 УИК РФ) / «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания» (ч. 4 ст. 116 УИК РФ)), элементов правового положения (например, наличие у осужденного жилья, согласие родственников принять осужденного (ч. 2 ст. 177 УИК РФ), событие (смерть (ч. 4 ст. 178 УИК РФ)), стихийное бедствие (п. «в» ч. 4 ст. 50 УИК РФ)) будут являться фактами, воздействующими на рассматриваемые правоотношения.

Процессуальные юридические факты – это обстоятельства, влияющие на процессуальные правоотношения. Данным фактам свойственно наличие следующих элементов: процессуального действия, процессуальных сроков, процессуального акта-документа. В уголовно-исполнительном праве, как и в любой другой отрасли права, процессуальные юридические факты должны быть зафиксированы в установленной законодательством процедурной форме.

Можно привести следующие примеры процессуальных юридических фактов: постановление начальника колонии, предоставляющее осужденному, отбывающему наказание в колонии-поселения, права на совместное проживание с семьей (п. «б» ч. 1 ст. 129

но-исполнительных правоотношений сможет реализовать свои потребности также с помощью пассивного поведения. В связи со сказанным автор в данной части статьи будет использовать термин «юридически значимое поведение».

УИК РФ); определение суда о переводе осужденного из ИК общего режима в колонию-поселение (ч. 5 ст. 78 УИК РФ) и т.д.

Юридические факты можно классифицировать в зависимости от количества элементов (признаков), содержащихся в них: *простые и сложные* (не стоит путать с делением фактических составов на простые, сложные и смешанные), чему уголовно-исполнительной наукой практически не уделяется должного внимания. Рассматриваемые факты следует отличать от простых и сложных юридических составов, так как юридический факт – это один или система элементов (признаков) факта, а юридический состав – это совокупность юридических фактов.

Одно обстоятельство, оказывающее непосредственное влияние на развитие уголовно-исполнительных правоотношений, является простым юридическим фактом. Это одноэлементные факты.

Простые юридические факты достаточно широко представлены в уголовно-исполнительном законодательстве. Например, ходатайство осужденного, уведомление администрацией организации УИИ о количестве проработанных часов, отбытие срока наказания и т.д.

Сложные юридические факты – такие фактические обстоятельства, которые состоят из нескольких юридически значимых признаков. Например, добросовестное отношение к труду является сложным юридическим фактом, который составляют следующие элементы: исполнение трудовых обязанностей, соблюдение трудовой дисциплины, выполнение установленных норм труда, соблюдение требований по обеспечению безопасности труда, бережное отношение к имуществу ИУ.

В уголовно-исполнительном праве, как и в других отраслях права, к типичному сложному юридическому факту можно отнести факт нарушения осужденным установленного порядка отбывания наказания. Данный факт по общему правилу состоит из действия (бездействия) субъекта, мотива, формы вины, цели.

Использование сложных юридических фактов позволяет охватывать жизненные обстоятельства укрупненно, комплексно [3, с. 20]. Так, при анализе *факта активного участия осужденного в воспитательных мероприятиях* следует ориентироваться не на один, а на комплекс следующих признаков (элементов):

– постоянство поведения осужденного, которое свидетельствует о наличии у него заинтересованности в участии в воспитательных мероприятиях. Разовое участие говорит об отсутствии постоянства, а значит, и факта;

– наличие не одного, а множественности актов осужденного, например участие в вокально-инструментальном ансамбле, деятельности библиотек и/или музеев, организации физического досуга и др.

Кроме того, полагаем, что развитие теории сложных юридических фактов в уголовно-исполнительном праве с одновременным изучением элементов, которые их составляют, поможет решить вопросы, возникающие в процессе работы правоприменителя с фактами, относящимися к оценочным категориям, такими, как «исключительный случай», «хорошее поведение», «добросовестное отношение к труду», «необходимость», «уважительное отношение» и т.д.

В заключение следует отметить, что предложенные классификационные критерии носят условный характер, поскольку в одном юридическом факте в ряде случаев усматриваются признаки других фактов. Однако, несмотря на указанную условность, развернутая и обоснованная научная классификация юридических фактов, во-первых, является прочной основой для того, чтобы с правильных теоретических позиций подойти к решению вопросов, связанных с исполнением и отбыванием всех видов уголовных наказаний и мер, и, во-вторых, закрепляет основы эффективного применения норм уголовно-исполнительного права в конкретных жизненных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Миннебаев Р.Х.* К вопросу о понятии юридических фактов // Юридический мир. 2011. № 3. С. 54–56.
2. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. 87 с.
3. *Исаков В.Б.* Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 128 с.
4. *Пинчук В.И.* Исправительно-трудовые правоотношения. Лекция. М. : НИиРИО ВШ МВД СССР, 1968. 43 с.
5. *Севрюгин А.С.* Исправительно-трудовые правоотношения : учеб. пособие. Рязань : Изд-во РВШ МВД СССР, 1988. 37 с.
6. *Полищук Н.И.* Теоретическая модель взаимосвязи норм права, правоотношения и юридического факта / под ред. С.А. Комарова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2008. 450 с.
7. *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. 183 с.
8. *Морозов А.С.* Правовое и религиозное поведение в пенитенциарной сфере: теоретический аспект. Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2017. 175 с.
9. *Казаков В.Н.* Правомерное поведение и правопорядок : дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. 27 с.
10. *Ибрагимова Н.М.* Сроки в уголовно-исполнительном праве, их юридическое значение и особенности исчисления. Казань : Познание, 2009. 128 с.
11. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.
12. *Приказ* Минюста России от 20.05.2009 г. № 142 (ред. от 22.08.2014) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // Российская газета. 2009. № 151.
13. *Халабуденко О.А.* Акты, факты и юридические конструкции: некоторые методологические замечания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 113–120.

THEORETICAL AND LEGAL BASES OF CLASSIFICATION OF JURIDICAL FACTS IN THE PENAL LAW

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 160−166. DOI 10.17223/23088451/11/32

Egor E. Novikov, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia). E-mail: mavr-85@mail.ru.

Keywords: classification of juridical facts, norms of penal law, juridical acts, juridical events.

The article considers the classification of juridical facts in the penal law, which receives insufficient attention from the scientific penitentiary community. The author notes that the division of juridical facts according to the volitional criterion requires the use of the "juridical acts", not "juridical actions", category, because it allows taking into account not only the activity, but also the passive behaviour of the person, that is, inaction, which, similarly to the action, can influence penal relations. In this regard, the article pays special attention to the lawful and unlawful inaction of subjects of penal relations. The classification of juridical facts of penal law according to the volitional criterion would be incomplete without considering the following facts-events: absolute and relative events and time-events. Opposing to a number of legal scholars, the author concludes that the state on a par with terms should be qualified as a kind of facts-events, since any state is independently of the direct will of the person (pregnancy, kinship, criminal record, intoxication, insanity), even if legal subject is "guilty" of causing the state. Particular attention is paid to law-forming, law-changing, and law-abiding legal facts. The author underlines that the penal science ignores impediments to juridical facts and does not include them into the list of legal phenomena affecting penal relations. The legally significant behaviour and juridical acts are considered as special types of penal facts. The registered legally significant behaviour of convicts is of particular importance for the penal enforcement legislation, since it reflects the result and quality of the corrective influence. The juridical act is a volitional behaviour of the subjects of penal relations aimed at a certain legal result, recognised and protected by the rule of law. In the penal law, a legal act is always "accompanied" by the creation and subsequent use of a legally significant document. The article also examines material, procedural and complex juridical facts contained in the penal enforcement legislation. In conclusion, it is noted that the proposed classification criteria are conventional, since one juridical fact can demonstrate signs of other facts. However, a detailed and substantiated scientific classification of juridical facts establishes the bases for the effective application of the norms of the penal law in specific life events.

REFERENCES

1. Minnebaev, R.KH. (2011) K voprosu o ponyatii yuridicheskikh faktov [On the concept of juridical facts]. *Yuridicheskiy mir – Juridical World*. 3. pp. 54–56.
2. Alekseev, S.S. (1966) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
3. Isakov, V.B. (1980) *Fakticheskiy sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [Actual composition in the mechanism of legal regulation]. Saratov: Saratov State University.
4. Pinchuk, V.I. (1968) *Ispravitel'no-trudovye pravootnosheniya* [Corrective labour relations]. Moscow: The USSR Ministry of Internal Affairs.
5. Sevryugin, A.S. (1988) *Ispravitel'no-trudovye pravootnosheniya* [Corrective labour relations]. Ryazan: The USSR Ministry of Internal Affairs.
6. Polishchuk, N.I. (2008) *Teoreticheskaya model' vzaimosvyazi norm prava, pravootnosheniya i yuridicheskogo fakta* [Theoretical model of the relations between legal norms, legal relations and juridical fact]. 2nd ed. St. Petersburg: Law Institute.
7. Krasavchikov, O.A. (1958) *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Juridical facts in Soviet civil law]. Moscow: Gosyurizdat.
8. Morozov, A.S. (2017) *Pravovoe i religioznoe povedenie v penitentsiarnoy sfere: teoreticheskiy aspect* [Legal and religious behaviour in the penitentiary sphere: theoretical aspect]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
9. Kazakov, V.N. (1999) *Pravomernoe povedenie i pravoporyadok* [Lawful behaviour and law and order]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Ibragimova, N.M. (2009) *Sroki v ugolovno-ispolnitel'nom prave, ikh yuridicheskoe znachenie i osobennosti ischisleniya* [Terms in the penal law, their legal significance and calculation]. Kazan: Poznanie.
11. Alekseev, S.S. (1972) *Problemy teorii prava* [Problems of the Theory of Law]. Vol. 1. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
12. Ministry of Justice of Russia. (2009) Prikaz Minyusta Rossii ot 20.05.2009 No. 142 (red. ot 22.08.2014) "Ob utverzhdenii Instruktsii po organizatsii ispolneniya nakazaniy i mer ugolovno-pravovogo kharaktera bez izolyatsii ot obshchestva" [Order No. 142 of the Ministry of Justice of Russia of May 20, 2009 (amended on August 22, 2014) "On Approval of the Instruction on the Organization of Execution of Punishments and Penal Measures Without Isolation from Society"]. *Rossiyskaya gazeta*. 151.
13. Khalabudenko, O.A. (2016) Akty, fakty i yuridicheskie konstruktsii: nekotorye metodologicheskie zamechaniya [Acts, facts and legal constructions: some methodological remarks]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 3(110). pp. 113–120.

УДК 343.847 DOI 10.17223/23088451/11/33

О.В. Обернихина

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ ЗА ЛИЦАМИ, ОТБЫВАЮЩИМИ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Рассматриваются наиболее актуальные проблемы организации контроля за лицами, отбывающими различные виды наказания, не связанные с лишением свободы. Исследуются причины и условия совершения повторной преступности указанной категорией осужденных, стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Приводятся примеры положительного зарубежного опыта организации контроля за подучетными лицами посредством ряда технических средств.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная инспекция, контроль, повторная преступность, рецидивная преступность.*

Широкое распространение в уголовной и уголовно-исполнительной политике Российской Федерации приобрели направления на гуманизацию всей уголовной юстиции, а также дифференциацию мер уголовной ответственности и наказания. Представляется, что преобразования такого вида не влекут за собой негативные последствия, в частности, значительно увеличилось количество латентных преступлений, как естественных, так и искусственных. Если латентность как социальное явление отследить сложно, то информация о повторной преступности периодически фигурирует в различных официальных источниках. Особые опасения вызывают увеличивающиеся показатели организованной преступности.

Ели показатели статистической отчетности о преступности в Российской Федерации волнуют в большей степени представителей законодательной и исполнительной власти, то общество волнуется не столько о количественных показателях преступности, сколько о ее качественном аспекте. Такое положение вполне оправдано, поскольку рост количества преступлений упомянутого характера снижает уровень безопасности в обществе. Это проявляется не только в совершении новых противоправных деяний лицами, ранее совершившими преступления, но и в аккумулировании опасных категорий в системе исполнения наказания, к такой категории следует отнести лиц, отбывающих различные виды наказания без изоляции от общества.

Таким образом, на плечи Уголовно-исполнительной инспекции ФСИН РФ (далее – УИИ), ложиться обязанность контролировать исполнение наказаний наиболее рецидивоопасного контингента. Повторные преступления и правонарушения со стороны лиц к наказаниям без изоляции от общества, являются показателем, который негативно характеризует не только деятельность органа, осуществляющего исполнение наказания, но и, предположительно, сам правовой институт исполнения наказаний без изоляцией от общества.

Разработка и принятие организационных и практических мер, направленных на повышение эффективности работы по предупреждению совершения преступлений и других правонарушений осужденными, осуществляются на основе анализа деятельности ОВД и УИИ (Приказ Минюста России № 190, МВД России № 912 от 04.10.2017 г. (ред. от 20.01.2017 г.) «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете в УИИ, преступлений и правонарушений») [1, с. 3–6].

В структуре уголовных наказаний значительное место занимают наказания, не связанные с лишением свободы. Так, к реальному лишению свободы в 2012 г. было осуждено 28%, в 2013 г. – 28,7 %, в 2014 г. – 29,4 %, в 2015 г. – 33 %, в 2016 г. – 28,5 % подсудимых, остальные, в среднем это 60 %, приговариваются к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества [2, с. 164]. Причем в последние пять лет значительно увеличилось количество повторных преступлений, совершенных лицами, условно осужденными.

Представляется, что для того чтобы повысить эффективность деятельности УИИ, необходимо дифференцировать их по видам наказания, общественной опасности и распространенности составов преступлений.

С криминологической точки зрения рецидивная преступность является результатом криминогенного влияния особенностей личности человека, например таких, как агрессивность, чувство безнаказанности, различного рода деградации в сочетании с негативным воздействием социальных факторов. Так, при исполнении альтернативных лишению свободы наказаний повторная преступность как общественное явление представлена комплексом криминогенных критериев, влияние которых, зачастую, определяет характер и виды преступности уже в условиях исполнения упомянутых видов наказания. В качестве критериев повторной, рецидивной преступности в УИИ целесообразно выделить несколько основных: отсутствие эффективных мер и способов организации контроля за подучетными лицами, не способность последних к ресоциализации, а также отсутствие у инспекторов УИИ возможности осуществлять профилактические мероприятия.

Характер динамики и негативный прогноз рецидивной преступности значительно усложняют организацию работы сотрудников УИИ при снижении численности лиц, состоящих на их учете. Об этом свидетельствуют показатели роста количества профилактических мер, предпринимаемых сотрудниками УИИ, в частности: продление испытательного срока в отношении условно осужденных; возложение дополнительных обязательств на условно осужденных; различные меры, связанные с привлечением к труду осужденных.

Широкое распространение в последние несколько лет получил передовой международный опыт по организации исполнения наказаний и мер, не связанных с лишением свободы. Зачастую он носит экспериментальный характер, в ходе чего инспекторами УИИ апробируются принципиально новые технические средства контроля за осужденными, что позволяет исполнять наказание, исключая отрицательную деформацию или даже деградацию личности правонарушителя. Так, например, в рамках проекта Европейской комиссии «Альтернативы лишению свободы в Российской Федерации», осуществляемого на базе УФСИН России по Воронежской области в 2014 г., проводилось исследование по определению эффективности применения системы электронного мониторинга и GPS-слежения. В качестве преимущества электронной системы мониторинга можно отметить улучшение условий труда сотрудников УИИ за счет непрерывного, круглосуточного надзора посредством бесконтактного наблюдения.

Особым интересом у практических работников УИИ пользуется проект по введению электронной регистрации осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, через видеотерминалы, поскольку осуществление контрольных мероприятий подобным образом может в разы сократить занятость каждого из инспекторов. Предварительный анализ показал, что внедрение современных технических средств контроля (видеотерминалы) за условно осужденными позволяет повысить эффективность работы по профилактике рецидивной преступности. Так, в ходе эксперимента было установлено, что ни один из 85 осужденных, которые регистрировались через видеотерминалы в УИИ, не совершил ни одного правонарушения или повторного преступления. Инспектора УИИ получили возможность чаще общаться с подучетными осужденными, так как они проходят электронную регистрацию еженедельно. Преимуществом является и то, что аппаратура для видеорегистрации установлена в администрациях населенных пунктов, что позволяет контактировать осужденным с главами администраций, попросить помощи, например, в трудоустройстве, решить жилищные проблемы, если необходимо. Представленный эксперимент позволил включить органы местного самоуправления в процесс профилактики рецидивной преступности.

При решении задач, поставленных государством перед УИИ о выполнении последними их основных функций, встал вопрос не только о применении технических средств надзора, но и о использовании автотранспортных средств. В этом направлении инспекции были обеспечены автомобилями, что, в свою очередь, оказывает значительную помощь сотрудникам инспекций при выполнении служебных обязанностей [2, с. 140–144].

Несмотря на возможность реформирования системы организации исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, повышение эффективности деятельности УИИ, в частности по осуществлению контрольных мероприятий, в настоящее время институт исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, переживает системный кризис, который вызван в первую очередь организационной и ресурсной нестабильностью.

Нельзя сказать, что государство игнорирует наличие указанных проблем. Так, например, по итогам оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации «О мерах по предупреждению рецидивной преступности в Российской Федерации» Правительству Российской Федерации поручено с участием органов государственной власти субъектов Российской Федерации разработать комплекс нормативно-правовых и организационных мер по стимулированию работодателей к организации рабочих мест для осужденных к исправительным работам. Некоторые субъекты Российской Федерации уже ведут работу по привлечению сторонних организаций к трудоустройству осужденных. Например, в Кемеровской области вступил в силу Закон Кемеровской области № 114-ОЗ от 01.01.2015 г. «О налоговой льготе в 2015–2017 годах отдельным категориям налогоплательщиков, использующих труд лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы» [3], где предусмотрены налоговые льготы для организаций, предоставляющих рабочие места и использующие труд лиц, стоящих на учете в УИИ. Причем работодатель невольно включается в процесс исполнения наказания, в частности исправительных работ, поскольку вынужден контролировать присутствие осужденного на рабочем месте, давать характеристики и оценивать качество работы подучетного лица УИИ.

В целом, объем и сложность стоящих перед уголовно-исполнительной системой задач, в том числе по ее реформированию, требуют улучшения качества подготовки сотрудников, привлечения на службу квалифицированных специалистов, обладающих высоким уровнем знаний и навыков правовой культуры и морально-нравственных качеств [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дегтярева О.Л.* Общегосударственные особенности роста и снижения уровня повторной преступности среди лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией осужденных от общества, в общей структуре преступлений, совершаемых на территории страны // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 1. С. 3–6.
2. *Преступность* и правонарушения (2012–2016) : статистический сб. М., 2017. С. 180.
3. *Закон* Кемеровской области от 24.11.2014 г. № 114-ОЗ (ред. от 06.10.2017) «О налоговой льготе в 2015–2017 годах отдельным категориям налогоплательщиков, использующих труд лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы» (принят Советом народных депутатов Кемеровской области 19.11.2014) // СПС КонсультантПлюс.
4. *Постановление* Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Юстиция”» // СПС КонсультантПлюс.

TEORETICAL AND LEGAL BASES OF THE ORGANISATION OF CONTROL OVER PEOPLE SENTENCED TO PUNISHMENT WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 167−169. DOI 10.17223/23088451/11/33

Olesya V. Obernikhina, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia). E-mail: Olesia.obernihina@yandex.ru.

Keywords: penitentiary inspection, control, repeated crime, recidivism.

The desire of the legislator to bring modern criminal and penal enforcement legislation in line with international standards has led to the fact that a number of criminally punishable offenses became administrative; sanctions for a number of crimes included compulsory labour as an alternative punishment to deprivation of liberty, and a relatively new penal measures of deferred sentence appeared. All this led to a significant reduction in the number of persons sentenced to imprisonment and increased the number of those are sentenced to various penalties without isolation from society. The level of public security seems to have increased significantly, but one should not rush to conclusions, since the public danger of those who committed crimes previously punished with deprivation of liberty (substituted with alternatives penalties now) cannot simply cease to exist from the moment of release or transfer from the correctional institution to the penitentiary inspection. This is confirmed by the rates of recidivism, as well as statistics on the number of repeated crimes, among which a special place is occupied by those that were committed by persons serving sentences alternative to deprivation of liberty. Presumably, the ineffectiveness of the execution of punishments and other penal measures alternative to deprivation of liberty can be explained by the fact that the penitentiary inspectors are unable to implement the measures required by the penal enforcement legislation to achieve the purposes of punishment due to practical problems, which will be discussed further. It all often comes to one thing – the organization of control of the accountants. This turns out to be insufficient to correct the convict, to help them become a law-abiding citizen, to create social conditions which can prevent them from committing new criminal acts. Thus, the assessment of the effectiveness of the penitentiary inspectorates is incapable of giving objective results, especially since the assessment methods are seriously outdated, the number of these units of the penal enforcement system is insufficient to organise the execution of penalties against such a large number of convicts who stand on account in the penal institute.

REFERENCES

1. Degtyareva, O.L. (2015) Nation-wide peculiarities of increase and reduction of the level of repeated crime among persons convicted to punishments and measures of criminal-law character not connected with isolation of the convicts in a general structure of crimes committed on the territory of the country. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*. 1. pp. 3–6. (In Russian).
2. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2017) *Prestupnost' i pravonarusheniya (2012–2016). Statisticheskiy sbornik* [Crime and offenses (2012–2016). Statistics]. Moscow: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
3. Kemerovo Region. (2014) *Law No. 114-OZ of Kemerovo region of November 24, 2014, (as amended on October 6, 2017) "On the tax privilege in 2015–2017 for certain categories of taxpayers using the labour of persons serving sentences in the form of deprivation of liberty" (adopted by the Council of People's Deputies Kemerovo region November 19, 2014)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW284;n=83766#04154195192370038. (In Russian).
4. The Government of the Russian Federation. (2014) *Resolution No. 312 of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014, "On the approval of the "Justice" State Program of the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162180/. (In Russian).

УДК 343.8 DOI 10.17223/23088451/11/34

А.В. Симоненко

ЗАДЕРЖАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ КАК ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ

Рассматриваются некоторые проблемы, возникающие в практике задержания осужденных по основаниям, предусмотренным Уголовно-исполнительным кодексом РФ, и обосновывается необходимость восполнения законодательных пробелов в данной сфере. По мнению автора, данный процесс может быть эффективным при условии уяснения сущности понятия «задержание осужденных», которое в настоящей статье рассматривается в качестве правового состояния.

Ключевые слова: *задержание осужденных, заключение под стражу, правовое состояние.*

Действующее уголовно-исполнительное законодательство предусматривает возможность задержания осужденных в следующих случаях:

– злостное уклонение осужденных от отбывания наказания в виде обязательных работ, штрафа (ч. 2 ст. 30 УИК РФ, ч. 4 ст. 32 УИК РФ);

– сокрытие места жительства осужденных к исправительным работам, ограничению свободы, местонахождение которых неизвестно (ч. 4 ст. 46 УИК РФ, ч. 6 ст. 58 УИК РФ);

– уклонение осужденного к принудительным работам от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания (в том числе в случае неявки за получением предписания) (ч. 4 ст. 60.2 УИК РФ);

– уклонение осужденного от отбывания принудительных работ (ч. 2 ст. 60.17 УИК РФ);

– уклонение осужденного к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания или неприбытия к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок (ч. 6 ст. 75.1 УИК РФ);

– уклонение осужденного, которому был разрешен выезд за пределы исправительного учреждения, от возвращения в установленный срок в исправительное учреждение (ч. 11 ст. 97 УИК РФ);

– неприбытие осужденного, которому была предоставлена отсрочка отбывания наказания в связи с признанием его больным наркоманией, в двухнедельный срок со дня его освобождения из исправительного учреждения в уголовно-исполнительную инспекцию, а также, если осужденный скрылся от контроля после постановки его на учет (ч. 9 ст. 178.1 УИК РФ).

Практика задержания осужденных по указанным основаниям говорит об отсутствии единства в понимании правовой природы такого вида задержания. Принимая решения о его применении, суды в аналогичных случаях руководствуются разными правовыми нормами.

К примеру, постановлением Октябрьского районного суда г. Томска от 16 марта 2016 г. Л. был заключен под стражу на 30 суток в связи с тем, что он злостно уклонялся от отбывания наказания в виде исправительных работ, скрывался от контроля УИИ, был объявлен в розыск. Томский областной суд [1], изучив материалы, на основании которых было вынесено указанное постановление, счел его законным и обоснованным, сославшись на положение п. 18 ст. 397 УПК РФ, согласно которому суд в порядке исполнения приговора рассматривает вопрос о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, в том числе в виде исправительных работ, до рассмотрения вопроса о замене наказания при злостном уклонении от его отбывания, на срок не более 30 суток.

В аналогичной ситуации, оценивая законность принятия решения судом первой инстанции о заключении уклонявшегося от отбывания исправительных работ осужденного под стражу до рассмотрения вопроса о замене наказания, Томский областной суд в своем апелляционном Постановлении № 22-536/2016 от 14 марта 2016 г. сослался на две, по сути противоречащих друг другу нормы: ч. 4 ст. 46 УИК РФ, которая предполагает возможность продления срока задержания скрывшегося с места жительства осужденного, местонахождение которого неизвестно, судом до 30 суток; п. 18 ст. 397 УПК РФ, согласно которой суд разрешает вопрос о возможности заключения под стражу такого осужденного сроком до 30 суток.

На указанные нормы в комплексе Томский областной суд сослался и в своем апелляционном постановлении № 22-368/2016, опровергая доводы адвоката, что, согласно ч. 4 ст. 46 УИК РФ, к осужденному может быть применено только задержание до 30 суток, но не заключение под стражу, являющееся мерой пресечения. Вместе с тем не все судьи считают приведенные доводы необоснованными и, принимая решения по аналогичным делам, выносят постановления, опираясь на положения исключительно уголовно-исполнительного закона о продлении срока задержания[1].

Отсутствие единообразия в понимании категорий «задержание» и «заключение под стражу», применяемых по отношению к осужденным, приводит к тому, что некоторые судьи в своих решениях и вовсе объединяют их в одно понятие. В тексте апелляционного постановления Томского областного суда № 22-391/2015 от 2 марта 2015 г., принятого в отношении Постановления Томского районного суда Томской области от 22 января 2015 г. о заключении осужденного под стражу до рассмотрения представления о замене исправительных работ лишением свободы, фигурирует фраза: «...осужденный был задержан в Томском районе

[1] Примеры судебных решений, содержащих данные формулировки, достаточно подробно анализируются в статье Б.Б. Булатова, В.В. Николюка [2].

Томской области и водворен под стражу на 48 часов». И здесь уместен вопрос: идет ли речь о терминологической неточности или после задержания к осужденному на самом деле применялся порядок, предусмотренный для заключенных под стражу? Полагаем, что ответ на него имеет принципиально важное значение, поскольку порядки содержания задержанных [3] и лиц, заключенных под стражу [4], различаются.

Большинство ученых обоснованно замечают, что предусмотренная в положениях ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58, ч. 4 ст. 60.2, . 2 ст. 60.17, ч. 6 ст. 75.1, ч. 11 ст. 97, ч. 9 ст. 178.1 УИК РФ возможность продления срока задержания осужденного до 30 суток, по сути, подразумевает заключение под стражу, о котором идет речь в п. 18, 18.1 ст. 397 УПК РФ, указывая на необходимость устранения данной несогласованности норм [5–8]. Данная позиция, на наш взгляд, согласуется как с положением ч. 2 ст. 22 Конституции, согласно которому до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов, так и с подзаконными нормативно-правовыми актами, закрепляющими порядок действия уголовно-исполнительных инспекций в случаях задержания осужденных, уклонявшихся от отбывания наказания. Согласно п. 145 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной Приказом Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142, инспекция по месту задержания осужденного незамедлительно с момента получения информации из полиции или оперативного подразделения территориального органа ФСИН России, но не позднее 48 часов с момента задержания осужденного, направляет в суд представление о заключении его под стражу до рассмотрения вопроса, указанного в п. 2 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но не более чем на 30 суток. Аналогичное положение содержит п. 59 Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной Приказом Минюста РФ от 11 октября 2010 г. № 258.

Нет сомнений, что применение такой серьезной меры, как задержание, должно основываться на стройной, внутренне согласованной и непротиворечивой системе норм, а не только лишь на догадках ученых и правоприменителей относительно того, какого рода аналогия должна быть применена в каждом конкретном случае. Построение такой системы, на наш взгляд, должно начинаться с уяснения сущности базового понятия – «задержание осужденных».

В Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме [9], задержание определяется как «состояние задержанного лица», которое, в свою очередь, означает «любое лицо, лишенное личной свободы не в результате осуждения за совершение правонарушения» (п. «б», «г» раздела «Употребление терминов»). В большом юридическом словаре правовые состояния рассматриваются в качестве одного из видов юридических фактов и определяются как «представляющие собой длящиеся (перманентно существующие или периодически возникающие) обстоятельства, так или иначе влияющие на положение социального субъекта, его взаимоотношения с другими лицами и организациями» [10, с. 583]. Представляется, что данное определение требует уточнения, поскольку само по себе слово «состояние» определяется через глагол «состоять», означающий «находиться или быть» [11, с. 413–414], и означает «положение, внутренние или внешние обстоятельства, в которых находится кто-нибудь, что-нибудь» [12, с. 437], то есть сами обстоятельства, в которых пребывает человек, а не то, что обусловило их возникновение. В этой связи наиболее точным видится определение правового состояния, приведенное в диссертационном исследовании Ю.С. Новиковой: «...обусловленная социально-культурными устоями жизнедеятельности общества разновидность социального состояния, представляющая собой способ юридического бытия субъектов, объектов или общественных отношений в определенный момент времени и в определенном пространстве, закрепленный в законодательстве» [13, с. 29].

Исходя из приведенного определения, можно выделить такие признаки правового состояния, как социальная обусловленность, возникновение качественно нового правового положения, образование новых правоотношений, существование в рамках определенного временного промежутка, а также регламентированность в законодательстве.

Переходя от общего понятия к частному, необходимо определить, каковы границы проявления его качеств в конкретно заданных условиях и по каким критериям возможно его отграничение от иных понятий, входящих в данную видовую группу. Для этого попробуем рассмотреть понятие «задержание осужденных» через призму вышеназванных признаков, присущих правовым состояниям.

Социальная обусловленность. Наделение того или иного субъекта качественно новым для него правовым состоянием всегда нацелено на решение определенных социальных задач, которые по форме носят правовой характер. В соответствии с пп. «b» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод задержание осужденных допускается «за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом». Исходя из положений действующего Уголовно-исполнительного кодекса РФ, регламентирующих задержание осужденных (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 4 ст. 60.2, ч. 2 ст. 60.17, ч. 6 ст. 75.1, ч. 11 ст. 97, ч. 9 ст. 178.1 УИК РФ), цель такого задержания в самом общем виде можно охарактеризовать как обеспечение реализации (исполнения и отбывания) уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы.

В научной литературе высказываются различные точки зрения относительно целей уголовно-исполнительного задержания. По мнению Ю.П. Якубиной, «в уголовно-исполнительном законодательстве уголовно-исполнительное задержание применяется в качестве принудительной меры при уклонении от исполнения приговора для обеспечения явки осужденного в судебное заседание» [14, с. 36]. А.А. Рукавишникова (Плашевская) полагает, что «цель уголовно-исполнительного задержания принципиально отличается от целей административ-

ного и уголовно-процессуального задержания. Она заключается в обеспечении фактического исполнения приговора, вступившего в законную силу и обращённого к исполнению» [15, с. 53]. В продолжение своей мысли она указывает, что задержание «также носит обеспечительно-пресекательный характер. С одной стороны, оно обеспечивает фактическое исполнение приговора, а с другой – направлено на пресечение дальнейшего совершения уголовно-исполнительного правонарушения» [15, с. 53–54]. Б.Б. Булатов и В.В. Николюк полагают, что предусмотренное УИК РФ задержание осужденных «преследует цели пресечь уклонение осужденного от отбывания наказания и обеспечить его участие в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене назначенного ранее наказания более строгим» [2, с. 48].

В философском словаре цель определяется как «один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств» [16, с. 763]. При этом «анализ деятельности как целенаправленной предполагает выявление несоответствия между наличной жизненной ситуацией и целью; осуществление цели является процессом преодоления этого несоответствия» [16, с. 763]. В случае, когда возникает необходимость задержания осужденных, налицо несоответствие имеющейся жизненной ситуации – «уголовное наказание не исполняется», и предвосхищаемого результата – «наказания должны исполняться». Что касается обеспечения участия осужденного в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене назначенного ранее наказания более строгим, то, на наш взгляд, оно не может служить самоцелью задержания по следующей причине. Решение вопроса о замене наказания более строгим само по себе является инструментом, гарантирующим, что лицо, осужденное за совершение преступления, будет наказано (если не посредством реализации наказания, назначенного в приговоре, то за счет реализации более строгого, назначенного судом уже в стадии его исполнения).

Таким образом, можно заключить, что правовое состояние «задержание» у осужденных возникает в силу социально обусловленной необходимости обеспечить факт претерпевания лицом, совершившим преступление, наказания за содеянное. А создаваемая им возможность обеспечения участия осужденного в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене назначенного ранее наказания более строгим является одной из функций такого задержания.

Возникновение качественно нового правового положения, вступление в новые правоотношения. Данные процессы взаимообусловлены. Факт задержания ставит лицо в условия нового, ранее не существовавшего для него правового положения, что проявляется, во-первых, в том, что оно лишается «личной свободы», т.е. претерпевает ряд ограничений, которые сами по себе создают новое положение – отсутствие свободы передвижения, выбора места пребывания, общения и т.д. В Конвенции о защите прав человека и основных свобод задержание отнесено к категории «лишение свободы». При этом, как указывает Европейский суд по правам человека, «понятие “лишение свободы” в значении п. 1 ст. 5 содержит как объективный элемент, представляющий собой помещение лица под стражу в определенное ограниченное пространство на значительный срок, так и дополнительный субъективный элемент, который состоит в том, что фактически лицо не согласно на такое заключение» [17]. Во-вторых, задержанный вступает в новые для него правоотношения с участниками процедуры задержания, т.е. лицами, его осуществляющими, а также привлекаемыми как для защиты прав и законных интересов задерживаемого, так и для обеспечения законности процедуры (например, специалист, в случае необходимости производства освидетельствования). Данные правоотношения, с одной стороны, являются следствием возникновения состояния задержания, и в этом проявляется его суть как юридического акта, с другой – в силу длящегося характера определяют содержание этого правового состояния, т.е. набор возникших для задержанного прав, обязанностей и ответственности [18, с. 69].

Наличие временных границ задержания. Очевидно, что пребывание в состоянии задержания ограничено во времени. На международном уровне продолжительность задержания конкретным сроком не ограничивается, вместе с тем устанавливается ряд правил, обеспечивающих его кратковременность. Согласно ч. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [19], каждый задержанный или заключенный под стражу незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Аналогичная по содержанию норма закреплена и в ч. 4 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах: «каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно». В ч. 1 Принципа 11 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, также закреплено, что лицо не может находиться в задержании без предоставления эффективной возможности быть в срочном порядке заслушанным судебным или иным органом. В подкрепление данного положения п. «б» ч. 1 Принципа 12 устанавливает необходимость обязательного внесения в протокол задержания времени ареста и времени, когда лицо было препровождено в место содержания, а также времени первого появления перед судебным или иным органом. Что касается российского национального законодательства, то в нем, в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ установлен предельный срок задержания: арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Регламентированность задержания в законе вытекает из уже приведенных положений, однако существуют и конкретные указания на то, что данное состояние подлежит строгому правовому регулированию. В част-

ности, ч. 1 ст. 5 Европейской конвенции определяет перечень законных оснований лишения свободы, в том числе в форме задержания, подчеркивая возможность его производства исключительно «в следующих случаях и в порядке, установленном законом». В соответствии с Принципом 2 Свода принципов задержание должно осуществляться «только в строгом соответствии с положениями закона…» В числе норм, регулирующих процедуру задержания в российском законодательстве, можно назвать ранее упомянутую ст. 22 Конституции РФ, а также ст. 14 Федерального закона «О полиции» [20], ст. 27.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях [21], гл. 12 Уголовно-процессу-ального кодекса РФ [22], а также ст.ст. 30, 32, 46, 60.2, 60.17, 75.1, 97 и178.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [23]. Что касается порядка содержания задержанных, то в действующем российском законодательстве он регулируется только в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [24], применяемом, несмотря на отсутствие прямого указания на это в законе, и в отношении задерживаемых осужденных.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что задержание осужденного как правовое состояние представляет собой обусловленную необходимостью обеспечения исполнения наказаний разновидность правового состояния, представляющую собой закрепленный в законодательстве способ юридического бытия задерживаемых лиц, соответствующую правоотношениям, в которые они вступают в связи с задержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апелляционное* Постановление Томского областного суда № 22-696/2016 от 7 апреля 2016 г. по делу № 22-696/2016.
2. *Булатов Б.Б., Николюк В.В.* Проблемы согласования (преодоления конкуренции) норм УПК РФ и УИК РФ // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 46–50.
3. *Приказ* МВД России от 22.11.2005 г. № 950: Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел (ред. от 18.10.2012) // СПС КонсультантПлюс.
4. *Приказ* Минюста России от 14.10.2005 г. № 189: Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (ред. от 12.05.2017) // СПС КонсультантПлюс.
5. *Александрова О.П., Буданова Л.Ю.* Правовое положение учреждений и органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора. М., 2014. 195 с.
6. *Гончаров Д.Ю.* Об отличиях регулирования задержания в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве // Российский следователь. 2014. № 5. С. 49–51.
7. *Сероштан В.В.* Разрешение судом вопросов о замене наказания в случаях злостного уклонения от его отбытия и права осужденных лиц // Российский судья. 2007. № 9. С. 16–19.
8. *Якубина Ю.П.* Заключение под стражу осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания в стадии исполнения приговора // Наука и практика. 2016. № 4. С. 106–109.
9. *Свод* принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 г. // СПС КонсультантПлюс.
10. *Большой* юридический словарь. М. : Инфра-М, 2003. 961 с.
11. *Толковый* словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб. ; М., 1909. Т. 4. 1619 с.
12. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1992. 955 с.
13. *Новикова Ю.С.* Правовое состояние как категория права : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 206 с.
14. *Якубина Ю.П.* Законодательные основы, теоретические и практические проблемы применения задержания лица при осуществлении судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (45). С. 35–39.
15. *Плашевская А.А.* Уголовно–исполнительное задержание в системе мер правового принуждения // Вестник Кузбасского института. 2012. № 11. С. 49–54.
16. *Философский* энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
17. *Storck* v. Germany, § 74; Stanev v. Bulgaria [GC], § 117.
18. *Воронин О.В.* О некоторых видах принудительной изоляции от общества, известных российскому законодательству // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). С. 68–71.
19. *Конвенция* о защите прав человека и основных свобод : (заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.) // Вопросы уголовного права в международных актах: Документы Совета Европы : хрестоматия : в 3 т. Уфа, 2011. Т. 2: Документы ООН. С. 36–42.
20. *О полиции* : Федер. закон от 7 фев. 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) // СПС КонсультантПлюс.
21. *Кодекс* Российской Федерации об административных правонарушениях : принят 20 дек. 2001 г. : по сост. на 10 авг. 2017 г. // СПС КонсультантПлюс.
22. *Уголовно-процессуальный* кодекс Российской Федерации : принят 22 нояб. 2001 г. : по сост. на 01 сент. 2017 г. // СПС КонсультантПлюс.
23. *Уголовно-исполнительный* кодекс Российской Федерации : принят 18 дек. 1996 г. : по сост. на 29 июля 2017 г. // СПС КонсультантПлюс.
24. *О содержании* под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 28 дек. 2016 г.) // СПС КонсультантПлюс.

DETENTION OF CONVICTS AS A LEGAL STATUS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 170−174. DOI 10.17223/23088451/11/34
Andrey V. Simonenko, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: crim.just@mail.ru.

Keywords: detention of convicts, placement in custody, legal status.

The legal status of “detention” of convicts arises from the socially conditioned necessity to ensure that the person who committed a crime undergo punishment for what they have done. The opportunity to ensure the participation of the convict in the court session con-

sidering replacing the previous penalty with a more stringent one is one of the functions of such detention. Detention of a convict is a legal status conditioned by the need to ensure the enforcement of penalty, which is a legal means of detainees' legal existence corresponding to the legal relations they enter in connection with the Detention.

References

1. Tomsk Regional Court. (2016) *Apellyatsionnoe postanovlenie Tomskogo oblastnogo suda No. 22-696/2016 ot 7 aprelya 2016 g. po delu No. 22-696/2016* [Appeal Decision No. 22-696 / 2016 of the Tomsk Regional Court of April 7, 2016, in case No. 22-696 / 2016].
2. Bulatov, B.B. & Nikolyuk, V.V. (2014) Problemy soglasovaniya (preodoleniya konkurentsii) norm UPK RF i UIK RF [Problems of coordination (overcoming competition) of provisions of the Criminal Procedure Code and the Penal Code of the Russian FEderation code]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 12. pp. 46–50.
3. Ministry of Internal Affairs of Russia. (2005) *Order No. 950 of the Ministry of Internal Affairs of Russia of November 22, 2005, On the Approval of the Rules of Internal Order of Temporary Detention Isolators of Suspects and Accused in the Internal Affairs Bodies (amended as of October 18, 2012)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56995/. (In Russian).
4. Ministry of Justice of Russia. (2005) *Order N 189 of the Ministry of Justice of Russia of October 14, 2005: On the Approval of the Rules of Internal Order of Investigative Isolators of the Penal System (amended on May 12, 2017)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56436/. (In Russian).
5. Aleksandrova, O.P. & Budanova, L.Yu. (2014) *Pravovoe polozhenie uchrezhdeniy i organov, ispolnyayushchikh nakazaniya, na stadii ispolneniya prigovora* [The legal status of institutions and bodies executing punishment, at the stage of execution of the sentence]. Moscow: Yurlitinform.
6. Goncharov, D.Yu. (2014) Ob otlichiyakh regulirovaniya zaderzhaniya v ugolovnom, ugolovno-protsessual'nom i ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve [On differences in regulation of detainment in criminal, procedural and penal legislation]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 49–51.
7. Seroshtan, V.V. (2007) Razreshenie sudom voprosov o zamene nakazaniya v sluchayakh zlostnogo ukloneniya ot ego otbytiya i prava osuzhdennykh lits [The permission of the court to replace the sentence in cases of malicious evasion from it and the rights of convicted persons]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 9. pp. 16–19.
8. Yakubina, Yu.P. (2016) Zaklyuchenie pod strazhu osuzhdennogo, zlostno uklonyayushchegosya ot otbyvaniya nakazaniya v stadii ispolneniya prigovora [The imprisonment of a convict who maliciously evades punishment at the stage of execution of a sentence]. *Nauka i praktika*. 4. pp. 106–109.
9. The UN General Assembly. (1988) *Svod printsipov zashchity vsekh lits, podvergaemykh zaderzhaniyu ili zaklyucheniyu v kakoy by to ni bylo forme Rezolyutsiya General'noy Assamblei OON 43/173 ot 9 dekabrya 1988 g.* [Body of Principles for the Protection of All Persons under Any Form of Detention or Imprisonment. UN General Assembly Resolution 43/173 of December 9, 1988]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16960#08214634390672859.
10. Sukharev, A. Ya., Krutskikh, V.E. & Sukhareva, A.Ya. (2003) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Large Legal Dictionary]. Moscow: Infra-M.
11. Dal, V. (1909) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language]. Vol. 4. St. Petersburg; Moscow: [s.n.].
12. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az".
13. Novikova, Yu.S. (2005) *Pravovoe sostoyanie kak kategoriya prava* [Legal status as a category of law]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
14. Yakubina, Yu.P. (2016) Zakonodatel'nye osnovy, teoreticheskie i prakticheskie problemy primeneniya zaderzhaniya litsa pri osushchestvlenii sudoproizvodstva [Legislative foundations, theoretical and practical problems of the use of detention in the implementation of legal proceedings]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt–Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia*. 3(45). pp. 35–39.
15. Plashevskaya, A.A. (2012) Ugolovno–ispolnitel'noe zaderzhanie v sisteme mer pravovogo prinuzhdeniya [Penal detention in the system of legal coercion measures]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 11. pp. 49–54.
16. Ilyichov, L.F., Fedoseev, P.N., Kovalov, S.M. & Panov, V.G. (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
17. *Storck v. Germany, § 74; Stanev v. Bulgaria* [GC], § 117.
18. Voronin, O.V. (2013) On some types of compulsory isolation from society in Russian legislation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2(2). pp. 68–71. (In Russian).
19. Enikeev, Z.D., Sabirov, R.D., Sharipkulova, A.F. & Sagitdinova, Z.I. (eds) (2011) *Voprosy ugolovnogo prava v mezhdunarodnykh aktakh: Dokumenty Soveta Evropy* [Criminal Law in International Acts: Documents of the Council of Europe]. Vol. 2. Ufa: [s.n.]. pp. 36–42.
20. Russian Federation. (2011) *On Police. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 (ed. on July 29, 2017)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/. (In Russian).
21. Russian Federation. (2001a) *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh : prinyat 20 dek. 2001 g. : po sost. Na 10 avg. 2017 g.* [The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: adopted on December 20, 2001: as of August 10, 2017]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
22. Russian Federation. (2001b) *Ugolovno–protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii : prinyat 22 noyab. 2001 g. : po sost. na 01 sent. 2017 g.* [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: adopted on November 22, 2001: as of September 1, 2017]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
23. Russian Federation. (1996) *Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii : prinyat 18 dek. 1996 g.: po sost. na 29 iyulya 2017 g.* [Penal Enforcement Code of the Russian Federation: adopted on December 18, 1996: as of July 29, 2017]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/0844bcb33376fe7ba64f9de457550a2c022849f6/.
24. Russian Federation. (1995) *On the detention of suspects and persons accused of committing crimes. Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995 (amended on December 28, 2016)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7270/. (In Russian).

УДК 343.9 DOI 10.17223/23088451/11/35

О.Н. Уваров

ПРИМЕНЕНИЕ ПОНЯТИЙ «РЕГИСТРАЦИЯ» И «ЯВКА» ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЙ И МЕР, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА

Регистрация может определяться судом в двух синтаксических построениях: «являться для регистрации раз в месяц (квартал)» или «являться для регистрации раз в два (три) месяца». В первом случае должны применяться общепринятые астрономические понятия, обозначающие определенный промежуток времени, в течение которого должна быть реализована регистрация, а во втором – непосредственно время, в течение которого она должна быть реализована

Ключевые слова: *регистрация осужденных, наказания, не связанные с изоляцией от общества, уголовно-исполнительные инспекции, осужденный.*

В современной практике исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, сложились две формы выражения обязывания осужденных на посещение уголовно-исполнительной инспекции. Такие формы обозначаются терминами «регистрация» и «явка».

Порядок возложения обязанности в виде регистрации в УК РФ определяется при назначении наказания в виде ограничения свободы. В рассматриваемом аспекте УК РФ при применении других наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, на регистрацию не указывает, а кроме того, вообще не применяет дефиницию «явка». В свою очередь, УИК РФ достаточно широко использует такую терминологию. Обязываются явкой в уголовно-исполнительную инспекцию осужденные к обязательным и исправительным работам, осужденные к ограничению свободы, а также условно осужденные. Термин же «регистрация» для осужденных предусмотрен УИК РФ при ограничении свободы, исправительных работах и при условном осуждении. Следует отметить, что в содержание понятия «регистрация» вкладывается обязанность осужденного являться в уголовно-исполнительную инспекцию с определенной периодичностью самостоятельно, «явка» же реализуется по вызову. Обе указанные меры относятся к профилактическим и обязательным для исполнения осужденными, что, на наш взгляд, вполне определенно включает их в разряд правовых предписаний. В этом случае в обязательном порядке предписание-диспозиция должна обеспечиваться соответствующим предписанием-санкцией, закрепляющей негативное последствие неисполнения первой [1, с. 97].

В соответствии с УИК РФ при исполнении ограничения свободы и исправительных работ неявка для регистрации без уважительных причин прямо отнесена к нарушениям порядка и условий отбывания наказания. В случае с условным осуждением неявка для регистрации, примененной в качестве обязанности, способствующей исправлению осужденных, может быть признана систематическим неисполнением возложенных обязанностей и повлечь за собой отмену условного осуждения с исполнением наказания, назначенного приговором.

В свою очередь, неявка осужденного по вызову признается нарушением при исполнении наказаний в виде исправительных работ, ограничения свободы и при условном осуждении. При обязательных работах осужденному являться по вызову вообще «не надо». В случае исполнения ограничения свободы нарушением будет считаться неявка осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию лишь для дачи устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием наказания. А неявка по вызову, например, для проведения воспитательной или профилактической беседы к таким нарушениям отнесена быть не может.

Однако необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в перечне исполняемых уголовно-исполнительными инспекциями наказаний и мер уголовно-правового характера имеется еще, как минимум, наказание, связанное с лишением осужденного права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также отсрочка отбывания наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста. Помимо этого, имеются и ст.ст. 72.1, 82.1 УК РФ, исполнение приговоров с применением которых возложено также на уголовно-исполнительные инспекции. С такими осужденными действующее законодательство Российской Федерации обязательность проведения профилактической работы не исключает, а следовательно, не исключает и права вызывать их в целях исполнения приговора и проведения такой работы. УИК РФ, определяя основные обязанности осужденных, уже включил в их перечень обязанность являться по вызову. Эти обязанности обязательны для всех осужденных, включая и осужденных без изоляции от общества. Упоминание обязанности «являться по вызову» в частных нормах представляется достаточным при определении ответственности за ее неисполнение.

Помимо прочего, регистрировать означает записывать, отмечать с целью учета и (или) систематизации. Явиться для регистрации соответственно – явиться для записи, отметки с целью учета и (или) систематизации. Явиться же – это прийти куда-нибудь по вызову, по какой-нибудь официальной надобности [2, с. 156]. Как явка по вызову, так и явка для регистрации относятся к мероприятиям профилактической направленности, для осужденного фактически не различаются, однако вызов осужденного может реализовываться уголовно-исполнительной инспекцией самостоятельно, учитывая потребности в этом, а регистрация определяется при-

говором и (или) нормативными правовыми актами, при этом учесть потребности в явке осужденного в этом случае практически невозможно. Необходимость в таком разделении по сути одной профилактической меры объективно отсутствует. Однако применение в рассматриваемом аспекте единого понятия «явка по вызову» требует включения ее неисполнения в перечень нарушений, влекущих за собой негативные последствия для осужденного, вплоть до замены наказания либо отмены приговора с применением более сурового наказания.

В пользу предлагаемого нами решения выступает и то обстоятельство, что на практике исполнение регистрации в любом случае вызывает множество вопросов. Например, при ограничении свободы на осужденного судом возлагается обязанность являться для регистрации от одного до четырех раз в месяц. Уголовно-исполнительная инспекция устанавливает осужденному дни явки в соответствии с определенной судом периодичностью, за исключением еженедельных выходных дней, нерабочих праздничных дней, установленных законодательством Российской Федерации, а также выходных дней, определенных для инспекции в соответствии с регламентом работы (п. 18 Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом Минюста России от 11.10.2010 г. № 258). Логично, что эти дни, в случае назначения судом регистрации четыре раза в месяц, следует распределить по неделям. Однако в случае неявки осужденного в установленные уголовно-исполнительной инспекцией дни, но при самостоятельной явке его четыре раза в месяц в другие дни, будет ли это считаться нарушением? Очевидно – нет, так как осужденный не нарушал требований приговора.

За нарушение осужденным к исправительным работам порядка и условий отбывания наказания уголовно-исполнительная инспекция обязывает его до двух раз в месяц являться для регистрации. В случае если осужденный работает, то совпадение его рабочего времени с рабочим временем уголовно-исполнительной инспекции исключает такую явку, так как создает осужденному проблемы с работой. Если же осужденный не работает, то он должен вызываться в уголовно-исполнительную инспекцию с периодичностью, обеспечивающей контроль за его трудоустройством, а это явно более двух раз в месяц. Тогда назначение регистрации для осужденных к исправительным работам представляется не только целесообразным, но и вредным.

В случае с регистрацией при условном осуждении, как правило, возникает два вопроса. Во-первых, как считать периодичность регистрации, и, во-вторых, в какие дни ее проводить. Общеизвестно, что регистрация может определяться судом в двух синтаксических построениях, например «являться для регистрации раз в месяц (квартал)» или «являться для регистрации раз в два (три) месяца». В первом случае должны применяться общепринятые астрономические понятия, обозначающие определенный промежуток времени, в течение которого должна быть реализована регистрация, а во втором – непосредственно время, в течение которого она должна быть реализована. Например, если регистрация назначена ежеквартально, то она должна проводиться поквартально – в первом квартале (январь, февраль, март), втором (апрель, май, июнь), третьем и т.д. Если регистрация назначается раз в два месяца, то время между двумя последующими регистрациями не может превышать двух месяцев. При этом осужденный для регистрации может явиться в любой рабочий для уголовно-исполнительной инспекции день в рамках соответствующего периода и соответственно в любое рабочее время. Кроме того, если периодичность явки условно осужденного для регистрации не была определена судом, то указанная периодичность, а также дни явки условно осужденного устанавливаются уголовно-исполнительной инспекцией. При этом выделение для регистрации условно осужденных определенного дня в неделю либо месяц не соответствует действующему законодательству Российской Федерации, так как регистрация и в этом случае должна осуществляться тем же порядком, что и при исполнении регистрации, возложенной на условно осужденного судом. Такой вывод обусловлен тем обстоятельством, что закон, наделяя уголовно-исполнительные инспекции определенными властными полномочиями, реализует возможность их влияния на режим осуществления контроля за условно осужденными. Однако такой контроль должен осуществляться с соблюдением принципов уголовного и уголовно - исполнительного законодательства [3, с. 234].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чубраков С.В.* К вопросу об обеспечении уголовно-исполнительных предписаний // Уголовная юстиция. 2016. № 2(8). С. 97–104.
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Стереотип, 1999. 944 с.
3. *Зубков А. И.* Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / руководитель авторского коллектива и отв. ред. А.И. Зубков. М. : НОРМА, 1997. 528 с.

THE APPLICATION OF THE CONCEPTS “REGISTRATION” AND “APPEARANCE” IN THE EXECUTION OF PUNISHMENTS AND MEASURES NOT RELATED TO THE ISOLATION OF CONVICTS FROM SOCIETY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 175−177. DOI 10.17223/23088451/11/35

Oleg N. Uvarov, Office of the Federal Service for the Execution of Punishment of Russia for the Tomsk Region (Tomsk, Russia). E-mail: crim.just@mail.ru.

Keywords: registration of convicts, punishments not related to isolation from society, penitentiary inspectorates, convicts.

Registration can be determined by the court in two syntactic constructions, for instance, “to be for registration once a month (quarter)” or “to be registered every two (three) months.” In the first case, generally accepted astronomical concepts is used to indicate a certain period of time during which registration must be implemented. In the second case, it implies the time during which it must be realised. For instance, if registration is scheduled quarterly, then it must be held quarterly – in the first (January, February, March), second (April, May, June), third and fourth quarters. If registration is scheduled every two months, the time between two subsequent registrations cannot exceed two months. A convict can come to the penitentiary inspectorate for registration on any working day within the relevant period and at any time. If the frequency a probationer must come for registration was not determined by the court, then the specified periodicity, as well as the days must be established by the penitentiary inspectorate.

REFERENCES

1. Chubrakov, S.V. (2016) On the enforcement of penal orders. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2(8). pp. 97–104. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/8/15
2. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Stereotip.
3. Zubkov, A.I. (ed.) (1997) *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel’nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation]. Moscow: NORMA.

УДК 343.81 DOI 10.17223/23088451/11/36

Р.З. Усеев

МЕСТА РАЗМЕЩЕНИЯ (ПРОЖИВАНИЯ) ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Осужденный к лишению свободы в период отбывания наказания сохраняет право на жилище. Сегодня законодательство РФ четко не определяет места размещения (проживания) осужденных как жилые помещения. А уголовно-исполнительное законодательство РФ по-разному идентифицирует места сосредоточения осужденных. В результате этого в исправительных учреждениях все жилые помещения представлены множеством мест размещения (проживания) осужденных. Предлагается ряд изменений и дополнений в законодательство РФ.

Ключевые слова: *места размещения (проживания) осужденных к лишению свободы, жилые помещения, идентификация жилых помещений.*

За последнюю четверть века уголовно-исполнительным законодательством РФ урегулирован широкий спектр общественных отношений, связанных с вопросами исполнения и отбывания наказаний, а также обеспечения прав, свобод и законных интересов всех участников правоотношений в процессе реализации указанных мер государственного принуждения. Однако полемика относительно дальнейшей судьбы мест отбывания наказания, обеспечивающих изоляцию личности, получившая свое развитие в начале 10-х годов XXI в., оказалась сегодня забытой, а вместе с тем и как будто ненужной. Обсуждение проблем гармоничного сочетания идей коллективного отбывания наказания и покамерной модели обращения с осужденными сошло на нет [1, с. 68]. Правительство РФ в распоряжении от 23 сентября 2015 г. № 1877-р в силу объективных причин вовсе отказалось от перспективных типов исправительных учреждений (далее – ИУ). В результате этого разработанные в 2011 г. ФСИН России модели новых типов учреждений, а также теоретически обоснованные модели учреждений, предлагаемые научным сообществом, потеряли актуальность и значимость.

Думается, что такое статус-кво является существенным тормозом в реформировании уголовно-исполнительной системы России (далее – УИС). Функционирующие сегодня места отбывания лишения свободы и содержания под стражей со всей их природной особенностью, противоречивой историей, проблемами правового сопровождения их функционирования, архитектурой, фортификацией и комплексной безопасностью воплощают в себе один из центральных тезисов Концепции развития УИС РФ до 2020 г., согласно которому «уголовно-исполнительная система во многом сохранила черты старой пенитенциарной системы, ориентированной на другое общество». Вместе с тем автор отдает отчет в том, что развитие вопросов о новых типах ИУ возможно только при условии соответствующего финансирования. Последнее, в свою очередь, сегодня не ставит перед собой задачу по претворению в жизнь мероприятий, связанных с развитием новых (перспективных) типов ИУ.

Отсутствие четких ориентиров (в т.ч. на государственном уровне) в нашем вопросе не ставит крест на дальнейшей дискуссии и разработке перспективных моделей мест отбывания лишения свободы и содержания под стражей. В то же время мы прекрасно осознаем, что такая работа представляет целый комплекс проблем, требующих анализа и обсуждения. Одна из таких проблем – это проблемы правового регулирования мест отбывания (проживания) осужденных к лишению свободы и их идентификации.

Традиционно в литературе места отбывания (проживания) рассматривались и изучались с позиции:

1) видов ИУ;

2) конкретных территорий (субъектов РФ), в пределах которых осужденные могут отбывать лишение свободы.

Мы же предлагаем рассматривать этот вопрос в т.ч. с позиций конкретных мест сосредоточения (проживания и размещения) осужденных.

Анализ уголовно-исполнительного законодательства РФ показывает, что оно не только четко не определяет такие места, но и вовсе не делает акцент на формах содержания (изоляции) осужденных. Так, изучение разд. IV УИК РФ косвенно приводит к выводу, что основным усредненным местом содержания осужденных к лишению свободы являются, с одной стороны, камера, с другой – общежитие. В целом, это так. Выработанная веками мировая и отечественная пенитенциарная практика показывает, что сегодня изоляция личности в пенитенциарных системах разных стран осуществляется в двух формах: камерно-тюремной и концентрированной (отрядно-лагерной).

Следует отметить, что размышления над формами содержания осужденных в целом не новы, но литература за последние десятилетия не подвергала их широкому анализу. Одним из первых к этому вопросу обратился в 1990 г. В.А. Фефелов в своем труде «Концепция уголовно-исполнительной цивилизации учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы (исправительная колония или тюрьма)», в котором он концептуально подвергал анализу преимущества и недостатки исправительной колонии и тюрьмы [2]. Кроме того, наука уголовно-исполнительного права, учитывая смежность таких вопросов с элементами капитального строительства, проектирования, обслуживания зданий и сооружений, осознанно не исследует указанный спектр этих проблем [3, с. 15].

Международные нормативно-правовые акты в отличие от уголовно-исполнительного законодательства РФ делают акцент на местах отбывания (проживания) осужденных. Так, Правила Нельсона Манделы отмечают, что заключенные проживают в камерах или комнатах (правило 12 раздела «Помещения»). В то же время Европейские пенитенциарные правила 2006 г. также устанавливают места размещения (проживания) заключенных. Ими являются камеры и помещения (правило 18 раздела «Место отбытия наказания и размещение», правило 19 раздела «Гигиена»). Стоит согласиться с В.А. Уткиным, что данные международные стандарты не исчерпали гуманистического и реформаторского потенциала в самых разных сферах пенитенциарных отношений [4, с. 29].

В то же время действующий УИК РФ лишен положений, согласно которым четко были бы определены в универсальном порядке конкретные места размещения (проживания) осужденных. В связи с этим полагаем, что данная норма должна быть отражена в разд. IV УИК РФ, о которой будет указано ниже.

Международные стандарты в сфере пенитенциарных отношений делают акцент не только на конкретных местах размещения (проживания) осужденных, но и на санитарно-гигиенические требованиях с учетом климатических условий. При этом акцент делается на площади, кубатуре помещений, в которых размещаются (проживают) заключенные, освещении (искусственном и естественном), отоплении и вентиляции.

УИК РФ как основной регулятор общественных отношений по поводу и в процессе исполнения и отбывания лишения свободы не содержит таких положений. А должен был бы. Вполне очевидно, что такие положения могли бы носить бланкетный характер, поскольку указанные вопросы находятся в сфере регулирования законодательства о санитарно-гигиеническом благополучии населения. Думается, что УИК РФ мог бы расширить требования к местам размещения (проживания) осужденных, сделав акцент в виде бланкетной нормы в т. ч. на законодательстве РФ о безопасности зданий и сооружений. Во внимание можно было принять и иные отрасли законодательства РФ. Например, речь идет о законодательстве РФ о градостроительной деятельности, о пожарной безопасности и др. В связи с этим, а также с учетом положений международных стандартов представляется ошибочным включение законодателем положений части первой ст. 98 УИК РФ о нормах жилой площади на осужденных в указанную норму закона.

Думается, что формы содержания осужденных, требования к порядку оборудования, безопасности, санитарно-гигиеническому состоянию мест размещения (проживания) осужденных должны получить закрепление в отдельной норме УИК РФ. Для этого мы предлагаем разд. IV указанного закона дополнить ст. 87.0. и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 87.0. Размещение осужденных к лишению свободы и оборудование мест их проживания

1. Осужденные к лишению свободы размещаются в жилых помещениях общежитий (комнатах) и камерах (одиночных и многоместных (общих)).

2. Норма жилой площади в расчете на одного осужденного к лишению свободы в исправительных колониях не может быть менее двух квадратных метров, в тюрьмах – двух с половиной квадратных метров, в колониях, предназначенных для отбывания наказания осужденными женщинами, – трех квадратных метров, в воспитательных колониях – трех с половиной квадратных метров, в лечебных исправительных учреждениях – трех квадратных метров, в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы – пяти квадратных метров.

3. Порядок оборудования жилых помещений общежитий (комнат) и камер, в которых проживают осужденные к лишению свободы, устанавливается законодательством Российской Федерации.

4. Помещения, которыми пользуются осужденные к лишению свободы, должны отвечать санитарно-гигиеническим требованиям, требованиям безопасности и иным требованиям, установленным законодательством РФ».

По нашему мнению, выделение в самостоятельную норму УИК РФ положений о размещении осужденных к лишению свободы и сущности оборудования мест их проживания в определенной степени урегулирует их статус.

Отдельная проблема в вопросах размещения (проживания) осужденных к лишению свободы является идентификация таких мест.

Дело в том, что изолированная личность, находясь в ИУ и претерпевая определенный объем правоограничений, одновременно сохраняет право на жилище (ст. 40 Конституции РФ). Тем не менее сегодня наука исследует, а практика претворяет в жизнь это право осужденного исключительно с позиций его имущественных отношений за пределами мест лишения свободы. Право осужденных на жилище в процессе отбывания им наказания как бы не принимается во внимание. В то же время ИУ создает условия для реализации права осужденного на жилище и безопасности такого жилища (ч. 1 ст. 1 ЖК РФ). Но анализ ЖК РФ показывает, что места размещения (проживания) осужденных к лишению свободы в целом не являются установленными видами жилых помещений (ст. 16 ЖК РФ) и жилыми помещениями специализированного жилищного фонда (ст. 92 ЖК РФ). Так, подавляющее большинство осужденных содержится в жилых помещениях общежитий (комнатах) ИУ, при этом в соответствии с ч. 1 ст. 94 ЖК РФ их назначение сводится к временному проживанию граждан в период их работы, службы или обучения, но не отбывания наказания. Очевидно, что реализация указанного положения в отношении осужденных в данный момент осуществляется по аналогии (ст. 7 ЖК РФ). Думается, что в перспективе ч. 1 ст. 94 ЖК РФ должна претерпеть дополнения и представлена в следующем виде:

«1. Жилые помещения в общежитиях предназначены для временного проживания граждан в период их работы, службы или обучения, а также для размещения (проживания) лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок».

Мы уже отмечали, что отдельные категории осужденных отбывают наказание в камерах (одноместных

или многоместных). Практика показывает, что это место размещения (проживания) осужденных фактически изолирует личность на годы и даже десятилетия. Это место размещения (проживания) осужденных вовсе не находит отражение в ЖК РФ. В то же время камера обеспечивает полный жизненный цикл изолированной личности: сон, питание, личное время, отправление естественных надобностей, охрану здоровья, по возможности трудоиспользование и т.д. [5, с. 152] В связи с этим полагаем, что ЖК РФ должен быть дополнен положением, согласно которому камера как жилое помещение является структурным элементом специализированного жилищного фонда. Для этого в ЖК РФ необходимо внести ряд изменений и дополнений:

– ч. 1 ст. 92 ЖК РФ дополнить п. 9 и представить в следующей редакции:

«9) жилые помещения (камеры) для размещения (проживания) осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся под стражей»;

– включить в ЖК РФ ст. 98.2, которую представить в следующем виде:

«Статья 98.2. Назначение жилых помещений (камер) для размещения (проживания) осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся под стражей

Жилые помещения (камеры) для размещения (проживания) осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся под стражей, предназначены для проживания осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых вынесено судебное решение, и содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

Отсутствие соотношения мест размещения (проживания) осужденных в нормах УИК РФ и ЖК РФ имеет определенный негатив относительно их идентификации в нормах уголовно-исполнительного законодательская РФ и организации использования таких мест в практической деятельности при исполнении и отбывании лишения свободы. Так, в соответствии в УИК РФ все осужденные к лишению свободы во время отбывания наказания размещаются (проживают) в трех видах мест:

1) в жилых помещениях общежитий;

2) камерах;

3) местах за пределами учреждений.

Однако законодатель ввиду отсутствия единого подхода к обозначению и наименованию мест размещения (проживания) осужденных, а также недостаточного уделения внимания праву осужденного на жилище во время отбывания им наказания, в УИК РФ такие места воспроизводит произвольно. Так, по смыслу закона, только жилых помещений, аналогичных общежитию, в которых размещаются (проживают) осужденные, закон устанавливает в количестве шести видов; мест размещения (проживания) осужденных, идентичных камерным помещениям, – восемь видов; мест размещения (проживания) за пределами учреждений – пять видов.

Места размещения (проживания) осужденных к лишению свободы указаны в таблице.

Жилые помещения общежитий	**Камеры**	**Места за пределами ИУ**
Общежитие Ст.ст. 96, 115, 121, 123, 125, 133 УИК РФ	Камеры Ст.ст. 14, 127 УИК РФ	Общежитие за пределами ИУ (без охраны, но под надзором администрации учреждения) Ст. 133 УИК РФ
Специально предназначенные общежития Ст. 129 УИК РФ	Незапираемые общие камеры Ст. 77 УИК РФ	Место вне ИУ, но в пределах муниципального образования, на территории которого расположено ИУ Ст. 121 УИК РФ
Жилые помещения Ст. ст. 14, 82, 129 УИК РФ	Запираемые общие камеры Ст. 131 УИК РФ	Жилые помещения за пределами исправительной колонии Ст. 121 УИК РФ
Отдельные жилые помещения Ст. 96 УИК РФ	Одиночные камеры Ст. ст. 14, 92–94, 104, 115, 117, 118, 127, 131, 184 УИК РФ	Жилая площадь, находящаяся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение (арендованная или собственная) Ст. 129 УИК РФ
Изолированные жилые помещения Ст. 14, 133 УИК РФ	Помещения камерного типа Ст. ст. 14, 92–94, 104, 115, 117, 118, 125 УИК РФ	Общежития за пределами ИУ, но в границах, установленных администрацией ИУ по согласованию с органами местного самоуправления Ст. 96 УИК РФ
Запираемые помещения Ст. 93 УИК РФ	Единые помещения камерного типа Ст. ст. 14, 92–94, 104, 115, 117, 118 УИК РФ	
	Камеры штрафных и дисциплинарных изоляторов Ст. ст. 14, 92–94, 115–118 УИК РФ	
Безопасное место Ст. 13 УИК РФ, глава XXVII Правил внутреннего распорядка ИУ		

Такое разнообразие мест размещения (проживания) осужденных вполне объяснимо.

Развитие системы мест лишения свободы в нашей стране на протяжении XX в. осуществлялось, прежде

всего, в интересах трудоиспользования осужденных, которое сопровождалось проводимой в отношении них политико-воспитательной работой. При этом до начала 70-х годов XX в. четких требований к строительству и оборудованию ИУ в стране не было. Разработанные в 1973 г. Указания по проектированию и строительству ИТУ и военных городков войсковых частей МВД СССР (ВСН 10-73/МВД СССР), утвержденные приказом МВД СССР 20 декабря 1973 г., готовились специальными проектно-изыскательскими подразделениями в составе указанного министерства. Фактически написанные для самих себя (до 1998 г. УИС России являлась структурным подразделением МВД России), строительные нормы и правила не всегда учитывали назначение мест размещения (проживания) осужденных, гибкость условий отбывания ими лишения свободы, а также права человека в условиях изоляции. Как следствие ИТК РСФСР 1970 г., а в дальнейшем и УИК РФ 1997 г. не делал акцента на четкой идентификации мест размещения (проживания) осужденных. Отсюда, видимо, как сотрудники учреждений, так и осужденные в общении между собой даже сегодня используют категории полувековой и более давности. Например, «барак», «БУР (барак усиленного режима)» и т.д.

Думается, что законодатель в перспективе должен унифицировать все места размещения (проживания) осужденных к лишению свободы с позиции их наименования, в то время как подзаконная нормативно-правовая база должна представить четкую классификацию (в т.ч. нормативно-технического характера) таких мест. В этом аспекте положительная динамика уже имеется. Так, принятый Минстроем России в апреле 2016 г. Свод правил «Следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования» устанавливает достаточно удачные, на наш взгляд, наименования мест размещения (проживания) осужденных. Например, данный норматив под камерным помещением подразумевает: камеру, сборную камеру, карантинную камеру, камеру временного пребывания, палату медицинской части, карцер. Представляется, что подобную классификацию необходимо провести относительно ИУ с отрядно-лагерной формой содержания осужденных.

Представленные рассуждения относительно мест размещения (проживания) осужденных к лишению свободы, безусловно, нуждаются в дальнейшей проработке и анализе. Думается, что отдельные аспекты по вопросам мест размещения (проживания) осужденных должны стать предметом обсуждения и исследования. Вместе с тем в условиях деятельности российской пенитенциарной системы очевидно, что к этому вопросу рано или поздно придется обратиться, поскольку места лишения свободы все более становятся универсальными. Справедливо на этот счет отмечает В.А. Уткин, что в обозримом будущем едва ли произойдет поглощение ИУ тюрьмами, а места лишения свободы в России все больше будут воплощать в себе черты тюрьмы и колонии, превращаясь в учреждения гибридного типа [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тепляшин П.В.* Влияние международного пенитенциарного права на реформу уголовно-исполнительной системы России. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2012. 132 с.
2. *Фефелов В.А.* Концепция уголовно-исполнительной цивилизации учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы (исправительная колония или тюрьма). Рязань, 1990. 24 с.
3. *Пертли Л.Ф.* Правовое регулирование материально-бытового обеспечения осужденных в учреждениях УИС России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 27 с.
4. *Уткин В.А.* Минимальные стандартные правила ООН и смена уголовно-исполнительных парадигм // Преступление, наказание, исправление: II Международный пенитенциарный форум (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних): сб. тезисов выступлений и докладов участников (Рязань, 25–27 ноября 2015 г.) : в 8 т. Рязань, 2015. Т. 2. С. 28–32.
5. *Усеев Р.З.* Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы: теоретико-правовые и организационные аспекты. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2017. 220 с.
6. *Уткин В.А.* «Тюремный» вектор в уголовно-исполнительной системе // Отечественные записки. 2008. № 2 (41). С. 149–156.

PLACES OF ACCOMMODATION (RESIDENCE) OF PRISONERS SENTENCED TO DEPRIVATION OF LIBERTY: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND IDENTIFICATION OF LIVING QUARTERS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 178–182. DOI 10.17223/23088451/11/36

Renat Z. Useev, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Samara, Russia). E-mail: useev@rambler.ru.

Keywords: place of accommodation (residence) of prisoners sentenced to deprivation of liberty, living quarters, identification of living quarters.

A person sentenced to deprivation of liberty while serving a sentence retains the right to housing (Article 40 of the Constitution of the Russian Federation). Today, the legislation of the Russian Federation (The Housing Code of the Russian Federation, The Penal Code of the Russian Federation) does not clearly define the place of accommodation (residence) of convicts as living quarters. The penal legislation of the Russian Federation identifies the places where convicts are concentrated in a different way. As a result, all living quarters in correctional institutions are represented by a number of places of accommodation (residence) of convicts, in connection with which the author proposes a number of changes and amendments to the legislation of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Teplyashin, P.V. (2012) *Vliyanie mezhdunarodnogo penitentsiarnogo prava na reformu ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii* [Influence of the international penitentiary law on the reform of the Russian penal system]. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute.

2. Fefelov, V.A. (1990) *Kontseptsiya ugolovno-ispolnitel'noy tsivilizatsii uchrezhdeniy, ispolnyayushchikh ugolovnoe nakazanie v vide lisheniya svobody (ispravitel'naya koloniya ili tyur'ma)* [The concept of the penal civilization of institutions executing criminal punishment in the form of deprivation of liberty (a correctional colony or prison)]. Ryazan: [s.n.].
3. Pertli, L.F. (2006) *Pravovoe regulirovanie material'no-bytovogo obespecheniya osuzhdennykh v uchrezhdeniyakh UIS Rossii* [Legal regulation of material and welfare provision of convicts in the Russian penitentiary system]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
4. Utkin, V.A. (2015) [The UN Standard Minimum Rules and the Changing of Penitentiary Paradigms]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Crime, Punishment, Correction]. Proc. of the Second International Penitentiary Forum. Ryazan. November 25–27, 2015. Vol. 2. Ryazan. pp. 28–32. (In Russian).
5. Useev, R.Z. (2017) *Obespechenie bezopasnosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: teoretiko-pravovye i organizatsionnye aspekty* [Ensuring the security of the penal system: theoretical, legal and organisational aspects]. Samara: Samara Law Institute.
6. Utkin, V.A. (2008) "Tyuremnyy" vektor v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme [The "prison" vector in the penal system]. *Otechestvennye zapiski*. 2(41). pp. 149–156.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 347.963 DOI 10.17223/23088451/11/37

О.В. Воронин

О СУЩНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Раскрывается понятие, значение и содержание современного прокурорского надзора, уточняется понятие законности. Анализируются такие критерии деление прокурорского надзора на отдельные отрасли, как задачи, предмет, объект и пределы надзора. При этом отдельно выделяются общие и специальные пределы. С учетом предложенных критериев, единый прокурорский надзор делится на надзор за исполнением законов и законностью правовых актов; надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельностью и предварительное расследование; надзор за исполнением законов в местах изоляции от общества и при исполнении наказания и назначаемых судом мер принудительного характера; надзор за исполнением законов судебными приставами.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, прокуратура, законность, отрасли прокурорского надзора, объект, предмет и пределы прокурорского надзора.*

На сегодняшний день прокурорский надзор продолжает оставаться самостоятельным правовым явлением, отличным от прочих видов контрольной деятельности. Это единственный вид публичной проверочной деятельности, предполагающий правовую оценку соблюдения и исполнения законов максимально возможным кругом поднадзорных лиц, включающим в себя подавляющее большинство публичных органов, учреждений и должностных лиц. Прокурорский надзор обладает рядом сходных с контролем черт, однако его предназначение, принципы организации, формы реализации не позволяют рассматривать его как какую-либо ординарную или специфичную форму контроля. Будучи самостоятельным правовым явлением, он обладает своим специфичным содержанием, традиционно увязываемым с понятием законности.

В современной литературе законность рассматривается как правовой принцип, метод (форма) реализации государственной власти и режим (состояние) общественной жизни.

Применительно к деятельности прокуратуры подобное содержание законности формулируется в п. 2 ст. 1 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) при определении целей надзорной деятельности, заключающихся в обеспечении верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты охраняемых интересов общества и государства.

Наибольший интерес для уяснения содержания прокурорского надзора представляет законность как цель прокурорской деятельности – обеспечение режима (состояния) общественной жизни и как форма реализации публичной власти.

Обобщенное понятие законности как состояния общественных отношений означает достижение реального и активного функционирования всех нормативных факторов, призванных распространить на общественные отношения состояние их правомерности, то есть соответствия поведения поднадзорных субъектов предписаниям правовых норм, реальности и эффективности правового регулирования в целях соблюдения Конституции РФ и законов, действующих на территории России, а также обеспечения и охраны прав и свобод личности [1, с. 613]. Такой подход применим и к определению общей правовой цели надзорной деятельности, с оговоркой о том, что, во-первых, из-за специфики реализации правовых средств прокурор в большей степени не достигает, а обеспечивает функционирование этих нормативных факторов, а во-вторых, в силу установленных пределов надзора он в состоянии непосредственно обеспечить реализацию лишь тех из них, которые охватываются предметом прокурорской деятельности.

Законность как один из методов реализации публичной власти – прокурорского надзора – означает обеспечение режима законности путем осуществления наблюдения за соблюдением, исполнением и применением норм права при одновременном обеспечении соблюдения прав и свобод человека и гражданина со стороны поднадзорных органов, учреждений и должностных лиц.

Основным способом реализации прокурорского надзора выступает наблюдение, включающее в себя выявление (слежение и обнаружение) и реагирование на выявленные нарушения. Реагирование осуществляется путем восстановления нарушенной законности, предполагающего ликвидацию (устранение) негативных последствий и возвращение нарушенных общественных отношений в прежнее правомерное состояние.

Восстановление нарушенной законности осуществляется в простой и усложненной формах. В первом случае оно происходит путем применения надзорных правовых средств, предполагающих позитивное и негативное обязывание поднадзорных лиц устранить нарушения и вернуть нарушенные отношения в прежнее правомерное состояние. Основная задача в этом случае заключается в оперативном восстановлении

состояния правомерности без инициирования более сложной правоприменительной деятельности. Во втором – происходит возбуждение административных, судебных и прочих производств в силу того, что перед прокурором возникают препятствия в восстановительной деятельности. Соответственно появляется дополнительная цель – обеспечить принудительную реализацию прокурорской власти, направленную на восстановление нарушенной законности. Вместе с тем их появление при нормальном протекании восстановительной деятельности не является обязательным. Поэтому под восстановлением законности следует понимать, прежде всего, деятельность прокурора, направленную на возвращение нарушенных общественных отношений в прежнее состояние правомерности с помощью прокурорско-надзорных правовых средств. Восстановление законности в усложненной форме (с помощью реализации процессуальных и административных полномочий) представляет частный случай прокурорского реагирования и не может служить его сущностной характеристикой в целом.

В литературе единый прокурорский надзор принято разграничивать на отдельные отрасли. Вместе с тем в настоящий момент встречаются попытки пересмотра традиционного представления об отраслевой специализации надзорной деятельности. При этом спектр мнений весьма широк: от традиционного признания до полного отказа от такого подхода. То, что прокурорская деятельность по своей форме и содержанию различается, не вызывает сомнений, и в этой связи абсолютно оправдано признавать наличие в структуре современного прокурорского надзора отдельных самостоятельных направлений – отраслей надзора. Другой вопрос, с учетом современных реалий, насколько оправдано использование традиционного термина и критериев деления на отрасли.

Использование термина «отрасль» может показаться несколько архаичным. Однако, принимая во внимание, что включение его в научный оборот является методологическим приемом для подчеркивания условного характера деления прокурорского надзора на отрасли, представляется возможным его использование в традиционном смысле. Кроме того, такой подход частично реализован в действующем Законе о прокуратуре (ч. 2 ст. 1, гл. 1−4).

Практически все авторы, выделяя отдельные отрасли, подчеркивают то, что это специализированная деятельность в рамках единого прокурорского надзора, имеющая свои цели (задачи), предмет (объект) и правовые средства [2, с. 20–21].

Вопрос о содержании и соотношении объекта и предмета прокурорского надзора является одним из наиболее сложных. Достаточно часто под объектом понимают деятельность поднадзорных органов и лиц, законность поднадзорной деятельности, правовое поведение поднадзорных субъектов, сами поднадзорные органы и лица. В свою очередь, предмет отождествляют с объектом, деятельностью поднадзорных органов и лиц, исполнением, соблюдением и соответствием законам, или ограничивают содержание этого понятия актами и действиями органов и лиц, входящих в предмет надзора. Наиболее аргументированной является позиция о том, что объект – это деятельность поднадзорных органов и лиц. В Законе о прокуратуре он определяется перечневым методом путем указания на конкретные органы, учреждения и должностные лица, охватываемые прокурорским надзором в рамках той или иной отрасли. В этой связи спор о том, что входит в объект надзора – деятельность или ее субъекты, – не имеет принципиального значения и практически может быть сведен в юридико-лингвистическую плоскость. Поскольку категория «предмет» по сравнению с объектом носит более конкретный характер, представляется возможным разделить мнение об ограничении ее содержания актами и действиями (поведением) поднадзорных органов и лиц как фактическими формами выражения их деятельности.

Установление задач наряду с выделением объекта (предмета) невозможно без определения пределов прокурорского надзора. Как правило, под ними понимаются границы как внутриотраслевого деления, так и внешнего отграничения прокурорского надзора от иной деятельности в целом. В этой связи принято выделять общие и специальные пределы.

Первые закрепляются в ст. 21 Закона о прокуратуре и выражаются в:

а) запрете вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных органов и лиц;

б) запрете подменять в ходе осуществления надзора иные государственные органы и учреждения;

в) требовании проводить прокурорские проверки только по поступившей в органы прокуратуры информации о допущенных нарушениях закона.

Фактически, эти общие пределы обеспечивают самостоятельность прокурорского надзора как отдельного правового явления, поскольку не позволяют ему слиться с управленческо-распорядительной и административно-контрольной деятельностью иных публичных органов и учреждений.

В свою очередь, специальные пределы служат для уточнения содержания надзора в рамках конкретных отраслей. Вопрос об их содержании и количестве спорный. Некоторые из них устанавливаются в Законе о прокуратуре – пределы надзора по кругу лиц (субъектов) и актов (ст.ст. 21, 26, 29, 32). Другие вытекают из смысла Закона о прокуратуре или являются результатом системного толкования норм действующего законодательства.

Установление пределов прокурорского надзора по кругу лиц строится на обособлении деятельности отдельных органов, учреждений и должностных лиц, а также правовых норм (институтов), регулирующих их деятельность. Ранее во внимание также принималась их отраслевая (институциональная) принадлежность. В настоящее время этот критерий хотя и не утрачивает полного значения, тем не менее не играет приоритетной роли. Уточненными критериями для определения пределов по кругу поднадзорных лиц выступают:

– существование совокупности органов, учреждений и должностных лиц, обладающих схожей направленностью деятельности, выражающейся в близких по своему содержанию целях и возложенных на них функциях;

– высокая степень автономности и довольно продолжительный период функционирования их в таком качестве;

– наличие отдельных правовых институтов, регулирующих их деятельность.

Первые два признака позволяют сгруппировать отдельные органы, учреждения и должностные лица в исторически сложившиеся самостоятельные системы, входящие в предмет прокурорского надзора, и с учетом второго критерия – специфики правового регулирования их деятельности – подразделить на отдельные отрасли.

Традиционно к указанным системам органов относятся: органы публичного управления, предварительного расследования и раскрытия преступлений, а также уголовно-исполнительная (пенитенциарная) система. Кроме того, указанные критерии позволяют включить в качестве самостоятельного элемента также органы, учреждения и должностных лиц, осуществляющих принудительно исполнение судебных решений, – судебных приставов.

Предел по кругу лиц традиционно является определяющим при решении вопроса о разграничении прокурорского надзора на отрасли.

Относительно содержания предела по кругу актов (иерархичности [3, с. 157]) в литературе также нет единства мнений. По мнению одних ученых, этот круг актов исчерпывается исключительно законами [4, с. 38], другие полагают, что он включает в себя наряду с законами также подзаконные нормативно-правовые акты [5, с. 69]. Первые исходят из буквального толкования Закона о прокуратуре, устанавливающего, что прокуратура осуществляет надзор за «соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на ее территории». Вторые опираются на сложившуюся практику регулирования прокурорской деятельности, когда наиболее важные вопросы регулируются не только законами, но и иными актами, обладающими не меньшей юридической силой.

Пределы по актам определяются применительно к каждой отрасли прокурорского надзора отдельно. В этом заключается их смысл как одного из критериев выделения отраслей прокурорского надзора. За основу берутся прямые предписания Закона о прокуратуре и сложившаяся практика регулирования деятельности поднадзорных лиц. Применительно к надзору за исполнением законов и законностью правовых актов в качестве пределов выступают только акты высшей юридической силы – Конституция РФ, законы, действующие на территории России, и квазизаконы [5, с. 68–76]. В других отраслях – также иные нормативно-правовые акты, когда это допускает Закон о прокуратуре. Например, ч. 2 ст. 32 этого Закона устанавливает, что прокурор осуществляет надзор за соблюдением установленных *законодательством* (курсив наш. – *О.В.*) прав и обязанностей лиц, находящихся в изоляции от общества. Таким образом, используется обобщающий термин, определяющий все виды актов. Другими словами, применительно к этой отрасли устанавливаются более широкие пределы по кругу актов, входящих в предмет надзора.

Прокурорский надзор во всех отраслях в обязательном порядке включает в себя наблюдение за соблюдением и исполнением требований, содержащихся в актах высшей юридической силы (Конституции РФ, законах). В этом смысле можно вести речь о совпадении указанного предела во всех отраслях, что позволяет рассматривать его в качестве самостоятельного критерия. Однако несовпадение по конкретным видам актов не позволяет использовать его в качестве универсального критерия, поэтому его применение в отличие от предыдущего носит производный характер.

В литературе в качестве третьего критерия отраслевого деления предлагается использовать характер прокурорского надзора [6, с. 128], полномочия прокурора [7, с. 86] или правовые средства прокурорского надзора. Во всех случаях речь идет о содержании прокурорского надзора в рамках его отдельных отраслей. Оно различно, однако едва ли стоит признавать такую специфику в качестве самостоятельного критерия. Состояние поднадзорной среды определяет характер прокурорского надзора в отраслях, а не наоборот. Использование этого критерия имело смысл, когда деление прокурорского надзора на отрасли представляло собой фактическую специализацию общего надзора. В этом случае специфика правовых средств внутри единого надзора могла служить дополнительным основанием дифференциации надзора. В настоящий момент прокурорский надзор в большей степени представляет собой элемент сдерживания деятельности иных публичных органов и лиц, поэтому приоритетное значение имеет не характер связи с поднадзорными лицами, а определение возможных правовых сфер его вторжения. В этой связи более продуктивно уточнять пределы надзора по кругу правоотношений, на которых основана деятельность входящих в предмет надзора лиц.

Правовой характер прокурорского надзора заключается в юридической оценке деятельности поднадзорных лиц. Её может получить только юридически значимая поднадзорная деятельность, основанная на конкретных правоотношениях.

В этой связи необходимо уточнить предмет прокурорского надзора по кругу правоотношений, на которых основана деятельность поднадзорных лиц. Этот предел, с одной стороны, выделяет деятельность, подпадающую под правовую оценку, с другой – из правоотношений, на которых она основана, определяет те, которые устанавливают пределы прокурорского надзора в рамках конкретной отрасли.

Пределы предмета надзора по кругу правоотношений определяются двумя способами: 1) путем прямого указания закона; 2) с помощью системного толкования норм действующего законодательства, регулирующего осуществление прокурорского надзора в рамках конкретной отрасли. Эти критерии могут применяться как совокупно, так и по отдельности.

Например, при установлении круга правоотношений, входящих в предмет прокурорского надзора в рамках отрасли надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование, применительно к деятельности следователей и дознавателей

законодатель устанавливает, что предметом надзора охватывается лишь процессуальная деятельность, то есть только возникающая на основе уголовно-процессуальных отношений (ст. 37 УПК РФ). Другим примером служит подход, когда системное толкование норм, регулирующих реализацию надзора за исполнением законов и законностью правовых актов, ограничивает пределы по кругу правоотношений наблюдением за деятельностью, основанной на регулятивных и охранительных правоотношениях, и исключает деятельность, базирующуюся на диспозитивных отношениях.

Определяя пределы надзора по кругу правоотношений, едва ли стоит исходить сугубо из отраслевой принадлежности правовых норм, поскольку в этом случае фактически происходит дублирование с одним из критериев первого предела (характером правовых институтов, регулирующих деятельность поднадзорных лиц). Акцент следует делать на специфике и содержании правоотношений.

Принципиальное значение при анализе правоотношений, на основе которых возникает деятельность поднадзорных органов и учреждений, имеют два момента: 1) их состав – одним из участников правоотношения должно быть поднадзорное прокуратуре лицо и 2) характер связи между его участниками – отсутствие равноправия. Первый признак вытекает из действия первого предела – уточнения предмета надзора по кругу субъектов, второй – является результатом анализа содержания прокурорской деятельности. В предмет прокурорского надзора в этом случае должна включаться деятельность, основанная на правоотношениях, в которых:

– один из участников находится в зависимом или неравном по отношению к поднадзорному лицу положении;

– поднадзорные лица обладают возможностями по существенному ограничению правового положения иных участников правоотношения;

– эти возможности могут быть реализованы в обычном (неохранительном) порядке;

– применительно к этим правоотношениям не устанавливается судебный или иной исключительный порядок охраны и защиты.

Предложенные критерии – возможность существенного ограничения правового положения зависимых лиц в ходе обычной деятельности поднадзорных органов и учреждений – вытекают из роли прокуратуры в обеспечении законности, а также провозглашенных правовых приоритетов. Признание содержанием законности обеспечения правового положения личности актуализирует прокурорский надзор в тех сферах общественной и государственной жизни, где существует потенциальная опасность умаления прав и свобод человека. К их числу относятся все виды публичной деятельности, предусматривающие любые виды ограничений правового положения личности, а также случаи, когда реализация конкретных правовых возможностей человека и гражданина зависит от усмотрения публичного лица или же это лицо обязано совершить определенные действия для предоставления или реализации гражданином конкретной правовой возможности в обычном порядке в ходе осуществления своих обязанностей.

Проиллюстрируем эти выводы на примере. Согласно ст. 21 Закона о прокуратуре, в предмет прокурорского надзора входит деятельность органов управления и руководителей коммерческих организаций. По своему характеру она может быть различна и включать в себя хозяйственную, коммерческую, управленческую и иные виды деятельности. В свою очередь, юридически они могут быть основаны на гражданских, административных, трудовых и прочих правовых отношениях.

С учетом первых двух пределов (по кругу лиц и актов), все виды указанной деятельности должны быть охвачены предметом прокурорского надзора. Однако на самом деле это не так. Используя третий критерий, в предмет прокурорского надзора будет включена только та деятельность, которая может получить правовую оценку, то есть основанная на конкретных правоотношениях. Статья 1 ГК РФ исключает из предмета прокурорского надзора наблюдение за гражданско-правовыми отношениями, предоставляя им исключительный судебный порядок защиты. К тому же этот вид деятельности, согласно этой же статье, исключает какое-либо зависимое положение участников, поскольку основывается на признании равенства участников и недопустимости произвольного вмешательства. В этой связи деятельность, основанная на этих правоотношениях, не будет входить в предмет прокурорского надзора. Поэтому из предмета надзора должна быть исключена коммерческая деятельность органов управления и руководителей коммерческих организаций. Оставшаяся деятельность по своей природе различна, так как основывается на разных правовых отношениях. Определять ее, уточняя пределы по отраслевому характеру правоотношений, возможно, но не продуктивно. Более правильно использовать предложенные критерии и сразу же выделить конкретные виды правоотношений, где один из субъектов является поднадзорным лицом и одновременно находится в приоритетном правовом положении по отношению к иным участникам правоотношения. В приводимом примере это будет деятельность, основанная на трудовых, административных и прочих правоотношениях, где одним из субъектов выступает орган управления или руководитель коммерческой организации, а вторым – любой зависимый субъект: работник, трудовой коллектив и т.п. Наблюдение за ней войдет в предмет прокурорского надзора. Аналогичный подход применим и к другим отраслям прокурорского надзора.

Предел по кругу правоотношений является самостоятельным, однако его применение носит вторичный характер по отношению к первым двум критериям. Его значение заключается в уточнении действия прокурорского надзора относительно предварительно определенного круга поднадзорных лиц и нормативно-правовых актов. Методологическая природа не позволяет использовать его в другом качестве. Применение этого критерия приобретает особую актуальность в условиях динамично развивающегося законодательства и дальнейшего государственно-правового реформирования, поскольку позволяет уточнять предмет

надзорной деятельности в рамках традиционных отраслей даже в случае изменения характера правового регулирования деятельности поднадзорных лиц.

Приведенные пределы позволяют выделить следующие отрасли прокурорского надзора: за исполнением законов и законностью правовых актов; за исполнением законов органами, осуществляющими дознание, предварительное следствие и оперативно-розыскную деятельность; за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания и назначенные судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу; исполнением законов судебными приставами.

Вместе с тем под эти критерии не подпадает прокурорская деятельность, направленная на обеспечение правового положения личности. В частности, прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Современная прокуратура осуществляет несколько видов деятельности, связанных с обеспечением правового положения личности. Обобщая существующие подходы, можно выделить два самостоятельных направления: 1) прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и 2) правозащитную прокурорскую деятельность. Указанные направления различаются по содержанию и формам реализации. Критериями выступают основная направленность правообеспечительной прокурорской деятельности и функции прокуратуры, через которые они реализуются.

Традиционно обеспечение правового положения личности состоит из охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. В общем виде охрана заключается в поддержании состояния беспрепятственного осуществления прав и свобод, в создании условий для их реализации. Защита, в свою очередь, представляет собой деятельность, возникающую при посягательстве на правовое положение личности и заключающуюся в восстановлении прежнего правомерного состояния.

Применительно к прокурорской деятельности охрана выражается в предупреждении возможного нарушения правового положения личности, наблюдении за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также готовности реагировать на возможное нарушение. В таком понимании эта деятельность входит в содержание прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, однако этим не исчерпывается. В свою очередь, защита нарушенных прав и свобод, осуществляемая различными средствами прокурорского реагирования, составляет правозащитное направление прокурорской деятельности. Она осуществляется как путем применения прокурорско-надзорных средств, так и с помощью реализации иных восстановительных возможностей.

Подобное деление условно в силу того, что конкретное прокурорское производство может протекать как в форме охранительной, так и восстановительной деятельности, являться отражением реализации нескольких функций прокуратуры и предусматривать реализацию различных средств прокурорского реагирования. Однако, если взять за основу направленность деятельности и форму ее осуществления, то возможно выделить деятельность прокурора, где основной задачей будет являться создание условий для реализации правового положения личности – прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, и деятельность, направленную на защиту нарушенных прав личности – правозащитная деятельность прокурора. При этом первое направление будет реализовываться исключительно в форме прокурорского надзора, второе – в рамках всех функций прокуратуры. С учетом того, что прокурорский надзор является определяющей функцией прокуратуры, можно заключить, что правозащитная деятельность носит вторичный характер.

Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина образует два вида деятельности: самостоятельную отрасль и отдельные направления, связанные с обеспечением правового положения личности в рамках прочих отраслей прокурорского надзора.

Достаточно распространенной является позиция, согласно которой надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина наряду с надзором за исполнением законов рассматривается в качестве составной части (подотрасли) «общего надзора» [5, с. 22–25].

Появление гл. 2 разд. III Закона о прокуратуре – «Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина» – обусловило определение природы и места данной деятельности в структуре современного прокурорского надзора. По своему характеру данный вид прокурорской деятельности ближе всего стоит к надзору за соблюдением законов и законностью правовых актов, однако их объединение возможно только путем реанимирования такой категории, как «общий надзор». Вместе с тем утрата прокурорским надзором высшего и всеобъемлющего характера делает использование этого методологического приема недопустимым в современных условиях.

Признание обеспечения прав и свобод человека неотъемлемым элементом законности обусловливает обособление прокурорской деятельности, направленной на его достижение, на соответствующем уровне. Применительно к системе прокурорского надзора, основанной на отраслевом делении, это достигается путем выделения самостоятельной отрасли. Поэтому справедливым представляется суждение о том, что придание этой деятельности отраслевого характера обусловлено субъективными мотивами законодателя, приложенными к сложившейся национальной модели организации прокурорской деятельности.

При таком подходе ранее приведенная система критериев деления отраслей действует не в полной мере. Она совпадает лишь при уточнении общих пределов и по кругу лиц. Предел же по актам заменяется пределом по кругу источников, закрепляющих права и свободы человека и гражданина. Хотя в последнем случае он фактически совпадает с пределом по актам с надзором за соблюдением законов и законностью правовых актов, сам критерий, используемый законодателем, является иным.

Существует мнение, что поскольку соблюдение прав и свобод человека и гражданина составляет пред-

мет всех отраслей прокурорского надзора, данная деятельность не может считаться самостоятельной отраслью, а представляет собой один из уровней (пределов) прокурорского надзора [8, с. 110]. В рамках каждой из отраслей можно выделить отдельный вид, связанный с обеспечением правового положения личности. Однако в данном случае соблюдение прав и свобод человека и гражданина осуществляется в определенных сферах общественных отношений в ходе деятельности конкретных поднадзорных лиц. Поэтому более правильно определять данную деятельность в качестве обеспечения правового положения личности в рамках отдельных отраслей.

В предмет отдельной отрасли прокурорского надзора – надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина – входит обеспечение тех прав и свобод, наблюдение за которыми не охватывается предметами иных отраслей. Надзор за их соблюдением является отраслевой задачей, а их наличие образует отдельный предмет. Фактическое содержание надзора заключается в наблюдении за соблюдением общего правового положения человека и гражданина, устанавливаемого общепринятыми международными нормами, ратифицированными международными договорами, Конституцией РФ и иными законами, действующими на территории РФ. Эта отрасль обладает отдельным инструментарием правовых средств, устанавливаемым ст. 27 Закона о прокуратуре. Предметом прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в отдельных отраслях выступает наблюдение за соблюдением специальных прав и свобод лиц, вовлеченных в деятельность поднадзорных органов и учреждений. В этом случае используются правовые средства, которыми располагает прокурор в рамках конкретных отраслей прокурорского надзора.

Таким образом, основываясь на отраслевом делении современной прокурорской деятельности и учитывая рассмотренные критерии, можно выделить самостоятельную отрасль прокурорского надзора – надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Наличие нескольких направлений, связанных с обеспечением правового положения личности, позволяет некоторым ученым вести речь о реализации отечественной прокуратурой отдельной правообеспечительной или правозащитной функции [9, с. 18].

Для того чтобы признать правообеспечительную или правозащитную деятельность в качестве отдельной функции, необходимо, чтобы они обладали единым содержанием и формой реализации. Как было показано выше, эти виды деятельности имеют неодинаковое правовое содержание и реализуются в рамках различных функций. Кроме того, специфика правозащитной (правообеспечительной) деятельности прокуратуры заключается в том, что она носит производный от прокурорского надзора характер. Поэтому ни правообеспечение, ни правозащита не являются теми видами деятельности, которые отражают сущностную природу современных прокурорских органов. В этой связи не стоит определять их в качестве отдельных функций современной прокуратуры. В определенном смысле можно вести речь об осуществлении прокуратурой отдельного вида правообеспечительной деятельности, но только на уровне обобщающего понятия.

Наличие различных критериев при определении структуры и содержания современной прокурорской деятельности актуализирует вопрос о соотношении существующих отраслей прокурорского надзора. Ранее, как отмечалось выше, с учетом высшего и всеобъемлющего характера прокурорского надзора этот вопрос разрешался путем выстраивания пирамиды надзора. Основу пирамиды составлял общий надзор, носивший фундаментальный характер по отношению к иным отраслям, представлявшим собой фактическую специализацию общего надзора. При этом существовало мнение о преломлении одних отраслей в другие в ходе фактической прокурорской деятельности.

В настоящий момент ни одна из отраслей прокурорского надзора не может считаться определяющей, поскольку нет универсальных критериев их выделения, поэтому невозможно выстроить их иерархичную систему или определить принципы их взаимодействия. Это значит, что содержание прокурорского надзора в рамках одной отрасли не может определять таковое в рамках другой. В этой связи правовое регулирование прокурорской деятельности в рамках конкретных отраслей должно носить полностью самостоятельный характер, т.е. предмет, пределы и правовые средства надзора должны в каждом случае определяться исчерпывающим способом отдельно применительно к каждой отрасли прокурорского надзора.

Что же касается отраслевого преломления в ходе фактической деятельности, то преломляться и перетекать из одного направления в другое может конкретный вид прокурорской деятельности (например, отдельное производство). Отрасли, будучи абстрактными конструкциями, остаются, так же как и функции, неизменными, поскольку служат формами отражения указанных видов прокурорской деятельности. В этой связи вести речь о перетекании одной отрасли в другую не совсем корректно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сырых В.М.* Теория государства и права : учебник. М. : Юстицинформ, 2001. 591 с.
2. *Мелкумов В.Г.* Вопросы теории и практики общего надзора прокуратуры. Душанбе : ИРФОН, 1965. 202 с.
3. *Рябцев В.П.* Прокурорский надзор : курс лекций. М. : Норма, 2006. 287 с.
4. *Бессарабов В.Г.* Прокурорский надзор : учебник. М. : Проспект, 2006. 536 с.
5. *Казарина А.Х.* Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности). М. : Генеральная прокуратура РФ, Институт повышения квалификации руководящих кадров, 2005. 280 с.
6. *Мелкумов В.Г.* Советская прокуратура и проблемы общего надзора. Душанбе : ИРФОН, 1970. 243 с.
7. *Спиридонов Б.М.* Понятие отрасли прокурорского надзора // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. М. : МГУ, 1973. 204 с.

8. *Крюков В.Ф.* Курс лекций по прокурорскому надзору в Российской Федерации. Курск : ГУ ИПП, 2000. 464 с.
9. *Бессарабов В.Г.* Правозащитная деятельность российской прокуратуры (1722−2002 гг.): история события, люди. М., 2003. 416 с.

ON MODERN PROSECUTOR'S SUPERVISION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 183−189. DOI 10.17223/23088451/11/37
Oleg V. Voronin, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: crim.just@mail.ru.

Keywords: prosecutor's supervision, prosecutor's office, legality, branches of prosecutors' supervision, object, subject and limits of prosecutor's supervision.

Prosecutor's supervision is an independent legal phenomenon, distinct from other types of control activity. This is the only type of public activity that has its own special content, which forms legality as a goal, means and principle of prosecutorial activity. The necessary element of the modern content of legality is the provision of human and citizen rights and freedoms. The main way to implement prosecutor's supervision is surveillance, which includes identifying and responding to identified violations. The response is carried out by restoring the violated law, presupposing the elimination of negative consequences and the return of disturbed social relations to the previous lawful state. Restoration of the violated legality is carried out using supervisory means and with the help of initiating a more complex law enforcement activity – the initiation of administrative, judicial and other proceedings. Restoration of legality in a complicated form is a special case of the prosecutor's response. The unified prosecutor's supervision is divided into separate branches. Each branch has its own subject of prosecutor's supervision, which refers to acts and actions (behaviour) of supervised bodies, institutions and officials as an actual expression of their activities. The subjects are determined for each branch separately by specifying the limits of supervision: by the circle of persons whose activities are included in the subject of prosecutor's supervision, and legal relations from which the activities of supervised persons arise. The limit on the circle of supervised persons is the main one. It consists of limiting supervision to the activity of an autonomous set of bodies, institutions and officials with similar goals and functions and the same legal regulation. The limit on the range of acts is independent, but does not have a high degree of universality as the previous one and is defined as an aggregate of normative legal acts, the execution of which is supervised by the prosecutor within specific branches. For each branch, it is determined separately. The limit on the circle of legal relations is determined by direct indication of the law or by clarifying the nature of legal relations. In the latter case, the subject of supervision includes legal relations arising in the course of activities of supervised persons in which there is a possibility of a significant restriction of the legal status of dependent participants, or when the latter are in some dependence on supervised persons. Taking into account the identified criteria, the prosecutor's supervision falls into the following branches: supervision over the execution of laws and legality of legal acts; surveillance over human and civil rights and freedoms; supervision of the execution of laws by bodies conducting operational search activities and preliminary investigation; supervision over the execution of laws in places of isolation from society and in the enforcement of punishment and measures of a forced nature appointed by the court; supervision of the execution of laws by bailiffs.

REFERENCES

1. Syrykh, V.M. (2001) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yustitsinform.
2. Melkumov, V.G. (1965) *Voprosy teorii i praktiki obshchego nadzora prokuratury* [Problems of theory and practice of general supervision of the prosecutor's office]. Dushanbe: IRFON.
3. Ryabtsev, V.P. (2006) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's Supervision]. Moscow: Norma.
4. Bessarabov, V.G. (2006) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's Supervision]. Moscow: Prospekt.
5. Kazarina, A.Kh. (2005) *Predmet i predely prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov (sfera predprinimatel'skoy i inoy ekonomicheskoy deyatel'nosti)* [The subject and limits of prosecutor's supervision over the execution of laws (the scope of entrepreneurial and other economic activities)]. Moscow: General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Institute for Advanced Training of Leaders.
6. Melkumov, V.G. (1970) *Sovetskaya prokuratura i problemy obshchego nadzora* [The Soviet Prosecutor's Office and the Problems of General Supervision]. Dushanbe: IRFON.
7. Spiridonov, B.M. (1973) Ponyatie otrasli prokurorskogo nadzora [The concept of branch of the prosecutor's supervision]. In: Spiridonov, B.M. et al. *Sovershenstvovanie prokurorskogo nadzora v SSSR* [Improvement of the prosecutor's supervision in the USSR]. Moscow: Moscow State University.
8. Kryukov, V.F. (2000) *Kurs lektsiy po prokurorskomu nadzoru v Rossiyskoy Federatsii* [Lectures on prosecutorial supervision in the Russian Federation]. Kursk: GU IPP.
9. Bessarabov, V.G. (2003) *Pravozashchitnaya deyatel'nost' rossiyskoy prokuratury (1722−2002 gg.): istoriya sobytiya, lyudi* [Advocacy of the Russian Prosecutor's Office (1722–2002): History, events, people]. Moscow: Spark.

УДК 347.963 DOI 10.17223/23088451/11/38

А.Ю. Мариничева

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ В СВЯЗИ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ИМИ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Рассматривается проблема получения вознаграждения прокурорскими работникам в связи с их служебной деятельностью вне рамок протокольных мероприятий. С учетом положительного опыта зарубежных стран в целях обеспечения стабильности прохождения прокурорской службы и соблюдения запретов и ограничений, с ней связанных, предлагается на ведомственном уровне создать механизм обращения в специальные фонды даров, принесенных прокурорским работникам вне рамок протокольных мероприятий в связи с исполнением ими служебных обязанностей.

Ключевые слова: *прокуратура, прокурор, прокурорский работник, прокурорская служба, протокольное мероприятие, подарок, вознаграждение, ограничения и запреты, связанные с прохождением прокурорской службы, профилактика коррупции.*

Действующее законодательство устанавливает запрет на получение прокурорскими работниками подарков от физических (юридических) лиц в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, за исключением подарков, полученных в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением служебных обязанностей.

Вместе с тем ст. 575 ГК РФ допускает возможность принятия обычного подарка государственными служащими в связи с исполнением ими служебных обязанностей, стоимость которого не превышает трех тысяч рублей. Поскольку прокурорские работники относятся к государственным служащим, возникает вопрос о правомерности принятия ими подобного рода даров.

Генеральным прокурором РФ 1 февраля 2017 г. издан приказ № 59 (далее – Приказ), утверждающий Положение «О сообщении федеральными государственными служащими и иными работниками органов и организаций прокуратуры РФ о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдаче и оценке подарка, реализации (выкупе) и зачислении средств, врученных от его реализации» (далее – Положение), в котором регламентируется процедура уведомления, сдачи и выкупа даров прокурорских работников, полученных ими в ходе протокольных мероприятий.

В Положении установлен порядок сообщения прокурорскими работниками о принятии подарка при указанных обстоятельствах, период уведомления, процедура сдачи и оценки, орган (комиссия) по рассмотрению данного вопроса, ответственность за утрату и повреждение, а также порядок выкупа такого подарка. Положение соответствует Постановлению Правительства РФ № 10 от 09.01.2014 г. «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачислении средств, вырученных от его реализации».

Принятие подобной директивы Генерального прокурора РФ вызывает поддержку и соответствует политическому тренду борьбы и противодействия коррупции. Дополнительную актуальность придает также то, что прокуратура на сегодняшний день является одним из ключевых органов, осуществляющих профилактику коррупции на национальном уровне. Однако принятие подобных актов не снимает дискуссионный характер проблемы получения даров прокурорскими работниками в связи с выполнением ими служебных обязанностей.

Существует мнение, что государственные служащие, независимо от специфики их статуса, могут получать подарки в связи с их должностным положением и служебной деятельностью стоимостью не более трех тысяч рублей [1, с. 44]. Другие авторы, напротив, выступают за полный запрет независимо от стоимости и мотивов дарения [2, с. 172]. Третьи полагают, что возможно принятие даров в некоторых случаях, но с последующим обязательным обращением их в специальные государственные фонды.

Представляется, что применительно к прокурорским работникам разрешить обозначенную проблему можно путем ответа на следующие вопросы:

Могут ли прокурорские работники получать подарки в связи со своей служебной деятельностью вне рамок протокольных мероприятий? И могут ли они получать подобные дары в рамках протокольных мероприятий?

Полагаем, что на первый вопрос необходимо дать однозначный отрицательный ответ.

Несмотря на то, что работники прокуратуры действительно относятся к категории государственных служащих, тем не менее они обладают специальными статусом, отличным от прочих чиновников. Специфика их правового положения прежде всего обусловливается особенностями российской прокуратуры. Отечественная прокуратура относится к числу правоохранительных органов, и в этой связи законодателем обоснованно устанавливаются дополнительные требования, ограничения и запреты, связанные с прохождением прокурорской службы по сравнению с прочей государственной службой [3, с. 112]. Поэтому применение «общих» норм, в том числе ст. 575 ГК РФ в этом слу-

чае не всегда оправдано: гражданское законодательство призвано регулировать эти вопросы лишь в той части, в которой они не урегулированы специальным законодательством – Законом РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), который, в свою очередь, устанавливает прямой запрет на принятие каких-либо даров независимо от их стоимости. Поэтому положения ст. 575 ГК РФ в этой части, на наш взгляд, не должны распространяться на прокурорских работников.

Что же касается проблемы получения даров в ходе протокольных мероприятий, то в этом случае такой однозначный подход едва ли оправдан: деловой этикет, национальные традиции и различные официальные протоколы очень часто предусматривают вручение ценных подарков в целях развития и укрепления профессионального, служебного и должностного взаимодействия и сотрудничества. Поэтому отказ от их получения при указанных обстоятельствах не всегда уместен, а значит, у прокурорских работников должна быть легальная возможность получения дара в ходе протокольного мероприятия, но с последующим обязательным обращением его в специальный фонд. В этой связи принятие Положения служит адекватным отражением сложившихся отношений и органически вписывается в широко распространенную практику правового регулирования данной проблемы.

Вместе с тем в реальной жизни исключить случаи поднесения подарков прокурорским работникам в связи с их служебной деятельность вне рамок протокольных мероприятий довольно сложно. Возможны подобные ситуации, возникающие независимо от воли и поведения самих сотрудников (например, оставление ценных вещей в качестве дара в помещении прокуратуры без ведома работника). Можно ли в этом случае использовать предложенный Положением механизм обращения таких даров в специальные фонды?

Буквальное толкование требований Положения не позволяют прийти к такому выводу, однако, несмотря на это, аналогичный механизм все же должен существовать: у добросовестного работника прокуратуры должен быть законный способ выхода из конфликтной ситуации, сложившейся в связи с поднесением ему дара не по его воле и желанию. Поэтому считаем возможным дополнение профильных директив Генерального прокурора РФ положениями об обращении даров, принесенных прокурорским работникам в связи с осуществлением ими служебных обязанностей вне протокольных мероприятий, в специальные фонды. При этом необходимо особо подчеркнуть, что предлагается не легализация даров или возможности получения внеслужебного вознаграждения за свою профессиональную деятельность, а именно создание дополнительной гарантии стабильности прохождения прокурорской службы и соблюдения запретов и ограничений, с ней связанных. Получение же вознаграждения прокурорскими работниками в связи с осуществлением своих служебных обязанностей вне протокольных мероприятий во всех иных случаях должно служить бесспорным основанием для проведения служебной проверки и по ее результатам принятия соответствующих мер реагирования.

Любопытен международный и зарубежный опыт правового регулирования затронутой проблемы.

Международный кодекс поведения государственных должностных лиц устанавливает запрет на принятие государственными должностными лицами любых подарков или других знаков внимания, которые могут повлиять на выполнение ими своих функций, осуществление своих обязанностей или принятие решений. При этом в международных стандартах рекомендовано создание процедур обращения подобных даров в доход государства или специальные фонды [4].

В свою очередь, зарубежное законодательство поразному решает данные вопросы.

Одни страны устанавливают категорический запрет на получения любыми чиновниками каких-либо даров в связи с их служебной деятельностью, включая случаи протокольных мероприятий. Например, в США государственный служащий может получать поощрения только от государства [5]. Аналогичным примером служит Германия. В соответствии с положениями Федерального закона «О государственной службе Германии» государственные служащие не могут даже после прекращения государственной службы требовать награды, подарки или другие льготы для себя или третьих лиц в связи с исполнением ими служебных обязанностей, а также обещать оставить или принимать вознаграждения. В случае нарушения запрета государственный служащий должен вернуть полученное, а если отказывается – полученное будет взыскано в пользу государства в принудительном порядке [6, с. 7]. Такой же позиции придерживается Молдавия, законодательство которой устанавливает полный запрет принятия подарков во время исполнения служебных обязанностей.

Другие страны допускают возможность принятия подарков государственными служащими при определенных условиях.

Например, некоторые государства устанавливают перечень предметов, запрещенных к дарению госслужащим, в остальных случаях считая дарение допустимым. Примером может служить КНР, в законодательстве которой определен список объектов материального мира, запрещенных к дарению, принятие таких даров расценивается как взятка и карается смертной казнью [7, с. 170]. Схожее правовое регулирование наблюдается в Южной Корее. Закон «О подарках» Республики Корея устанавливает исчерпывающий перечень разрешенных материальных выгод государственным служащим: командировочные; материальная помощь для похорон; еда, напитки, транспортировка, жилье, связанные с организацией официальных событий; рекламные сувениры, награды и премии за участие в лотереях и конкурсах; финансовое преимущество, разрешенное другим законом и подзаконным актом. Иные материальные выгоды попадают под запрет [8, с. 2]. В Сингапуре допускается принятие презента определенной стоимости, свыше которой подарки полагается отправлять на аукцион, а полученные деньги сдавать в бюджет [7, с. 170].

Анализируя международный и зарубежный опыт регулирования проблемы получения госслужащими

подарков, следует учесть различные культурные и национальные традиции государственной службы в каждой из приведенных стран. Кроме того, немаловажной особенностью служит и то, что не всегда в том или ином государстве прокуратура относится к числу правоохранительных органов, а значит, и к прокурорским работникам не везде предъявляются повышенные требования, ограничения и запреты в связи с прохождением службы. Тем не менее положительный опыт безусловно должен быть принят во внимание, по крайней мере, в вопросах создания защитных механизмов от неправомерных действий иных лиц, могущих создать угрозу стабильности прохождения прокурорской службы и соблюдению запретов и ограничений, с ней связанных.

Установление запрета по получению прокурорскими работниками подарков в действующей форме небезупречно. Однако это проблема совершенствования правового регулирования организации и прохождения прокурорской службы, но ни в коем случае не повод для расширительного толкования действующего законодательства в части распространения более лояльного режима на запрет принятия прокурорскими работниками подарков в связи с осуществлением ими служебных обязанностей вне рамок протокольных мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мурашкин И.Ю.* Проблемы реализации антикоррупционного законодательства о подарках // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 42–46.
2. *Крутикова С.В.* Обычные подарки для государственных служащих // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 2. С. 172–174.
3. *Воронин О.В.* Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Общей части. Томск : Изд-во НТЛ, 2007. 192 с.
4. *Международный* кодекс поведения государственных должностных лиц: принят резолюцией 51/59 Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.1996 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtml (дата обращения: 12.04.2018).
5. *Бочарников И.В.* Зарубежный опыт противодействия коррупции. URL: http://nic-pnb.ru/articles/zarubezhnyj-opyt-protivodejstviya-korrupcii/ (дата обращения: 12.04.2018).
6. *Воронова С.В.* Получение подарков государственными служащими: правовое регулирование в России и Германии // Академический юридический журнал. 2014. № 1 (55). С. 7–9.
7. *Гафурова А.Х.* К вопросу о дарении предметов роскоши, как изменчивой составляющей этапов развития общества. Особенности получения подарков государственными служащими // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 6. С. 170–174.
8. *Приймак А.В.* Правовое регулирование получения подарков государственными и муниципальными служащими Республики Корея // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 17 (59). С. 2–6.

ON SOME PROBLEMS OF REMUNERATION OF PROSECUTORS IN CONNECTION WITH THEIR OFFICIAL POWERS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 190−193. DOI 10.17223/23088451/11/38
Anna Yu. Marinicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: crim.just@mail.ru.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor, prosecutorial officer, prosecution service, protocol event, gift, remuneration, restrictions and bans related to the prosecution service, corruption prevention.

In real life, it is difficult to exclude cases of gifts presented to prosecutorial officer in connection with their official activities outside of protocol activities. Such situations may arise regardless of the will and behaviour of the prosecutorial officers (for example, leaving valuables as gifts in the prosecutor's office without the knowledge of the officer). Is it possible to use the mechanism proposed by the Regulations to convert such gifts to special funds? The literal interpretation of the Provisions does not allow it. However, despite this, a similar mechanism must still exist: a bona fide prosecutor must have a legitimate way out of the conflict situation that has arisen in connection with presenting a gift against their will and desire. Therefore, the author considers it possible to supplement the specific directives of the Prosecutor General of the Russian Federation with provisions regulating the transfer of gifts brought to prosecutorial officers in connection with their official duties outside protocol events to special funds. At It is necessary to emphasise that it is proposed not to legalise gifts or non-commissioned remuneration for their professional activities, but to create an additional guarantee of the prosecution service stability and compliance with prohibitions and restrictions associated with it. The receipt of remuneration by prosecutors in connection with the performance of their official duties outside protocol activities in all other cases must serve as an indisputable basis for conducting an internal audit and adoption of appropriate response measures based on its results.

References

1. Murashkin, I.Yu. (2016) Problemy realizatsii antikorruptsionnogo zakonodatel'stva o podarkakh [Problems of implementing anti-corruption legislation on gifts]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 9. pp. 42–46. (In Russian).
2. Krutikova, S.V. (2010) Obychnye podarki dlya gosudarstvennykh sluzhashchikh [Ordinary gifts for civil servants]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Tyumen State University*. 2. pp. 172–174.
3. Voronin, O.V. (2007) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii: voprosy Obshchey chaste* [Prosecutor's Supervision in the Russian Federation: Issues of the General Part]. Tomsk: NTL.
4. The UN General Assembly. (1996) *Mezhdunarodnyy kodeks povedeniya gosudarstvennykh dolzhnostnykh lits: prinyat rezolyutsiey 51/59 General'noy Assamblei OON ot 12.12.1996 g.* [International Code of Conduct for Public Officials: Adopted by General Assembly Resolution 51/59 of December 12, 1996]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtml. (Accessed: 12.04.2018).

5. Bocharnikov, I.V. (n.d.) *Zarubezhnyy opyt protivodeystviya korruptsii* [Foreign experience of countering corruption]. [Online] Available from: http://nic-pnb.ru/articles/zarubezhnyj-opyt-protivodejstviya-korrupcii/. (Accessed: 12.04.2018).
6. Voronova, S.V. (2014) Acceptance of gifts by state employees: legal regulation in Russia and Germany. *Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal – Academic Law Journal*. 1(55). pp. 7–9. (In Russian).
7. Gafurova, A.Kh. (2015) K voprosu o darenii predmetov roskoshi, kak izmenchivoy sostavlyayushchey etapov razvitiya obshchestva. Osobennosti polucheniya podarkov gosudarstvennymi sluzhashchimi [On luxury goods as gift as a variable constituent of society development stages. Peculiarities of receiving gifts by civil servants]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*. 6. pp. 170–174.
8. Priymak, A.V. (2016) Pravovoe regulirovanie polucheniya podarkov gosudarstvennymi i munitsipal'nymi sluzhashchimi Respubliki Koreya [Legal regulation of receiving gifts by state and municipal employees of the Republic of Korea]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 17(59). pp. 2–6.

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.97 DOI 10.17223/23088451/11/39

И.В. Ботвин

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Исследуются вопросы, связанные с особенностями криминологической характеристики корыстной преступности. Анализ корыстной преступности Алтайского края осуществляется с разделением ее на виды, что позволило более детально изучить рассматриваемый феномен. На основе анализа самого распространенного вида преступности исследуются особенности детерминации, что, по мнению автора, позволит обеспечить ее своевременное предупреждение, а также улучшить работу по раскрытию и расследованию силами оперативно-следственных подразделений органов внутренних дел.

Ключевые слова: корыстная преступность, детерминанты преступности, предупреждение преступности, Алтайский край.

Корыстная преступность – наиболее распространенный криминальный феномен в мире. Нередко ее доля в странах с развитой экономикой превышает 90 %, а в развивающихся – 60 % от общего объема всей зарегистрированной преступности. По-видимому, та же пропорция сохраняется и в случае, когда речь идет о преступности в широком значении данного понятия, охватывающем и латентную ее часть.

В результате проведенного исследования установлено, что в Алтайском крае в 2011–2015 гг. наблюдается тенденция к увеличению корыстной преступности. Это, на наш взгляд, прежде всего, связано с нестабильной ситуацией в стране. Политическая ситуация в России и мире привела к существенным экономическим потерям как на уровне государственного бюджета, так и доходов простых граждан. Структура и динамика корыстной преступности в Алтайском крае существенным образом не различается с общероссийскими показателями, поскольку для данного субъекта характерны все преступления названной группы.

Для целей настоящего исследования анализ корыстной преступности будет производиться в разрезе ее условных видов, в частности: корыстная преступность против собственности, корыстная преступность в сфере экономики, корыстная преступность против интересов службы в коммерческих и иных организациях, а также преступность против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. В основе предложенного деления по главам уголовного закона лежит, прежде всего, распространенность преступлений в регионе.

Характеристика корыстной преступности против собственности. В общем объеме зарегистрированной корыстной преступности на долю преступлений против собственности в 2015 г. приходилось 98,5 %, или 24 972 преступления в абсолютном исчислении, в том числе на долю: краж – 81,9 %; мошенничеств – 12,6 %; преступлений в сфере экономической деятельности в целом – 0,4 %; преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях – 0,02 %; преступлений против государственной власти и службы – 1,1 %.

Следует также отметить, что за 5 лет прослеживается тенденция к уменьшению числа зарегистрированных преступлений по всем вышеперечисленным категориям, за исключением преступных посягательств на собственность.

Как видно из приведенной табл. 1, количество зарегистрированных корыстных преступлений против собственности составило: в 2014 г. – 21 502; в 2015 г. – 24 972. В структуре зарегистрированной в 2015 г. корыстной преступности против собственности абсолютно и относительно: а) преобладали кражи – 20 763 (83,1 %); б) значительно меньше составили мошенничества – 3 205 (12,8 %); в) присвоения или растраты – 750 (3 %).

Объем зарегистрированного числа сопоставимых видов корыстных преступлений с 2011 по 2015 г. увеличился почти на 9 %. Рост краж отмечается из-за увеличения такого видового преступления против собственности, как хищение денежных средств граждан с банковских карт (расчетных счетов) с использованием вредоносных программ, путем несанкционированного воздействия через Интернет и т.д.

Куда более серьезно за тот же период в стране выросло число случаев мошенничества. Так, по итогам 2015 г. число таких зарегистрированных преступлений в Алтайском крае перешагнуло отметку в 3 тыс., что на 70,2 % выше аналогичного показателя 2011 г. При этом основной рост пришелся на дистанционное мошенничество с использованием сети Интернет и мобильной связи. Краевые власти и правоохранители открыто связывают рост имущественных преступлений с кризисными явлениями в экономике РФ. Почти две трети имущественных преступлений составляют кражи сотовых телефонов, товаров со складов и магазинов, имущества из садов и автомобилей.

Динамика зарегистрированных объемов отдельных видов корыстных преступлений против собственности отличается. За исключением объемов специальных видов

мошенничества (ст.ст. 159.1–159.6 УК РФ были введены в уголовное законодательство в 2012 г.) абсолютные объемы иных корыстных преступлений против собственности в 2015 г. по сравнению с 2014 г. значительно увеличились, в том числе: краж (+12,9 %), мошенничеств (+71,4 %), присвоений и растрат (+18,1 %).

Снижение зарегистрированного числа наиболее «интеллектуальных» посягательств на собственность обусловлено: а) с одной стороны, приобретением определенного социального опыта распознавания наиболее типичных способов обманного завладения чужим имуществом; б) с другой – наибольшей сложностью расследования таких преступлений, значительная часть которых уже совершается с использованием современных информационных технологий. Для этих преступлений характерно совершение их организованными группами и преступными сообществами.

Характеристика корыстной преступности в сфере экономической деятельности. Удельный вес зарегистрированной в Алтайском крае преступности в сфере экономической деятельности в структуре корыстной преступности составил: в 2014 г. – 0,51 %; в 2015 г. – 0,42 % (табл. 2). Как показывают криминологические исследования, данный показатель существенно отличается от показателя, характеризующего удельный весь всей совокупности деяний, содержащих признаки преступлений в сфере экономической деятельности, большая часть которых носит латентный характер.

Таблица 1

Сведения об основных видах и наиболее распространённых корыстных преступлениях против собственности в Алтайском крае за 2011–2015 гг.

Статья	2011	2012	2013	2014	2015	Всего (5 лет)	Динамика	
158	20104	18068	19139	18492	20763	96566	659	3,2 %
159	1 883	2 341	2 080	1 870	3 205	11 379	1 322	70,2 %
160	781	635	734	635	750	3 535	–31	–4,0 %
159.1	–	3	331	311	147	792	147	–
159.4	–	2	98	83	46	229	46	–
159.2	–	3	79	68	21	171	21	–
159.3	–	3	26	24	8	61	8	–
159.5	–	–	7	10	17	34	17	–
159.6	–	–	10	9	15	34	15	–
За год	**22 768**	**21 055**	**22 504**	**21 502**	**24 972**	**112 801**		

Таблица 2

Сведения об основных видах и наиболее распространённых корыстных преступлениях в сфере экономики в Алтайском крае за 2011–2015 гг.

Статья	2011	2012	2013	2014	2015	Всего (5 лет)	Динамика	
175	111	121	114	69	49	464	–62	–55,8 %
199	48	25	19	10	25	127	–23	–47,9 %
176	15	9	7	5	11	47	–4	–26,7 %
174.1	3	4	12	16	2	37	–1	–33,3 %
177	6	5	14	6	1	32	–5	–83,3 %
198	12	5	4	2	5	28	–7	–58,3 %
195	10	3	2	3	2	20	–8	–20,0 %
174	1	4	6	2	0	13	–1	–100,0 %
196	3	4	2	0	2	11	–1	–33,3 %
171	4	1	0	0	5	10	1	25,0 %
172	2	1	1	0	4	8	2	100,0 %
За год	**215**	**182**	**181**	**113**	**106**	**787**		

В последнем случае удельный вес соответствующей группы деяний составляет с высокой степенью вероятности не менее половины всех общественно опасных корыстных посягательств.

Следует сразу отметить стабильное снижение рассматриваемого вида преступности в исследуемый период. С 2011 г., в котором насчитывалось 215 преступлений данной группы, удалось добиться снижения посягательств к 2015 г. до 106. В абсолютном показателе это составило 109 посягательств, в относительном – 50,7 %. Такая тенденция наблюдается практически по всем статьям, за исключением ст.ст. 171 и 172, по которым резкий скачок произошел в 2015 г.

Структура зарегистрированной корыстной преступности в сфере экономической деятельности, наряду с ранее рассмотренными группами преступлений, отличается неоднородностью. В 2011 г. от общего объема рассматриваемой группы преступлений составили:

– приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем – 51,6 % (111);

– уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организаций – 22,3 % (48);

– незаконное получение кредита – 7,0 % (15);

– уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица –5,6 % (12).

Удельный вес остальных видов преступлений был незначительным.

В 2015 г. в структуре корыстной преступности в сфере экономической деятельности произошли качественные и количественные изменения, преимущественно вследствие ускоренных темпов роста новых видов преступлений в сфере экономической деятельности. В 2015 г. от общего объема рассматриваемой группы преступлений составили:

– приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем – 46,2 % (49);

– уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организаций – 23,6 % (25);

– незаконное получение кредита – 10,4 % (11);

– уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица – 4,7 % (5);

– незаконное предпринимательство составило – 4,7 % (5).

Кроме того, в структуре рассматриваемой преступности в этом же году:

– незаконная банковская деятельность составила – 3,8 % (4);

– легализация (отмывание) денежных средств, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство – по 1,9 % (по 2 преступления).

Динамика зарегистрированных в 2015 г. в России корыстных преступлений в сфере экономической деятельности по отношению к аналогичному показателю за 2011 г. характеризовалась существенным снижением (–50,7 %), что обусловлено низкой эффективностью выявления этих видов преступлений правоохранительными органами.

Характеристика корыстной преступности против интересов службы в коммерческих и иных организациях, преступности против государственной власти и службы. Доля корыстных преступлений против службы в коммерческих и иных организациях в структуре корыстной преступности Алтайского края невелика (табл. 3 и 4). При этом за анализируемые годы нет однозначной тенденции к росту или снижению данной преступности, к которым относится злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) и коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ).

Таблица 3

Сведения об основных видах и наиболее распространённых корыстных преступлениях против коммерческих организаций в Алтайском крае за 2011–2015 гг.

Статья	2011	2012	2013	2014	2015	Всего (5 лет)	Динамика	
204	10	11	91	31	1	144	–9	–90,0 %
201	11	12	5	4	3	35	–8	–72,7 %
За год	**21**	**23**	**96**	**35**	**4**			

Таблица 4

Сведения об основных видах и наиболее распространённых корыстных преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления в Алтайском крае за 2011–2015 гг.

Статья	2011	2012	2013	2014	2015	Всего (5 лет)	Динамика	
290	122	103	136	143	107	611	–15	–12,3 %
292	114	210	88	47	65	524	–49	–37,5 %
291	49	16	60	120	59	304	10	20,4 %
285	27	44	14	4	7	96	–20	–74,1 %
291.1	1	6	1	3	6	17	5	500,0 %
285.1	2	2		0	0	4	–2	–200,0 %
285.2	1	0	1	0	0	2	–1	–100,00 %
За год	**343**	**440**	**366**	**380**	**278**	**1 807**		

Согласно статистическим данным Штаба ГУВД МВД России по Алтайскому краю:

– в 2011 г. было зарегистрировано 21 преступление указанной группы (0,1 % от всей корыстной преступности);

– в 2013 г. наблюдался пик роста – 96 преступлений (0,4 % от всей корыстной преступности);

– в 2015 г. резкое снижение – 4 преступления (0,01 % от всей корыстной преступности).

Объем зарегистрированного числа преступлений против государственной власти и государственной службы составил:

– в 2014 г. – 380 преступлений (1,7 % от всей корыстной преступности);

– в 2015 г. – 278 (1,1 % от всей корыстной преступности).

Если говорить о преступлениях главы 30 УК РФ, то среди них наиболее распространенным традиционно является получение взятки. Однако некоторые ученые не всегда относят получение взятки к корыстным преступлениям, справедливо указывая на то, что рассматриваемое деяние может совершаться и с другой мотивировкой. Например, Л.М. Прозументов полагает, что корыстный интерес, с которым связывают коррупционное поведение, может и не наличествовать, поскольку такие преступные деяния совершаются с целью мести, ревности, обогащения других лиц [1, с. 178–183]. Мы согласны с мнением ученого, тем не менее для анализа преступности ст. 290 УК РФ рассмотрим в качестве корыстного деяния.

В структуре преступлений указанной группы в 2015 г., по сравнению с предыдущими годами, существенных качественных изменений не произошло, преобладали: получение взятки – 38,5 % (107); служебный подлог – 23,4 % (65); дача взятки – 21,2 % (59); превышение должностных полномочий – 12,2 % (34).

На долю злоупотребления должностными полномочиями и посредничества во взяточничестве приходилось 4,7 % от общего объема преступлений данной группы (соответственно 7 и 6 фактов). Рассматриваемая группа общественно опасных деяний характеризуется наиболее высоким средним уровнем латентности по сравнению с уровнем латентности ранее рассмотренных групп корыстных общественно опасных деяний.

Таким образом, подробный анализ корыстной преступности в Алтайском крае позволяет сделать вывод о том, что в 2011–2015 гг. прослеживается тенденция к уменьшению числа зарегистрированных преступлений по всем категориям, за исключением преступных посягательств на собственность. Рост данного вида преступности связан, прежде всего, с появлением новых видов мошенничества, а также политико-экономическими изменениями, произошедшими в этот период в государстве.

Поскольку большинство преступлений, совершаемых на территории нашей страны, имеют корыстную составляющую, то и детерминантов такой преступности также насчитывается немало. Известно, что побудительной силой человеческой активности служат потребности, а возможность их удовлетворения определяется социальными отношениями, местом индивида в системе общественного производства, распределения и потребления.

Именно поэтому противоречие между осознанными потребностями людей и возможностями их удовлетворения является одним из основных источников преступности. Вместе с тем в детерминации корыстной преступности решающим обстоятельством выступает не сам по себе уровень удовлетворения материальных потребностей, а степень различий в их удовлетворении различными социальными группами, т.е. имущественное неравенство [2, с. 1–7].

Как известно, полный набор детерминант преступности образуют: собственно причины, условия и факторы преступности. Однако выделение таких составляющих носит условный характер, поскольку в реальной действительности они существуют в тесной взаимосвязи и воплощаются в единую криминогенную социальную ситуацию [3, с. 160–166]. В этой связи, рассматривая причины, условия и факторы корыстной преступности, обозначим их одной категорией «детерминанты».

Итак, считаем целесообразным выделить следующие детерминанты корыстной преступности:

1. Экономические детерминанты. Прежде всего, они выражаются в имущественном расслоении значительной части населения края. Данное явление особенно прослеживается в условиях экономического кризиса, поскольку имущественное неравенство в конечном итоге порождает такое социально-психологическое явления, как корысть. Пока в обществе существуют люди с отличительно высоким уровнем материального благополучия, будут появляться и те, кто стремится противоправными путями улучшить свое благополучие за счет первых.

Кроме того, постоянный рост цен, вызванный инфляцией, а также высокий уровень безработицы не могли не сказаться на росте незаконного обогащения. Все это накладывается на невысокий уровень жизни в большинстве регионов нашей страны. К примеру, Алтайский край относится к не самым богатым субъектам Российской Федерации, а некоторые налоги (например, транспортный, имущественный) взымаются по самой высокой ставке, существующей на территории страны.

Экономический кризис также не мог не отразиться на положении дел, породив новые и упрочив уже существующие причины и условия совершения корыстных преступлений. В России число безработных выросло на 14 % (на 2,3 млн человек) и составило 20,1 млн человек (Министерство труда и социального развития РФ). Например, Алтайский край в числе других 77 регионов страны находится в дефиците (в долгах), истощились внутренние ресурсы, вследствие чего увеличилась экономия во всех сферах, произошел скачок в росте тарифов ЖКХ. В моногородах Алтайского края, среди которых г. Заринск, 60 % населения оценивают социально-экономическую ситуацию как нестерпимую, 36 % не могут найти работу.

2. Политические детерминанты. Наряду с экономическим кризисом пришла и политическая нестабильность. Агрессивная внешняя политика в отношении России негативно сказалась на импорте многих

групп товаров, что впоследствии привело к банкротству ряда предприятий. Болезненное замещение импортных благ вызвало дефицит на некоторые группы товаров и продуктов. Финансовые издержки, связанные с присоединением Крыма, сказались на снижении финансирования регионов, заморозке многих программ по финансовой поддержке населения, увеличении процентных ставок по кредитам. Таким образом, совокупность политических и экономических причин и условий привела в 2015 г. к резкому увеличению числа корыстных преступлений, что, в принципе, закономерно и неоднократно наблюдалось в ретроспективе.

3. Правовые детерминанты. К данной группе детерминантов относится, прежде всего, нестабильность и противоречивость действующего законодательства. Показательно, что в 2015 г. в УК РФ различными Федеральными законами было внесено 15, в 2016 г. – 14, а в 2017 г. – 16 поправок. При этом многие нормы так и остаются неурегулированными, отсутствует терминологическая согласованность уголовного, уголовно-процессуального и гражданского законодательства в части, относящейся к определению бланкетных признаков отдельных видов преступлений.

Так, например, на сегодняшний день в теории и правоприменительной практике отсутствует четкое понимание нормы, предусматривающей ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, а также большинства норм о преступлениях в сфере экономической деятельности; нет единого мнения относительно понятия «имущество», «иной владелец имущества» и др. [4, с. 113].

4. Социальные детерминанты. Существующее сегодня в обществе нравственное оправдание любых средств обогащения, пренебрежение вероятностью привлечения к ответственности за корыстное преступление, критически низкий уровень солидарности населения с уголовно-правовыми запретами, устанавливающими ответственность за большинство корыстных преступлений, порождают мнение о безнаказанности подобных преступных проявлений. Потерпевшие в результате подобных посягательств нередко отказываются обращаться в правоохранительные органы, что создает высокую латентность большинства корыстных преступлений. У населения формируется мнение о безнаказанности и бесконтрольности данного процесса, корыстная преступность превратилась в неотъемлемую часть современного российского общества.

На этот счет существует мнение Ю.М. Антоняна, согласно которому «продолжает оставаться высоким порог терпимости населения к преступлениям, которые становятся чуть ли не обычным способом получения средств к существованию. В общественном сознании преступник, к сожалению, постепенно превращается в удачливого, умного и достойного подражания человека. Высокий криминогенный потенциал общества активно поддерживается высоким же уровнем рецидива корыстных преступлений, прежде всего краж и мошенничества. Среди воров и мошенников по сравнению с другими категориями преступников много профессионалов, которые создают свою криминальную субкультуру, создавая тем самым необходимые условия для самодетерминации. Между тем общество и правоохранительные органы делают очень мало для разрушения названных процессов» [2, с. 1–7].

Слова ученого отражают реалии современной корыстной преступности, ее основных причин, условий и непосредственно актуализируют вопрос об остро назревшей необходимости проведения комплекса профилактических мероприятий, который будет пронизывать все сферы общественной жизни, начиная от верхних эшелонов власти и заканчивая рядовым членом социума.

5. Иные детерминанты корыстной преступности. К данной группе причин и условий относятся несовершенство средств предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования как традиционных корыстных преступлений, так и преступных посягательств, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, а также недостатки в деятельности самих правоохранительных органов [5, с. 46–47].

Техническое обеспечение правоохранительных органов не способно противостоять новым видам преступности ввиду отсутствия специального оборудования, знаний и навыков в данной отрасли. Ситуация усугубляется и несогласованностью норм УК РФ в части ответственности за корыстные посягательства в сфере компьютерной информации. Так, не урегулирована сфера применения ст. 159.6 (Мошенничество в сфере компьютерной информации, ст. 187 (Неправомерный оборот средств платежей), ст.ст. 272–274 (Преступления в сфере компьютерной информации).

Отдельную группу составляет коррумпированность государственных структур, а также несовершенство деятельности самих органов внутренних дел по предупреждению, пресечению и раскрытию таких преступных деяний, в силу чего многие лица, виновные в совершении корыстных преступлений, уходят от ответственности, подрывается авторитет закона, среди граждан формируется представление о безнаказанности, что, в свою очередь, ведет к воспроизводству преступности. Правовой нигилизм значительной части чиновничества, отсутствие политической воли на различных уровнях государственной власти, а также отсутствие конструктивных методов реализации антикоррупционной политики также способствуют коррумпированности государственной службы [6, с. 79–81].

Подводя итог, приходим к выводу о том, что, зная детерминанты корыстной преступности, обладая высокопрофессиональными умениями и навыками, сотрудники правоохранительных органов могут качественно организовать борьбу с преступными посягательствами данной категории, обеспечить их своевременное предупреждение, а также совершенствовать работу по их раскрытию и расследованию силами оперативно-следственных подразделений органов внутренних дел.

Однако следует полагать, что профилактические меры всегда связаны со значительными финансовыми затратами, на которые, как показывает опыт, государство идет неохотно, что приводит к увеличению числа корыстных преступлений как в Алтайском крае, так и стране в целом. В регионе эта проблема требует к себе

особого внимания ввиду отсутствия должного финансирования предупредительной деятельности, материально-технического обеспечения субъектов профилактики, а также низкого уровня доходов населения. Следует также понимать, что ущерб от преступности, как материальный, так и моральный, несоизмерим с затратами на ее сдерживание и регулирование. Только целенаправленная государственная политика и активная гражданская позиция каждого члена общества позволят снизить уровень корыстной преступности, традиционно занимающей наибольший удельный вес в общей структуре преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прозументов Л.М.* Уголовно-правовое противодействие коррупции в России: история и современное состояние // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 178–183.
2. *Антонян Ю.М.* Причины корыстной преступности // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4. С. 1–7.
3. *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Некоторые подходы к рассмотрению детерминант преступности в отечественной криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 160–166.
4. *Ботвин И.В.* Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 168 с.
5. *Фризен П.Д., Ботвин И.В.* Особенности детерминации отдельных видов корыстной преступности в Алтайском крае // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Междунар. науч.-практич. конф. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. Ч. 2. С. 46–47.
6. *Абызов Р.М., Фризен П.Д.* К вопросу о коррумпированности государственной службы // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-2. С. 79–81.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MERCENARY CRIMES (A CASE STUDY OF THE ALTAI TERRITORY)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 194−199. DOI 10.17223/23088451/11/39
Ilya V. Botvin, Barnaul Law Institute (Barnaul, Russia). E-mail: botviniv@mail.ru.

Keywords: mercenary crime, determinants of crime, crime prevention, Altai Territory.

The paper investigates the issues related to the criminological characteristics of mercenary crimes. The author divides mercenary crimes in the Altai Territory into types, which allows a detailed study of the phenomenon. Basing on the analysis of the most common type of crime, the author explores the specificity of determination, which, in the author's opinion, ensures its timely warning as well improves the work on disclosure and investigation by the operative investigation forces.

REFERENCES

1. Prozumentov, L.M. (2016) Legal counteraction to corruption in Russia: history and current state. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 405. pp. 178–183. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/405/26
2. Antonyan, Yu.M. (2010) Prichiny korystnoy prestupnosti [The causes of mercenary crimes]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 4. pp. 1–7.
3. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) Some approaches to the determinants of crime in Russian criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 160–166. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/24
4. Botvin, I.V. (2017) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem* [Criminal liability for causing property damage by deception or abuse of trust]. Moscow: Yurlitinform.
5. Frizen, P.D. & Botvin, I.V. (2018) [Determination of certain types of mercenary crimes in the Altai Territory]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* [Topical problems of combating crimes and other offenses]. Proc. of the International Conference. Barnaul. pp. 46–47. (In Russian).
6. Abyzov, R.M. & Frizen, P.D. (2012) K voprosu o korrumpirovannosti gosudarstvennoy sluzhby [On corruption in public service]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal.* 2(2). pp. 79–81.

УДК 343.9 DOI 10.17223/23088451/11/40

И.С. Дроздов

РЕЦИДИВ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Освещается зарождение и развитие научных взглядов на понятие криминологического рецидива преступлений. Рассмотрены уголовно-правовой и криминологический рецидивы. Обоснована позиция о необходимости выделения и изучения в рамках криминологических и пенологических исследований допенального рецидива.

Ключевые слова: *рецидив, криминологический рецидив, фактический рецидив, уголовно-правовой рецидив, пенальный рецидив, допенальный рецидив, постпенальный рецидив*.

Понятие «рецидив» (от лат. *recidivus* – повторение) используется в различных отраслях знания: психологии, медицине, юриспруденции. В самом общем виде рецидив означает повторение какого-либо явления после кажущегося его исчезновения [1, с. 625; 2, с. 444].

В отечественной правовой науке понятие рецидива преступлений начало разрабатываться с конца XIX в. Так, профессор Н.С. Таганцев в работе «О повторении преступлений» исследовал различные подходы к трактовке множественности преступлений, а также проблемы рецидива как уголовно-правовой категории.

Как известно, это понятие по-разному интерпретируется в различных отраслях науки «криминального» цикла: в уголовном, уголовно-исполнительном (исправительно-трудовом) праве и криминологии. Очевидно, что в доктрине уголовного права рецидив определяется, выделяется и исследуется прежде всего с позиций дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания за отдельные виды повторных преступлений. Именно этой цели подчинено содержащееся в ст. 18 УК РФ легальное определение различных видов рецидива (простого, опасного, особо опасного). Ей четко корреспондируют ст. 68 УК РФ («Назначение наказания при рецидиве преступлений»), п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ («Обстоятельства, отягчающие наказание») и ст. 58 УК РФ («Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения»).

Для наличия уголовно-правового рецидива необходимо, чтобы лицо уже имело судимость, причем связанную с осуждением к реальному наказанию, и только за совершение тяжких, особо тяжких умышленных преступлений либо умышленных преступлений средней тяжести. Поэтому с уголовно-правовых позиций нельзя говорить о рецидиве преступлений несовершеннолетних либо осужденных условно или к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Предмет криминологии как науки составляет преступность во всех ее проявлениях, в том числе причины совершения лицами неосторожных преступлений либо в несовершеннолетнем возрасте.

В связи с этим в криминологии принято иметь дело с более широким понятием рецидива как реального явления объективной действительности, которое существенно шире его уголовно-правового законодательного определения [2, с. 31].

Одним из первых о необходимости различать уголовно-правовой и криминологический рецидив в юридической литературе высказался венгерский криминолог Т. Хорват. Он предложил наряду с рецидивом в уголовном праве различать рецидив криминологический, не связанный с погашением или снятием судимости у лица, вновь совершившего преступление [3, с. 97–98]. По его мнению, рецидивистом в криминологическим смысле является лицо, осужденное за ранее совершенное преступление. При этом несущественно, было ли новое преступление совершено до истечения срока судимости либо после ее погашения или снятия.

Аналогичной точки зрения придерживаются И.И. Гальперин, Л.М. Прозументов, Н.В. Ольховик и другие авторы [4, с. 31–36; 5, с. 21]. М.А. Гельфер и Н.Ф. Кузнецова вообще не считали существенным для криминологического рецидива наличие судимости [6, с. 9; 7, с. 179].

По мнению Е.К. Волконской, для признания повторно совершенного преступления криминологическим рецидивом не имеет значения, однородного или тождественного характера совершены предыдущие преступления; умышленно либо по неосторожности, а также какой период времени прошел между осуждением за предыдущее преступление и совершением нового преступления [8, с. 66].

Интерес к криминологическому рецидиву своими корнями уходит в концепцию так называемого «фактического рецидива». Данная концепция была выдвинута еще в 20-х годах XX в. Б.С. Утевским, рассматривавшим рецидив как «повторное совершение виновным преступления независимо от того, был ли виновный ранее осужден и отбыл наказание или не отбыл» [9, с. 32].

В последующем, фактический рецидив стал рассматриваться в качестве синонима рецидива криминологического [7, с. 113–115]. Не усматривал разницы между этими двумя понятиями и Т.М. Кафаров: «В юридической литературе рецидиву придается, однако, и другое значение, криминологическое, – «фактический рецидив»» [10, с. 33].

По мнению сторонников концепции «фактического рецидива», для его установления важен лишь факт совершения лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, повторного преступления вне зависимости от наличия фактов судимости, истечения сроков давности или погашения судимости за первое преступление, а также применения к нему принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия [11, с. 40].

Данный подход к пониманию криминологического рецидива характерен и для ныне действующей уголовной статистики.

Так, в единой статистической карточке на лицо, совершившее преступление (форма 2), содержится раздел: «Лицо, ранее совершавшее преступления» [12]. Здесь имеются в виду лица с неснятой и снятой судимостью; лица, ранее освобожденные от уголовной ответственности в связи с амнистией или помилованием, применением мер общественного воздействия.

Следуя доктрине «фактического рецидива», ряд авторов относят к рецидиву все преступления, совершенные лицами, ранее совершившими преступления, если прежние преступления были известны правоохранительным органам и стали предметом реагирования в виде уголовного преследования [13, с. 727].

Исходя из указанной точки зрения, можно к криминологическому рецидиву отнести все преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими преступления, если прежние преступления были известны органам уголовной юстиции и имело место официальное реагирование на них (не только осуждение, но и освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям)[1].

Ученые обычно разделяют криминологический рецидив на «фактический рецидив» и «рецидив судимостей».

Под рецидивом судимостей понимают все повторные преступления, совершенные лицами, «ранее судимыми» [14, с. 457]. Фактический рецидив включает все повторные преступления, совершенные лицами со снятой или погашенной судимостью, во время предварительного следствия или судебного разбирательства до вступления приговора в законную силу, а также освобожденными от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Как справедливо указывал А.Ф. Зелинский, наиболее существенным в рецидиве, отличающим его от других видов множественности преступлений, является обнаруженное пренебрежение полученным уроком, нравственная нечувствительность виновного к осуждению и официальному предостережению [15, с. 6]. Поэтому совершение нового преступления лицом, имеющим судимость, не только свидетельствует о сравнительно большой общественной опасности личности преступника, но и обозначает «проблемное поле» деятельности органов уголовной юстиции. Под ними, согласно международным правовым интерпретациям, понимаются все специализированные органы государства, осуществляющие уголовное преследование, уголовное правосудие и исполнение наказания.

Таким образом, рецидив может свидетельствовать как об эффективности (достижении целей наказания в отношении конкретного преступника) назначения и исполнения наказания или иной меры уголовно-правового характера, так и о неэффективности.

Применительно к наказанию в виде лишения свободы в данном отношении издавна выделяется такая категория, как пенитенциарный рецидив. Причем он также понимается в науке неодинаково. Одни авторы поднимают под ним совершение лицом, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы, нового преступления и осужденным вновь к лишению свободы [16, с. 76–77]. Существуют и иные точки зрения. И.И. Карпец, Т.М. Кафаров под пенитенциарным рецидивом понимали «повторное совершение преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы» [17, с. 33; 10, с. 113]. А.И. Алексеев пенитенциарным рецидивом считал повторное совершение преступления лицом в местах лишения свободы [18, с. 309]. Н.С. Артемов полагает, что пенитенциарный рецидив включает в себя совершение преступления как осужденным, отбывающим наказание, так и лицом, которое ранее отбывало наказание в виде лишения свободы [19, с. 294].

Нам представляется более правильной точка зрения Л.М. Прозументова и Н.В. Ольховика, понимающими под пенитенциарным рецидивом только преступление, совершенное в местах лишения свободы, а совершение преступления после освобождения из мест лишения свободы и в период наличия судимости – это постпенитенциарный рецидив [4, с. 33].

Сходной точки зрения придерживается и В.В. Городнянская, полагая, что под постпенитенциарным рецидивом следует понимать совершение нового преступления после освобождения виновного из мест лишения свободы. При этом моментом отбытия наказания будет являться, по ее мнению, факт полного или частичного отбытия наказания в исправительном учреждении, то есть реального исполнения наказания за предшествующее преступление [20, с. 19–20].

Распространяя такой подход на все виды уголовного наказания и прочие связанные с уголовной ответственностью иные меры уголовно-правового характера, криминологи выделяют пенальный и постпенальный рецидив[2].

По мнению О.В. Старкова, под пенальным рецидивом следует понимать совершение нового преступления лицом, отбывающим уголовное наказание, либо лицом, в отношении которого не завершены уголовно-исполнительные мероприятия. Преступность среди лиц, в отношении которых исполнено уголовное наказание или мера уголовно-правового характера, представляет собой постпенальную преступность или постпенальный рецидив [16, с. 77–78]. Совершение осужденным пенального или постпенального рецидивного преступления, помимо прочего, свидетельствует о недостатках судебной и уголовно-исполнительной деятельности.

При наказаниях, не связанных с лишением свободы, исполнение альтернативных мер возлагается, как правило, на уголовно-исполнительную инспекцию (ст. 16 УИК РФ), где осужденные ставятся на учет.

Согласно ч. 4 ст. 390 УПК РФ, после вступления приговора суда в законную силу он в течение трех су-

[1] На наш взгляд, использование термина «ранее судимые» все же некорректно, поскольку таковыми являются и лица, ранее имевшие судимость, которая может быть снята или погашена. Правильнее писать в этом контексте о лицах, имеющих судимость.

[2] В переводе с лат. *poena* означает наказание.

ток должен быть обращен к исполнению и направлен судом в соответствующий орган. Таким образом, если следовать нормам закона, время с момента вступления приговора суда в законную силу до постановки осужденного на учет в уголовно-исполнительной инспекции и, следовательно, до момента начала его фактического исполнения должно быть невелико. Исполнение наказания, не связанного с лишением свободы, начинается со дня постановки осужденного на учет в уголовно-исполнительной инспекции.

Но этот срок все же предполагается, что, в частности, отражено в ч. 3 ст. 73 УК РФ, где сказано: «Испытательный срок исчисляется с момента вступления приговора в законную силу. В испытательный срок засчитывается время, прошедшее со дня провозглашения приговора».

В то же время на практике в течение казалось бы незначительного срока до постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции отдельные осужденные, оказавшись без какого-либо контроля, вновь совершают преступления. В период со дня провозглашения приговора, вступления его в законную силу и до постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции осужденный может не соблюдать установленные ему судом ограничения, так как срок исполнения наказания еще не начал исчисляться, хотя приговор судом провозглашен и, возможно, вступил в законную силу.

В данной ситуации уголовно-исполнительная инспекция просто не успевает провести с осужденным профилактическую работу, она лишена возможности должным образом воздействовать на него. Понятно, что совершение осужденным преступления в данном случае не может свидетельствовать о недостатках в работе инспекции.

Учитывая, что осужденный до постановки на учет в инспекции (начала исполнения назначенного ему судом наказания) может вновь совершить преступление, полагаем, что термин «допенальный» рецидив в большей степени отражает обозначенную выше ситуацию. В свете сказанного, по нашему мнению, имеет смысл наряду с пенальным и постпенальным рецидивом выделять и такую его разновидность, как допенальный, если речь идет о наказаниях, не связанных с реальным лишением свободы.

Наряду с допенальным рецидивом едва ли может быть показателем низкой результативности деятельности уголовно-исполнительных инспекций и совершение пенального рецидивного преступления состоящим на учете осужденным в течение первых одного-двух месяцев, когда инспекции фактически не в состоянии организовать действенный контроль за осужденными. Допенальный и ранний пенальный рецидив, говорят, скорее, об ошибках судов при избрании конкретных наказаний, не связанных с лишением свободы.

Иные классификации видов рецидива способны иметь прогностическое значение в оценке личности осужденных, стоящих на учете, и степени вероятности совершения ими новых преступлений, тем самым обеспечивая индивидуализацию и необходимое избирательное воспитательно-предупредительное воздействие.

В зависимости от количества осуждений выделяют рецидив однократный и многократный. В науке их еще называют простым и сложным рецидивом [21, с. 37]. Под однократным (простым) принято понимать совершение преступления лицом, осужденным до этого всего лишь один раз, а под многократным (сложным) рецидивом – два и более раза.

Ф.Р. Хисамутдинов, А.Е. Шалагин выделяют специальный, однократный (разовый) и многократный рецидив. По мнению авторов, под специальным рецидивом следует понимать совершение однотипных, тождественных преступлений, которые квалифицируются по какой-то одной статье УК РФ. Однократный (разовый) рецидив определяется одним повтором совершения преступных действий. Многократный рецидив характеризуется несколькими повторами преступной деятельности [22, с. 51]. Аналогичной точки зрения придерживаются Л.В. Иногамова-Хегай и В.В. Трифанов, выделяя в зависимости от характера совершенного преступления общий и специальный рецидив [23, с. 305; 24, с. 200–202].

Изучая проблему рецидива насильственных преступлений, Е.К. Волконская выделяет узкоспециальный рецидив, под которым, по ее мнению, следует понимать повторное совершение насильственных преступлений с определенным интервалом [25, с. 205].

Общей особенностью специального (узкоспециального) рецидива является «профессионализация» преступника, свидетельствующая об упорном стремлении лица продолжать преступную деятельность [26, с. 21–22].

Таким образом, из всего многообразия видов криминологического рецидива целесообразно выделять его юридически значимые для практики виды. Так, изучение допенального, пенального и постпенального рецидива при исполнении альтернативных лишению свободы мер позволяет выявить наиболее «поражаемый» преступлениями период с момента постановки или снятия с учета осужденных в уголовно-исполнительных инспекциях, а также наиболее рецидивоопасные категории осужденных, к которым либо назначение судом указанных видов наказаний нецелесообразно, либо они должны применяться с особой осторожностью.

Важной характеристикой рецидива служит его интенсивность. Это промежуток времени, истекший с момента осуждения или освобождения от наказания до совершения нового преступления. Интенсивность рецидива тем выше, чем меньше этот период. Чем он меньше, тем очевиднее, что назначенное и исполненное (неисполненное) наказание не привело к ожидаемому результату.

Как очевидно, наибольшей интенсивностью обладает допенальный рецидив, свидетельствующий прежде всего об ошибочности назначения первого наказания, не связанного с лишением свободы. На наш взгляд, об этом же можно говорить и в случае регистрируемого уголовно-исполнительными инспекциями при исполнении наказаний раннего пенального рецидива (до 3 месяцев с момента постановки на учет).

Напротив, при малой интенсивности рецидива, то есть при значительных промежутках времени между

освобождением от наказания и повторным преступлением, есть больше оснований полагать, что новое преступление обусловлено не недостатками применения наказания и организации профилактической работы, а новыми неблагоприятными факторами.

Исследователи постпенитенциарного рецидива (после отбывания лишения свободы) обычно принимают за криминологически значимый период три года [27, с. 76]. Совершение преступления за пределами этого срока считается отдаленным во времени [28, с. 37]. Основной массив рецидивных преступлений после отбытия лишения свободы (до 90 %) приходится на первые два года после освобождения [15, с. 121; 20, с. 27]. В данном случае необходимо иметь в виду, что существенным фактором совершения рецидивных преступлений после освобождения из исправительных учреждений является дезадаптация, десоциализация осужденных, преодоление которой затягивается на годы. Поэтому трехлетний период учета постпенального рецидива вполне оправдан.

Но этой проблемы нет при исполнении альтернативных наказаний, ибо осужденный продолжает оставаться в привычной для него среде (не случайно рекомендация Комитета министров Совета Европы по предотвращению перенаселенности тюрем от 29.11.2000 г. № (2000) 22 дословно (с английского) именуется «О совершенствовании Европейских правил применения общественных санкций и мер воздействия», т.е. санкций, при которых осужденный остается в обществе). Кроме того, судимость после отбытия наказаний, не связанных с лишением свободы, погашается по истечении одного года (ст. 86 УК РФ), а для совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте – шесть месяцев (ст. 95 УК РФ). В этой связи период исследования постпенального рецидива целесообразно ограничить одним годом после снятия осужденного с учета уголовно-исполнительной инспекцией либо после уплаты штрафа (при оплате его в рассрочку с момента внесения последней части штрафа).

Не теряет актуальности и проблема специального рецидива, поскольку первое преступление нередко формирует своеобразный «генетический код» преступной карьеры рецидивистов. Это позволяет выявить лиц с сравнительно более устойчивыми антиобщественными взглядами и привычками. Специальный рецидив, в отличие от общего, свидетельствует о конкретизированной антиобщественной ориентации преступника.

Само по себе криминологическое понятие рецидива помогает выработать правильное суждение о личности преступника и степени его общественной опасности и криминальной «зараженности» при назначении наказания.

Таким образом, из всего многообразия видов криминологического рецидива целесообразно выделять его юридически значимые для практики виды. Например, изучение допенального, пенального и постпенального рецидива при исполнении альтернативных лишению свободы мер позволяет выявить наиболее «поражаемый» преступлениями период с момента постановки или снятия с учета осужденных в уголовно-исполнительных инспекциях.

Изучение криминологического рецидива позволяет глубже изучить сущность рецидивной преступности, ее причины, особенности личности осужденных рецидивистов, прогнозировать их поведение, определять наиболее эффективные меры предупреждения рецидивной преступности, в деятельности уголовно-исполнительных инспекций и в конечном счете обогатить прогностический потенциал криминологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Советская энциклопедия, 1978. 846 с.
2. *Словарь* иностранных слов. М. : Русский язык, 1979. 620 с.
3. *Хорват Т.* Новое в судебной практике по уголовным делам в Венгерской Народной Республике // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 97–98.
4. *Ольховик Н.В., Прозументов Л.М.* Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 159 с.
5. *Гальперин И.М.* Об уголовной ответственности рецидивистов в свете некоторых криминологических показателей эффективности борьбы с рецидивной преступностью // Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью / под ред. Б.С. Никифорова. М., 1968. 231 с.
6. *Гельфер М.А.* Борьба с рецидивной преступностью в некоторых социалистических странах. М. : ВНИИ МВД СССР, 1969. 74 с.
7. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М. : Изд-во МГУ, 1969. 232 с.
8. *Волконская Е.К.* Понятие криминологического рецидива преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 63–66.
9. *Утевский Б.С.* Преступность и рецидив // Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив). М., 1927. С. 32–34.
10. *Кафаров Т.М.* Проблема рецидива в советском уголовном праве. Баку : ЭЛМ, 1972. 255 с.
11. *Антонян Е.А.* Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 347 с.
12. *Форма* № 2 Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 20.02.2014) «О едином учете преступлений». Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 5 от 30.01.2006.
13. *Алексеев А.И.* Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М. : Юристъ, 1997. 912 с.
14. *Криминология* : учебник для юридических вузов / под ред. В.Н. Бурлакова. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. 608 с.
15. *Зелинский А.Ф.* Рецидив преступлений (Структура, связи, прогнозирование). Харьков : Вища школа, 1980. 151 с.
16. *Старков О.В.* Криминопенология. М. : Экзамен, 2004. 480 с.

17. *Карпец И.И.* Проблема преступности. М. : Юрид. лит., 1969. 165 с.
18. *Алексеев А.И.* Криминология и профилактика преступлений. М. : ВШ МВД СССР, 1989. 430 с.
19. *Артемьев Н.С.* Профилактика рецидивной преступности. (Вопросы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 1998. 377 с.
20. *Городнянская В.В.* Постпенитенциарный рецидив / под ред. В.А. Уткина. М. : Юрлитинформ, 2012. 168 с.
21. *Яковлев А.М.* Борьба с рецидивной преступностью. М. : Наука, 1964. 223 с.
22. *Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е.* Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестник Казанского института МВД России. 2014. № 4 (18). С. 50–55.
23. *Уголовное* право Российской Федерации : учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М. : ИНФРА-М, 2008. 558 с.
24. *Трифанов В.В.* Уголовное право Российской Федерации : учебник. Общая часть : учеб. пособие. Курган : Зауралье, 2008. 475 с.
25. *Волконская Е.К.* Рецидив насильственных преступлений: социологическое исследование // Lex Russica. 2016. № 5 (114). С. 203–216.
26. *Суменков А.К.* Рецидив преступлений и проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 169 с.
27. *Чуприна Л.В.* Режим испытания при условно-досрочном освобождении : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. 214 с.
28. *Бытко Ю.И.* Рецидив, отдаленный во времени: Уголовно-правовое и криминологическое исследование. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 149 с.

RECIDIVISM AS A CRITERION FOR THE EFFECTIVENESS OF PENALTIES NOT RELATED TO DEPRIVATION OF LIBERTY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 200−205. DOI 10.17223/23088451/11/40
Igor S. Drozdov, Asino Prosecutor's Office (Asino, Russia). E-mail: crim.just@mail.ru.

Keywords: recidivism, criminological recidivism, actual recidivism, criminal recidivism, penitentiary recidivism, pre-penitentiary recidivism, post-penitentiary recidivism.

The concept of "recidivism" (from Latin "recidivus" – recurring) is used in various branches of knowledge: psychology, medicine, jurisprudence. Recidivism in the most general form means the repetition of a phenomenon after its apparent disappearance. This concept is interpreted differently in various branches of criminal science: criminal and penal (correctional) law and criminology. Obviously, the doctrine of criminal law defines, determines and investigates recidivism primarily in terms of differentiation and individualisation of criminal liability and penalties types of repeated crimes. Criminal recidivism presupposes that the person has already been convicted and sentenced to real punishment for committing only grave, extremely serious intentional crimes or intentional crimes of medium gravity. Therefore, it is impossible to speak from criminal positions about the recidivism of crimes in minors, probationers or those sentenced to punishments not related to deprivation of liberty. The subject of criminology is criminality in all its manifestations, including the reasons for committing incautious crimes, or at a minor age. Thus, criminology has a broader concept of recidivism as a real phenomenon of objective reality, which is substantially broader than its criminal definition. The commission of a new crime by a person with a criminal record not only indicates the relatively greater public danger of the perpetrator, but also defines a "problem field" for the activities of the criminal justice authorities, which, according to international legal interpretations, include all specialised state agencies conducting criminal prosecution, criminal justice and execution of punishment. Recidivism can testify the effectiveness as well as inefficiency of punishment (achievement of the goals of punishment for a specific offender) or other legal measure. Prior to being registered with the inspection (the beginning of execution of the sentence imposed on him by the court), the convict may again commit a crime. The author believes that the term "pre-penitentiary" recidivism better reflects the situation outlined above. So, it makes sense, along with a "penitentiary" and "post-penitentiary", to distinguish pre-penitentiary recidivism, if it concerns punishments that are not related to actual deprivation of liberty. "Pre-penitentiary" and "early penitentiary" recidivism demonstrate errors of the courts in selecting a specific penalty not related to imprisonment. The criminological concept of recidivism helps to formulate a correct judgment about the identity of the criminal, the degree of their public danger and criminal "infestation" in imposing a punishment. Of all the diverse types of criminological recidivism, it is expedient to distinguish its legally significant types. For instance, the study of pre-penitentiary, penitentiary and post-penitentiary recidivism in cases when measures alternative to deprivation of liberty are executed allows identifying the "most" criminally affected" period from the moment of registration and deregistration of convicts in penitentiary inspectorates. The study of criminological recidivism allows deeper investigation of recidivism, its causes, and the personality of convicted recidivists to predict their behaviour, determine the most effective measures to prevent recidivism, and, finally, to enrich the prognostic potential of criminology.

REFERENCES

1. Ozhegov, S.I. (1978) *Slovar' russkogo yazyka* [A Dictionary of the Russian language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Lekhin, I.V., Lokshina, S.M. & Petrov, F.N. (eds) (1979) *Slovar' inostrannykh slov* [A Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Olkhovik, N.V. & Prozumentov, L.M. (2008) *Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Recidivism of convicts and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Khorvat, T. (1968) Novoe v sudebnoy praktike po ugolovnym delam v Vengerskoy Narodnoy Respublike [New in the jurisprudence on criminal cases in the Hungarian People's Republic]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 97–98.
5. Galperin, I.M. (1968) Ob ugolovnoy otvetstvennosti retsidivistov v svete nekotorykh kriminologicheskikh pokazateley effektivnosti bor'by s retsidivnoy prestupnost'yu [On the criminal liability of recidivists in terms of some criminological indicators of the effective fight against recidivism]. In: Nikiforov, B.S. (ed.) *Effektivnost' ugolovno-pravovykh mer bor'by s prestupnost'yu* [The effectiveness of criminal law measures to combat crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. Gelfer, M.A. (1969) *Bor'ba s retsidivnoy prestupnost'yu v nekotorykh sotsialisticheskikh stranakh* [Combating recidivism in some socialist countries]. Moscow: Ministry of Internal Affairs of the USSR.

7. Kuznetsova, N.F. (1969) *Prestuplenie i prestupnost'* [On Crimes]. Moscow: Moscow State University.
8. Volkonskaya, E.K. (2015) Ponyatie kriminologicheskogo retsidiva prestupleniy [The concept of criminological recidivism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 9. pp. 63–66.
9. Utevskiy, B.S. (1927) Prestupnost' i retsidiv [Crime and recidivism]. In: Beloborodov, A.G. (ed.) *Sovremennaya prestupnost' (prestuplenie, pol, repressiya, retsidiv)*[Modern crime (crime, sex, repression, recidivism)]. Moscow: People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR. pp. 32–34.
10. Kafarov, T.M. (1972) *Problema retsidiva v sovetskom ugolovnom prave* [The problem of recidivism in Soviet criminal law]. Baku: ELM.
11. Antonyan, E.A. (2014) *Lichnost' retsidivista: kriminologicheskoe i ugolovno-ispolnitel'noe issledovanie* [Personality of recidivist: criminological and penal research]. Law Dr. Diss. Moscow.
12. Prosecutor General's Office of Russia. (n.d.) Forma No. 2 Prikaz Genprokuratury Rossii No. 39, MVD Rossii No. 1070, MCHS Rossii No. 1021, Minyusta Rossii No. 253, FSB Rossii No. 780, Minekonomrazvitiya Rossii N 353, FSKN Rossii No. 399 ot 29.12.2005 (red. ot 20.02.2014) "O edinom uchete prestupleniy" [Form No. 2 Order No. 39 of the Prosecutor General's Office of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1070, the Ministry of Emergency Situations of Russia No. 1021, the Ministry of Justice of Russia No. 253, the Federal Security Service of Russia No. 780, the Ministry of Economic Development of Russia No. 353, and the Federal Drug Control Service of Russia No. 399 of December 29, 2005 (ed. 2014) "On the uniform account of crimes"]. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti*. 5.
13. Alekseev, A.I. (1997) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Yurist".
14. Burlakov, V.N. (ed.) (1999) *Kriminologiya* [Criminology]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
15. Zelinskiy, A.F. (1980) *Retsidiv prestupleniy (Struktura, svyazi, prognozirovanie)* [Recidivism of crimes (Structure, connections, forecasting)]. Kharkov: Kharkov State University.
16. Starkov, O.V. (2004) *Kriminopenologiya* [Criminopenology]. Moscow: Ekzamen.
17. Karpets, I.I. (1969) *Problema prestupnosti* [The problem of crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
18. Alekseev, A.I. (1989) *Kriminologiya i profilaktika prestupleniy* [Criminology and crime prevention]. Moscow: USSR Ministry of Internal Affairs.
19. Artemyev, N.S. (1998) *Profilaktika retsidivnoy prestupnosti. (Voprosy teorii i praktiki)* [Prevention of recidivism. (Problems of theory and practice)]. Law Dr. Diss. Ryazan.
20. Gorodnyanskaya, V.V. (2012) *Postpenitentsiarnyy retsidiv: monografiya* [Post-penitentiary recidivism]. Moscow: Yurlitinform.
21. Yakovlev, A.M. (1964) *Bor'ba s retsidivnoy prestupnost'yu* [Combating recidivism]. Moscow: Nauka.
22. Khisamutdinov, F.R. & Shalagin, A.E. (2014) Osobennosti preduprezhdeniya professional'noy i retsidivnoy prestupnosti (istoriya i sovremennost')[Prevention of professional crimes and recidivism (history and modernity)]. *Vestnik Kazanskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia.* 4(18). pp. 50–55.
23. Inogamova-Khegay, L.V. (2008) *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Law of the Russian Federation]. Moscow: INFRA-M.
24. Trifanov, V.V. (2008) *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Law of the Russian Federation]. Kurgan: Zaural'e.
25. Volkonskaya, E.K. (2016) Repeated violent crimes: A sociological study. *Lex Russica*. 5(114). pp. 203–216.
26. Sumenkov, A.K. (2003) *Retsidiv prestupleniy i problemy ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody* [Recidivism of crimes and problems of execution of punishment in the form of imprisonment]. Law Cand. Diss. Ryazan.
27. Chuprina, L.V. (2012) *Rezhim ispytaniya pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii* [Test mode with parole]. Law Cand. Diss. Tomsk.
28. Bytko, Yu.I. (1984) *Retsidiv, otdalennyy vo vremeni: Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie* [Remote recidivism: Criminal and criminological research]. Saratov: Saratov State University.

УДК 343.915 DOI 10.17223/23088451/11/41

Е.А. Писаревская

О НЕКОТОРЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируются статистические показатели преступности несовершеннолетних в Российской Федерации, в том числе данные МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Дается критическая оценка статистической информации. Отмечается, что прослеживающаяся в последнее время статистическая тенденция по снижению зарегистрированной преступности несовершеннолетних не является вполне достоверной. Особое внимание в статье обращается на необходимость анализа показателей рецидивной преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: *преступность несовершеннолетних, рецидивная преступность несовершеннолетних, количественные и качественные показатели.*

В 2015 г. фиксируемая на протяжении значительного времени тенденция снижения зарегистрированной преступности несовершеннолетних не была продолжена. Так, в 2015 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано увеличение на 3,2 % (с 59 240 в 2014 г. до 61 153 в 2015 г.) количества преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии (с учётом Крымского федерального округа – на 3,8 %) [1]. Однако тенденция к снижению зарегистрированной преступности несовершеннолетних прервалась лишь в 2015 г., далее данная тенденция была вновь «успешно» продолжена. Так, в 2016 г. было зарегистрировано уже только 53 726 преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (–12,1 % к 2015 г.), а в 2017 г. – 45 288 (–15,7 % к 2016 г.) [2]. Отметим, что зафиксированный в 2017 г. показатель – это минимальный показатель периода. Достаточно вспомнить, что относительно недавно в 2005 г. было зарегистрировано 154 700 преступлений данного вида [3, с. 48]. Таким образом, согласно официальной статистике, преступность несовершеннолетних демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению, что дает нам смелость утверждать, что если данная тенденция имеет место в реальной действительности и будет продолжена соответствующими темпами, то через несколько лет наше государство «сможет ликвидировать» преступность несовершеннолетних. Но можно ли достичь этой заведомо недостижимой цели? Согласуется ли фиксируемая в статистике тенденция с реальным положением вещей? Отметим, что наблюдавшаяся долгое время тенденция снижения зарегистрированной преступности несовершеннолетних объясняется отечественными криминологами причинами совсем не обнадеживающего характера: неадекватно либеральным отношением органов уголовной юстиции к преступлениям (особенно небольшой и средней тяжести), совершаемым несовершеннолетними, а также относительно лучшей их адаптацией к новым социально-экономическим условиям по сравнению со взрослыми. Кроме того, криминологи уже «традиционно» отмечают повышение удельного веса несовершеннолетних, совершающих насильственные преступления, а также преступления, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких (Я.И. Гилинский), рост удельного веса несовершеннолетних в организованных преступных группах и преступных сообществах (А. Салагаев) [4, с. 3, 4].

При этом следует подчеркнуть, что, согласно обоснованному мнению Л.М. Прозументова, «на одного несовершеннолетнего приходится более одного преступления. Так, в 2012 г. этот показатель составлял почти два преступления на одного несовершеннолетнего преступника (197 преступлений на 100 человек этой возрастной группы), в 2013 г. – более двух преступлений (230 преступлений на 100 человек), а в 2014 г. этот показатель еще увеличился и составил 250 преступлений на 100 человек» [3, с. 49].

Таким образом, очевидно, что на фоне длительной тенденции по снижению зарегистрированной преступности несовершеннолетних наблюдалось ухудшение ее качественных характеристик, а также фиксировалось увеличение количества преступлений, приходящихся на одного несовершеннолетнего.

Не вызывает сомнения тот факт, что динамика преступности несовершеннолетних подвержена колебаниям, которые объясняются как объективными причинами, связанными с изменением общесоциальной, экономической и политической обстановки в стране, реформированием законодательства (частичная декриминализация хулиганства, перевод ч. 2 ст. 158 УК РФ в категорию преступлений средней тяжести), совершенствованием системы предварительного расследования преступлений, предупредительной деятельности, так и субъективными причинами, главным образом связанными с субъективными факторами формирования криминальной статистики.

Преступность несовершеннолетних всегда характеризовалась достаточно высокой латентностью. Это объясняется следующим. Во-первых, тем, что преступления несовершеннолетних часто не влекут тяжких последствий, а потерпевшие об этих преступлениях не заявляют в правоохранительные органы. Во-вторых, многие преступления совершаются против своих сверстников из неформальных криминогенных групп. В силу закрытости этих групп информация о совершенных преступлениях правоохранительным органам просто неизвестна.

Следует согласиться с точкой зрения Б.Я. Гаврилова о том, что значительные изменения показателей преступности в России не являются обоснованными,

так как к этому нет объективных оснований. Как отмечает В.В. Лунеев, в США в 1993–1997 гг. для сокращения преступности на 1–1,5 % в год государство дополнительно выделило 30 млрд долларов. В Германии ежегодные колебания количества зарегистрированных преступлений не превышают 0,5–1,5 %. Для сравнения, в России темпы снижения преступности в отдельные годы в 5–10 раз выше, однако государству они обходятся практически бесплатно [5, с. 241].

Таким образом, на наш взгляд, очевидно, что имеющиеся оптимистические статистические показатели, свидетельствующие о снижении зарегистрированной преступности несовершеннолетних, следует оценивать с известной долей критицизма.

Кроме того, заслуживает внимания вопрос о том, насколько часто выявленные несовершеннолетние, совершившие преступления, осуждаются к отбыванию наказания, совершают ли данные лица преступления повторно, имеется ли в их действиях криминологический рецидив.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. незначительно увеличилось число осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, – с 22,9 до 23,9 тыс. лиц, или на 4,6 %. При этом доля этих осужденных в общей структуре судимости в 2016 г. также незначительно увеличилась и составила 3,2 % (3,1 % в 2015 г.). Однако по сравнению с 2012 г. в 2016 г. этот показатель был ниже на 26,6 % [6]. Следовательно, доля осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, в общей структуре осужденных в настоящее время не является значительной.

Одновременно Судебный департамент обращает внимание на уменьшение числа осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, имевших неснятые и непогашенные судимости, с 4,1 тыс. лиц в 2015 г. (17,8 % от всех осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возраста) до 4,0 тыс. лиц (16,6 %) в 2016 г. При этом почти в два раза снизилось число осужденных указанной категории по сравнению с 2012 г., в котором их удельный вес составлял 23,7 % [6].

Кроме того, в период с 2013 по 2016 г. оставался значительным с некоторой тенденцией к росту удельный вес юридически несудимых лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, которые впервые совершили два и более преступления. Так, если в 2013 г. их удельный вес от всех осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, составлял 16,1 %, то в 2016 г. он составил уже 18,0 %. Вызывает обоснованные опасения также тот факт, что среди осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, несудимые несовершеннолетние, но состоящие на учете в специализированном государственном органе, в указанный период времени составляли 14,5–17,3 % с тенденцией к увеличению удельного веса [7].

При этом, если говорить о возрастном распределении осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, в целом, то в 2016 г. было осуждено 6,7 тыс. лиц, против 6,3 тыс. лиц в 2015 г., совершивших преступления в возрасте от 14 до 15 лет, что составило в 2016 г. 28,0 % от всех осужденных несовершеннолетнего возраста, а в 2015 г. незначительно меньше – 27,6 % [6]. Таким образом, мы видим, что осужденные, совершившие преступления в возрасте 14–15 лет, в указанный период времени составляли фактически треть всех осужденных несовершеннолетних.

Также следует отметить, что фактически большинство осужденных несовершеннолетних совершили преступления в составе группы – в 2016 г. 49,2 %, или 11,7 тыс. лиц, а в 2015 г. 47,9 %, или 11,0 тыс. лиц. Из них с участием взрослых в 2016 г. совершили преступления 19,5 % от общего числа осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте [6]. Следовательно, у 1/5 всех осужденных несовершеннолетних при совершении ими преступлений четко прослеживалось влияние старших по возрасту лиц. При этом достаточно высокий показатель совершения преступлений в несовершеннолетнем возрасте в составе группы в целом обусловлен, прежде всего, возрастными особенностями несовершеннолетних, в том числе повышенной потребностью в общении со сверстниками, хотя в данном случае это общение носит по сути асоциальный характер.

В общем числе осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, доля освобожденных от наказания по различным основаниям в 2016 г. составила 6,3 %, в 2015 г. – 10,5 %, в 2012 г. – 3,9 % [6]. Очевидно, что эту долю нельзя признать значительной.

Среди наказаний, назначенных осужденным, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте, в 2016 г. по-прежнему доминировало условное осуждение к лишению свободы – 41,6 % от всех осужденных несовершеннолетних к различным видам наказаний. Это показатель был на 1,6 % меньше, чем показатель 2015 г., и на 31,2 % меньше показателя 2012 г. [6]. Таким образом, очевидно, что в указанный период времени прослеживалась тенденция уменьшения количества случаев назначения судами лишения свободы условно по отношению к лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте.

При этом 17,2 % всех осужденных в 2016 г. несовершеннолетних было осуждено к реальному лишению свободы, против 19,4 % в 2015 г. и 16,1 % в 2012 г. [6]. Несмотря на сокращение удельного веса данных лиц, следует обратить особое внимание на ухудшение их качественных характеристик. Это имеет особое значение при проведении работы по предупреждению возможного рецидива у данной категории несовершеннолетних. Согласимся с Л.М. Прозументовым и Н.В. Ольховиком в том, что «в последние годы в связи с осуществляемой в стране гуманизацией карательной политики государства качественный состав несовершеннолетних, осуждаемых судами к реальному лишению свободы, существенно ухудшился. Реальное лишение свободы назначается наиболее запущенным в нравственном отношении несовершеннолетним, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, а

также несовершеннолетним, ранее судимым за совершение преступлений» [4, с. 3].

Подтверждением этого тезиса являются статистические данные о распределении в 2016 г. осужденных к реальному лишению свободы, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, по категориям совершенных ими преступлений. Так, всего в 2016 г. к реальному лишению свободы было осуждено 3,9 тыс. лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. Из них: 80,7 % – за особо тяжкие преступления; 16,4 % – за тяжкие преступления; 9,3 % – за преступления средней тяжести; 4,4 % – за преступления небольшой тяжести [6].

Достаточно распространенным видом наказания, назначавшимся несовершеннолетним в 2016 г., были обязательные работы. Так, в 2016 г. к этому виду наказания были осуждены 24,9 % лиц от общего количества осужденных лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. В 2015 г. этот показатель составил 18,7 %, в 2012 г. – 21,6 % [6].

Исходя из вышеизложенного, следует признать, что официальную статистическую информацию о преступности несовершеннолетних нельзя признать вполне достоверной. Но даже имеющиеся внешне благоприятные официальные статистические данные позволяют утверждать, что качественные характеристики преступности несовершеннолетних в Российской Федерации в последние годы ухудшились.

Проанализировав структуру осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте в Российской Федерации, в период с 2012 по 2016 г., мы пришли к выводу о том, что среди них велика доля лиц, в действиях которых имеется криминологический рецидив. Так, удельный все осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, имевших неснятые и непогашенные судимости в указанный период времени, оставался значительным и составлял около 18 %. При этом были юридически не судимы порядка 18 % лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, но при этом они впервые совершили два и более преступления. Фактически, таким же удельным весом характеризовались лица, совершившие преступления в несовершеннолетнем возрасте, несудимые, но состоявшие на учете в специализированном государственном органе.

Это дает основания утверждать, что многие из них не были своевременно привлечены к уголовной или иной ответственности, в их действиях имел место фактический рецидив, они чувствовали свою безнаказанность и уверенно продолжали свою преступную или иную антиобщественную деятельность, индивидуальная профилактическая работа, проводившаяся с ними, не была лишена недостатков. При этом не вызывает сомнения, что отсутствие своевременно организованной и достаточной профилактической деятельности будет способствовать ухудшению криминогенной обстановки в рассматриваемой сфере, в том числе в латентной форме, не учтенной в системе государственного статистического учета преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Обзор* о реализации в субъектах Российской Федерации мероприятий в сфере профилактики правонарушений в 2015 году. URL: https://мвд.рф/document/8109795 (дата обращения: 21.02.2017).
2. *Состояние* преступности в России за январь-декабрь 2016 года, за январь-декабрь 2017 года. URL: https://мвд.рф/reports/1/
3. *Прозументов Л.М.* О показателях, характеризующих преступность несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 48–53.
4. *Прозументов Л.М., Ольховик Н.В.* Рецидивная преступность несовершеннолетних осужденных и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 154 с.
5. *Гаврилов Б.Я.* Уголовно-правовая статистика – современное состояние и перспективы // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 240–245.
6. *Судебный* департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 году. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=80 (дата обращения: 21.02.2017).
7. *Отчеты* об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте за 12 месяцев 2016 г., за 12 месяцев 2015 г., за 12 месяцев 2014 г., за 12 месяцев 2013 г. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 21.02.2017).

ON SOME CRIMINOLOGICALLY SIGNIFICANT INDICATORS OF JUVENILE DELINQUENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 206−209. DOI 10.17223/23088451/11/41
Elena A. Pisarevskaya, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: liorev@mail.ru.

Keywords: juvenile delinquency, juvenile delinquency recidivism, quantitative and qualitative indicators.

According to the official statistics, juvenile delinquency in the Russian Federation in recent years has demonstrates a steady downward trend, which allows asserting that if this trend continues at the appropriate pace, then in a few years our state will be able “to eliminate” juvenile delinquency. However, the author points out that this decrease in the registered crime of minors has received an unpromising explanation among Russian criminologists. The dynamics of juvenile delinquency is subject to fluctuations, which are explained as objective reasons related to changes in the general social, economic, and political situation in the country, as well as legislative reform (partial decriminalisation of hooliganism, transfer of Part 2 Article 158 of the Criminal Code into the category of crimes of medium gravity), improvement of the preliminary investigation system, preventive activities, and subjective reasons, mainly related to subjective factors of crime statistics. The author emphasises that juvenile delinquency has always been characterised by a rather high latency and describes how often the identified minors, who have committed crimes, are convicted to serve their sentences, whether they commit a crime repeatedly, and whether there is a criminological recidivism in their actions. Having analysed the structure of convicts who com-

mitted crimes at a minor age in the Russian Federation from 2012 to 2016, the author concludes that among them there are many of those with criminological recidivism in their activities. Thus, the share of all convicts who committed crimes at a minor age, with unexpunged and outstanding convictions during the indicated period of time, remained significant and amounted to about 18%. About 18% of persons who committed crimes at a minor age were not legally judged, though they committed two or more crimes for the first time. In fact, the same proportion accounts for persons who committed crimes at a minor age, who were not judged, but registered with a specialised state body. The author notes that many of them were not promptly brought to criminal or other liability, there was actual recidivism in their actions, and they felt their impunity and confidently continued their criminal or other antisocial activity. Individual preventive work had many drawbacks. It is obvious that the lack of timely organised and sufficient preventive activities contributes to the deterioration of the criminal situation, including the latent form, which has not been taken into account in the system of state statistical registration of crimes.

References

1. Ministry of Internal Affairs of Russia. (2015) *Obzor o realizatsii v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii meropriyatiy v sfere profilaktiki pravonarusheniy v 2015 godu* [Review of the implementation of activities in the subjects of the Russian Federation in the field of crime prevention in 2015]. [Online] Available from: https://mvd.rf/document/8109795. (Accessed: 21.02.2017).
2. Ministry of Internal Affairs of Russia. (n.d.) *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2016 goda, za yanvar'-dekabr' 2017 g.* [The state of crime in Russia for January–December, 2016, for January–December, 2017]. [Online] Available from: https:////mvd.rf/reports/1/.
3. Prozumentov, L.M. (2016) About the indicators characterizing juvenile delinquency in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* – Tomsk State University Journal of Law. 2(20). pp. 48–53. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/20/6
4. Prozumentov, L.M. & Olkhovik, N.V. (2011) *Retsidivnaya prestupnost' nesovershennoletnikh osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Recidivism among juvenile convicts and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Gavrilov, B.Ya. (2009) Ugolovno-pravovaya statistika – sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Criminal statistics – the current state and prospects]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad – Russian Criminological Outlook.* 2. pp. 240–245.
6. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Obzor sudebnoy statistiki o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey v 2016 godu* [Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2016]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=80. (Accessed: 21.02.2017).
7. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Otchety ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste za 12 mesyatsev 2016 g., za 12 mesyatsev 2015 g., za 12 mesyatsev 2014 g. za 12 mesyatsev 2013 g.* [Reports on convicts who committed crimes at a minor age for 12 months in 2016, for 12 months in 2015, for 12 months in 2014 for 12 months of 2013]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 http://www.cdep.ru/index.php?id=80. (Accessed: 21.02.2017).

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98 DOI 10.17223/23088451/11/42

В.Г. Выстропов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Актуализация криминалистического обеспечения борьбы с экстремизмом и терроризмом на всех уровнях априорна и при этом требует системных разработок, одной из которой является криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности.

Ключевые слова: *экстремист, свойства личности, криминалистический анализ, расследование.*

Отчёт Global Terrorism Index (GTI) за 2017 г. подтвердил наличие нового витка в борьбе против радикального экстремизма, при общем увеличении количества террористических атак и снижения погибших от них [1]. Данные российской статистики в количественных показателях сравнительно невелики и пока не свидетельствуют о таких тенденциях, что не исключает их появления в ближайшее время.

Географически центрами экстремизма и терроризма являются Сирия, Пакистан, Афганистан и Нигерия. Военные поражения террористов и экстремистов в Сирии направят их для совершения террористических атак и экстремистской деятельности (по нашему мнению, в том числе и для организации и совершения связанных с ней преступлений) в относительно устойчивые и развитые страны [2].

Термины «радикализм», «терроризм» и «экстремизм» широко используются, однако они по-прежнему плохо определены и имеют неточности, недостатки, что существенно влияет на практику правоприменения, в том числе и эффективность расследования преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности. А.И. Долгова достаточно обоснованно ставит вопрос: почему многообразие того, что перечислено в ст.11, накрыто шапкой «экстремистская деятельность»? При этом мы согласны с мнением авторов, которые считают, что нормы, раскрывающие содержание и характеристику экстремистской деятельности, указанные в Федеральном законе «О противодействии экстремисткой деятельности», сконструированы без учёта терминологии Организации объединённых наций и международно-правовых норм, а также Уголовного кодекса РФ, и использование таких норм не совсем удачно, что негативно влияет на практику правоприменения [3].

Указанные обстоятельства определили актуальность и выбор темы статьи.

Для криминалистической науки изучение личности преступника носит комплексный характер, основанный на деятельностном и системном подходах. Особо должны быть исследованы свойства личности преступника во взаимосвязи с подготовкой, совершением, сокрытием преступления, возникновением следов, их типовым поведением в расследовании и т.д.

По нашим данным, в 64 % случаев экстремистские проявления предшествуют другому преступлению, связанному с объективной стороной организации экстремистской деятельности, и ряду других.

Результаты проведённого ранее исследования показали, что наиболее характерными и представляющими интерес для криминалистической науки выступают следующие подсистемы закономерностей: I. Закономерности механизма совершения преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности; II. Закономерности раскрытия и расследования преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности. Наличие таких подсистем проявляется в той или иной степени в функционировании субъектов преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности, и их выявлении в процессе расследования, в связи с чем значимость криминалистического анализа таких субъектов носит теоретический и прикладной характер.

Отметим, что особенности личности субъектов преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности, остаются практически не изученными.

В криминалистике личность субъекта, совершившего преступление, устанавливается через познание ее отдельных свойств и качеств, получающих отражение в следах преступления, с тем, чтобы затем использовать эти знания в качестве средств воздействия на данную личность при производстве следственных действий. Как справедливо отмечает Н.Т. Ведерников, при изучении личности субъекта, совершившего преступление, трудности возникают уже при избрании самого термина, которым можно обозначить объект нашего познания (трудности фактического изучения личности субъекта, привлекаемого к уголовной ответственности, и трудности юридического оформления процесса этого изучения) [4].

Как отмечает профессор А.В. Варданян [5–7], на современном этапе всё активнее получает распространение компьютерный анализ и профилирование личности и криминального события, которые позволяют построить модели и идентифицировать преступника. Так, сотрудниками Национального центра анализа насильственных преступлений ФБР на основе анализа информации о совершенных насильственных преступле-

ниях проводились мероприятия, преследующие цель идентификации личности преступника на основе поиска совпадающих признаков криминального поведения. Аналогичные работы проводились в Великобритании, где была создана автоматизированная база данных, содержащая информацию о сексуальных убийствах и похищениях детей. Данная система предназначена для реконструкции последовательности действий жертвы и преступника, определения психологических и физических признаков предполагаемого преступника, разработки рекомендаций по проведению расследования, оказания помощи при проведении допросов подозреваемых. Указанные системы в сочетании с некоторыми другими методами оказывали определенную помощь в розыске преступников путем установления статистической взаимозависимости между признаками криминального события и признаками, характеризующими личность преступника [8]. Аналогичные работы проводились и в системе МВД России. Таким образом, с середины 80-х годов прошлого века весомый вклад в этой сфере деятельности был накоплен в правоприменительных системах Великобритании, США, Германии и России. Среди объектов такой работы на данный момент всё чаще используются преступления экстремисткой и террористической направленности в целях идентификации и портретирования преступников.

Р.Л. Ахмедшин пришёл к выводу о том, что данные о личности преступника, включаемые в криминалистическую характеристику, должны обладать свойством определённой устойчивости [9], а также, по нашему мнению, носить типовой характер.

Для исследуемых видов преступлений весьма значимыми являются выводы А.С. Князькова, выделившего особую группу свойств личности, которые определяют (во многом) способ преступления, специальные знания, навыки, умения, привычки и коммуникативные характеристики, выступающие детерминантами его деятельности [10].

Не менее значимыми являются результаты нашего исследования о связи экстремисткой деятельности (включая как организацию, так и совершение соподчинённых преступлений) со свойствами личности и возникновением информации о совершении преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности и его участниках. Значение такой взаимосвязи определяется прежде всего возможностью на основе преступной деятельности (совокупности всех преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности) и посткриминального поведения виновных и связанных с ними лиц построить механизм и соответствующие модели, проанализировать исходные и последующие ситуации, выдвинуть версии, провести необходимые оперативно-тактические комбинации.

Свойства личности по исследуемой категории преступлений проявляются в идеальных и материальных следах по-разному.

Идеальные следы, как правило, проявляются на этапе проверки сообщения о преступлении при проведении ОРМ (например, опрос с целью организации экстремисткой деятельности или выявления особых примет и другой розыскной информации об организаторах и вербовщиках экстремисткой деятельности), при проведении следственных действий (предъявление для опознания, допрос свидетелей) [11–12].

Свойства и навыки личности, организовавшей совершение преступления, связанного с организацией экстремистской деятельности, наиболее полно отражаются в материальных следах.

В следах организации экстремисткой деятельности:

– следы деятельности общественной и религиозной организации (расписание встреч, литература, справки, видео- и аудиоматериалы идеологической направленности и т.д.);

– следы вербовки или иное вовлечение в деятельность экстремисткой организации (e-mail переписка, общение в мессенджерах, фотографии, записные книжки);

– следы финансирования (кассовые чеки, банковские карты, счета, электронные деньги и криптовалюты);

– следы преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности (следы рук, ног, применение огнестрельного оружия, ВУ и ВВ).

Свойства личности проявляются в обнаруженных следах, как правило, через наличие образования, навыков работы с цифровыми технологиями при совершении преступлений и опыта сокрытия преступлений и противодействия их раскрытию [13–15].

На наш взгляд, наиболее универсальной классификацией участников экстремисткой деятельности, является деление на: 1) молодых участников группировок и акций массовых беспорядков; 2) фактических исполнителей преступлений экстремистской направленности; 3) лиц, оказывающих организационную и финансовую помощь экстремистским сообществам и группам. При этом в преступлениях, связанных с организацией экстремистской деятельности, организационные обязанности могут быть распределены или делегированы по степени значимости, ролевому участию и в соответствии с иерархией группы [16–18].

В результате проведенного исследования получены следующие данные. Подавляющее большинство участников экстремисткой деятельности колеблется в возрасте от 18–23 лет. При этом виновные лица в преступлениях, связанных с организацией экстремистской деятельности, как правило, на 3–5 лет старше остальных участников такой деятельности, что позволяет таким лицам как организовывать экстремистскую деятельность, руководить участниками и вербовать новых, получать необходимое финансирование, так и совершать другие, соподчинённые изучаемой преступной деятельности преступления. Лиц женского пола, участвовавших в такой деятельности, проведённое исследование выявило не более четверти, им предоставляется самый низкий уровень участия.

По социальному положению виновные в преступлениях, связанных с организацией экстремистской деятельности, в большинстве случаев (74 %) имеют неоконченное высшее или оконченное среднее образование. Размер финансирования колеблется в среднем от 100 до 1000 долларов. Размер группы 2–3 человека (61 %), количество ранее судимых составило 13 %. На одно уголовное дело приходится

3–5 эпизодов преступной деятельности. Допреступная характеристика, как правило, либо нейтрально-положительно или крайне негативная. Место жительства и место совершения преступлений, связанных с организацией экстремисткой деятельности, не всегда совпадает.

Считаем, что непримиримая борьба с терроризмом и экстремизмом больше не ограничивается отдельной страной. Одним из важных направлений в борьбе с терроризмом и экстремизмом является криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности, и знания о них, то есть система знаний о радикальных личностях, будь то демографическая, социальная или экономическая информация, используемая в раскрытии и расследовании преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Отчёт* Global Terrorism Index (GTI) за 2017 год. URL: http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf. (дата обращения: 16.04.2018).
2. *Stories* terrorist attacks: 2017. URL: https://www.start.umd.edu/gtd/about; http://storymaps.esri.com/stories/terrorist-attacks/?year=2017 (дата обращения: 16.04.2018).
3. *Долгова А.И.* Теоретические основы реагирования на терроризм и экстремизм // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом : материалы нау.-практич. конф. М. : Российская криминологическая ассоциация ; Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. С. 5–20.
4. *Ведерников Н.Т.* Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 148–152.
5. *Варданян А.В., Грибунов О.П.* Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 23–35.
6. *Варданян А.В., Ларионов И.А.* Актуальные проблемы расследования организации незаконной миграции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 58–61.
7. *Howlett J.B., Hanfland K.A., and Ressler R.K.* The violent criminal apprehension program VICAP: A progress report // FBI Law Enforcement Bulletin. December. 1986. P. 15–16.
8. *Варданян Г.А.* Преступления в сфере теневого фармацевтического рынка как объект криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2. С. 250–258.
9. *Ахмедшин Р.Л.* Криминалистическая характеристика личности преступника: природа и содержание // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 55–62.
10. *Князьков А.С.* Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 1. С. 51–64
11. *Варданян А.А.* Преступления, связанные с торговлей людьми, в контексте тенденции глобализации противоправных посягательств на свободу, честь и достоинство личности // Философия права. 2011. № 3 (46). С. 106–109.
12. *Варданян А.В., Андреев А.С.* Посткриминальное поведение и элементы криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьей 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (часть 3) // Юристъ – Правоведъ. 2016. № 4 (77). С. 57–64.
13. *Варданян А.В.* Раскрытие и расследование тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности: криминалистические и оперативно-разыскные аспекты. Ростов н/Д : ФКГОУ ВО РЮИ МВД России, 2016. 232 с.
14. *Варданян А.В., Говорухина Е.В.* Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как основание для их криминалистической классификации. Типичные места совершения насильственных преступлений против личности // Юристъ – Правоведъ. 2015. № 3 (70). С. 34–38.
15. *Андреев А.С.* Содержание и структура криминалистического учения о посткриминальном поведении лиц, связанных с преступной деятельностью // Казанская наука. 2015. № 3. С. 120–123.
16. *Андреев А.С.* Теоретико-прикладные вопросы уточнения объекта криминалистической науки // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2. С. 27–37.
17. *Варданян А.В., Айвазова О.В.* Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 72–77.
18. *Варданян Г.А.* Преступления в сфере теневого фармацевтического рынка как объект криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2. С. 250–258.

CRIMINALISTIC ANALYSIS OF THE SUBJECTS OF CRIMES CONNECTED WITH THE ORGANISATION OF EXTREMIST ACTIVITY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 210−213. DOI 10.17223/23088451/11/42

Valentin G. Vystropov, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov, Russia). E-mail: rui@mvd.ru.

Keywords: extremist, personality traits, forensic analysis, investigation.

The research is focused on the subjects of crimes related to the organisation of extremist activity and their forensic analysis. The author investigates the functioning of subjects in the mechanism of crimes associated with the organisation of extremist activity and their identification in the process of investigation. The personality traits of an extremist are manifested in the detected traces, such as education, IT skills, experience of concealing crimes and counteracting their disclosure. This research provides significant information about the connection of extremist activities (including organisation and commission of subordinate crimes) with the personality traits and emergence of information on the commission of crimes related to the organisation of extremist activity and its participants. This connection makes possible to build a mechanism and corresponding models on the basis of criminal activity and the postcriminal behaviour of the perpetrators and related persons, to analyse the initial and subsequent situations, to put forward versions, and to conduct the necessary operational-tactical combinations. The personality traits under the investigated category of crimes are manifested in ideal and mate-

rial traces differently. The overwhelming majority of participants in extremist activity are between 18–23 years old. Perpetrators connected with the organisation of extremist activity are generally 3–5 years older than other participants in such activities, which allows such people to organise extremist activities, directly participate and recruit new participants, receive the necessary funding, and commit other crimes subordinated to the criminal activity under analysis. Females who participated in such activities account for no more than a quarter, which is the lowest level of participation. According to the social position, the most of persons guilty of organisation of extremist activity (74%) have an incomplete higher or completed secondary education. The amount of funding varies on average from 100 to 1,000 dollars. The size of the group varies from 2 to 3 persons (61%); the number of previously convicted persons makes 13%. One criminal case involves from 3 to 5 episodes of criminal activity. The irreconcilable struggle against terrorism and extremism is no longer confined to a single country. One of the important areas in the fight against terrorism and extremism is the forensic analysis of the subjects of crimes related to the organisation of extremist activity, and information about them, that is, the system of knowledge about radical personalities, including demographic, social or economic information used in the disclosure and investigation of crimes.

REFERENCES

1. Visionofhumanity.org. (2017) *Otchet Global Terrorism Index (GTI) za 2017 god* [Report of the Global Terrorism Index (GTI) for 2017]. [Online] Available from: http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf. (Accessed: 16.04.2018).
2. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. (2017) *Stories terrorist attacks: 2017*. [Online] Available from: https://www.start.umd.edu/gtd/about; http://storymaps.esri.com/stories/terrorist-attacks/?year=2017. (Accessed: 16.04.2018).
3. Dolgova, A.I. (2015) [Theoretical bases of response to terrorism and extremism]. *Problemy teorii i praktiki bor'by s ekstremizmom i terrorizmom* [Problems of Theory and Practice of Combating Extremism and Terrorism]. Proc of the Cpnference. Stavropol. September 25–26, 2015. Stavropol. pp. 5–20. (In Russian).
4. Vedernikov, N.T. (2014) The identity of the offender in criminalistics and criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 384. pp. 148–152. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/384/26
5. Vardanyan, A.V. & Gribunov, O.P. (2017) Sovremennaya doktrina metodiko-kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy [The modern doctrine of methodical and criminalistic support of investigation of certain types of crimes]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. 2(81). pp. 23–35.
6. Vardanyan, A.V. & Larionov, I.A. (2017) Aktual'nye problemy rassledovaniya organizatsii nezakonnoy migratsii [Topical problems of investigating the organisation of illegal migration]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 1(35). pp. 58–61.
7. Howlett, J.B., Hanfland, K.A. & Ressler, R.K. (1986) The violent criminal apprehension program VICAP: A progress report. *FBI Law Enforcement Bulletin*. December. pp. 15–16.
8. Vardanyan, G.A. (2016) Crimes in the sphere of shadow pharmaceutical market as an object of forensic analysis. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 1–2. pp. 250–258. (In Russian).
9. Akhmedshin, R.L. (2004) Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika: priroda i soderzhanie [Criminalistic description of the criminal's personality: nature and content]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 283. pp. 55–62.
10. Knyazkov, A.S. (2011) Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya v kontekste ego sposoba i mekhanizma [Forensic characterisation of the crime in terms of its method and mechanism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1. pp. 51–64.
11. Vardanyan, A.A. (2011) Crimes related to trafficking people in the context of globalisation trends of illegal encroachments on freedom, honor and dignity of person. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 3(46). pp. 106–109. (In Russian).
12. Vardanyan, A.V. & Andreev, A.S. (2016) Post-criminal behaviour and the elements of criminalistic characteristics of crimes under Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation (Part 3). *Yurist" – Pravoved"*. 4(77). pp. 57–64. (In Russian).
13. Vardanyan, A.V. (2016) *Raskrytie i rassledovanie tyazhkikh nasil'stvennykh prestupleniy protiv zhizni i zdorov'ya lichnosti: kriminalisticheskie i operativno-razysknye aspekty* [Disclosure and investigation of violent crimes against the life and health of the individual: forensic and operational-investigative aspects]. Rostov on Don: Rostov Law Institute.
14. Vardanyan, A.V. & Govorukhina, E.V. (2015) Motivation of serious violent crimes against the person as a basis for their forensic classification. Typical places of committing of violent crimes against the person. *Yurist" – Pravoved"*. 3(70). pp. 34–38. (In Russian).
15. Andreev, A.S. (2015) Contents and structure the criminalistic doctrine about post-criminal behaviour of persons, connected with criminal activity. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 3. pp. 120–123. (In Russian).
16. Andreev, A.S. (2013) Teoretiko-prikladnye voprosy utochneniya ob"ekta kriminalisticheskoy nauki [Theoretical and applied questions on the object of criminalistic science]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 5–2. pp. 27–37.
17. Vardanyan, A.V. & Ayvazova, O.V. (2017) Dolzhnostnye prestupleniya v sfere ekonomiki kak ob"ekt kriminalisticheskogo nauchnogo analiza [Official crimes in the sphere of economics as an object of forensic analysis]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 1(41). pp. 72–77.
18. Vardanyan, G.A. (2016) Crimes in the sphere of shadow pharmaceutical market as an object of forensic analysis. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 1–2. pp. 250–258. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗАРОВ Владимир Александрович – профессор, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск. E-mail: kafprokrim@mail.ru

АНДРЕЕВА Ольга Ивановна – доцент, доктор юридических наук, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

АШИРБЕКОВА Мадина Таукеновна – доцент, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Волжский. E-mail: madina.55@mail.ru

БЕККЕР Татьяна Александровна – доцент, кандидат юридических наук, помощник судьи Арбитражного суда Омской области, г. Омск. E-mail: tinna-115@yandex.ru

БАРАНОВ Александр Михайлович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск. E-mail: baranowam@list.ru

БЕЛЯЕВ Максим Владимирович – заместитель Председателя Верховного Суда Республики Татарстан по уголовным делам, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Казань. E-mail: 2216406@mail.ru

БОТВИН Илья Викторович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Барнаул. E-mail: botviniv@mail.ru

БРЫЛЯКОВ Сергей Павлович – доцент, кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», подполковник вн. службы, г. Новокузнецк. E-mail: sergeybr1981@mail.ru

ВАЛЕЕВ Марат Тагирович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Лиана Ринатовна – эксперт экспертно-криминалистического отделения по обслуживанию Кировского района УМВД России по г. Астрахань, г. Астрахань. E-mail: liana_vasilyeva@mail.ru

ВОРОНИН Олег Викторович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ВЫСТРОПОВ Валентин Геннадьевич – адъюнкт Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону. E-mail: rui@mvd.ru

ГРИГОРЬЕВ Виктор Николаевич – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации Министерства внутренних дел Российской Федерации, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва. E-mail: grigorev.viktor@gmail.com.

ГРИЩЕНКО Алёна Владимировна – студентка Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: alyona180497@yandex.ru

ДИВАЕВ Александр Борисович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», подполковник вн. службы, г. Новокузнецк. E-mail: divalex09@mail.ru

ДРОЗДОВ Игорь Сергеевич – заместитель Асиновского городского прокурора, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ЖЕЛЕВА Ольга Викторовна – ассистент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: zheleva.olga@gmail.com

ЖЕСТОВСКАЯ Дария Андреевна – студентка Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Томск. E-mail: dzhestovskaya@mail.ru

ЗАЙЦЕВ Олег Александрович – профессор, доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва. E-mail: oleg010663@mail.ru

ЗАЙЦЕВА Елена Александровна – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии Министерства внутренних дел России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Волгоград. E-mail: zaitceva-expert@rambler.ru

КАДАНЕВА Елена Александровна – доцент, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Новокузнецк. E-mail: kadaneva_elena@mail.ru

КАЗАРИНА Марина Игоревна – ассистент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института Байкальского государственного университета, г. Иркутск. E-mail: mmmmit@yandex.ru

КАЧАЛОВА Оксана Валентиновна – доцент, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, г. Москва. E-mail: Oksana_kachalova@mail.ru

КАРЕЛИН Дмитрий Владимирович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: krim_tsu@mail.ru

КУДРЯВЦЕВА Анна Васильевна – профессор, доктор юридических наук, председатель судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда, г. Ставрополь. E-mail: kulturaprava@mail.ru

КУКЛИН Денис Сергеевич – соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры теории права юридического факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, г. Томск. E-mail: dex_dex@mail.ru

МАЛЕТИНА Мария Александровна – адъюнкт Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел России, г. Барнаул. E-mail: mamaletina85@mail.ru

МАРИНИЧЕВА Анна Юрьевна – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

МЕЗИНОВ Дмитрий Анатольевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: mez_da@mail.ru

МИХАЙЛОВ Александр Александрович – доцент, кандидат юридических наук, государственный гражданский служащий Томской области, г. Томск. E-mail: maa1505@sibmail.com

МИХЕЕНКОВ Егор Геннадьевич – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки, Федеральное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний России», полковник внутренней службы, г. Томск. E-mail: MEGASV74@mail.ru

МУШЕГОВ Руслан Владимирович – студент 2-го курса магистратуры Юридического института Сибирского федерального университета, г. Красноярск. E-mail: ruslanmushegov@gmail.com

НЕХОРОШИХ Михаил Евгеньевич – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: mihaneh_92@mail.ru

НИКОЛЮК Вячеслав Владимирович – профессор, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел России, г. Москва. E-mail: crim.just@mail.ru

НОВИКОВ Егор Евгеньевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Новокузнецк. E-mail: mavr-85@mail.ru

ОБЕРНИХИНА Олеся Валерьевна – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк. E-mail: Olesia.obernihina@yandex.ru

ПЕЧНИКОВ Геннадий Алексеевич – профессор, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Волгоград. E-mail: shme182@list.ru

ПИЮК Алексей Валерьевич – председатль Мегионского городского суда Тюменской области, доктор юридических наук, г. Мегион. E-mail: crim.just@mail.ru

ПИСАРЕВСКАЯ Елена Анатольевна – доцент, кандидат юридических наук, зав. кафедрой уголовного права и процесса Новокузнецкого института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк. E-mail: liorev@mail.ru

ПЛАКСИНА Татьяна Алексеевна – доцент, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел России, г. Барнаул. E-mail: plaksinata@yandex.ru

ПОПОВ Денис Павлович – аспирант Челябинского государственного университета второго года обучения, адвокат Адвокатской палаты Челябинской области, г. Челябинск. E-mail: crim.just@mail.ru

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

РУКАВИШНИКОВА Анастасия Анатольевна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: satsana@yandex.ru

СИМОНЕНКО Андрей Владимирович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

СМИРНОВА Ирина Георгиевна – доцент, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института Байкальского государственного университета, г. Иркутск. E-mail: smirnova-ig@mail.ru

ТРУБНИКОВА Татьяна Владимировна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: trubn@mail.ru

ТУЗОВ Андрей Геннадьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург. E-mail: a.tuzov@spbu.ru

УВАРОВ Олег Николаевич – начальник Федерального казенного учреждения уголовной исполнительной инспекции Управления федеральной службы исполнения наказания России по Томской области, полковник внутренней службы, кандидат юридических наук, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

УСЕЕВ Ренат Зинурович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Самара. E-mail: useev@rambler.ru

ШАГИНЯН Армен Степанович – доцент, кандидат юридических наук, заместитель директора по общим вопросам Юридического института Сибирского федерального университета, г. Красноярск. E-mail: ashaginyan@sfu-kras.ru

ЯСЕЛЬСКАЯ Вероника Владимировна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: yaselskaya@mail.ru